

Людмила Николаевна Шаталова (1916-2009) – художник-график, почётный гражданин города Истры, член Союза художников СССР, член ассоциации «Лермонтовское наследие», почётный член Московского Лермонтовского общества, лермонтовед, исследователь графического творчества великих русских поэтов М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина, автор статей о своих исследованиях.

*с уважением
Л. Шаталова*

Сборник статей

«Я хочу рассказать вам...»

«Я хочу рассказать вам...»

Сборник статей

Сборник статей

«Я хочу рассказать Вам...»

*Исследовательские материалы
Людмилы Шаталовой*

Москва
2019

Памяти Людмилы Николаевны Шаталовой посвящается...

УДК ...

ББК ...

Я91

На обложке: портрет М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» – работа Людмилы Шаталовой.

Я91 «Я хочу рассказать Вам...»

Исследовательские материалы Людмилы Шаталовой.

Сборник статей. Составитель Анискина О. В. –

М.: ООО «Сам полиграфист», 2019. – 556 с.

В книге собраны публикации художника-графика, лермонтоведа Людмилы Николаевны Шаталовой об исследованиях графического творчества великих русских поэтов Михаила Лермонтова и Александра Пушкина. Впервые статьи были опубликованы в периодической печати – в журнале «Студенческий меридиан», газете «Домашнее чтение» и, более всего, в газете «Истринские вести». Собранные вместе, статьи дают представление о масштабах поисков и открытий художника и исследователя.

Сборник адресован широкому кругу читателей, особенно будет интересен тем, кто интересуется творчеством М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина, так как значительно дополняет представление о них. Надеемся, что сборник поможет в дальнейших исследованиях творчества великих русских поэтов.

© Авторы публикаций (текст), 2019

© Сергей Мамаев (дизайн и вёрстка), 2019

ISBN:

Ольга Анискина

Предисловие от составителя

Дорогой читатель! В твоих руках книга, о рождении которой считаю нужным сказать несколько слов. Это исследования художника и лермонтоведа, Почётного гражданина города Истры Людмилы Николаевны Шаталовой, которая более двадцати лет жизни посвятила изучению графического наследия двух великих русских поэтов – Михаила Юрьевича Лермонтова и Александра Сергеевича Пушкина – и сделала целый ряд открытий, которые существенно дополнили наши знания о них. Людмила Николаевна готовила книгу, но, к сожалению, так и не успела её опубликовать. Думаю, что исследовательские материалы столь уникальны, что теперь, без авторского участия, их публикация крайне затруднительна.

Судьба подарила мне возможность некоторое время участвовать в качестве помощника в работе Людмилы Никола-

евны и наблюдать потрясающий процесс поисков, находок, ошибок и снова поисков. Родившись в Истре, я всегда интересовалась историей города, людьми, которые составляют его славу. Людмила Николаевна Шаталова, безусловно, была таким человеком, талантливым художником и исследователем. Поэтому, придя на работу в Истринскую центральную библиотеку имени А. П. Чехова в 2015 году, я стала собирать материалы для краеведческого библиографического указателя о ней. Указатель «Портреты, буквы, имена и думы тайной письмены» увидел свет в 2017 году.

*Людмила Николаевна Шаталова.
Фото из семейного архива*

Взяв его в руки, я поняла, что лишь небольшое количество людей сможет познакомиться со статьями Людмилы Николаевны, опубликованными в местной газете «Истринские вести» и других газетах и журналах, которые сложно достать за давностью лет. А ведь книгу Шаталовой, которая так и не вышла, спрашивали в библиотеке, люди помнили о ней и хотели её читать! Осознание скорой утраты уникальных исследований заставило действовать!

Так началась моя «домашняя работа»: сбор статей в архиве нашей библиотеки, а главное, перевод их из газетного формата в формат, необходимый для публикации. Это заняло около двух лет, поскольку домашнего времени было немного. Всего статей Шаталовой набралось более пятидесяти. Конечно, это не книга. Но они дают представление о масштабах исследований, подтверждают авторство открытий, которые не все лермонтоведы хотели признавать или просто предпочитали не видеть. В сборнике представлены статьи за период с 1979 по 2001 год, опубликованные в местной и центральной прессе.

В сборник включены публикации ветерана РГБ, кандидата педагогических наук Елены Николаевны Фадичевой, друга и первого биографа Людмилы Николаевны. Она была соавтором первых публикаций Шаталовой, которые не вошли в эту книгу. Помощь Елены Николаевны позволила включить в книгу важнейшие исследования Шаталовой, впервые опубликованные в журнале «Студенческий меридиан». Её поддержка и участие были очень важны для меня. Неоценимую помощь оказал в сборе материала и его подготовке к печати истринский краевед Сергей Юрьевич Мамаев. Книга пополнилась рядом вновь найденных статей и обрела законченную структуру. Очевидно, что большой объём материалов, опубликованных в разное время, становится более понятным, когда разбит по основным направлениям исследований. А сохранённая внутри раздела хронология позволяет проследить путь исследователя: от догадки до утверждения.

В книгу включены также статьи блестящих истринских корреспондентов Софьи Львовны Гумеровой-Капраловой и Валентины Ивановны Шокман. Они лично много лет знали Людмилу Николаевну, неоднократно брали у неё интервью, писали о ней и её исследованиях. Мне показалось важным включить их статьи в эту книгу, также как и статью Михаила Быкова, опубликованную к 100-летию Шаталовой, а также мои собственные воспоминания о ней.

Когда материал был практически собран, нужно было решить, как его опубликовать. Задача не из простых, когда делаешь это впервые. Благодарю за помощь, поддержку и содействие Наталью Полторацкую, Сергея Носикова, Дарью Лебедеву, Сергея Мамаева, Александра Сахарова, Татьяну Вартанову, Сергея Борисова, Веронику Маслову, и всех, кто помогал и дал мне возможность вслед за Михаилом Лермонтовым и Людмилой Шаталовой сказать – «Я хочу рассказать вам...»

Часть первая

Лермонтов в Воскресенске

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1979, №49. С. 3

Людмила Шаталова

Лермонтов в Воскресенске

Меня заинтересовали два стихотворения, написанные Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в Воскресенске (ныне Истра). Прежде всего возникло жгучее желание узнать в каком году он был здесь, почему посетил этот маленький городок. В работе над статьёй мне пришлось окунуться в собрания библиотек имени Ленина в Москве и Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в литературные музеи обоих городов.

И вот я узнаю... Год 1830-й. Юноша Лермонтов учится в пансионе при Московском университете. Летнее каникулярное время проводит в подмосковной имении брата бабушки Д. А. Столыпина Середникове (ныне санаторий «Мцыри»). Середниковская молодёжь часто прогуливалась по окрестностям и совершала дальние походы. Именно к этому периоду относится посещение поэтом Воскресенского собора Ново-Иеруса-

лимского монастыря. Восприятие его архитектуры и нашло отражение в стихотворении «В Воскресенске» и «Пред мной готическое зданье...»

*Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней ещё горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братии к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь – всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.*

.....
*Таков старик, под грузом тяжких лет
Ещё хранящий жизни первый цвет;
Хоть он и свеж, на нём печать могил
Тех юношей, которых пережил.*

Первое написано буквально на стенах скита Никона и Воскресенского собора. Воображение так и рисует, как юный поэт, взобравшись на верх скита, на гульбище, прислонил к стенам свою тетрадь. Перед ним открылся поэтический мирный вид, где проводил свои годы суровый Никон: «Оставленная пустынь пред мною белеется вечернею порой».

Пустынь – это и есть скит Никона. Хотя скит не был побелён – известки тогда ещё не знали, он был обмазан белой глиной, которая при высыхании имела тёплый золотистый оттенок, и контрастно выделялся своей белизной среди опушки рощи с раскидистыми темными деревьями у глубокого водоема реки Истры. Оставленная пустынь с молчащим уже колоколом. *«Зелёный мох, растущий под окном, заржавленные ставни – и кругом высокая полынь»*. И далее автор рассуждает о самом Никоне, непреклонном патриархе Церкви, вступившем в борьбу с царём Алексеем Михайловичем: *«Таков старик под грузом тяжких лет ещё хранящий жизни первый цвет; хоть он и свеж, на нём печать могил тех юношей, которых пережил»*.

«Тех юношей, которых пережил...» Этот образ молодого послушника впервые возник у Лермонтова в Воскресенске и воплощён во втором стихотворении, упоминаемом в этой статье. Затем этот монашеский образ перешёл в поэму «Исповедь», а много лет спустя, обогатясь новым содержанием, ярко воплотился в поэме «Мцыри».

*Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нём теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше тёплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.*

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между золотых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдёт прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии прочтёт,
Врежён тогдашних небылицы
За речи истины почтёт,
Не мысля, что в сём месте сгнили
Сердца, которые любили!..

Для поэта в этом стихотворном произведении характерны реалии, списанные с самой жизни и подчас Михаил Юрьевич очень конкретен в своих описаниях. В особенности архитектурные образы в лермонтовских строчках интересны в той связи, где увиденное нашло стихотворное выражение. Проходим в ворота Входноиерусалимской надвратной церкви и видим прекрасный, словно возникший из сказки, ансамбль монастыря, в центре которого возвышается Воскресенский собор и вспоминаем как у Лермонтова: *«Пред мной готическое зданье стоит, как тень былых годов...»*

Заметим, что во времена Лермонтова старое искусство и руины назывались готикой. По словам академика И. Э. Грабаря, *«Новый Иерусалим был подлинным чудом национального русского искусства, одной из самых пленительных архитектурных сказок, созданных когда-либо человечеством»*. Его главный создатель и строитель известный русский зодчий Аверкий Матвеев – *«каменных дел подмастерье»*. А декор собора из пятидесяти тысяч ценных изразцов был изготовлен *«ценных дел мастерами»* Петром Заборским и Степаном Полубесом.

Безусловно, поэт перед посещением столь замечательного памятника искусства узнал многое о создании его. Огромное впечатление на него, и это ощущается в поэзии, произвела основная часть собора – четырёхстолпный храм, с востока к которому примыкает церковь. Мощная романская ротонда соединилась с русской крепостной башней. В центре огромного двадцатидвухметрового пролета её – кувуклия – часовня Гроба

Господня. Вокруг и внутри собора стены опоясаны майоликовыми поясами. Торжественный интерьер зала. Многоцветье поливных изразцов.

Воскресенский собор – совершенно самостоятельное произведение в традиции древнерусского искусства и имеет лишь композиционную близость в плане с храмом, построенным в Палестине, в стиле римско-готической архитектуры. Рассказы о фантастической роскоши храма Соломона также послужили вдохновенным источником для русских зодчих при возведении Воскресенского собора – ибо он воплощение власти Никона. Кругом собора и его стен – могилы. На них обычно писали эпитафии – ту витиеватую ложь, которая мешала понять настоящую природу чувств человеческих. Вот как отразил увиденное поэт: *«Он тех людей узрит гробницы, их эпитафии прочтёт, времен тогдашних небылицы за речи истины почтёт».*

В других строках проглядывается образ послушника, человека, который любит и страдает: *«Где образ божеской могилы между золотых колонн стоял, где теплились паникадилы, где лик отшельников звучал и где пред богом изливали свои грехи, свои печали».* И дальше – тема человеческого сердца, рвущегося на волю: *«Как сердце любит по конец и бесконечно ненавидит, как ни вериги, ни клубок не облегчают наших мук».* Заканчивается произведение такими строчками: *«Не мысля, что в сём месте сгнили сердца, которые любили!..»*

Как видно, в этом стихотворении явственно звучит призыв: *«Вон из монастыря, на свободу!»* Образ послушника, стремя-

щегося к свободе, сопровождал поэта всю жизнь. Этот светлый образ – явственное противопоставление творчеству писателей реакционного западного романтизма, призывавших не бороться с тёмными сторонами действительности, а уходить от неё в монастырь. И мы можем сделать в этой статье вывод, что посещение Ново-Иерусалимского монастыря было сильным толчком в мировоззрении Лермонтова.

«Быть Может, через много лет сия священная обитель оставит только мрачный след...» – размышлял он. Конечно, посетив действовавший в то время монастырь, он мог думать о нём только грустно, о нём и его обитателях. Для нас, людей светлого настоящего, Воскресенский собор в ансамбле с монастырём – это великая память тем, кто возвёл эти изумительные по архитектуре здания, послужившие национальному русскому поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову для создания бессмертных литературных образов.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1979, №132. С. 3

Людмила Шаталова

И сегодня близок нам

В истории русской национальной культуры есть имена, ставшие великими символами не только русского народа. Они стали гордостью мировой культуры. К ним принадлежит и имя Михаила Юрьевича Лермонтова. Нам, истринцам, имя великого поэта дорого вдвойне – ведь юноша-Лермонтов посещал бывший Воскресенск, бродил возле белых стен собора и памятью этому – бессмертные строки стихов.

Мы вспоминаем произведения Михаила Юрьевича Лермонтова не только в дни, когда память о нём, как в эти дни его 165-летия, оживает среди нас. Нет. Встречи с поэзией Лермонтова – всегда праздник. Его творчество – бесценное наследие и нашего и будущих поколений. Оно зарождает в сердцах читателей то плодотворное беспокойство, которое учит правде, красоте, действию. Это – следствие не только необычайной

одарённости, но и высочайшего эстетического образования и самосовершенствования.

Жизненные наблюдения дают возможность поэту глубоко вглядываться в душевный мир человека, а безраздельная любовь к природе делает его замечательно точным. Как художник, могу сказать, что у поэта Лермонтова не обычное слово – знак, а слово – образ. Его поэзия – подлинное искусство. Достаточно вспомнить стихотворения «В Воскресенске» и «Пред мной готическое здание...», где отражено его восприятие архитектуры Воскресенского собора и Ново-Иерусалимского монастыря при посещении этих исторических памятников в 1830 году.

Вспомним: «*Оставленная пустынь пред мною белеется вечернею порой*» – так кратко и предельно точно рисует (именно – рисует!) Михаил Юрьевич скит сурового Никона.

А ведь если вдуматься, Лермонтов тогда ещё не был сложившимся поэтом и, вместе с тем, он был уже не только подготовлен к восприятию архитектуры, но и к её философскому осмысливанию.

Все его произведения говорят об интересе Лермонтова к истории и культуре своего народа, и посещение Воскресенска – доказательство тому. Глубокая, страстная ненависть к равнодушному спокойствию, постоянная жажда деятельности дала ему возможность воспринять и отобразить окружающий мир так, что творчество его близко и понятно нашей эпохе.

Истинно русская душа Лермонтова, благородство, верность долгу, раскрылись в высоком патриотизме его поэзии. На-

дежда Константиновна Крупская вспоминает, что привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати рядом с томиком Гегеля – и перечитывал их вновь и вновь.

«*Пред мной готическое зданье, стоит как тень былых годов...*» – писал юноша Лермонтов о Воскресенском соборе. Так и перед нами сегодня во всей полноте его творчества возникает бессмертный образ великого русского поэта. И мы глубоко чтим его.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1983, №92. С. 3

Людмила Шаталова

На поэтических берегах Истры

Сколько мыслей, идей, стихов, живописных полотен и музыкальных произведений родилось на древней земле истринской! Скольким людям она подарила вдохновение! Сегодня мы поведём рассказ о духовной и творческой близости трёх великих сынов России: Лермонтова, Чехова и Чайковского, творческая биография которых связана с поэтическими берегами реки Истры.

Окрестности Истры дарили вдохновение молодым Лермонтову и Чехову, а Пётр Ильич Чайковский бывал здесь уже прославленным композитором.

Представляется, что совсем не случайно Чехов и Чайковский мечтали создать, сообща, оперу по сюжету лермонтовской «Бэлы»; либретто к опере предполагал написать Антон Павлович Чехов. Лермонтов был близок ему и сильным лири-

ческим началом, и социальным критицизмом, и, главное, подходом к человеческому характеру.

«Не могу понять, – говорил Чехов о повести “Тамань” (по воспоминанию Бунина), – как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь, да ещё вдевить хороший, тогда бы и умереть можно». Уже в ранних произведениях Чехова, написанных в Воскресенске (ныне Истра) и Бабушкине (например, в рассказе «Верочка»), звучат лермонтовские мотивы и прозрачно проступает идейно-тематическая близость к поэту.

Исследователи отмечают преемственность чеховского «Иванова» с юношескими драмами Лермонтова 1830 года. Позже в повести «Дуэль» А. П. Чехов развенчивает «печоринский» взгляд на жизнь. Чехова интересует «печоринство» как явление социальное и психологическое.

Как будущему врачу, двадцатишестилетнему студенту Антону Чехову, нужна была медицинская практика. А начинающему сотрудничать в юмористическом журнале Антоше Чехонте были необходимы новые впечатления и, как темы, «жизненные случаи». Этим требованиям всецело отвечало его появление в подмосковном городке Воскресенске. Сюда был назначен в местное приходское училище его брат Иван Павлович.

И природа, и древняя архитектура Воскресенска вызывают сильные чувства: *«Монастырь поэтичен... В полумраке галерей и сводов я придумываю темы. Тем много»*, – сообщает Чехов в одном из писем. В них же можно встретить и описания поэти-

ческих берегов Истры: «...Летнее утро. В воздухе тишина... только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орлилка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелёными ветвями ивняка...»

В описании больницы соединились взгляды врача и художника, остро чувствующего неприглядность жизни: «...Земская больница... в приёмную входит дьячок Вонмигласов... Секунду ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутыл с карболовым раствором, потом вынимает из красного платочка просфору, и с поклоном кладет её перед фельдшером...» (рассказ «Хирургия»).

Творческая оригинальность Чехова нуждалась в поддержке и, к счастью, в Воскресенске он попал в круг духовно близких ему людей. Талантливый и глубоко интеллигентный кружок составил и в имении Бабкино, в четырёх верстах от Воскресенска. В него входили художник И. Левитан, семья Киселёвых, хозяев имения, и много других интересных людей.

Велико значение трёх лет, проведённых в Бабкине для творчества Чехова. Здесь же завязывается крепкая дружба Антона Павловича и Левитана.

Чехов дорожил Воскресенском и Бабкиным, и эти места остались «чеховскими». Он пишет: «Здесь я отшельником провёл три года незаметных...» Для русской литературы – особенно заметных. Почти во всех рассказах того времени можно увидеть ту или иную картину, то или иное лицо, связанное с Бабкиным.

И первые успехи шли именно отсюда. Молодому Антоше Чехонте полюбился истринский край. Так же как и Чайковский, но на полстолетия ранее его воспел и юноша-Лермонтов.

С Петром Ильичом Чайковским Чехова и Лермонтова роднит их ощущение трагического, конфликтного развития человеческой жизни, дух борьбы и преодоления. Чехов боготворил Чайковского, и тот в свою очередь отвечал ему взаимностью.

...Полтора века назад погожим летним днём в Воскресенский монастырь приехал юный поэт Михаил Лермонтов. Было это в 1830 году, в один из напряжённейших этапов жизни поэта, когда Лермонтов обдумывал новые замыслы, готовился к поступлению в Московский университет, много читал, писал и рисовал в своих записных тетрадях.

Однако это была не прогулочная поездка, а, как бы теперь сказали, творческая – за материалом для начатой в то время первой трагедии в стихах, героями которой были монахи средневековой Испании. Обдумывая трагедийные ситуации, Лермонтов почувствовал необходимость лично увидеть «*тень былых годов*» – русские монастыри Воскресенска, Звенигорода и Троице-Сергиеву Лавру.

«Художник должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить» – писал Антон Павлович Чехов. Общие идейные источники питали этих русских гениев, а берега поэтической Истры способствовали формированию их лучших черт.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1984, №122. С. 3

Людмила Шаталова

Львиная натура

Памятники Отечества! Разбросанные по необъятным просторам нашей родной земли, они имеют огромное значение в нашей культуре. В их числе и литературный памятник, созданный в Воскресенском монастыре и у скита Никона, — стихи юного Михаила Лермонтова, созданные им при посещении монастыря в 1830 году. Мы, истринцы, гордимся, что архитектурный ансамбль, воздвигнутый русскими зодчими, нашёл лирическое звучание в стихах, что древний Воскресенск (нынешняя Истра) стал импульсом для творческих свершений великих творцов: Лермонтова, Чехова, Чайковского, Левитана, Герцена, что замыслы, получившие здесь своё развитие, позже воплотились в бессмертные шедевры.

Стремясь как можно глубже проникнуть в историю лермонтовского творчества и пытаюсь угадать вехи его становления,

просто необходимо вновь и вновь обращаться к истокам творчества поэта, а стало быть, и к Истре.

Итак, лето 1830 года, то самое напряжённое лето подготовки Лермонтова к вступлению в Московский университет, которое он провёл у родственников Столыпиных, в их подмосковном имении Середниково. То самое лето, когда юным поэтом писались первые драматические произведения из семейной хроники, рисовались на полях рукописей прообразы загадочных русских героев, костюмированных... в испанцев. Когда формировались его непримиримость и бойцовские качества в борьбе с мракобесием, иезуитством, крепостничеством и мещанством «света».

К этому времени относится увлечение Лермонтова семейным преданием о происхождении его рода от испанского герцога Лермы, а отсюда – и интерес к испанской теме: «Две невольницы», «Исповедь», трагедия «Испанцы». Для нас важным является умение Лермонтова использовать испанский сюжет для того, чтобы провести политические аналогии с русской действительностью. Обобщённость и романтическая условность стихотворной юношеской драмы сочетается с конкретностью исторических деталей и национальным колоритом. Лермонтов следует декабристским традициям и протестует против национальных предрассудков, изуверства церковников. Трагедия «Испанцы» имеет общие корни с его политической лирикой 1830 года. Мечта о героической личности, мятежном герое, наделённом энергией сопротивления, силой

духа, верностью высоким идеалам, ярко воплощена в образе Фернандо – героя «Испанцев».

Поездка в Воскресенск (предположительно верховая) подарила нам два стихотворения Лермонтова. Это его своеобразный отчёт о полученном впечатлении, глубокий анализ эстетического восприятия природы, архитектуры и отношений между людьми. Поездка эта послужила также толчком к созданию многих зрелых шедевров его блестящей лирики, в числе которых «Боярин Орша» (1833-1836) и «Мцыри» (1839).

Творчество юного Лермонтова было высоко оценено В. Белинским, который 17 марта 1842 года писал В. Боткину: *«Надо удивляться детским произведениям Лермонтова – его драме «Боярину Орше» и тому подобном (не говоря уже о «Демоне»). Это не «Руслан и Людмила», тут нет ни лёгкокрылого похмелья, ни сладкого безделья, ни лени золотой, ни вина и шалостей амура, – нет, это – сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие ещё уста, это «с небом гордая вражда», это – презрение рока и предчувствие его неизбежности. Всё это детски, но странно сильно и взмашисто. Львиная натура! Страшный и могучий дух!..»*

Богато и разнообразно наследие великого поэта-художника – как литературное, так и живописное. Как известно, по предложенной мною новой методике рукописи Лермонтова могут быть прочитаны правильно только в соотношении текста и рисунка. Счастливую возможность проникнуть в лабораторию творчества этого феномена предоставил мне профессио-

нальный подход художника. Я пытаюсь выяснить, кто именно изображён на рисунках Лермонтова, чьи портреты набрасывало его перо на своих рукописях. И вот оказалось, что многие мои предположения (интуитивные вначале) теперь подтвердились: на рисунках, в штрихах таились надписи и недочитанные новые автографы, рисунки в рисунках. Всё это настолько хорошо и умело было замаскировано и зашифровано автором и художником, что до сих пор никто этого не замечал.

На пути расшифровки лермонтовской системы тайнописи сделаны первые шаги. Они принесли мне и моей ученице Елизавете Газаровой, недавней студентке, ныне инженеру-технологу из Тбилиси, минуты подлинного счастья. Думаю, предложенный мною метод заинтересует исследователей творческого наследия Лермонтова и они сочтут возможным применять его в своей дальнейшей работе. Ведь теперь ясно: для того, чтобы раскрыть всё богатство и своеобразие лермонтовского наследия, потребуется немало усилий.

...На Истринской земле дорожат памятью о посещении великим поэтом Воскресенского монастыря. Исполком горсовета вынес решение в ознаменование 170-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова установить на монастырской стене (у входа) памятную доску. В юбилейные дни в Истринской центральной районной библиотеке будет организована выставка, посвящённая Лермонтову. На ней будут представлены материалы, связанные с Воскресенском (Истрой) и новым прочтением лермонтовских рукописей и рисунков.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1986, №81. С. 3

Людмила Шаталова

Похвала древним зодчим

Совсем недавно в серии «Сто путей – сто дорог» вышел в свет и быстро разошёлся путеводитель «По лермонтовским местам». Теперь ожидается новое, дополнительное издание.

Изданный путеводитель – не просто пособие для туристов, а скорее сборник интереснейших библиографических сведений, широко освещающих пути-дороги Лермонтова. Уверены, что и читатели нашей газеты получат большое удовольствие от знакомства с ним, что особенно их порадует описание маршрута в лермонтовский Воскресенск (нынешнюю Истру).

А сегодня мы печатаем новый, расширенный материал, касающийся посещения поэтом Воскресенского монастыря.

«Будет жить для тех, кто умеет находить его живым в его твореньях», – так сказал о Пушкине его друг Пущин. Эти слова

в полной мере могут быть отнесены и к другому великому поэту – Лермонтову. «Найти живым» – означает проникнуться теми же чувствами и переживаниями, которые вложены в строфы его стихов. Подчас это непросто, хотя бы уже потому, что целый ряд понятий изменил свой конкретный смысл. Подобные затруднения наглядно выступают в ходе прочтения юношеского стихотворения Лермонтова, написанного им в Воскресенске.

Все факты, касающиеся посещения (1830 год) студентом Лермонтовым древнего Воскресенского монастыря тщательно собраны. Но голые факты ещё не дают возможности найти «живого поэта», не расскажут о художественном видении, ощущениях и образах, возникших у него при созерцании величественной архитектуры. Мы можем узнать об этом лишь из самого стихотворения. Первые же его строки свидетельствуют об особом индивидуальном эстетическом впечатлении:

*Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов.*

Не исключено, что у современного читателя возникает недоумение по поводу определения поэтом русского здания храма как готического.

Напомним, что аналогичный термин уже применил до Лермонтова Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» при описании храма Василия Блаженного. Выясняется, что у

Карамзина и Лермонтова это определение было комплиментарным, так как большая часть образованнейших людей того времени все ещё усматривала образцы архитектурного совершенства лишь в готике. Понятие «готический» значительно отличалось от современного: оно символизировало классическое совершенство и величие форм и пропорций, являясь, таким образом, как бы своеобразной похвалой древним зодчим. Н. В. Гоголь писал: «Я всегда отдаю преимущество готической архитектуре, там всё величие и совершенство...» (статья «Об архитектуре нынешнего времени»). Иными словами, среди современников Лермонтова твёрдо укоренилось мнение, что всё самое лучшее заслуживает комплимента «готическое».

«Тень былых годов». Воскресенский собор вызвал у Лермонтова целую гамму восторженных эмоций. Поэт, наделённый зорким глазом художника, смог совместить память, знание и ум. Здесь нет равнодушия, все чувства возбуждены увиденным:

*При нём теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов.
Что выше тёплого участия.
Светлей любви, спокойней счастья.*

Величавая архитектура собора сблизила в сердце поэта былое с настоящим, настоящее с будущим, внушила ему философские размышления о том, что:

*...ни вериги, ни кlobук
Не облеглают наших мук.*

Далее в стихотворении всё полнее раскрывается творческий почерк юного Лермонтова. Он провидит время, когда забредший в развалины храма «любопытный посетитель»:

*Времён тогдашних небылицы
За речи истинны почтёт.
Не мысля, что в сём месте сгнили
Сердца, которые любили.*

Стихотворение, написанное в Воскресенском монастыре, – лучшее свидетельство могучего художественного воздействия «готического зданья» на чуткую душу поэта. Это и своеобразный отчёт о полученном впечатлении, и проявление художественного восприятия, и похвала русским зодчим. Не остаётся более сомнений в истинном понимании юным поэтом архитектуры своей Отчизны.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1991, №87. С. 2

Софья Гумерова-Капралова

Потомки поэта едут в Истру

Вряду печальных литературно-исторических дат нынешнего года – 150-летие трагической гибели великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. На мой взгляд, два момента определяют значение этой даты: приезд потомков поэта из-за рубежа, впервые, и передача подмосковного Середникова, бывшего имения двоюродной бабушки М. Ю. Лермонтова, где он, ещё мальчик, любил и страдал, был счастлив, где родилось столько вдохновенных строк, недавно созданной ассоциации «Лермонтовское наследие». Здесь будет музей поэтического Демона русской словесности.

Сегодня здравствует 117 потомков Лермонтова, из них 51 проживает за границей. 47 прямых потомков поэта как раз и стали создателями ассоциации «Лермонтовское наследие». Её президентом избран... Михаил Юрьевич Лермонтов, правнуча-

тый племянник великого тѣзки, выпускник МВТУ имени Баумана, кандидат технических наук, житель подмосковной Электростали, 37 лет.

Род Лермонтовых – древний род, уходящий во времена «Тристана и Изольды», написанной, кстати, Томасом Лермонтом-Рифмотворцем. Вальтер Скотт и Джордж Байрон также имеют отношение к роду Лермонтов. Живший в XVII веке Георг Лермонт, шотландский дворянин, поступил на службу к русской Короне, и в 1621 году царь Михаил Фёдорович даровал ему земли под Костромой, – эти уникальные сведения собрал писатель Овидий Горчаков.

И вот советские и зарубежные Лермонтовы и Лермонты впервые собираются вместе на своей второй исторической Родине. Я созвонилась с вице-президентом ассоциации «Лермонтовское наследие» Игорем Васильевичем Воронцовым, полковником медицинской службы, потомком поэта в 12 поколении, по линии матери. Из Бразилии, сказал он, приехал 83-летний Александр Григорьевич Лермонтов, из Америки – 66-летний Михаил Александрович Лермонтов, художник и архитектор, два семейства Чирко, внуки Аллы Александровны Лермонтовой, вышедшей замуж за крупного промышленника Чирко – они едут из Франции и Швейцарии, ждѐм приезда семьи Чорлей из Лондона.

Интересны и наши отечественные Лермонтовы. Приедет из Уфы Ирина Борисовна Лермонтова, дочь Бориса Юрьевича Лермонтова, Героя Социалистического Труда, архитектора;

приедут ставропольские, ленинградские Лермонтовы, кстати, один из ставропольских потомков поэта, молодой Вадим Цугулиев, по мнению Людмилы Николаевны Шаталовой, похож на своего великого предка. Впрочем, это тема отдельного обстоятельного разговора, который, несомненно, будет интересен истринцам.

Программа Лермонтовских торжеств включает встречу потомков у памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову в Москве, возложение цветов и венков. Несомненно, это волнующее событие привлечёт всех, кому дорого имя поэта, его творчество. Потомки поэта посетят Середниково, возрождение которого ставит своей главной задачей Лермонтовская ассоциация. Затем состоится посещение Ново-Иерусалимского ансамбля, где, как доказала исследователь графического наследия поэта Л. Н. Шаталова, истоки многих его вещей и главного произведения – «Демона»; встреча с Людмилой Николаевной Шаталовой, почётным гражданином Истры, на её выставке, где нас ждут новые догадки, гипотезы.

– Хотелось бы верить, – подчеркнул вице-президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Игорь Васильевич Воронцов, – что городские власти будут способствовать тому, что Истра станет отныне не только Чеховской, Левитановской, но и Лермонтовской...

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1991, №87. С. 2

Софья Гумерова-Капралова

«Я рождён, чтоб целый мир был зритель»

Под таким названием откроется завтра в нашем городе выставка почётного гражданина Истры, члена Союза художников СССР Людмилы Шаталовой.

– Людмила Николаевна, за прошедший год творческой работы вам удалось сделать немало, в частности, принять участие в съёмках документального фильма ленинградских кинематографистов «Песнопения пето не было». И что же нового в ваших исследованиях?

– Всё больше меня захватывает ранний период жизни и творчества, время юношеских, почти детских переживаний М. Ю. Лермонтова, время посещения Воскресенского, ныне Ново-Иерусалимского ансамбля. Именно эти впечатления дали «Мцыри», а впоследствии и одно из самых выдающихся произведений русской и мировой литературы – «Демона». Мой

метод работы с рукописями и параллельно с рисунками, которые я называю документами, потому что художник Лермонтов запечатлевал ситуации жизни, позволяет с полным основанием говорить о введении в науку огромного количества его рисунков. Они подписаны шифром, поздними приписками, и становятся, таким образом, иконографическими. Своеобразное собрание этих иконографических портретов подкрепляется у меня датами встреч Лермонтова с людьми, его окружавшими, людьми, которые составляли творческий импульс его ранних лирических посвящений, стихотворений не только личного, но и философского характера. Кстати, даже самые тонкие лирические и подчас любовные переживания, выраженные стихами, у Лермонтова связаны с обществом, с Отчиной. Итак, в тот год, 1830-й, когда юный поэт посетил Воскресенский монастырь, он уже был автором целого сборника стихотворений, озаглавленного «Мелкие стихотворения».

– И на этой тетради вы открыли надписи?

– На этой тетради, видимо, позднейшие надписи, это свойственно Лермонтову, он дорожил своими поэтическими и графическими листами, рассматривал их, порой тщательно переписывал их, и в эту тетрадь даже попали три стихотворения 1828 года, – это был первый избранный сборник, перебелённый самим поэтом, то есть чистовая рукопись, заветная тетрадь. Он сделал к ней обложку и на ней заметны очень странные арабески, росчерки, на которые никто не обратил внимание. Зная его манеру тайнописи (он вписывает буквы в ри-

сунки, в штрихи), я вертела, вертела эту рукопись и прочла знаменательные строки: «Проба пера» – это поверх слов «Мелкие стихотворения». Рядом со словами «Проба пера» – «Мишель, Миша», инициалы «САБ» и крупно литера латинская «В». Я определяю их как инициалы воспетой им героини 1829 года. Перевернув, я прочла надпись, уточненное посвящение – «БСофья».

Я задалась вопросом, есть ли у Лермонтова адресат с такими инициалами, девушка, жившая в его среде? Оказалось, да. Есть письма Лермонтова к Софье Бахметевой; таким образом, все буквы инициалов нашлись. Нужно было выяснить, что это за девушка, где она жила? В Лермонтовской энциклопедии очень кратко, в 16 строк, ей уделено место, она названа адресатом его ранней лирики, например, тетради, в которой 37 стихотворений. А это большое посвящение... Но этот эпизод никем не замечен, потому что все исследователи начинали с более позднего времени, останавливались на инициалах «НФИ» – Ираклий Андронников нашёл стихотворение с этими инициалами и, используя ситуацию в биографии поэта, связанную с любовью и изменой Натальи Федоровны Ивановой, приписал все стихи ей. Но они посвящены другой девушке...

Сначала я знала о ней очень мало. Давайте обратимся к воскресенским стихотворениям: зачем приходил сюда Лермонтов в монастырь? Что заставило его идти сюда на богомолье, на покаяние и с кем он здесь был? Из записок Екатерины Сушковой, фиксировавшей всё это досконально, известно, что в то

лето 1830 года они посетили чудные пригороды Москвы – Сергиев Посад с Троице-Сергиевой Лаврой и Новый Иерусалим, другие места. Сушкова пишет, что в компании были кузины, а кузинами считались все, кто жили в Середникове или навещали бабушку. Висковатов так и сообщает, что это были три сестры Бахметевых, которые некоторое время воспитывались в доме Арсеньевой, бабушки поэта, а затем они жили в доме Столыпиных рядом, на Поварской, у хозяйки Середникова. И в том же году Софья Александровна Бахметева жила в Середникове. Давайте прочитаем стихи, написанные Лермонтовым в 1830 году на рукописи «Демона», после посещения Воскресенска. В этом же году в пансионе, что подтверждает его помета: «Но кто ж она?» – подчеркнуто, сам выясняет, даёт намек:

*Но кто ж она? Зачем сокрыта
В пустыне, меж высоких стен?
Иль это добровольный плен,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежд
С ее душой была согласна?
Ее история ужасна,
Как вспоминанье без надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку детскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это ль бедное житье,*

*Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли – о том узнать
Никто не думал испытать.*

И ещё в «Демоне» есть строки: «*И жизнь монахини моей осталась миру не известна*». Я всё сильнее подозреваю, что она была с ним в монастыре. Читаем об этом: в переделанной строфе, появившейся дополнительно в том же автографе рядом, на той же рукописи:

*Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!*

Главный герой здесь сам Лермонтов, он присутствует в монастыре, он посетил его и два стихотворения даже написаны

у стен жилища Никона в 1830 году. Так вот, главный герой поэмы пансионского периода 1829 года, воспитанник Московского Благородного пансиона, человек высокого ума и сильных страстей, пишущий стихи печальные, встречается девушку по имени Любовь, ставшую его первой любовью. Так вот, не Любовь ли она эта самая «САБ»?

– Мы как раз перешли к вашей интереснейшей работе, связанной с этой новонайденной поэмой раннего периода...

– Да, и в этой поэме тоже сказано, что героиня Любовь – воспитанница старушки тётушки и дочь любви отца-героя. Это всё так близко сходится, что необходимо проверить версию, не сестра ли это поэта? Не сохранились ли об этом рисунки Лермонтова? Вторая находка – рисунок из фондов Литературного музея, не подписанный, значит, сомнительный, но в котором узнаётся с помощью иконографического сопоставления отец Юрий Петрович Лермонтов и девушка в отдалении... Вспоминаются строчки из сказки для детей: *«Имел он дочь, но с ней видался редко; воспитана мадамой...»* и так далее. И точно такие же строки про героиню новонайденной юношеской поэмы Любовь: *«И у мадам Корваль была, но быстро юность дорогая в волненьях света протекла...»* Очень много сближений с материалами 1829-1830 годов.

– Сохранился ли облик первой любви поэта, которую вы отождествляете с Софьей Александровной Бахметевой?

– Не было отгадано лицо на первом посвящении. Там были подписи и «Наталья» и «Анна».

– Где изображена знаменитая девушка под сухим деревом?

– Да, символ чувств, с которыми он расстался, несчастная любовь. Так вот, эта девушка и девушка с рисунка из фондов Литературного музея, подписанная, как оказалось, буквами «СБ», но «Б» – латинская «В», как и на юношеской тетради 1829 года, а на рукаве отца я прочитала «ЛЮ» – Лермонтов Юрий. Итак, обе эти девушки – одно лицо. Есть документ из тульского архива, где говорится о том, что у просителя Лермонтова Юрия есть сын Михайло и дочь... Так вот, повторяю: это одно лицо.

– Вы полагаете, это Софья Бахметева. А почему прежде на рисунке «Девушка под сухим деревом» читались имена и Натальи Ивановой, и Анны Столыпиной?

– Думаю, Лермонтов не мог не оберегать страшную тайну своей души, тщательно маскировал свои чувства, и это не позволило литературоведам вникнуть в неё. Поэтому и столь важен период посещения Ново-Иерусалимского монастыря, вспомним, что драма «Люди и страсти» написана также в 1830 году, и именно в ней впервые раскрыт образ Софьи Александровны. Если мы перевернём рукопись, на которой изображена девушка под сухим деревом, то на оборотной стороне Лермонтов перечисляет действующих лиц драмы «Люди и страсти» и среди них героиня с именем Любовь семнадцати лет. Так вот, в росчерках слова «Любовь» есть буквы «ЛЮ» – Лермонтов Юрий, – под перечислением действующих лиц. И написано, что действие драмы происходит в деревне бабушки. И это же слово читается как «Софья». Моя гипотеза: героиня драмы «Люди и

страсти» Любовь – Софья Бахметева, внебрачная дочь отца поэта, а на рисунке из фондов Литературного музея изображены Юрий Петрович Лермонтов с дочерью, которую воспитала бабушка поэта, поэтому она и носила другое отчество и другую фамилию. Это одна из моих самых смелых догадок. Нетрудно предположить, что кровные по отцу поэт и его возлюбленная расстались – и вспыхнувшее чувство и расставание стали трагедией для Лермонтова, и тайной его жизни.

– Зрителям удастся познакомиться на выставке с вашей творческой лабораторией?

– Безусловно. Будут экспонироваться рабочие листы, коллажированные мною из Лермонтовских персоналий. Это поможет понять мир поэта, его страдания, стремления.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1992, №1-2. С. 6

Людмила Шаталова

Лермонтовская тропа ведёт и в Истру

Пятого ноября 1991 года Министерство юстиции России зарегистрировало общероссийскую ассоциацию «Лермонтовское наследие». У нее есть отделы – европейский, нью-йоркский, австралийский.

Самая главная задача ассоциации «Лермонтовское наследие» – создание лермонтовского центра в Средниково с музеем «Новый Иерусалим» в Истре, музеем Троице-Сергиевой лавры, для чего ассоциацией будут организованы конные, велосипедные и пешие маршруты-тропы. Безусловно, лишь при наличии стационарной выставки из моих открытий новых лермонтовских материалов наш город в числе названных мест сыграет не последнюю роль в сохранении наследия поэта. Лермонтов в 1830 году писал: *«Мой гений веки пролетит»*, мечтая и надеясь, чтоб *«труд мой вдохновенный когда-нибудь увидел свет!»*

Организованную музеем «Новый Иерусалим» и Союзом художников РСФСР юбилейную выставку моих работ о Лермонтове я принесла в дар Истре. Небольшую эту экспозицию можно использовать в историческом отделе музейных поступлений. В противном случае мы лишим многочисленных посетителей радости встречи с одной из замечательнейших страниц нашей истории.

Напомним читателям: посещение Лермонтовым Воскресенского монастыря, что на Истре-реке, было в 1830 году, он писал *«священную обитель»* и в несколько переработанном виде вставил новые строки в редакцию «Демона». У Лермонтова был рассказ таинственный о жизни девы молодой. Перенеся новые строки в третью чистовую редакцию, он всё же не удовлетворился и внизу под текстом оставил заметку: *«Я хотел писать эту поэму в стихах, но нет – в прозе лучше»*.

Представляется, что это и есть начало юношеского романа Лермонтова «Вадим», а история героини, якобы, извлечена из пыльного пергамента, найденного каким-то странником в развалинах Воскресенского монастыря. Всё это звенья одной цепи.

Сегодня подавляющее большинство людей отчётливо понимает, что даже далёкое прошлое, произведения классической литературы и искусства на религиозные темы, уникальные постройки храмов древних зодчих – это наша история, её необходимо хранить для будущих поколений.

Кажется, все факты, касающиеся посещения студентом Лермонтовым древнего Воскресенского монастыря, тщательно уч-

тены. Но они ещё не дают возможности почувствовать «*живого поэта*», не говорят об индивидуальном восприятии, художественном видении его и о тех образах, которые возникли у поэта при созерцании величественной архитектуры.

Кстати, долгое время в литературе было известно лишь одно стихотворение «В Воскресенске» (о монастыре и пустыни Никона), написанное летом 1830 года. Но не так давно, ко дню 170-летия М. Ю. Лермонтова, заново были прочитаны мною юношеские редакции прославленной поэмы «Демон». Впервые было замечено, что после посещения монастыря и потока воспоминаний родилась новая редакция поэмы «Демон». Новые ракурсы находим и в романе «Вадим».

Бессмертные строки поэта: «*Пред мной готическое зданье*», очевидно, комплимент, так как большая часть образованнейших людей того времени все ещё усматривала совершенство архитектуры лишь в готике. Напомним, что этот же термин применил до Лермонтова великий Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» при описании храма Василия Блаженного. Выяснилось, что определения Карамзина и Лермонтова были комплиментарными. Лермонтов прекрасно знал историю, когда писал о «*тени былых веков*», лучшее свидетельство знания истории – в его последующих произведениях.

С историей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря связаны многие видные деятели Российского государства, его культуры, литературы и православной веры. И тем радостнее нынешнее внимание к восстановлению его. Провидением

великого поэта полны строки: *«Быть может, через много лет сия священная обитель оставит только мрачный след...»* Да, разрушение храма было варварским. Он восстанавливается.

Потому сейчас важны все воспоминания о нём, которые мы находим не только в лирике, стихах и поэме «Демон», но ещё и в юношеской прозе романа «Вадим», в рисунках Лермонтова из Кавказского альбома.

Вслушаемся: *«Часто Вадим оборачивался... На полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими чёрными городами, без всяких оттенков: в этом зрелище было что-то величественное, заставляющее душу погружаться в себя и думать о вечности, думать о величии земном и небесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь»*.

Литературовед Андреев-Кривич писал: *«На святых вратах Нижнеломовского монастыря, как запомнилось местным жителям, была нарисована картина страшного суда. Конечно, это важная деталь, доказательство, что Лермонтов, описывая события, завязывающиеся у стен монастыря, ввёл реалии... Посетив же подмосковные монастыри, и особенно поразивший его воображение Воскресенский, что на Истре-реке, он свои впечатления передал в изображении этой “священной обители”. Тем более, что исторически точное воссоздание пугачёвщины не входило в задачу Лермонтова. Дух событий ведь воплощён на основании устного предания, а также впечатлений Лермонтова от современной действительности»*.

Ряд точных реалий привёл к догадке и научного сотрудника музея «Новый Иерусалим» З. П. Майбороду. В разговоре со мной Зинаида Павловна обратила внимание на текст юношеского романа Лермонтова «Вадим», в котором, как ей показалось, отложилось впечатление юного прозаика от посещения Воскресенского монастыря. Вот эта строка из романа: «...богомольцы теснились вокруг сырых столбов...» Так было в Воскресенском храме, ведь он не имеет подклета, построен прямо на земле. Собор летнего содержания, естественно, после зимы стены и столбы были сырыми, что подтверждает и нынешняя ситуация...

В 1984 и 1989 годах наш музей совместно с Московской организацией Союза художников отдали дань творчеству великого Лермонтова. Были организованы выставки, посвящённые датам его рождения. Кстати, вторая из них совпала с 160-летием создания «Демона». Здесь, в стенах монастыря, мною было открыто литературное место действия этой поэмы – «могильный памятник» любви девы молодой.

В этом году отмечена печальная дата – 150-летие гибели поэта, проведена акция памяти убитого на дуэли поручика Лермонтова, тонкого художника, умеющего раскрыть тайны внутреннего мира человека, передать тонкие переливы души. Он делал это мастерски в стихах, прозе, графике.

Но вернемся к монастырским впечатлениям Лермонтова. Прозаические строки о величественном зрелище – виде на монастырь – сближены со стихотворными (1830 год):

*При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше тёплого участия,
Святей любви, спокойней счастья...*

Эти строки написаны, видимо, вскоре после смерти отца поэта Юрия Петровича. Сын приступил к роману. Центральный образ Вадима, генетически близкий Демону, получил в прозаическом романе дополнительный бытовой аспект. В душевный опыт героев вовлечены и размышления автора, всё это отражено в лирике и графике Лермонтова 1829-1832 годов.

Вот воспоминания А. М. Меринского, учившегося в юнкерской школе одновременно с Лермонтовым: *«По вечерам, после учебных занятий, поэт часто уходил в отдалённые классные комнаты, в то время пустые. И там один просиживал долго и писал до поздней ночи... иногда он занимался рисованием, так как рисовал недурно...»*

Это свидетельство чрезвычайно важное. Действительно, все три главы романа «Вадим» были написаны именно тогда, а в обложку он зарисовывал факты, получилось нечто вроде дневника-исповеди, заготовки для будущих произведений...

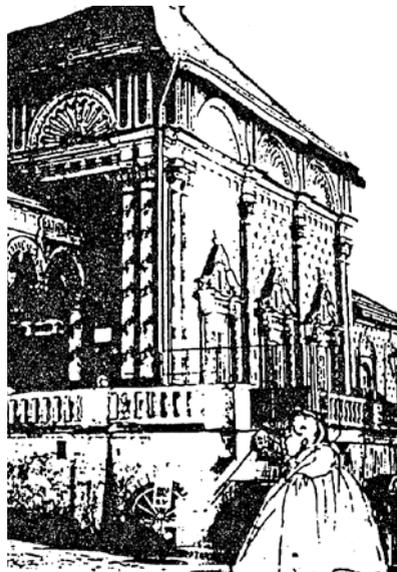
Благодаря оптическому увеличению миниграфики Лермонтова удалось более внимательно разглядеть эту обложку, названную мною «Вадимов лист». И тут ждало открытие – узнавание в рисуночных автопортретах Лермонтова лиц из его окружения. На листе двадцать автопортретов. Если вспомнить,

что мы знакомы лишь с одним, где он изобразил себя в накиннутой на мундир форме нижегородского полка.

Причём, каждый из новых автопортретных отождествлений является как бы связующей нитью сюжета и сближён с литературными портретами лермонтовской поэзии и прозы раннего времени. Но именно в автопортретах выступает критический взгляд поэта по отношению к своему времени. В истории мировой литературы не сыщется более органичного произведения, более блистательного взаимодействия различных жанров поэзии и графики, сумевших запечатлеть смелые мысли автора и реальную действительность. Всё это было у великого поэта.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1996, №70. С. 4

Людмила Шаталова

На Истре Воскресенск в России знаменит

Мы порой не представляем себе, как тесно взаимосвязаны история и культура отдельных регионов нашей родины. Казалось бы, как отдалённые территориально Новгород и подмосковный Воскресенск, что на Истре, оказались связанными удивительными узелками?.. Патриарх Никон, основатель в Воскресенске «своего Иерусалима», впервые получил образное художественное воплощение своё на памятнике в Новгороде. Аналогично эти два города связаны и с именем поэта Михаила Лермонтова, в своём раннем творчестве воспевавшем «*оставленную пустынь Никона*» там же, в Воскресенском монастыре, и «*сынов славян древнего Новгорода*»...

Так встретились на новгородском памятнике «Тысячелетию России» и застыли на века в бронзе русская история и её славные деятели церкви и культуры – русские поэты, воспевшие от-

чизны тернистый путь, и три русских царя-правителя их времени: для Никона – Алексей Михайлович; для Пушкина – Александр I, и Николай I – для Лермонтова и Пушкина...

Ко Дню города я хочу сделать небольшой подарок землякам-истринцам. Думаю, что им будет интересно познакомиться с весьма малоизвестными фактами из истории Ново-Иерусалимской обители, с фактами, связанными с достойной памятью Светлейшего патриарха Никона, основателя монастыря.

Представляю вам А. Н. Муравьёва – русского поэта, автора книг по религиозным вопросам. А. Н. Муравьёв получил домашнее образование под руководством С. Е. Раича, который в дальнейшем стал учителем и преподавателем Лермонтова в Московском университетском пансионе.

В 1829-1830 годах А. Н. Муравьёв совершает паломничество в Святую Землю. Вернувшись, он опубликовал свои записки «Путешествие ко святым местам». А. С. Пушкин в своей неоконченной рецензии на эту книгу заметил, что *«автор привлечён туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством... Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин... как жаждущий повергнуться во прах перед гробом Христа Спасителя»*.

В прекрасных записках Муравьёва есть глава о посещении им святого места – Ново-Иерусалимского монастыря. Оказалось, что это было в один и тот же год с юным Лермонтовым. Муравьёв посетил в 1830 году *«сию священную обитель»*, а следующие строки стихотворения Лермонтова, написанные им с

пометой «В Воскресенске» в 1830 году: «Быть может, через много лет сия священная обитель оставит только мрачный след...» были плодом сильнейшего впечатления, которое произвели на него монастырь и оставленная пустынь патриарха.

Впечатления послужили мотивом его романа «Вадим», действие которого завязывается и разворачивается в монастырях, чертами схожих с Воскресенским и Сергиевой Лаврой.

*И где пред Богом изливали
Свои грехи, свои печали...*

Знаменательно, что это стихотворение Лермонтова имеет помету в автографе: «В Воскресенске. Написано на стенах (пустыни) жилища Никона (1830 года)». Перед второй частью стихотворения – помета «Там же, в монастыре». А в переработанном виде многие стихи перенесены во вторую редакцию поэмы «Демон», тем самым конкретизируя топографию места действия этой поэмы.

Вернемся к запискам Муравьева: «Молодой цесаревич Александр, в качестве наследника престола, совершая путешествия по России, посетил многие её святыни, в том числе Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь». В монастырь его сопровождали наставник наследника престола – поэт В. Жуковский и автор книги «Путешествия ко святым местам».

Итак, 1837 год, июля 30... «...Его Высочеству угодно было идти сперва в Никонов скит, чтобы познакомиться там с ори-

гинальным характером человека, которому пришло на мысль создать в своём отечестве свой Новый Иерусалим.

Великий князь удивился тесноте церквей и келий, тем более, что Никон, судя по описаниям и портретам, был очень высокого роста; тут же и сама трапеза, бывшая вместе письменной келью, с его современным портретом и дубовым столом, на котором он занимался. Для памяти своего посещения, Его Высочеству угодно было начертать на стене имя свое под портретом Никона».

Муравьёв продолжил свои воспоминания в храме Воскресения: «Я покажу Вам на хорах портреты двух архимандритов – Никона и Амвросия, который достраивал храм после его смерти. Около придела святого Павла-исповедника большая картина “Патриарх Никон, произносящий поучение клиру”. Патриарх Никон изображён во весь рост на амвоне, в полном облачении, около него стоят разноплемённые ученики его, братья новой обители».

Величественная фигура Никона произвела сильное впечатление на цесаревича. Кто знает, не это ли глубокое чувство, испытанное будущим правителем России при посещении Воскресенской обители, воплощённого русского Иерусалима, плода гения и трудов незаурядной духовной личности – патриарха Никона, сыграло роль четверть века спустя! И возникла мысль о сооружении монумента, и в 1857 году комитетом министров был представлен царю Александру II проект памятника во ознаменование тысячелетия России. Был объявлен всенарод-

ный сбор пожертвований по подписке. Условия конкурса были утверждены царём Александром II в 1859 году.

История возникновения и строительства памятника «Тысячелетию России» сама по себе необыкновенна и обширна. Будете в Новгороде, дорогие читатели, обязательно осмотрите его и послушайте повнимательней экскурсовода.

Но, уважаемые земляки мои из Воскресенска-Истры, думаю, что ваше сердце забьётся, когда из 129 фигур монументального памятника вы отличите на горельефе знакомую высокорослую, державную фигуру патриарха Никона. Как попала она на этот известный памятник?

Автор проекта памятника художник Микешин представил в августе 1860 года на утверждение государю первый список известнейших деятелей России из ста имен, изображения которых должны были войти в композицию памятника. Государь несколько раз правил список, в частности, он был дополнен именами Державина, Гнедича, Лермонтова, а некоторых он исключил.

Но имя патриарха Никона было и в первом, и в последнем утверждённом списке. В нём было четыре раздела: «Государственные люди», «Военные люди и герои», «Писатели и художники», «Просветители», где изваяна группа церковных деятелей (в их числе патриарх Никон), расположенная на юго-западной и южной стороне памятника. В разделе 31 фигура. Над этим разделом работал молодой скульптор, тогда еще ученик старших курсов Академии художеств – Чижов. Исполнение

свидетельствует об одарённости скульптора. Сильная пластика, экспрессия, живая лепка лиц выявляют творческую индивидуальность на крепкой базе русской реалистической, академической школы.

Патриарх Никон изображён в сонме свято-духовных деятелей российских: митрополита Алексия, Сергия Радонежского, Максима Грека. Это первое скульптурное изображение Воскресенского патриарха. Вполне вероятно, что скульптор Чижов, как и рисовальщик Микешин – автор проекта, были знакомы с портретом, хранившимся в Ново-Иерусалимском монастыре, упомянутом выше.

Помните у Муравьёва, какое впечатление произвёл этот портрет на цесаревича Александра, когда он увидел его около придела Павла-исповедника. Глубина личности Святейшего, переданная художником, безоговорочно принимается зрителем и, видимо, также воспринял её цесаревич. Позже, уже государем, Александр II счёл необходимым включить имя Никона в список лучших людей России. Присутствие фигуры Никона на горельефе памятника «Тысячелетию России» – это государственное признание заслуг перед Россией нашего местночтимого настоятеля монастыря и патриарха Российского Никона.

Впервые в скульптурной пластике появились портреты многих известных людей, писателей и художников – Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Это потом были изваяны известные памятники этих писателей, а тогда, в 1862 году, это было впервые, да ещё групповая композиция! И я рада, что рассказываю истрин-

цам о первом скульптурном портрете патриарха Никона на таком историко-художественном памятнике, как «Тысячелетию России». Он высится бронзовым монументом на кремлёвской площади в Новгороде на берегу древнего Волхова.

В нашем городе тоже есть небольшое скульптурное изображение патриарха Никона. Его автор – современный скульптор В. С. Петров. Портрет был подарен патриарху Алексию II при его посещении монастыря в 1994 году. Никон изображён с посохом митрополита Петра и со свитком, на фоне Воскресенского собора.

Достойным памятником патриарху Никону был и есть Ново-Иерусалимский монастырь, но прекрасные качества души его, отражённые в незаурядном облике, достойны пластического запечатления. И я надеюсь, что такой памятник у Истры будет.

Как должна быть и мемориальная доска великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову, воспевшему монастырь. Напомню строки юного поэта о монастыре:

*...При нём теснятся чувствованья
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше тёплого участия,
Святей любви, спокойней счастья...*

Или из юношеского романа «Вадим»: «...в этом зрелище было что-то величественное, заставляющее душу погружаться в себя и думать о вечности, и думать о величии земном и не-

бесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь...»

От редакции: В 1994 году после благодарственного молебна в основном храме обители наместник Ново-Иерусалимского монастыря архимандрит Никита, обращаясь к патриарху, уверил мирян, что обитель возродится. В ответном слове Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II произнёс следующее: «...Мы, создавая заново духовную культуру России, не хотим разрушения её светской культуры... Вместе с музейными работниками будем восстанавливать обитель. Мы должны жить в мире и согласии».

Город отдаёт должное почитание великим людям, причастным к Воскресенской обители своим творческим вдохновением и возможностью покаяния в нём. 14 августа в историко-архитектурном музее «Новый Иерусалим» будет отмечен день посещения «священной обители» Воскресенска М. Ю. Лермонтовым. Традиционно, в День города Истры будет открыта небольшая выставка в городской библиотеке, посвящённая новым сообщениям о патриархе Никоне и поэте-художнике М. Ю. Лермонтове. Ведущая – Л. Н. Шаталова.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1997, №65-68. С. 15

Людмила Шаталова

«Скажи мне, ветка Палестины...»

Дорогие истринцы, я много с вами говорила о Михаиле Дюрьевиче Лермонтове, в одной из публикаций кратко рассказывала о его посещении Ново-Иерусалимского монастыря. С вашего позволения, я опять вернусь к этой истории, чтобы добавить к ней несколько деталей, найденных мною в архивах. Эти детали, мне кажется, прольют живой свет на краткий эпизод жизни Лермонтова, и, как в каждой судьбе, незримыми нитями свяжутся с событиями дальнейшей жизни поэта.

Большое число истринцев увлекла история нашего монастыря. И кто-то уже прочёл книгу Андрея Николаевича Муравьёва, современника А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, – «Путешествие ко Святым местам 1830 года» Читая её, вы, наверное, почувствовали трепет, испытанный автором при вступлении в Святые ворота Ново-Иерусалимского Воскресенского

монастыря. Автор – весь в ожидании примет сходства нашего храма и храма в Палестине, а значит в ожидании тех светлых и святых минут, испытанных им на Святой земле.

«Исполненный сладких впечатлений, тихо приближался я к обители...» Архимандрит Аполосс II, тогдашний настоятель монастыря, сопровождал Муравьева, с нетерпением ожидая от него доказательств сходства обители и Святых мест. *«Весьма трудно угодить очевидцам»*. Андрей Николаевич недавно вернулся из паломничества в Палестину, и вот теперь в Воскресенске, у стен монастыря.

Южными воротами они вошли в Воскресенский собор. *«Врата отворились, мы вступили в храм, – радостно затрепетало сердце, что-то родное повеяло мне из-под величественных сводов, из длинных галерей. Так некогда вступал я в святылище Палестины, и оно так же показалось мне родственным, ибо я был уже прежде в Воскресенске. Есть невыразимое чувство родства, которое сближает нас не с одними людьми, но и с неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звук, повеет ли знакомым запахом воздух, повторится ли глазам прежний очерк – и звук, и запах, и очерк – всё родное, и радуется им сердце как бы своим.*

– Что скажете? – спросил архимандрит.

– Я в Палестине...»

Я недаром привела здесь значительный отрывок главы из книги, повествующей о приезде Муравьева в Новый Иерусалим. Вспомним год посещения Воскресенской обители – 1830-й (кни-

га вышла в 1832 году) Ещё раз, в этом же году, в августе, Муравьёв приезжал вместе с Михаилом Погодиным, профессором Московского университета, и поэтом Языковым, а двумя-тремя днями позже, 14 августа, в Святые ворота Ново-Иерусалимского монастыря вошёл молодой поэт М. Лермонтов. С 2-3-дневной дистанцией четыре известных в XIX веке человека были в обители. Они ещё ничего не знали друг о друге.

Андрей Николаевич Муравьёв познакомился с Михаилом Лермонтовым спустя четыре года, ему дали прочесть тетрадь стихотворений поэта, достоинствами которых он был «изумлён». В 1835-1836 годах Лермонтов довольно часто встречался с А. Муравьёвым и, конечно, прочёл его «Путешествие ко Святым местам». Андрей Николаевич подарил ему пальмовую ветвь, привезённую из Святой земли. На квартире Муравьёва, в Петербурге, в ожидании хозяина, в его молельне, Лермонтовым было написано знаменитое:

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*Забытой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!..*

Андрей Николаевич Муравьёв пережил Лермонтова немало. Он умер в 1874 году. Незадолго до смерти он записал воспоминания о Лермонтове, о встречах с ним.

С именем Муравьёва связан первый, волнительный эпизод ожидания Лермонтовым репрессий от государя за написанное им «На смерть поэта». Муравьёв пытался смягчить участь поэта через двоюродного брата – управляющего III отделением Мордвинова.

...Жаркое лето 1830 года было для юного Лермонтова необыкновенно насыщенным и значительным. Началось оно с трагических событий в семье. 3 июня в Севастополе был растерзан взбунтовавшимися солдатами временный военный генерал-губернатор Николай Алексеевич Столыпин – двоюродный дед Лермонтова (брат бабушки поэта). Это был так называемый «чумной бунт», а к Москве из южных провинций и Поволжья (как раз в Саратове были столыпинские земли) подступала холера. В России было очень беспокойно.

Лермонтов в это время готовился в Московский университет. Михаилу Погодину, одному из трёх посетителей Воскресенского монастыря, он сдавал вступительный экзамен – историю. 1 сентября 1830 года в правлении Московского университета слушалось донесение членов приёмной комиссии, экзаменовавших абитуриентов, – Лермонтов был принят на нравственно-политическое отделение университета.

А пока было лето – каникулы. Лермонтов гостил с бабушкой в Середниково – подмосковном имении Столыпиных, куда и

пришло сообщение о гибели в Севастополе Николая Столыпина. Бабушка теряла третьего брата за четыре года... Елизавета Алексеевна решила идти на богомолье по святым монастырям, чтобы отслужить по убиенному панихиду.

Есть предположение у биографов Лермонтова (основанное на воспоминаниях Е. Сушковой), что паломничество к двум обителям – Сергиевой Лавре и Воскресенской – семья совершила за одну поездку из Середникова. Предполагаю это неверным. 14 августа, в первый день Успенского поста, из усадьбы Столыпиных Середниково, ранним утром, отправилась большая компания (молодёжь, родственники, бабушка Елизавета Алексеевна в трауре) в Ново-Иерусалимский Воскресенский мужской монастырь. Тогда не было Волоколамского шоссе, тем более железной дороги. Из Середникова ехали трактом до Юрлова, далее почти лесной дорогой – до Воскресенска (18 километров), примерно два часа езды.

Вспомним описание дороги к обители, данное Муравьёвым в его книге, бывшего здесь незадолго до приезда Лермонтова: *«...Не доезжая Воскресенска, пошёл я пешком к обители, прямо через поле, чтобы более себе напомнить уединённое странствие по пустыням Палестинским; но я потерял настоящее направление ко храму, который был заслонён рощей, и только издали увидев часовню Елеонскую, мог опять выйти на дорогу. Патриарх Никон дал имя Елеона сей часовне и воздвиг её в том месте, отколе обозревал он с царём Алексеем Михайловичем, во дни их духовной приязни, избранное ими поприще для оби-*

тели, и здесь царь назвал её Новым Иерусалимом, как о том свидетельствует надпись на кресте внутри часовни»... (напротив школы имени Чехова, где прежде стояла эта часовня, сейчас хилый скверик).

«Отсель на расстоянии полуверсты до Святых ворот насажена, через малую лощину, узкая берёзовая аллея, с правой стороны близко подступила к стенам Нового Иерусалима крутоберёгая, излучистая Истра, названная Иорданом по воле патриарха»...

Всё это, описанное Муравьёвым, предстало перед взором паломников из Середникова. Весь наш монастырь во всём своём величии открылся им.

14 августа в Русской церкви празднуется Изнесение честных древ Животворящего Креста Господня. В этот день освящают воду. Вместе с водным освящением совершается и освящение мёда, так называемый первый медовый Спас – «Спас на воде». В середине дня, когда паломники отстояли богослужение, был совершён крестный ход на воду, на реку Истру-Иордан. Шёл он, как и сейчас, через Гефсиманский сад, мимо скита патриарха Никона, к реке.

Большой интерес у семьи вызвал Ново-Иерусалимский некрополь – захоронения в монастырских приделах и у стен церквей. Были и «знакомые» могилы. Сын русского полководца Александра Суворова – Аркадий Александрович – был похоронен (1811 год) рядом со своей матерью (1806 год) в приделе Благоразумного разбойника в церкви Елены и Константина

(обе надгробные доски из чугуна сохранились). Аркадий Александрович Суворов был сослуживцем по турецкой кампании старшего брата Елизаветы Алексеевны – Александра Алексеевича Столыпина.

Столыпин был адъютантом полководца, его первым биографом и, по его свидетельству, Аркадий Александрович – сын князя Суворова-Рымникского – *«складом ума, характером и воинским дарованием напоминал отца»*. Погиб он при переправе через реку Рымник в 1811 году.

И бабушка, и двоюродный дед наверняка рассказывали внуку – Мише Лермонтову – о хорошо знакомом им человеке, который, как говорили современники, многими качествами не уступал своему знаменитому отцу.

Это лето 1830 года перед университетом стало для Лермонтова началом острого интереса к истории России, к международным политическим событиям, увлечения поэзией Байрона.

Это лето было полно также тревог и душевного смятения: зимой он последний раз увиделся с горячо любимым отцом, трагедия невозможности быть вместе с родственной душой убивала Лермонтова. Ещё раз он увидит отца уже в гробу через год.

Это лето – начало *«графических дневников»* поэта. Он не прятал записанные события в дневник, а дневник – в потаённое место, как это делали многие. Он открыто и много рисовал и зарисовывал, но в рисунках учился скрывать свои тайные образы и мысли. И наконец, он впервые в это лето узнал и посетил Святые для каждого христианина места, хорошо знакомые

ему по Библии и Евангелию, так чудесно воплощённые патриархом Никоном в храмах Ново-Иерусалимского монастыря. Гефсимания, Голгофа, Святой Гроб Господень – всё удовлетворяло *«ищущих желанного сходства обоих Иерусалимов»*.

...Уже под вечер, перед возвращением домой, молодёжь разбрелась по монастырю, читая эпитафии, наслаждаясь красотой строений. А молодой Лермонтов стоял заворожённый возле *«пустынного столпа»* – скита патриарха Никона и всё волнение его вылилось в строки стихов, которые он набросал, стоя у стены пустыни, а по возвращении в Средниково в этот же день переписал в тетрадь.

*Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней ещё горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братии ко всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь, – всё, всё без слов
Нам говорит о таинстве гробов...*

В тесной маленькой церкви Михаила Архангела прямо под Голгофой Лермонтов был у гробницы великого патриарха. Тяжёлые, кованые вериги, которые постоянно носил на своём

теле патриарх-постник, его складная медная икона, келейная икона Богородицы – это всё, что украшало гробницу.

Л. Н. Шаталова

*Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.*

Вот так домыслился мне жаркий день 14 августа 1830 года, который дошёл до нас лишь несколькими скупыми строчками воспоминаний.

А Сергиеву Лавру бабушка и внук, столыпинская родня посетили позже, где-то 16-17 августа, и уже из Москвы.

Молодёжь совершила пешее паломничество.

Житель Истры, паломник, путешествующий – полюбивший нашу Ново-Иерусалимскую обитель, узнавший её «изнутри» через живое храмовое богослужение, поймёт мою уверенность, что посещение её в 1830 году Лермонтовым оставило глубокий след в душе поэта и отразилось в дальнейшем в созданных им литературных и графических сюжетах.

Исследования продолжаются...

Часть вторая

Портреты на полях рукописей

Журнал
ИСКУССТВО

1979, №9. С. 61-64

Людмила Шаталова

Рисунки М. Ю. Лермонтова

Всё, что касается Михаила Юрьевича Лермонтова, для нас имеет бесценное значение. Особенно когда речь идёт о его творчестве как литературном, так и изобразительном.

Сопоставление известной работы В. Ф. Бинемана, изображающей Н. Ф. Иванову, и рисунка М. Ю. Лермонтова «Молодая женщина и старуха» навело на мысль о сходстве моделей. Считая рисунок М. Ю. Лермонтова изображением Н. Ф. Ивановой, я увидела то, что так долго скрывалось от глаз. Тут следует с признательностью сказать о поисках и исследованиях И. Л. Андроникова «Загадка «Н.Ф.И.» выяснена».

Сравним два рисунка. Рисунок художника Бинемана – портрет Наталии Фёдоровны Обресковой (урождённой Ивановой), относящийся к 1834-1836 годам (ко времени её замужества), – познакомил нас с обликом молодой женщины, которой поэт

посвятил более тридцати стихотворений, целый лирический дневник, повествующий о глубоком чувстве и истории трагической любви.

Сопоставляя портрет В. Ф. Бинемана и рисунок М. Ю. Лермонтова, надо сразу подчеркнуть, что перед нами не современные фотодокументы, а работы разных художников. Они исполнены в 30-х годах прошлого века. И тем более поразительно совпадение черт лица изображённых молодых женщин, абриса их фигуры.

Во многом автобиографической романтической драме «Странный человек» М. Ю. Лермонтов в предисловии написал: *«Лица, изображённые мною, все взяты с природы...»* Способ, методика работы М. Ю. Лермонтова как художника – активное изучение натуры. Он рисует отдельные сюжеты из своих стихов, сценки из военной жизни, портреты близких ему людей. И, как правило, делает это с натуры.

Занятия живописью и графикой органично связаны с литературным творчеством М. Ю. Лермонтова. Метод зарисовки использован и отработан в кочевой жизни поэта. Познавать жизнь ему помогал глаз художника.

Несмотря на то, что рисунок Лермонтова выполнен в начале 30-х годов (в 1832 году), а рисунок Бинемана, как уже было сказано, в 1834-1836 годах, уже после замужества Ивановой, вышедшей за Обрескова, тождественность черт, отразившаяся на двух портретах, сохранилась. Различие есть. Но это различие – изменение одной модели.

Посадка головы, роскошные покатые плечи, открытые глубоким декольте, характерные небольшие отклонения от «классических» пропорций лица (чуть утяжелённый подбородок), ямочки в углах губ и короткая шея – всё свидетельствует о том, что перед нами один и тот же человек.

*В. Бинеман.
Портрет Н. Ф. Ивановой.
1834-1836 годы*

На рисунке В. Ф. Бинемана изображена молодая женщина с длинными волосами с двойным пробором, локонами на висках (модными в те годы). Лицо почти классических пропорций. Высокий открытый лоб, прямые тонкие брови, миндалевидный разрез глаз с углублённым молчаливым взглядом, небольшой пропорциональный нос, чуть короткая шея, говорящая о миниатюрности и грации всей фигуры. Характерная посадка головы на округлых плечах, покатых, женственных очертаний. Высокий бюст,

декольтированный сильно открытым лифом платья, белизна нежной кожи лишь слегка оттенена светлыми кружевами. Платье тёмное. Образ полон мягкой женственности.

На рисунке М. Ю. Лермонтова, изображающем жанровую сцену, мы видим портрет девушки с теми же чертами лица.

Сходство полное. Черты лица, зафиксированные рукой профессионала (Бинемана) и рукой поэта, чрезвычайно схожи.

Перед нами два видения и два способа художественного выражения. Эти произведения, связанные работой над одной моделью, отличаются по своим задачам. В одном случае профессиональный аналитический портрет, в другом – поэтический набросок. У Бинемана передана внешняя привлекательность «Н. Ф. И.», а у Лермонтова основное – её одухотворенность. Мы видим здесь следы личного сопереживания поэта, его чувства, в чём-то близкого стихотворениям, посвящённым этой девушке. Такой её знал М. Ю. Лермонтов. В 1831 и 1832 годах его мысли заняты Н. Ф. Ивановой. Он посещает её дом, пишет свой поэтический дневник в стихах, рисует её портрет. Это интересное и многогранное творческое воплощение чувства.

Присутствие старухи в очках (няни), исполняющей роль некоего Аргуса, присматривающего за девушкой на выданье, делает лермонтовскую сцену словно бы жанровой. Но если вспомнить постоянные художественные пристрастия поэта к таким мастерам как Перуджино, Гвидо Рени, Рафаэль и Рембрандт, то в этой жанро-

М. Ю. Лермонтов.
Молодая женщина и старуха.
1832-1834 годы

вости, быть может бессознательно, отражаются излюбленные этими мастерами композиционные схемы.

Нам думается, можно сделать вывод о том, что молодая девушка на рисунке Лермонтова – изображение Натальи Фёдоровны Ивановой, сделанное с натуры поэтом. Как уже говорилось, этот образ глубоко волновал его.

Лермонтов оставил много акварельных портретов и рисунков своих друзей, близких ему людей. Женских образов среди них мало. Но портреты Вареньки Лопухиной дают возможность утверждать, что Лермонтов рисовал женщин, для него наиболее дорогих, находя в них не только «красоты наружной совершенство».

Предложенная здесь гипотеза поможет ввести в научный оборот ещё один портрет Натальи Фёдоровны Ивановой, выполненный поэтом, и добавить несколько штрихов к характеристике жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова.

В Пушкинском доме в Ленинграде (ИРЛИ АН СССР) хранятся бесценные рисунки и рукописи творцов русского искусства. Достойное место занимает наследие М. Ю. Лермонтова. Изучая его рисунки, я заинтересовалась любопытной для своего времени автолитографией М. Ю. Лермонтова «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби», подписанной автором. Это его первый опыт в литографии. Рассматриваем оттиск, и в глаза бросается невольная ошибка автора, происшедшая из-за недостаточного опыта в технике литографии. Здесь много сложных

и непривычных для художника приёмов, требующих большой и кропотливой работы*.

Не стал он заниматься «механическим» и скучным переводом рисунка на камень в обратную сторону, а выполнил его так, как если бы он рисовал его на бумаге. Отлично ложились на охристую поверхность камня лёгкие, почти без нажима жирного литографического карандаша штрихи.

Лермонтов быстро выстроил шатёр из горных вершин, тщательно прорисовал фигурки пешего и конного горцев (кстати, на оттиске пеший горец – левша). Все мелкие детали «поддержаны» в контуре пёрышком с литографской тушью. Первый план выполнен сильным размашистым штрихом, с нажимом на боковую грань карандаша-палочки; работалось с увлечением. Однако полученный оттиск не мог не озадачить автора.

Тщательно построенный в эскизе рисунок на оттиске «развалился». А ведь заранее всё было прорисовано по канону классической композиции. Наибольшую нагрузку несла левая кулиса, плотно утрамбованная широким бархатисто-чёрным штрихом, затем – ход в глубину, которую подчеркивала увеличивающаяся лёгкость дальних планов, вплоть до самых невесомых, граничащих с небом, чуть намеченных, чуть тонированных кулис. Зубчатая стена горы, лежащей уступами, спу-

* В музее Пушкинского дома имеются три оттиска, один из них подкрашен вручную акварелью и корреktирован автором. Ещё два оттиска находятся в Государственном Русском музее в Ленинграде.

скалась вниз к бурному горному потоку. Второй план занят монолитной скалой, а на ней старая крепость – сторожевой великан. Направление штрихов, пятен – всё было организовано в рисунке-эскизе, а на оттиске эта организация распалась.

Автор пытался спасти композицию – один из подкрашенных оттисков свидетель таких попыток. Цветовое решение этого листа красиво, правда, под акварелью литографский штрих исчез, и изображение, полностью прописанное красками, потеряло графический язык. К тому же оттиск «замучен» еще одной правкой. Автор принимается «во спасение» под-

М. Ю. Лермонтов. Кавказский вид возле селения Коби. Литография

правлять композицию, на левой стороне появляется «еловый лесок» (!). Сама раскраска продумана и нанесена верно. Первый план почти пастозно покрыт горячей красной охрой, задник выдержан в голубо-зелёных холодных оттенках. Есть тонкие цветовые переходы, валерность и так далее как полагается в пленэрной живописи. Но всё несколько безжизненно. Особенно по сравнению с живописным полотном, родственным по мотиву. Исследователи изобразительного искусства М. Ю. Лермонтова назвали это полотно «Кавказский вид возле селения Коба». Интерес к запомнившемуся мотиву, требователь-

Реконструкция рисунка М. Ю. Лермонтова

ность к себе заставляли поэта несколько раз возвращаться к этому горному пейзажу.

Непросвещённым людям может показаться безразличным, как «читать» изображение – слева направо или справа налево. Смотрясь в зеркало, мы просто не замечаем, вернее, не задумываемся, что правая щека должна быть зеркально перенесена налево, а в искусстве это всё не так просто. Композиция, построенная однажды, не терпит изменений. «Прочтение» её с разных сторон даёт различное впечатление.

Лермонтоведам было известно, что литографический оттиск перевёрнут, рисунок-эскиз получил здесь зеркальное отражение. Одна из основных трудностей работы над литографским камнем состоит в том, что оттиск будет иметь обратный вид. Поэтому наносить рисунок на камень надо в перевернутом виде. Но никто из исследователей наследия Лермонтова ранее не ставил себе задачу восстановить лермонтовский оригинал-рисунок. Мне показалось, что это интересно сделать.

*«А там вдали, чредой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной
Тянулись горы...»*

Кавказский пейзаж. Во всём – гармония и спокойствие. Все правила соблюдены. Композиция уравновешена. И если сравнить рисунок с оттиском, то видно, как сильно изменился он от ошибки в работе с литографским камнем.

В 1837 году М. Ю. Лермонтов прислал своему учителю П. Е. Заболоцкому, у которого брал уроки, будучи офицером, в подарок двадцать своих кавказских рисунков, «снятых» им на скорую руку. Из них сохранилось лишь четыре рисунка, один из них – автолитография.

Теперь мы можем видеть ещё один рисунок М. Ю. Лермонтова «Вид крестовой горы из ущелья близ Коби». Дважды использованный оригинал-эскиз предстаёт таким, каким поэт наносил его на литографский камень. Сделанный для литографии, он полон того поэтического чувства, которое соединяет впечатление о природе с литературными и живописными образами. Он живёт для нас как вдохновенное воспоминание поэта.

Журнал
РАБОТНИЦА

1980, №6. С. 22-23

Людмила Шаталова

«Всю душу посвятить тебе...»

Более ста лет продолжается изучение наследия и биографии великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. К сожалению, сведений о личной жизни поэта сохранилось очень мало, а то немногое, что известно, порой оказывается недостаточно достоверно.

*...Всю душу посвятить тебе, –
И больше никому на свете!*

Перед этими строками, взятыми из посвящения к драме Лермонтова «Люди и страсти», в черновом листе были первоначально поставлены какие-то инициалы, позже зачеркнутые поэтом. На том же листе находился сделанный рукой Лермонтова рисунок – портрет молодой девушки.

Кто это? Внимательно рассматривая рисунок, я вспомнила виденную ранее миниатюру на слоновой кости, выполненную художником Гинтцу, – портрет Натальи Фёдоровны Ивановой и её же парадный портрет, сделанный карандашом в гравюрной манере художником В. Ф. Бинеманом. В парадном портрете присутствовали все ухищрения косметики и великосветской моды. Скромнен по сравнению с ним рисунок Лермонтова! Но я убеждена, что портрет, возникший рядом с посвящением, – первое изображение Наташи Ивановой, и весь цикл стихов, вся ранняя лирика поэта, относящаяся к 1830-1832 годам, проникнуты одной мыслью: «Всю душу посвятить тебе...» В стихах юный Лермонтов изливает свои чувства, а в рисунке пробует воссоздать черты той, которая их вызвала к жизни. И в словах и в рисунке – нежность и трепетность: «Тебе одной...» В стихах как будто бы всё сказано, но вот появился рисунок, и рука поэта зачеркивает обозначенные ранее инициалы посвящения. Может, потому, что рисунок вполне способен заменить их, стать своеобразным шифром к рукописи?

Имя Н. Ф. Ивановой впервые ввёл в биографию поэта И. Л. Андроников. Он же и отыскал портрет работы Бинемана. На основании беседы с внучкой Ивановой Н. С. Маклаковой Анд-

роников утверждал, что драма «Странный человек» и посвящение в стихах были собственноручно переписаны Лермонтовым и подарены Наталье Ивановой.

Портрет Н. Ф. Ивановой работы художника В. Ф. Бинемана

О том же, что и на рисунках поэт изображает её, тайную свою любовь, до сих пор известно не было... На основании долголетнего опыта художника берусь утверждать, что рисунок, набросанный на полях рукописи с посвящением, сделан по памяти.

На рисунке – Наташа Иванова, дочь Фёдора Фёдоровича Иванова, московского драматурга, впоследствии – не ранее 1836 года – вышедшая замуж за Н. М. Обрескова. Познакомился с ней Лермонтов в Москве, в 1830 году, скорее всего их познакомил друг покойного Фёдора Фёдоровича – Мерзляков, преподаватель русской словесности благородного пансиона при Московском университете, в котором учился поэт. Наталья Фёдоровна не просто понравилась, но и вызвала большое чувство у Лермонтова. Молодые люди стали встречаться. Не только в Москве, но и в Тимонове на Клязьме, где

летом жила Наташа, а по соседству, в Середнякове, имении родственников Лермонтова Столыпиных, поэт четыре года проводил каникулы.

Но вернёмся к лермонтовской рукописи. На оборотной стороне одного из черновых листов, на котором находятся и посвящение, и рисунок, Лермонтов перечислил действующих лиц трагедии «Люди и страсти». Среди них «*Любовь – 17 лет*».

Н. Ф. Ивановой тогда было 17 лет. В том же 1830 году Лермонтов набрасывает план, по-видимому, трагедии «Люди и страсти»: «*Его история. Его любовь к отцу. Приезд архиерея. История одного монаха. Весна. Любовь к неизвестной*».

Во всех ранних произведениях поэта присутствуют автобиографические мотивы. В предисловии к романтической драме «Странный человек» он это подтверждает сам: «*Лица, изображённые мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтоб они были узнаны...*» Именно потому легко предположить, что «неизвестная», обозначенная в плане, и девушка, изображённая на страницах «Посвящения», – одно и то же лицо. Это подтверждается и сюжетом драмы «Странный человек», где герой – поэт Арбенин – влюблён в Наталью Фёдоровну Загорскину, которая поначалу относится к нему с интересом, а затем отвергает.

Разве не то же произошло и с самим Лермонтовым?

В моём исследовании рисунков поэта (публикация об этом была в журнале «Искусство» в 1979 году) я утверждала, что на рисунке, условно названном искусствоведами «Молодая женщина и старуха», черты молодой женщины – это черты Н. Ф.

Ивановой. Рисунок выполнен поэтом на отдельном листе скорее всего для себя. Но, чтобы личность Ивановой не была раскрыта современниками, Лермонтов ввёл в него второй персонаж – старуху-дуэнью.

*И на этом рисунке Лермонтова
та же молодая женщина*

Сравнение рисунков Лермонтова с известными портретами В. Ф. Бинемана и Гинтцу убеждает, что поэт изображал на них Н. Ф. Иванову.

Эту гипотезу подтвердили выводы и мнения специалистов, а также заключение экспертизы ВНИИ МВД СССР. Таким образом, стали известны ещё два портрета Натальи Фёдоровны Ивановой, выполненные Лермонтовым.

Вот что написала по этому поводу старший научный сотрудник Государственного литературного музея З. В. Гротская: «Сравнение и описание художницей Шталовой рисунков В. Ф. Бинемана и М. Ю. Лермонтова кажутся мне несомненно убедительными и представляют большой интерес для самого широкого круга людей. Лермонтоведам это даст возможность ввести в научный оборот рисунки М. Ю. Лермонтова с Н. Ф. Ивановой».

А действительный член Академии художеств СССР, профессор, доктор искусствоведения М. Алпатов считает, что «московский художник-график Людмила Николаевна Шаталова, написавшая статьи о Лермонтове, соединила в своих исследованиях зоркость художника с проникновенным литературоведческим анализом...»

Спустя какое-то время мною был обнаружен ещё один рисунок Н. Ф. Ивановой, сделанный поэтом на черновике рукописи стихотворения «Стансы», помеченного тем же 1830 годом. В отличие от первого рисунка он профильный и выполнен пером. Прежде биографы Лермонтова считали, что это портрет Е. А. Сушковой. Но едва ли строки «Стансов» могли быть посвящены женщине, о которой поэт говорил: «Эта женщина – летучая мышь, крылья которой зацепляются за всё встречное». «Крылья» Сушковой зацепились и за добрую память поэта, бросив на неё свою тень. Ложный, фальсифицированный образ Лермонтова создала Е. Сушкова в своих «Записках», и он, к сожалению, вошёл в сознание не только читателей, но и некоторых биографов поэта. Не потому ли эти биографы считали «Стансы» и ряд других стихотворений, как потом оказалось, посвя-

щённых Н. Ф. Ивановой, посвящёнными другим знакомым Лермонтова – Е. Сушковой, А. Столыпной, В. Лопухиной...

В свете этих новых находок поэт предстает перед нами во всей цельности и глубине натуры, способной на большое, серьезное чувство. Лучшее доказательство тому эти обращенные к Наталье Ивановой строки:

*...и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрёшь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твоё: на что им мёртвых разлучать?*

1831 года июня 11 дня.

Журнал
Знание—сила
1980, №11. С. 34-35

Людмила Шаталова

Портреты на полях рукописей

*Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним.
«Эпитафия»*

Поэзия Лермонтова входит в нашу жизнь очень рано – и навсегда. Немного найдётся людей, для которых юношеское увлечение его стихами прошло бесследно. Исповедальный характер поэзии Лермонтова во многом был обусловлен романтическим мироощущением автора, во многом, но не целиком. Само увлечение романтизмом с его культом страдания одиночества, пафосом смерти едва ли было случайно для поэта, чья личная судьба сложилась поистине трагически. «*Последний по-*

томок отважных бойцов» прожил на свете всего 26 лет – и каких лет! Благодаря трудам биографов Лермонтова восстановлена событийная канва его жизни. Но жизнь – это не только события. Никакие мемуары, документы, свидетельства не смогли бы так достоверно рассказать о многообразных проявлениях его душевного мира, о страстях, о борьбе чувств, словом, о том, что одухотворяет его творчество. Именно в произведениях – истинная жизнь Лермонтова, настоящий, невымышленный образ поэта.

А на полях рукописей – рисунки... Пушкин, по словам современников и исследователей, *«рисовал беззаботно, не усердствовал, не искал, не отделял»*. О Лермонтове того же не скажешь. Его рисунки не возникают мимоходом, они выношены, прочувствованы и продуманы. Они, как и поэзия, драматичны.

Графику Лермонтова начали изучать сравнительно недавно, а между тем она заслуживает не менее пристального внимания, чем графика Пушкина, Гоголя, Жуковского, Тургенева, ведь рисунки не отделимы от литературного творчества. Как индивидуален и неповторим литературный почерк, так же индивидуальны и неповторимы рисунки. Они возникают как результат сложного ассоциативного движения мысли, как стремление автора, иногда неосознанное, *«договорить рисунком недосказанное слово»*.

В рисунках Лермонтова изобразительный образ возникает из образа литературного. Поэтому рисунки поэта надо рассмат-

ривать не сами по себе, а параллельно с текстом, которому они сопутствуют. Соотнесение литературного и изобразительного образов даёт возможность проследить движение авторской мысли, правильно расставить акценты, понять смысл произведения. Они дополняют и поясняют друг друга, и иногда рисунок на полях рукописи может дать для понимания произведения больше, чем тщательный текстологический анализ.

Нередко на рисунках Лермонтова можно видеть портреты (мужские лица, женские очень редко). До сих пор они не все узнаны. Но здесь многое можно сделать, сопоставляя рисунки с текстом, породившим их, и с иконографией известных людей из окружения поэта, созданной разными художниками.

Добавлю, что по профессии я – художник и смотрю на рисунки Лермонтова как профессионал, в данном случае это немаловажно. Вот перед нами – рукопись трагедии с названием на немецком языке «Menschen und Leidenschaften», «Люди и страсти» (1830 год). В ней воссозданы истинные события, выведены на сцену реальные герои. Автобиографический элемент трагедии – трагедия семейная, сыгравшая столь роковую роль в судьбе поэта. Распря между отцом и бабушкой Михаила Юрьевича, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, усугубилась после смерти его матери, Марии Михайловны. Елизавета Алексеевна считала брак дочери мезальянсом. О совместной спокойной жизни с зятем речи быть не могло.

Отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов, родился в 1787 году. Известно о нём немного. Единственный официальный

документ, полковой указ от 7 ноября 1811 года, гласит, что Юрий Петрович «уволен от службы капитаном и с мундиром».

Отдалённейший предок Лермонтовых происходил из Шотландии. Ещё в XI веке в Англии была известна рыцарская фамилия Лермонт. Эту же фамилию носил и легендарный шотландский бард XII века, воспетый Вальтером Скоттом. Тома Лермонт, автор одного из вариантов бессмертного романа «Тристан и Изольда». Из «поколенной росписи», найденной недавно, стало известно, что род Лермонтов, породнившись сначала с родом Гордонов, а затем Байронов, дал миру и великого Джорджа Гордона Байрона (открытие советского писателя О. Горчакова).

Ю. П. Лермонтов.
Фото с утраченного
портрета

В стихотворениях «Гроб Оснана» и «Желание» М. Ю. Лермонтов называет Шотландию «моей», а себя – «последним потомком отважных бойцов». В это же время поэт искал истоки своего рода и в Испании, предполагая легендарным предком некоего герцога Лерму, во время борьбы с маврами бежавшего из Испании в Шотландию. (Отсюда интерес Лермонтова к испанским темам и сюжетам, повторяющимся как в поэтических произведениях, так и в рисунках; сохранился даже портрет воображаемого предка, максимально приближенный по сходству к автопортрету.)

В 1613 году в русский плен попал служивший в польском войске шотландец Георг Лермонт. Поступив в Московии на военную службу, он навсегда остался здесь. Так возникла русская ветвь рода Лермонтов. Внуки и правнуки Лермонта занимали придворные должности при московских царях, но со временем род оскудел. Прадед поэта, уйдя в отставку, поселился в деревне Кропотово Тульской губернии. Здесь, видимо, и родился Юрий Петрович.

По словам М. М. Сперанского, известного государственного деятеля начала XIX века, Юрий Петрович был «замечательный красавец, но пустой, странный и даже худой человек». Отношения, сложившиеся в семье Лермонтовых, закрепили за отцом поэта эту характеристику, пережившую, к сожалению, его самого. Достаточно сказать, что малодостоверное свидетельство графа М. М. Сперанского, в то время пензенского губернатора, дополненное более поздними вымыслами, стало переходить из одной биографии в другую. Есть серьёзные основания сомневаться в справедливости такой оценки Юрия Петровича.

Е. А. Арсеньева поставила перед зятем условие: или он отдаёт ей внука на воспитание и тем самым обеспечивает его благополучие, или она лишает внука наследства. Лишение наследства в то время

Рисунок Лермонтова
на полях рукописи
«Ангел смерти»

не было пустой угрозой. Что оставалось делать Юрию Петровичу? Желая дать сыну хорошее образование и не располагая для этого средствами, он подчинился. Отца и сына «разлучили» и в дальнейшем они виделись очень редко.

В чём было дело? Только ли в наследстве? Быть может, Юрий Петрович не захотел обрекать на одиночество мать любимой им женщины? Многое здесь пока остается неясным.

Несомненно одно: отец и сын питали друг к другу глубокую любовь и уважение. Тому немало свидетельств. Вот, например, красноречивые выдержки из письма, проливающие свет на историю отношений сына и отца: *«Хотя ты ещё в юных летах, но я вижу, что ты одарён способностями ума – не пренебрегай ими и всего более страшись употребить оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчёт Богу!»*

Сколько заботы и тревоги звучит в этих строчках! По-видимому, отец интересовался всем, что касалось сына, а тот отвечал ему таким же тёплым чувством. 28 января 1831 года, за несколько месяцев до смерти, Юрий Петрович составил духовное завещание. Прочтите несколько строк из него:

«...Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и за нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою...»

И далее: *«...Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя и самой чувствительнейшею*

для себя потерю, и Бог вознаградил меня, ибо я вижу, что я в сердце и уважении твоём ко мне ничего не потерял...» Как видно из завещания, между отцом и сыном было полное согласие и взаимопонимание.

Однако главное доказательство их духовной близости мы находим в произведениях М. Ю. Лермонтова. Приведём в пример высказывание героя трагедии «Люди и страсти» Юрия Волина (разговор с бабушкой М. И. Громовой): *«Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь».*

Чем же объяснить, что образ отца всегда жил в душе Лермонтова? Вероятно, помимо кровного родства, было нечто более важное, более ценное, что сближало их. Это «нечто» – родство духовное, внутренняя близость, рождённая, быть может, сходством характеров и судеб. Оба – люди «нелёгкие», «некоммуникабельные», оба были светским обществом отвергнуты. И итог один – одиночество. Но для одного – поэта-романтика – одиночество стало источником вдохновения, а для другого – отца поэта – медленным умиранием. Таким он и предстаёт перед нами в стихах сына – человеком глубоко несчастным, страдающим, обречённым. Чем продиктованы строки, послужившие эпиграфом к статье? Только ли

Портрет
Ю. П. Лермонтова

сыновним долгом? Нет, в них – живая боль, и любовь, и сострадание – то, что делает образ Юрия Петровича столь выразительным. Однако и этот образ был бы недостаточно полным, не окажись в нашем распоряжении ценнейших свидетельств – рисунков на полях рукописей его гениального сына.

Как выясняется, Юрий Петрович был увековечен не только в стихах и поэмах. Вот перед нами стихотворение «Желание», «Зачем я не птица, не ворон степной». В нём явственно слышен отголосок семейной трагедии, которую поэт переживал очень мучительно. Написанное в минуту сильного душевного потрясения, стихотворение поражает настроением тоскливой безысходности. Это настроение пронизывает всё произведение. В нём тоска по цветущей родине предков, неведомой и пленительной, и стремление к жизни иной – вольной, просторной, независимой, и в этом стремлении – попытка обрести внутреннюю свободу и груз предчувствий, тягостных и мрачных. На полях автографа с пометкой автора «Середниково. Вечер на бельведере» – рисунок, вернее, набросок мужской головы в профиль. Лицо, изображённое на рисунке, очень характерно и выразительно. Учитывая содержание стихотворения и историю его создания, можно предположить, что на рисунке изображён отец поэта – Ю. П. Лермонтов. Необходимо сопоставить рисунок с сохранившимися портретами Юрия Петровича. Пока мы знаем только два его портрета, причём авторы обоих неизвестны. На одном из них, пояском, в три четверти изображён мужчина с тёмными вьющимися волосами и небольшими

баками. Одет в чёрный фрак и белый жилет, с высоким белым галстуком и белым жабо. Почти фотографическая, по-видимому, точность изображения очень помогает при сопоставлении. Тщательное сравнение внешних черт с учётом разницы в возрасте оригинала и индивидуального восприятия художником модели позволило установить тождество изображений. Рисунок Лермонтова по психологизму, несомненно, превосходит оба портрета. Лицо на рисунке живое, страдание явно наложило на него неизгладимый свой след: удручённость, затаённая скорбь, неудовлетворенность прожитой жизнью.

Обратимся ещё к одному произведению, эмоционально примыкающему к стихотворению «Желание», – поэме «Ангел смерти», датируемой 4 сентября 1831 года. В содержании поэмы много такого, что наводит на мысль и о её автобиографической основе. Взаимоотношения Зораима с возлюбленной, история их любви, жизни и смерти – всё здесь напоминает о реальных людях с их страстями и невзгодами, о реальной житейской ситуации. Кто же такой Зораим – страдалец, уединившийся от людей и нашедший временное успокоение в объятиях любящей его Ады? Кто стоит за образом Ады, умер-

Рисунок Лермонтова
на полях рукописи
«Желание»

шей так рано? Чем навеян пленительный и жуткий образ Ангела смерти? Ответы на все эти вопросы нужно искать в рукописи и на полях рукописи. Что же мы видим на полях автографа поэмы? Уже знакомый нам набросок мужской головы в том же профильном повороте, что и в автографе «Желания», те же черты, похожее выражение лица. Неужели и здесь – Юрий Петрович? Есть все основания утверждать это. Две строки из стихотворения «Эпитафия», написанного на смерть отца, без изменения перенесены в поэму. «Эпитафия» – прощание с близким человеком, надгробное слово на могиле друга. Поэт сравнивает участь отца со своей участью – увы! – сходство пора-

Фрагмент титульного листа повести «Вадим» с рисунками поэта

зительное. Удел обоих – «страдать без всяких признаков страдания». Не в том ли их вина перед обществом? Мысль о том, что «легче плакать, чем страдать без всяких признаков страдания», несёт у Лермонтова большую смысловую нагрузку, в стихотворениях, посвящённых отцу, она как бы образует подтекст, присутствует она и в «Ангеле смерти». Случайно ли?

Итак, «Желание» и «Ангел смерти» объединены образом изобразительным. «Эпитафия» и «Ангел смерти» – образом литературным. Все три произведения написаны в одной тональности и, видимо, под влиянием одного сильного впечатления – семейной драмы. Всё это дает основания предполагать, что на полях рукописи поэмы «Ангел смерти» изображён отец поэта – Юрий Петрович. Это очень важно, ибо, в свою очередь, проясняет в поэме некоторые автобиографические элементы.

Некоторое время спустя нашелся третий рисунок, на котором узнаются черты Юрия Петровича. Это черновой автограф стихотворения «Измученный тоскою и недугом...» (необходимо заметить, что в рукописи он следует непосредственно за «Эпитафией»). Рисунок здесь выполнял и функцию иллюстрации. Он показывает человека измученного и страдающего. «Рубленый» штрих рисунка очень динамичен и выразителен. Стихотворение это обращено к Наталии Фёдоровне Ивано-

Рисунок на черновой рукописи «Измученный тоскою и недугом...»

вой – горькое расставание с ней совпало с трагедией в жизни Лермонтова; он только что потерял любимого отца. Встреча в строках одного произведения двух этих дорогих Лермонтову людей не единична, вспомним ещё стихотворения «Я видел тень блаженства...» и «Ужасная судьба отца и сына...» В них также говорится и об отце, и о любимой девушке.

На обложке юношеской повести «Вадим» среди калейдоскопа рисунков поэта встречаются наброски, тоже напоминающие Юрия Петровича Лермонтова. Они ждут своего исследователя.

Образ Юрия Петровича, преломлённый в творческом восприятии Михаила Юрьевича Лермонтова, опровергает мало правдоподобные и несправедливые сведения современников и некоторых биографов.

*...Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного;
Как знать! Итак, прости, прости!..*

В 1979 году прах Юрия Петровича, «отлучённого» от семьи даже после смерти, был погребён в Тарханах рядом с часовней – могилой сына.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1980, №127. С. 4

Людмила Шаталова

Вечный парус поэзии

Вэти октябрьские дни золотой осени отмечается годовщина со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Нам, истринцам, особенно дорого имя это, потому что Михаил Юрьевич бывал в Истре в 1830 году, этому посвятил потом чудеснейшие поэтические строчки, о чём рассказала я в газете «Ленинский путь» в №49 за 1979 год.

Белинский, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький – чрезвычайно высоко ценили эстетическое восприятие жизни художником Лермонтовым.

Самые последние исследования творчества Лермонтова ещё больше, чем прежде, убеждают в том, что литература и живопись в нём неразделимы и что многое из литературного наследия поэта теперь рассматривается сквозь призму его изобразительных произведений.

Произведения Лермонтова обладают удивительным даром будить душу, зовут в «мир тревог и битв». Мне, как художнику, удалось увидеть в творчестве поэта то, что было скрыто прежде; именно художник может оценить всё многообразие графических форм изобразительного искусства, как-то: акварелей, рисунков; набросков карандашом, пером, углём. Искусство обладает удивительной способностью открывать нам свои тайны.

Многие эти тайны рисунков Михаила Юрьевича – портретов, разбросанных на полях черновых рукописей поэта и не угаданных ранее, ожили теперь и раскрылись в зримых образах его родных, друзей, людей лермонтовского окружения, современников поэта, живших в первой половине XIX века. Они войдут в биографию поэта, ибо острота лермонтовской мысли отметила в них наиболее характерные для того времени черты.

И что особенно примечательно, изучение творческого наследия Лермонтова неизбежно приводит исследователей к заключению: почти все произведения великого поэта имеют реальные прототипы и не являются чистым вымыслом. Многие люди, которых мы увидели на рисунках, существовали. К сожалению, они долго не были узнаны, так как Лермонтов вынужден был шифровать и свои литературные произведения, и рисунки.

Свидетельством тому строки самого поэта: «*Лица, изображённые мною, все взяты с природы...*» И только через полтора-два лет узнали мы, кого именно изобразил Лермонтов в своих

рисунках. Об этом я сообщала в статьях, опубликованных в журналах «Искусство» №9 за 1979 год и «Работница» №6 за 1980 год.

Обратимся теперь к другим реликвиям из наследия Лермонтова – его письмам, похожим на дневники. Эпистолярное наследие поэта невелико, всего 51 письмо. Вот строчки из письма восемнадцатилетнего Михаила Юрьевича М. Лопухиной. В них его трепетные мысли и чувства...

«Петербург, 2 сентября 1832 года. Сейчас я начал рисовать кое-что для вас и, может быть, пошлю вам рисунок с этим письмом.

...Вот уже несколько недель, как мы расстались и, может быть, надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно утешительного. Однако я всё тот же, вопреки лукавым предположениям некоторых лиц, которых не стану называть. Можете себе представить мой восторг, когда увидел Н. А. Она ведь приехала из наших мест, ибо Москва – моя родина и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив! Мадемуазель Аннета сообщила мне, что ещё не стерли со стены знаменитую голову! Жалкое честолюбие! Это меня обрадовало, да ещё как! Что за глупая страсть: оставлять везде следы своего пребывания.

...Я поставил себе целью похоронить вас под грудой своих писем и стихов; это не очень по-дружески и даже нечеловеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот ещё стихи, которые сочинил я на берегу моря: “Белеет па-

рус одинокий в тумане моря голубом, что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном? Играют волны, ветер свищет, и мачта гнётся и скрипит; увы, – он счастья не ищет и не от счастья бежит! Струя под ним светлей лазури, над ним луч солнца золотой – а он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!” Прощайте. Преданный вам Лерма».

Тяга к изобразительному искусству заметно проглядывает в этом юношеском письме. В 1830 или 1831 годах в московском доме Лопухиных Лермонтов нарисовал голову, по-видимому, своего легендарного предка испанца герцога Лермы. Отсюда его интерес к испанским сюжетам и подпись Лерма. Взамен стёртого рисунка он по памяти сделал новый на холсте маслом. Рисунок сохранился, лицо имеет сходство с самим поэтом!

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1982, №125. С. 4

Людмила Шаталова

«В тот чудный мир тревог и битв...»

*Мне нужно действовать, я каждый день,
Бессмертным сделать бы желал...*

Всё, что касается великого поэта-художника Михаила Юрьевича Лермонтова, – для нас бесценно. В особенности, когда речь идёт о его творчестве – литературном и изобразительном.

Поэзия Лермонтова входит в нашу жизнь очень рано – и навсегда. Немного найдётся людей, для которых юношеское увлечение его стихами прошло бесследно. И неудивительно: стихи поэта очаровывают своей искренностью, глубиной чувства, трепетностью. Тот напряженный драматизм, который вложил в них Лермонтов, находит отклик в человеческом сердце, заставляя его переживать авторскую боль как свою собственную.

Само увлечение романтизмом с его культом страдания, одиночества, пафосом смерти едва ли было случайно для поэта, чья личная судьба сложилась поистине трагически. «*Последний потомок отважных бойцов*» прожил на свете всего 26 лет – но каких лет!

Благодаря трудам биографов Лермонтова восстановлена событийная канва его жизни. Но жизнь – это не только события. Никакие мемуары, документы, свидетельства не смогли бы достоверно рассказать о многообразных проявлениях его душевного мира, о страстях, о борьбе, чувствах – словом, о том, что одухотворяет его творчество.

Именно в литературных и изобразительных произведениях – истинная жизнь Лермонтова, настоящий, невымышленный образ поэта, людей близкого ему окружения.

Обращаясь к уникальным рукописям Лермонтова, исследуя каждый штрих его рисунков, я убедилась, что исследователи недооценили этот удивительный дар портретиста Лермонтова с его глубоким психологизмом, образностью и тайнописью. Да, только теперь открылись эти тщательно зашифрованные надписи на рисунках, и появилась возможность заново прочесть рукописи.

Глубокое возмущение современной ему действительностью, жажда дела и борьбы нашли в творчестве Лермонтова ту художественно совершенную форму и выражение, которые только теперь при помощи нового метода (научного) изучения его рукописей можно будет увидеть его потомкам.

Расшифрованные рисунки (тайнопись) обращают нас к тексту и заставляют более внимательно читать его. И в этом единстве текста и сопровождающего его рисунка раскрывается «*святая святых*» – тайна творческой индивидуальности Лермонтова.

«Каждое его слово – он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей... Глубокий могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного... Чудная натура» – так понимал Лермонтова В. Белинский. *«Лермонтов, – писал Н. Г. Чернышевский, – залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения, гуманности».*

Обо всех этих увлекательных и важных материалах по исследованию Лермонтовского творчества, загадочного и сегодня, вы сможете увидеть и услышать в открываемом в день 168-летия со дня рождения Лермонтова в школе №3 города Истры Лермонтовском музее, а также частично из моих новых рассказов на Центральном телевидении в журнале «Очевидное-невероятное» в начале ноября.

Журнал
Знание—сила
1982, №8. С. 43

Людмила Шаталова

Надписи на рисунках Лермонтова

Статья о рисунках поэта была опубликована; а исследование рисунков продолжается. Я пыталась, как знают читатели, выяснить, кто именно изображен на них, чьи портреты набрасывало перо Лермонтова. И вот оказалось, что некоторые мои предположения подтвердил сам великий поэт, именно подтвердил, чёрным по белому: на многих рисунках (в том числе и тех, что иллюстрировали статью) оказались подписи, настолько хорошо замаскированные, зашифрованные автором, что до сих пор их не замечали.

Посмотрите на рисунок на автографе стихотворения «Желание». В штриховке по левоу борту жилета, если взглядеться в неё, прочитывается надпись: «*Лермонтов*», сделанная размашистым почерком. А я как раз предполагала, что здесь изображён отец поэта Юрий Петрович.

Иван Иванович

Иван Иванович

На листе, сопровождающем повесть «Вадим», среди целого калейдоскопа набросков пером портрет отца выделяется особенно тщательной проработкой. И здесь обнаружилась затейливо скрытая подпись – в сетке штрихов на левом рукаве камзола крупными буквами идёт: «Лермонтов!»

На листе автографа драмы «Люди и страсти» есть стихотворное посвящение, причём имя лица, к которому обращается поэт, тщательно зачёркнуто. Пытаясь узнать, кому же посвящена драма, учёные строили немало догадок, называли имена Е. А. Сушковой и А. Г. Столыпина. Но на правой половине той же странички есть карандашный рисунок девушки под деревом... В одной из своих публикаций я указывала на сходство этого рисунка с рисунком Н. Ф. Ивановой работы В. Бинемана. И вот теперь удаётся

прочитать под рисунком, в штрихах одежды, инициалы – ИНФ. Итак, здесь изображена Наталия Фёдоровна Иванова... Видимо, к ней и обращено посвящение драмы.

Вот только часть того, что теперь можно прочесть, буквально прочесть на рисунках Лермонтова.

Журнал
**ЮНЫЙ
ХУДОЖНИК**

1984, №10. С. 22-24

Людмила Шаталова

Утаённые автопортреты Лермонтова

Известен лишь один автопортрет Лермонтова в мундире Нижегородского драгунского полка с накинутой на плечо буркой на фоне кавказского пейзажа. Безусловно, портрет этот – одна из самых ценных реликвий творческого наследия поэта. Но нам представляется, что он не мог быть единственным.

В русской культуре Лермонтов как поэт, романтик и реалист – феноменален. Столь же поразителен он в своей графике. Его психологические портретные образы, а также зарисовки и шаржи легко соотносимы с литературными образами поэта, в которых узнаются реальные прототипы его героев.

Особенностью творческого метода поэта-художника Михаила Лермонтова является умение создавать сложные, на первый взгляд не вполне конкретизированные портреты. Отыскать в них те или иных черты поэта или его героев удаётся бла-

годаря обнаруженным подписям в рукописях, автографах и в штрихах самих рисунков.

Перед нами акварельный портрет, условно названный «Юноша в бурнусе». В портрете заметны демонические черты, свойственные личности автора. В этом нас убеждает существующая

*Юноша в бурнусе.
Акварельный рисунок
М. Лермонтова. 1831 год*

лермонтовская иконография. На акварели левая часть лица сумрачна, неприветлива, имеет много общего с обликом отца поэта Ю. П. Лермонтова, а правая, освещённая мягким светом, ближе к образу «ангела земного» – матери поэта Марии Михайловны, на которую, как утверждают современники, он был очень похож. Очевидны контрасты добра и зла, воплощённые в утаённом автопортрете.

Близок по времени создания к «Юноше в бурнусе» портрет художника А. Челышева 1832 года «Лермонтов-юнкер». Автор добросовестно передал внешность молодого человека, впервые надевшего военный мундир. Внешнее сходство в ещё большей мере удалось запечатлеть и неизвестному художнику, возможно, из крепостных бабушки, который мог наблюдать и знать Лермонтова с детства (портрет 1817-1818 годов). Автор засвидетельствовал пристрастие четырёхлетнего ребёнка к рисованию.

Рисуя постоянно, М. Ю. Лермонтов стремился свои художественные замыслы, по его словам, «отпечатлеть в предмете вещественном». Поэтому интересно провести анализ портретов и многочисленных рисунков в их взаимосвязи с текстами, ибо и то и другое неотделимо друг от друга. Графика дополняет наше представление о настрое музы гениального творца, а иногда говорит даже больше текста.

Именно в графических изображениях, в зашифрованном виде, заключена разгадка тайны.

*Но Саша не внимал его словам, –
Рассеяннo в тетради над строками
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и очами,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный милый клад,
Залог надежд и будущих наград...*

Но этого «клада» никто не заметил. Не случайно поэт Валерий Брюсов, видимо, не знакомый с рисунками Лермонтова, писал: «И мы тебя, поэт, не разгадали, не поняли младенческой печали в твоих, как будто кованных стихах!» Александр Блок словно повторяет эту мысль: «Почвы для исследования Лермонтова нет – биография нищенская. Остаётся “провидеть” Лер-

монтова. Но ещё лик его тёмн, отдалён и жуток. Хочется бесконечного беспристрастия, пусть умных и тонких, но бесплотных догадок, чтобы не “потревожить милый прах”. Когда роют клад, прежде разбирают смысл шифра, который укажет место клада...»

Отец поэта –
Ю. П. Лермонтов

Совсем недавно в рукописях с рисунками мною раскрыт лермонтовский шифр и надписи. Сначала они выглядели как система инициалов Лермонтова и знакомых ему лиц («МЮЛ», «ИНФ»), а затем стали попадаться сложные надписи («Монго», «Лермант»), так же как и сложные двойные портреты и совершенно особый вид шифровки – рисунки в рисунках. Например, на рукописи поэмы «Ангел смерти» рисунок пожилого мужчины вначале интуитивно опре-

делён мною как изображение отца поэта, что подтвердила иконография Ю. П. Лермонтова. Всё оказалось гораздо сложнее: здесь присутствуют и отец и сын – «две жертвы жребия земного», – и, наконец, мы узнаём подлинное имя героини поэмы – «Анна». В тексте легко прочитывалась судьба родителей поэта, подтекст говорил и о судьбе их сына («Пришелец, юный Зораим»): «Он на земле был только странник, людьми и небом был гоним... Не вовсе беден – Ада с ним!»

И вот теперь с прочтением новых надписей гипотеза получила документальное подтверждение: они говорят о раздвоении героев поэмы Зораима и его возлюбленной Ады. В рисунке на лбу Зораима, в завитках волос – различимо слово «втайне». В чём заключалась тайна – сразу узнать не удалось. Но, вновь и вновь рассматривая густую штриховку на груди героя, посчастливилось прочесть утаённое имя той, которая и послужила прототипом героини, – «Анна» (Анна Столыпина – ребяческая ещё любовь поэта).

«Демон» – самое загадочное и характерное для мироощущения поэта-художника произведение. Мне представляется, что в портрете «Юноша в бурнусе», или, как иногда называют эту акварель, «Юноша в чалме и восточном костюме» («Демон» ведь восточная повесть), воплощены демонические черты юного Лермонтова. Портрет подписан и датирован самолично – Михаил Лермонтов, 1831 год. Следует обратить внимание на ещё более разительное сходство двух демонических образов, созданных поэтом и замечательным художником Михаилом Врубелем. Как много общего между лермонтовским замыслом Демона и его зримым воплощением у Врубеля!

*Мать поэта –
М. М. Лермонтова*

Демонический герой – постоянно действующее лицо лермонтовских поэм, драм, романов и рисунков. В этом убеждаешься, исследуя рукописи юношеских произведений Лермонтова: поэмы «Демон» (первые три редакции), драмы «Люди и страсти», романтической драмы «Странный человек», восточной повести «Ангел смерти», незавершённой поэмы «Азраил», поэмы «Измаил-Бей».

Образ Демона в творчестве Врубеля возник на основе поэзии Лермонтова и музыки Рубинштейна, которая поразила его. Обратимся к интерпретации Демона в творчестве художника.

*Демон. М. Врубель.
Раскрашенная скульптура.
1890 год*

Врубелю было 30 лет, когда он приехал в Киев и занялся росписями Кирилловской церкви, а дома работал над «Демоном». Из письма посетившего его отца узнаём о воплощении этого замысла: *«Картина, с которой он надеется выступить в свет, „Демон“. Он трудится над ней уже год. И что же? На холсте голова и торс до пояса будущего Демона. Они написаны пока одной серой краской».*

В его представлении это *«...дух, соединяющий в себе мужеский и женский облик».* Вспомним «молодого демона» в акварели «Юноша в бурнусе». Я уже говорила, что нахожу в нём тождество с лицами родителей поэта. Далее из письма отца Врубеля:

«...дух не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всём том дух властный... величавый».

А вот словесный психологический автопортрет поэта: *«Как я рвался на волю к облакам!.. Но в общество иное я вступил, узнал людей и дружеский обман, стал подозрителен и погубил беспечности душевный талисман...»* И ещё одна характерная строфа:

*Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть...*

А. Блок отметил, что работы Врубеля на темы Демона по *«громаде мысли оказались конгениальными созданиям поэта Лермонтова»*. Не только поэта, но и художника, чьи рисунки не могли не заинтересовать Врубеля. Он, вероятно, познакомился с ними уже во времена студенчества в Академии художеств. Ведь в 1883 году в Петербурге, при Николаевском кавалерийском училище, которое считало Лермонтова «своим питомцем», был открыт стараниями однокашников Лермонтовский музей и вышел каталог его произведений.

Акварель *«Юноша в бурнусе»* попала в ЦГАЛИ из собрания художника И. Милиоти, знакомого Врубелю по *«Миру искусства»*. В семье Милиоти художник мог видеть эту акварель и первым признать её за костюмированный автопортрет Лермонтова, что позже и отразилось в раскрашенной скульптуре *«Демон»*. А ранее этого Врубель мечтал вылепить *«целую фи-*

гурку Демона» и, если удастся, представить на конкурс памятников Лермонтову.

В своих иллюстрациях для юбилейного лермонтовского издания 1891 года Врубель в чёрной акварели «Журналист, читатель и писатель» придал безымянным персонажам конкретные черты В. Белинского, И. Панаева и самого Лермонтова. В этом интереснейшем из портретов заметно, что Врубель пользовался иконографией поэта, его автопортретом 1837-1838 годов, внеся, конечно, «своё», врубелевское...

Итак, тождествен ли «Юноша в бурнусе» с портретами родителей Лермонтова? Известно, что своим близким он напоминал мать. «Ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери» (автобиографическая юношеская драма «Два брата»). Но всю жизнь поэт упорно искал и находил сходство с отцом и в рисунках часто соединял два образа. Делалось им это втайне, как шифр. С отцом отношения были сложными и противоречивыми. Этот человек «дал ему жизнь, но счастья не дал». Помешал он и согласию с любимой девушкой. Это была главная причина их расхождения и «страшная гибельная тайна» поэта, которую можно проследить в автобиографических поэмах: «Демон», «Исповедь», «Сашка», «Боярин Орша», «Маскарад». Сегодня эта тайна приоткрывается, и уже многому можно дать название.

Наследие Лермонтова подтверждает воплощение единого замысла в его поэзии и в изобразительном творчестве.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1984, №145. С. 2-3

Софья Гумерова

Новое слово о творчестве Лермонтова

Кэтой выставке в столичном Доме литераторов имени А. А. Фадеева Людмила Николаевна Шаталова шла шесть лет. Её исследования изобразительного творчества М. Ю. Лермонтова начались публикацией в одном из номеров журнала «Искусство» в 1979 году и касались литографии поэта «Романтический пейзаж», которую она реконструировала. Затем она обращает внимание на рисунок Лермонтова, где изображены молодая женщина и старуха. Исследователи предполагают его иллюстрацией к пушкинскому «Домику в Коломне».

Людмила Николаевна, пристально вглядываясь в облик девушки, не могла освободиться от впечатления, что где-то видела уже эту девушку. Неужели это Наталья Фёдоровна Иванова, одна из тех, кем был увлечён 16-летний Лермонтов? И вот оба изображения рядом. Сомнений нет – Иванова. Только на

миниатюре Бинемана мы видим прелестную молодую даму в изысканном бальном туалете, а на рисунке Лермонтова – ещё совсем юная особа.

Художник-график Шаталова, обладающая профессиональной способностью чувствовать рисунок, видеть, как он рождался, разглядела на рисунках поэта штрихи, которые показались отнюдь не случайными.

Рисунки на черновиках... Ранние исследователи их даже не замечали или не придавали должного значения. Дар орнаменталиста помог художнице увидеть, как в рисунок вписываются буквы. Причём в рисунок не только белой, но и на черновике рукописи. Она пришла к выводу, что у Лермонтова важно всё – росчерки пера, каждая точка: если стоят четыре точки, – это уже какой-то условный знак. Если стоит дата возле рисунка, – она тоже может быть условным знаком. Если вычеркнуты строфы возле рисунка, – это очень важная глубинная характеристика изображённого лица. У Лермонтова всё обдуманно, у него нет никаких анонимных рисунков, у него задумано всё наперед.

Чтобы прийти к такому выводу, нужно было доподлинно, досконально знать творчество поэта и его биографию. Когда Людмила Николаевна поняла, что каждый рисунок на рукописи непременно таит в себе зашифрованные надписи, она стала ещё внимательней перечитывать знакомые строки, всё чаще вспоминая слова Лермонтова: *«Все лица, изображённые мною, взяты с природы...»* А в черновом варианте добавлено: *«Но вряд ли они откроют это миру»*. Именно так! Это и есть ключ!

Вот лист, буквально испещрённый надписями. Нужна была сильнейшая лупа, требовались бесконечные комбинации освещения, чтобы прочесть эти надписи на карандашном рисунке столятидесятилетней давности, не хранившемся специально. И Шаталова читала. То, что удалось расшифровать, предстало на выставке. Сильно увеличенные рисунки говорят сами за себя. Вот маленький акварельный портрет испанской монахини, в нём узнавали Варвару Лопухину. Однако на крестике читаем: Анна. А сопоставление с портретом двоюродной сестры поэта Анны Григорьевны Столыпина подтверждает разгадку. Впрочем, Шаталова шла здесь, как и везде, именно от портретного сходства. Она составила листы, где рядом с рисунком поэта наклеивала портреты предполагаемых лиц. И затем уже миллиметр за миллиметром, вооружившись лупой, исследовала рисунок.

Интересен рисунок «Свадьба», или, как его называют, «Благословение молодых». То, что Лермонтов нарисовал пародию на свадьбу, видно сразу. Предполагалось, что это «свадьба» Вареньки Лопухиной с Бахметевым. *«Но посмотрите, что у неё в головке, если рисунок перевернуть, – предлагает художница, – собачья морда и профиль Алексея Столыпина, кузена Лермонтова, получившего светскую кличку Монго – так назвал его сам Лермонтов по имени собаки Столыпина Монго».*

Сложенные пальцы коленопреклонённой женской фигуры дают имя Анна. На заднем плане, видимо, изображён отец Столыпина, в пышных складках его жабо читаем буквы С. Г. –

Столыпин Григорий. Они выведены очень чётко. Мужская фигура тоже содержит пометы. Во-первых, рука, державшая цилиндр, даёт надпись «Монго», во-вторых, на голове читаем буквы А. С. и полностью выведена фамилия – Столыпин. Эта работа не закончена, она хранит ещё множество тайн.

Так появляется среди симпатий поэта, самых нежных и замаскированных, образ Анны Столыпичиной. Рисунок свадьбы, которой не было, – горькая ирония на увлечение Анны Монго Столыпичиным. Монго был красавец, не знавший поражений. Монго был, по предположениям Шаталовой, а их она вынесла на основании рисунков поэта и тайнописи в них, человеком, сыгравшим отнюдь не положительную роль в судьбе М. Ю. Лермонтова. Как считает Людмила Николаевна, Алексей Столыпин сыграл роковую роль в гибели своего двоюродного дяди, которого он мог недолюбливать за его язвительный ум и блестящие способности. Но об этом – особый разговор.

«Ангел смерти» – ранняя поэма 1831 года. Поэт рисует на автографе образ героя поэмы Зораима, на котором ученице Л. Н. Шаталовой, молодому инженеру из Тбилиси Елизавете Газаровой, талантливой почеркистке удалось прочесть слова: «В тайне». Затем Шаталова нашла «Анна» – это слово повсюду на рисунке. «Зораим не вовсе беден – Ада с ним». Ада – Анна Столыпина – героиня поэмы.

Среди находок нашей землячки, представленных на выставке, потрясающе интересные рисунки в рисунках, раздвоенные персонажи. Один из таких раздвоенный портретов изо-

бражает Лермонтова вместе с отцом. Есть и ещё один раздвоенный портрет, точнее два, где образ Натальи Фёдоровны Ивановой наложен на образ Анны Григорьевны Столыпиной. Это также угадывается прочтением инициалов при тщательном изучении рисунка.

Открытия Л. Н. Шаталовой, широко представленные на выставке, вводят лермонтоведение новые изобразительные материалы, новые прототипы и новых людей, таких как А. Г. Столыпина, дают подробности взаимоотношений с отцом. Благодаря расшифровке рисунков и рисункам на полях рукописей она выяснила, что любовь к этой девушке, зародившаяся ещё в душе двенадцатилетнего мальчика, выдержала испытание всею жизнью: на одном из рисунков 1830 года, изображающем Анну, есть слова: *«И теперь люблю»*. За три месяца до смерти Лермонтов вновь обращается в стихах и рисунках к Анне...

«А где же Лопухина, Иванова, Сушкова?» – этот вопрос задали художнице посетители выставки. – *«Они все были, – ответила она, – но на образ А. Г. Столыпиной был бережно брошен покров тайны»*. Помните его строки: *«Но тайну страшную мою я неизменно сохранию»*...

Вот мы перед автографом «Один среди людского шума», привезённым в 1962 году из ФРГ И. Л. Андронниковым. Автограф с авторской пометкой: *«1830 год, в начале»*. В нижнем правом углу – небольшой рисунок, который снабжён надписями.

Совсем недавно удалось расшифровать смысл написанного. Дело в том, что надпись содержит несколько строк, а именно

пять строк, и каждая строка уже расшифрована. Вот они: «*И выпала отрада, что я рисунком марал Ф. Анна*». (Ф. – Филосова – фамилия Анны Столыпной по мужу). И далее: «*...Но у Алексея Филосова жена, и не я ли так сильно...*» Ясно, какой смысл вложил Лермонтов в последние слова. Смысл расшифровки многозначителен, он раскрывает идейную сущность самого стихотворения, то, что вызвало его написание.

На выставке Людмила Николаевна Шаталова рассказала о самом последнем исследовании, сделанном вместе с ученицей, – расшифрованной надписи на полях рукописи стихотворения «На смерть поэта», написание которого повлекло за собой ссылку М. Ю. Лермонтова на Кавказ. Надпись имеет политическую окраску и раскрывает свободолюбивую душу поэта. Она гласит: «*Свобода, которая опасна*». Это слова противников убитого Пушкина, душителей всякого вольнолюбия. Портрет, набросанный на автографе стихотворения, скорее всего обобщающий образ врагов Пушкина (он напоминает и Дубельта, шефа жандармов, и Дантеса, – считает исследовательница), олицетворяющий высшую знать Петербурга, направлявшую руку Дантеса против Пушкина.

С оценкой работ Л. Н. Шаталовой выступили на выставке специалисты. Доктор философии и кандидат искусствоведения, профессор В. И. Рабинович сказал:

– Благодаря исследованиям Л. Н. Шаталовой Лермонтов, великий поэт, предстал перед нами и как очень серьёзный художник. Раньше его картины воспринимались как забава гения.

Второе: творчество Лермонтова-художника, оказывается, параллельно его гениальному поэтическому творчеству. Мы видим на представленных здесь рисунках вихрь романтических образов. На самом деле, эта романтика скрывает за собою реалистические образы, подчас сатирическое отображение действительности, когда расшифровываются не только отдельные образы, но и подписи под ними.

И третье – метод Л. Н. Шаталовой. Он не сводится к прочтению только надписей. Чтобы их расшифровать, нужно быть именно художником, только тогда они начинают читаться, когда имеется целостное художественное видение. Скажем, рисунки Н. Ф. И., как их называют, – Натальи Фёдоровны Ивановой. Ведь художница буквально узнала её на рисунке поэта! Она узнала образ, зафиксированный на официальном чопорном портрете. И вот это целостное узнавание дало неоценимый результат. Действительно, это один и тот же человек и это – понимание его Лермонтовым.

В. И. Рабинович подчеркнул, что открытие Л. Н. Шаталовой представляет значительный вклад в науку искусствоведения.

Горячо выступил с оценкой творчества художницы писатель-исследователь З. С. Паперный:

– Людмиле Николаевне Шаталовой удалось разгадать условные знаки, которые оставил нам поэт в рукописях и рисунках. Зачёркивая, маскируя, он словно хотел, чтобы его разгадали. Разгадки эти драгоценны. Изумительный подарок сделали всем нам, читателям, художница и её ученица, расшифровав не ру-

кописи стихотворения «На смерть поэта» слова: «Свобода, которая опасна».

3. С. Паперный ответил и тем, кто сомневается в том, что уже очевидно. Ведь есть же рисунки, черновики. Они ждут более тщательного исследования, подтверждения.

Сам факт проведения выставки «Тайна рукописей и рисунков Лермонтова» в Центральном Доме литераторов, организованной Союзом художников СССР и Союзом писателей РСФСР, говорит за себя. Выставка проходит с огромнейшим успехом. В книге отзывов читаем восторженные строки. Горчаков, известнейший публицист и писатель, оставил следующее: «Труд автора этой выставки доказывает, что никаких монополий в литературе и литературоведении нет и не может быть. Больше искателей – хороших и разных!»

Очень дорог художнице отзыв доктора искусствоведения, лауреата Государственной премии СССР, инициатора и создателя издания «Литературное наследство» И. С. Зильберштейна, где он прямо говорит: «Работа Л. Н. Шаталовой – новое слово в изучении Лермонтова».

Огромный успех выставки «Тайна рукописей и рисунков Лермонтова» дал организаторам возможность продлить её, перенеся в одну из старейших столичных библиотек – библиотеку имени М. Ю. Лермонтова в Сокольниках.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1992, №27. С. 2

Людмила Шаталова

«Тайна шифра»

Так называлась статья, вышедшая недавно в газете «Подмосковные известия». Её написала криминалист Л. Кислинская. Журналист утверждает, что истринской художнице Людмиле Николаевне Шаталовой, разгадавшей тайну многих рисунков М. Ю. Лермонтова, может позавидовать самый опытный криминалист. Л. Н. Шаталовой в своей работе не раз приходилось обращаться за помощью в НИИ МВД и к судебным экспертам. Их обоюдное сотрудничество было успешным. Она работает над двумя книгами: «Биография Лермонтова в рисунках» и «Тайна дуэли поэта».

Сегодня мы публикуем отрывки из работ Л. Н. Шаталовой, которые она посвящает женщинам своего поколения с желанием передать им веру в активную и интересную жизнь. «И в 70 лет можно приносить пользу», – говорит Людмила Николаевна.

То, что в судьбе М. Ю. Лермонтова была тайна, которую он, лирик, так и не открыл нам, чувствовало каждое новое поколение. Действительно, несмотря на кажущуюся полноту и разнообразие накопленных материалов о жизни и творчестве Лермонтова, по-прежнему над ним продолжает витать какая-то неразгаданная тайна.

Как известно, Лермонтов оставил после себя не только замечательные литературные произведения, но и целую коллекцию «снятых на скорую руку» видов тех мест, которые посещал, набросков, рисунков, акварелей и даже картин маслом. Причём, изобразительное наследие Лермонтова по количеству равно литературному. Однако, Лермонтов-художник глубоко и тщательно не изучался, как, скажем, рисовальщик А. С. Пушкин. А в применении специфического метода исследования – пиктографического («пикто» – рисую, «графо» – пишу), текст – рисунок и контекст (тайнопись), я являюсь первопроходцем.

Теперь, когда, наконец, некоторые дешифровки загадочных рисунков поэта дали новую существенную информацию, надеюсь, что неизвестные страницы биографии нашего гениального соотечественника будут прочитаны наиболее верно.

Вот перед нами один из листов «Юнкерской тетради» Лермонтова с изображением дуэли. Предполагали, что это просто сцена дуэли, характерное явление той эпохи. О них Лермонтов часто думал, часто писал. Откройте страницы «Княгини Лиговской», стихотворения «Смерть поэта» – поединок, на котором пал Пушкин, «Песня про царя Ивана Васильевича» – поединок между Калашниковым и Кирибеевичем, «Герой нашего времени» – дуэль Печорина с Грушницким. Стоп...

В стихотворении «Смерть поэта» настолько сближены переживания Лермонтова и Пушкина, что вызывают подозрения в реальности – не пережита ли автором такая же ситуация глухой ревности и дуэли? Кстати, появившийся на черновой рукописи рисунок свидетельствует о том, что мужской «резкий профиль» одного из героев стихотворения родился в минуты личных переживаний Лермонтова, и не относится к конкретному убийце Пушкина.

Вот тут-то я и убедилась, что исследования одних лишь рисунков и текстов ещё недостаточно. Следовало поднять огромный пласт материалов – литературоведческих, искусствоведческих, изобразительных. Параллельно изучать (а в начале и разыскать) многие альбомы разных художников лермонтовского времени, воспоминания современников, письма. Всё это

в поисках иконографических документов для сопоставления и отождествления с рисунками поэта. Необходимо было изучать и рисунки Пушкина, и трагедию его убийства, его окружение, «надменных потомков», общих знакомых и прочее.

В графических композициях Лермонтова, в жанровых сценах, почти обязательно, устойчиво присутствует сам «рассказчик» – его изображения (автопортрет). Часто повторяются одни и те же люди из близкого окружения. Необходимо было установить: как работал художник? Это стало понятным при разгадке таинственных пока сценок. Исходя из факта жизни, след которого он вещественно запечатлевал в рисунках, повторяя свою мысль, свой «замысел». А позже Лермонтов разрабатывал первоначальную мысль, включая в типический образ художественного произведения.

Что же представляла из себя «Юнкерская тетрадь»? Графическое изображение фактов жизни, дневник? «Юнкерская тетрадь» – это единственный документ, сохранивший точную хронологию событий, фактов, ограниченных датами 1832-1834 годов (время, когда произведены были в офицеры юнкера выпуска 1834 года и в их числе Лермонтов).

Как сообщал даритель этой тетради князь Н. М. Манвелов, бывший воспитанник школы гвардейских юнкеров, приятель и соученик Лермонтова, пожертвовавший её Лермонтовскому музею, организованному в Петербурге в 1883 году, он нашёл эту тетрадь, затерявшуюся в шкафчике дортуара. Содержание тетради многообразно, но многие рисунки (это важно!) пере-

дают настроение поэта, его личные планы. Он любил представлять себя. Это подтверждает узнавание большого количества автопортретов в рисунках Лермонтова.

И вот я, вооружившись лупой, очень медленно продвигаюсь к разгадке «тайны поэта». Слишком много неясного в биографии Лермонтова. Важно проследить развитие мысли в текстах, рисунках, опираясь на хронологию, установить точное время владычества кумиров его души. Ещё сложнее разобратся в парадоксах повторяющихся имён, которые так затрудняли поиск.

Соперником Лермонтова в его первой любви к С. А. Бахметевой (героиня лирики и графики с 1829 года) стал Алексей Григорьевич Столыпин, его инициалы «АГС» встречаются в юнкерских тетрадах и рисунках и приняты были мною за инициалы его сестры Анны Григорьевны Столыпина.

Любовь и соперничество Лермонтова и Алексея Столыпина к Вареньке Лопухиной (в замужестве Бахметевой) вновь внесли путаницу, и ему пришлось к младшему Алексею Столыпину добавить прозвище его собаки «Монго» и символически отметить это в своих рисунках пёсьей головой. Об этом мы уже рассказывали на страницах «Истринских вестей».

Только с помощью комплексного исследования творчества Лермонтова стало возможно как бы заново прочесть историю всей его жизни. Его желание выражено лишь намёками в стихах и в зашифрованных рисунках:

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть,
Как я любил, за что страдал –
Тому судья лишь бог да совесть*

Стало понятнее желание человека скрыть от чужих глаз информацию интимного свойства и даже способность жертвовать собой. Понять его редкий дар – высокую степень любви к женщине. И то, что Лермонтов тоже погиб, как невольник чести.

Лермонтов оказался таким искусным шифровальщиком, что рисунки пришлось поворачивать вокруг на 360 градусов, при этом восхищаться его искусством тайнописи. Открываются поразительно простые ходы к информации, новые данные об изображённом персонаже.

Как правило, рисунок дополнял текст произведения, сообщая о конкретном факте, действующем лице-прототипе, ставшем ключевым моментом данного произведения.

Но вернемся к рисунку. Перед вами сцена реального события, происшедшего в конце 1834 года (вспомним о датах создания «Юнкерской тетради»), запечатлённая одним из дуэлянтов – самим поэтом.

Возможно, это первая юнкерская дуэль, так как на нижнем крае его военного сюртука (плаща ли) вписаны инициалы Михаила Юрьевича Лермонтова («МЮЛ») с подобными я уже встречалась, а слева фигура соперника помечена на голове «САМ» (Столыпин Алексей – Монго).

Для нас важно и его признание в автобиографической драме «Странный человек» (1831 год): *«Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет».*

Удивительная цельность его жизненных планов и произведений позволяет нам напоминать и о рисовании карикатур в преддуэльные периоды: в Москве в 1831-1832 годах, в Петербурге в 1834 году, 1837 год – дуэль Пушкина. И, наконец, о преддуэльном периоде свидетельствуют рисунки в альбоме Блудовой, адресату писем княгини Щербатовой, а позднее карикатуры, стихотворные эпиграммы, среди которых выделены строки: *«Мои друзья вчерашние – враги, враги мои друзья... Их презираю я!»*

«Правда всегда была моей святыней», – заявил Лермонтов на судилище о *«непозволительных стихах»*, коими названы были строки стихов «Смерть поэта» (1837 год). Правда сохранилась и в рисунках Лермонтова.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1993, №126-127. С. 4

Людмила Шаталова

Герой нашего времени

Минуло полтора столетия после того, как трагически на дуэли погиб великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. *«Эту потерю Россия будет оплакивать всегда. Но с каждым годом, десятилетием, веком они будут лучше, ближе, роднее узнавать одного из самых таинственных и глубоких своих гениев»*. На эту потерю откликнулась газета «Российские вести» и, как наши «Истринские вести», в свою очередь, всегда уделяла большое внимание жизни и творчеству Лермонтова. Поэтому не удивительна поддержка жителей Подмосковья в поисковой работе почётного гражданина города Истры художника и исследователя Л. Н. Шаталовой на выставке, устроенной усилиями администрации и общественности города и историко-архитектурным музеем «Новый Иерусалим». Вот уже четыре месяца встречаются жители города с автором их мате-

риалов для будущей книги. По сути дела, этот труд на взгляд специалистов *«обрёл цельность концепции, стройность изложения и готов увидеть свет отдельным изданием. Книгу, а уверен, ждёт большой успех, как это подтверждает выставка рисунков поэта, снабжённая комментарием Л. Н. Шаталовой. Выставка сказала свое слово – дальше начнёт жить книга»*, – пишет в книге отзывов старший научный сотрудник ИМЛИ РАН А. А. Макаров. Восхищены и удивлены огромным трудом и благодарят за подвижничество Л. Н. Шаталову зрители в своих многочисленных отзывах, они пишут о том, что с нетерпением ждут книгу, меня же больше всего радует их желание заново читать Лермонтова и о Лермонтове, большинство признаются в любви к этому неопределимому гению. Выставка – не книга, и поэтому в ней нельзя показать всю глубину открытий.

Все эти разрозненные материалы не могут дать картину объёмного исследования, проведенного мною. Проанализировано свыше 400 работ Лермонтова-художника, то есть почти всё изобразительное наследие, что даёт мне право делать собственные выводы как об оригинальном художественном даровании поэта, так и о его творчестве; по-новому, на основании целого ряда рисунков трактовать некоторые факты его жизни и вписать в его биографию новые страницы. Вот почему понадобилась книга, хотя и она не сможет охватить накопленный материал. Лермонтов ведь безграничен, как всякий гений.

Надеюсь, что комплексный метод изучения живописного и литературного наследия Лермонтова под единым углом зрения

принесёт науке много существенного для понимания личности поэта и раскроет лица врагов – вчерашних друзей, сбросив с них маски.

Приводим строки одного из стихотворений М. Ю. Лермонтова «Портрет», начинавшегося строкой:

*Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображён,
Как отголосок мысли неземной...*

Кончается оно удивительно провидческими строками:

*О Боже, сколько я видал людей,
Ничтожных – пред картиною моею,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.*

Портрет в литературном творчестве Лермонтова, как средство художественности, приобретает тем большую роль, что сам поэт был одарённым художником. В соответствии, вначале, с романтическим «канонem» создаются собственные живописные портреты Лермонтова, его юношеский словесный автопортрет (1829) – портрет «блудного сына на картину Рембрандта». Образы героев его поэм, причём необходимо отметить близость живописной манеры (светотени) поэта стилю Рембрандта. В зрелом творчестве Лермонтов уступит место

портрету аналитическому, но интерес к загадкам и противоречиям внутреннего мира человека, характерный для Рембрандта, сохранился у Лермонтова на всю жизнь. Всё это можно будет проследить в книге.

Но это всё надо видеть, видеть, что говорят эти рисунки сердцу. Отрадно, что зрители приняли такой вид исследования – показа на выставке – с живым участием, с большим удовольствием и верой в правоту, подтвердив правильность комплексного метода сравнительного анализа текстов и рисунков, стали понимать Лермонтова и полны желания прочесть его произведения заново. Распахнув дверь в святая-святых – творческую лабораторию поэта-художника – мы смогли понять Лермонтова-человека, и он открылся перед нами полностью: в своих страстях и пристрастиях, в своих сложных взаимоотношениях мечущейся и высокой души с не оценившим его обществом.

Человек глубоко духовный, Лермонтов очень нужен нам, живущим в конце XX века. Он может помочь и сегодня своей способностью к бескомпромиссности в вопросах чести и исповедания истины. Это был удивительно деятельный человек.

Газета
РОССИЙСКАЯ **ГАЗЕТА**

1994, №273. С. 14

Елена Фадичева

Тайнопись поручика Лермонтова

В октябре великому русскому поэту исполняется 180 лет со дня рождения. Но и почти двух веков оказалось недостаточно, чтобы открыть все тайны его 26-летней жизни.

Долгие годы этого человека лермонтоведы держали на расстоянии от официальных исследований творчества поэта. Гипотезы, связанные с «белыми пятнами» в биографии Лермонтова, выдвигаемые художником из подмосковной Истры Людмилой Шаталовой на основании изучения рисунков Лермонтова, отвергались академическим искусствоведением. Иначе её открытия в корне бы поменяли представления о творчестве и судьбе Михаила Юрьевича, перечеркнули бы тысячи страниц рефератов и диссертаций. Но время открывает любые тайны...

– Людмила Николаевна, почему и как вы, художник-профессионал, обратились к Лермонтову?

– Ну, во-первых, это мой любимый поэт. А потом меня всегда интересовали рисунки великих писателей. Я ведь занималась и Пушкиным. Как художник я понимаю, что если писатель и пишет, и рисует, то есть работает в двух ипостасях, то он самовыражается как в текстах, так и в рисунках. О рисунках Пушкина имеется много исследовательских материалов, а вот рисунки Лермонтова почти не изучались. Они были систематизированы таким исследователем, как Пахомов, но этого недостаточно. Рисунки должны быть атрибутированы.

Подтолкнул меня к изучению рисунков поэта наш Ново-Иерусалимский монастырь, который в настоящее время обретает вторую жизнь. По приезду в Истру (бывший Воскресенск) я заинтересовалась архитектурой и историей святой обители, основанной патриархом Никоном. О нём упомянуто в стихотворении Лермонтова «Оставленная пустынь предо мной...»

Покопавшись в разных изданиях, я обнаружила, что к этому стихотворению в черновой рукописи поэта есть такие приписки (вроде шифра): «*В Воскресенске*», «*Написано на стенах (пустыни) жилища Никона*», «*1830 года*». И еще: «*В монастыре*». Значит, подумала я, Лермонтов бывал в Воскресенском соборе. Захотелось узнать больше: что привело поэта сюда и при каких обстоятельствах он побывал здесь? Я стала читать и самого Лермонтова, и литературоведческие и мемуарные материалы о нём. Вскоре я натолкнулась на воспоминания одной из современниц, близкой приятельницы поэта Катиш Сушковой, оставившей записки о посещении Лермонтовым Нового Иеру-

салима. Я была почти уверена, что поэт оставил изображение монастыря. И впоследствии удалось найти такой рисунок.

Вот так возник у меня интерес к рисункам Лермонтова, и это стало делом моей жизни. Рисунки и разные приписки, сопровождающие тексты лермонтовских произведений, находятся лишь в его черновых рукописях. Поэтому мне пришлось иметь дело с оригиналами Лермонтова. Я открыла для себя бездну лермонтовской тайнописи и загадок. Ведь сведения о жизни поэта очень скудные, особенно в начале жизни. К счастью, сам поэт оставил нам сведения о себе в своих рисунках. Эти рисунки – отражение реальных событий с реальными лицами из его ближайшего окружения. Но, чтобы сделать рисунки непонятными для непосвящённых лиц, он зашифровал их тайнописью. Жизнь поэта сложилась трагически, ему было что скрывать от светского общества. Я обнаружила в архивах, а рисунки это подтвердили, что в юные годы Мишель полюбил свою сестру, внебрачную дочь отца, не зная об этом. Вынужденная разлука с нею обернулась для юноши большими страданиями. Не случайно так пронизаны болью его ранняя лирика драматические сочинения, роман «Вадим». В этот же период созревает «Демон». В рисунках нашли отражение и дальнейшие неудачи и переживания личного свойства, которые преследовали; Лермонтова всю его короткую жизнь.

– Значит, вы обнаружили, что поэт не просто так рисовал, а вкладывал особый смысл в то, что изображал. Как вам удалось сделать это открытие?

– Конечно же, огромную помощь в работе на первом этапе оказал накопленный опыт лермонтоведения. И вначале пошла вслед за учёными, однако пришлось искать самостоятельный путь, искать фактологический материал, который оказался в рисунках Лермонтова. «Глаз» художника подсказал мне, что рисунок Лермонтова необычен, нужно очень внимательно и всесторонне обследовать его. В основном это миниатюрные изображения, поэтому я при помощи многократного увеличения рисунков всматривалась в них, вращая каждый рисунок вокруг центра на 360 градусов, И вдруг увидела зашифрованную тайнопись. Она у Лермонтова особая: символика (лошади, собаки и другое), система изменения письма, инициалы, вкрапленные в штриховку, и другие секреты. Я поставила себе задачу: разгадать шифр. Вот так часами с лупой в руке я вертела тот или иной рисунок и изучала каждый миллиметр изображения. При этом с пристрастием читала текст в районе данного рисунка на черновом листке, чтобы понять движение мысли поэта, его пера или карандаша. Но этого было недостаточно. Следовало поднять огромный пласт материалов XIX века – литературоведческих, искусствоведческих, изобразительных. Изучала также (а их вначале надо было разыскать!) альбомы разных художников того времени в поисках настоящих портретов для сопоставления с изображёнными лицами на рисунках поэта.

Аналогов параллельного аналитического исследования рисунков и рукописей писателя не было, поэтому мой опыт и мой метод – первый. Конечно, я ошибалась, заходила в тупик, снова

возвращалась к тем же материалам, но всё же работа медленно продвигалась.

Это очень большое и кропотливое дело, я занимаюсь рисунками Лермонтова уже 15 лет. Многолетний опыт даёт мне право утверждать, что поэт – гениальный рисовальщик. Меня особенно поразили графический лист Лермонтова, служивший в рукописи обложкой его романа «Вадим». Я его так и назвала «Вадимов лист». Это шедевр графического наследия поэта. На первый взгляд, в нём хаотический сплошной набор всевозможных набросков. Однако разгадка отдельных фрагментов листа дала интересные выводы, пополнив наши знания о Лермонтове.

– И много рисунков вы уже расшифровали?

– Много. Лермонтов оставил большое наследие как художник, около 500 работ. Мне удалось разгадать порядка 100. В них много автопортретов – около 70, Лермонтов часто изображал одни и те же лица – родственников, сослуживцев, приятелей и приятельниц – их около 30. Все портреты Лермонтов подписал, и я их разгадала.

– Вы упомянули о «Вадимовом листе». Расскажите поподробнее о нём.

– Я начала разгадывать отдельные фрагменты листа. И нашла в них массу автопортретов поэта. Каждый такой автопортрет группирует вокруг себя другие персонажи и отражает какое-то событие или факт. Но чем дольше я «расшифровывала» фрагменты, тем больше убеждалась, что «Вадимов лист» – это, с одной стороны, графический дневник поэта, а с другой – заго-

товка материала для создания большого, очевидно, главного сочинения. Ведь известно, что после издания «Героя нашего времени» Лермонтов собирался написать крупномасштабный исторический роман, с которым связывал своё желание уйти в отставку с военной службы. Я считаю, что этот лист – «собрание» рисунков типичных отцов и детей для этого романа и других произведений.

– Итак, около 15 лет вы изучаете рисунки поэта. Какой же, на ваш взгляд, основной итог огромной работы?

– Считаю, что работа нужна лермонтоведам. Для выяснения истины должно быть объединение исследований – одновременное изучение и рисунков, и текстов с тщательной перепроверкой всех фактов, хронологии и так далее. Следует и меня проверить, ведь одному человеку не под силу такое исследование. Открывается большая дорога для леомонтоведов. Должны быть исследованы заново все аспекты жизни и творчества поэта (от биографии до литературных сочинений и рисунков). Думаю, что, когда объединятся усилия литературоведов и искусствоведов, будут найдены ошибки, отпадут прежние концепции, в том числе, возможно, и мои.

Итогом такого труда должно стать переиздание Лермонтова. К собранию его произведений следует добавить новый, отдельный том рисунков с атрибутикой, то есть расшифровкой. Ведь рисунки уже заговорили!

– Насколько помню, вам удалось обнародовать ваши находки и разгадки лермонтовского феномена?

– Впервые обо мне написали в 1983 году в журнале «Знание – сила». Затем была первая персональная выставка в ЦДЛ в 1984 году и появилась статья в «Огоньке». Моему открытию тогда не поверили. Очень много для популяризации моих материалов сделала местная газета «Истринские вести», откликаясь на каждую дату Лермонтова и другие важные события в культурной жизни города.

У меня было много выставок по материалам исследований, последняя в 1993 году в Новом Иерусалиме. Довольно продолжительное время была такая выставка в Московской библиотеке имени Лермонтова в Сокольниках. Мне очень помогли люди, которые посещали мои выставки, своими отзывами, интересом к Лермонтову. Так что интерес к работе я ощущаю постоянно.

– А непосредственно как художник-график вы продолжали работу?

– Да, но я не могла уделить много времени основной своей специальности. Лермонтов заполнил всю мою жизнь. И он же дал мне темы и мотивы для графических работ. Я сделала несколько портретов Михаила Юрьевича, пейзажей, навеянных его пребыванием. Эти работы тоже демонстрировались на выставках.

Итак, может быть, мы будем читать не только лермонтовскую прозу, но и его рисунки? По многочисленным свидетельствам современников Михаила Юрьевича Лермонтова, видевших его работы карандашом, углём, акварелью, маслом, вели-

кий поэт мог бы стать не менее великим живописцем, займись он этим профессионально. К слову говоря, Лермонтов отменно музицировал, о чём писал известный виолончелист XIX века Вильегорский. Как ни странно, при таких интеллектуальных способностях поэт был великолепным офицером, что доказал во время Кавказской кампании, служа поручиком в Тенгинском пехотном полку.

Талант не приходит один... Как жаль, что судьба отвела Лермонтову всего 26 лет жизни. Так рано даже на Руси гении не умирали.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1996, №124. С. 3

Людмила Шаталова

Раздумья над рисунками поэта

Имя великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова тесно связано с городом Истрой (Воскресенском), с Ново-Иерусалимским монастырём. Он здесь был, посвятив монастырю бессмертные строки.

Много лет занимается изучением творчества поэта жительница города, его почётный гражданин Л. Н. Шаталова. Она обратила внимание на рисунки Лермонтова как художник, и это привело её к поразительным открытиям. В штрихах рисунков поэта проступают инициалы, имена, под текстом появляются монограммы. Расшифрованные рисунки обращают нас к тексту и заставляют более внимательно читать его. Материалы, исследования Людмилы Николаевны регулярно оформляются в виде выставок. Она благодарна вниманию города к своему творчеству и поискам.

Одно из известных стихотворений Лермонтова «Смерть поэта» было его поэтическим дебютом в читающей России XIX века. Оно (стихотворение) не только импульсивный, эмоциональный, взрывной результат от случившегося несчастья с великим Пушкиным, но и предъявление молодым поэтом своей нравственной и гражданской позиции в вечном вопросе «Гений и общество». Каждую строку этого прекрасного стихотворения мы знаем, ясный смысл лермонтовской позиции и чувства растолковывались нам в трудах известных литераторов. И всё же почувствовать живое дыхание давно ушедшего поэта помогает одна небольшая деталь рукописи – рисунок резкого профиля на полях чернового автографа, за которой следуют строки:

*И он убит — и взят могилой
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой...*

Строфа, говорящая о переплетении судеб героя и автора из «Евгения Онегина». Известный литературовед И. Фейнберг определил этот рисунок как профиль Л. В. Дубельта – шефа жандармерии. Так ли это?

Обратимся к истории. С чернового автографа (элегической части в 56 строк) были сделаны списки и стараниями друзей

тут же распространены. Списки получили многие, и некоторые очень одобряли, но были и недовольные, обеспокоенные. И в свободное от воинской службы воскресенье (7 февраля) вновь собрались на Садовой, где жили Лермонтов и Раевский у бабушки. Многие её родственники, друзья и сослуживцы Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку, квартировавшему в Царском Селе: в том числе оба Алексея Столыпина (старший Григорьевич как бы опекал младших: в полку они жили на одной квартире с Лермонтовым) и ещё брат младшего Алексея Аркадьевича, дипломата, камер-юнкера Николая Столыпина, служившего под началом К. В. Нессельроде. Вот именно он особенно рьяно стал *«невыгодно нападать на Пушкина, защищая Дантеса. Пушкин, де, вёл себя неприлично в виду большого света, что Дантес обязан был поступить так, как поступил. Не только Столыпин, да и другие особенно настаивали, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов и не подлежат русскому суду...»*

Лермонтов прервал его монолог словами: *«Если нет над нами суда и закона – суда земного, если они палачи Геня, так есть Божий суд»* (из показаний Раевского).

Спор с однополчанами, как мы уже говорили, жившими и служившими вместе, родственников поэта начался давно, ещё в Москве. Это был спор мнений аристократов «света» против аристократа «духа». Михаил Юрьевич Лермонтов, говоря о себе, писал в том году:

*Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит...*

Оппонентами Лермонтова были представители мнений высшего света петербургского, их мнение о долге и чести – это искусственно смоделированные ценности узкого круга высшего света. Поступок Дантеса, принявшего вызов Пушкина, был почитан благородным... *«Он (Дантес) не мог поступить иначе...»* А дамы? Особенно дамы высшего круга оправдывали противника Пушкина, называя его благороднейшим человеком, Пушкин не имел права требовать любви жены своей, потому что был ревнив, дурен собой. Пушкин, негодный человек и прочее... *«Когда я стал спрашивать (пишет поэт), на каких основаниях так громко восстают они против убитого, мне отвечали, что весь высший круг общества такого же мнения...»*

Лермонтов был возмущён мелочностью и пошлостью суждений о поступке Гения. Невольно, безотчётно чертил он на полях черновика. И появился мужской профиль. Именно он часто повторяется в рисунках поэта, в сюжетах как прототип многих персонажей лермонтовской ранней лирики, поэм, драм и графики, созданных во время московского и подмосковного периода, а в юношеском незавершённом романе «Вадим» развернутый свиток его жизни. И вновь резкие профили антипода положительных героев – живой «злой Гений» его судьбы. Алексей Григорьевич Столыпин – раскрывает тему враждующих братьев – ревность и дуэль, «чёрное и белое» (по-

этому эпитафия, также относящийся к теме враждующих братьев, согласуется с резким профилем и утверждает правдивость моей версии о Столыпине и Лермонтове как враждующих братьях). Но всё это в духе времени. И как лечить эту болезнь – «это уж Бог знает»...

Таким образом, эта маленькая деталь – портрет на полях черновой рукописи («Смерти поэта») – Столыпин, а не Дубельт, как думали раньше; ибо со Столыпиным – мысленно, произвольно, рисуя его, продолжает спорить Лермонтов. Здесь, возможно, возник замысел образа героя времени, ускользнувший от литературоведов, наполняя живой кровью, живым чувством давно известные строки стихотворения «Смерть поэта».

Лермонтова за это стихотворение сослали на Кавказ. Он ехал туда через Москву, где пробыл около двух недель, встретился со старыми друзьями, имея возможность с ними соперничать вновь гибель Великого Поэта, набраться новых впечатлений.

Размышляя над рукописями с рисунками поэта, я убедилась в искренности художника. Сегодня у нас шла речь и показ одной из них, но исторически важной. В моих руках «осталась ещё толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою... (переменив все собственные имена), но беспощадно выставляя наружу и собственные слабости и пороки. Когда-нибудь и она явится на суд света»... (журнал Печорина).

А позже в предисловии к своему роману «Герой нашего времени» Лермонтов отметит, что «ему просто было весело рисо-

вать современного человека, каким он его понимает, и к его, и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж Бог знает!»

Читатели, конечно, замечают иронию и в рисунках поэта. От эскизного материала до собирательного, образа героя (лермонтовского) времени. Черновые рукописи его уникальны – в них всегда текст и рисунки в полном единстве дополняют и поясняют друг друга. Поэтому необходимо изучать буквально каждый штрих пера этого гениального человека.

«Герой наш был москвич...»

Композиция, составленная

Л. Н. Шаталовой

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №124-125. С. 6

Людмила Шаталова

«Мой дух бессмертен силой...»

15 октября исполнилось 184 года со дня рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Он любим нами не только как национальный поэт, он близок нам как истинно русский характер: искренний, бесстрашный, неукротимый. Празднование дня рождения Лермонтова стало истринской традицией. Вот что пишут в адрес почётного гражданина нашего города Л. Н. Шаталовой президент ассоциации «Лермонтовское наследие» М. Ю. Лермонтов и вице-президент И. В. Воронцов: *«Сегодня город Истра остаётся единственным местом в Подмосковье, где в День памяти поэта выставлены интересные новые работы о М. Ю. Лермонтове, за что низкий поклон Вам, а с Вами вместе и администрации города Истры, уделяющей большое внимание Вашим исследованиям»*. Сегодня Людмила Николаевна предлагает одну из своих работ.

Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта – Лермонтова, – свидетельствует писатель В. А. Соллогуб. Лермонтов первым произнёс заветные слова «*пал, оклеветанный молвой*», и поэтому стал великим русским национальным поэтом. Лермонтов – законный наследник Пушкина, он повторил его путь: от ссылки – к смерти на дуэли, и к бессмертию.

В тот злополучный год Лермонтов, почти никому не известный офицер, «*боровшийся пером*», сразу превратился в поэта, известного всем, «*кому дорого русское слово*». И портрет Михаила Юрьевича в ментике лейб-гвардии Гусарского полка, написанный его учителем живописи, петербургским художником П. Е. Заболотским, отныне могла бы видеть вся читающая Россия. Портрет этот самый драгоценный из всей сохранившейся иконографии поэта, не только потому, что он прижизненный, но и потому, что он современен тем переживаниям, которые вывели Лермонтова в первые ряды поэзии.

Успехи в рисовании и живописи проявились у Михаила Юрьевича в год его учения у Петра Ефимовича Заболотского, с которым Лермонтова связывали до конца жизни дружеские отношения.

*М. Ю. Лермонтов
в ментике лейб-гвардии
Гусарского полка. 1837 год.
Портрет П. Заболотского*

Начало занятий – платных уроков живописи у Заболотского – вероятно, весна 1836 года. По свидетельству сына художника П. П. Заболотского, в мемуарной записке об отце Лермонтов, уже будучи офицером, вместе с некоторыми сослуживцами по полку ходил на эти уроки. Сам Заболотский сделал с Лермонтова три портрета (в 1837 и 1840 годах), один из них парный с А. Карамзиным, недавно разысканный в Италии исследователями (Н. Глушакова). Верность определения портрета я смогла подтвердить, изучая работы П. Заболотского.

А сам Лермонтов в том же 1837 году написал свой портрет уже в форме Нижегородского драгунского полка, куда он был сослан. Известно, что, вернувшись с Кавказа, Лермонтов подарил своему учителю 20 зарисовок, эскизов для картин, выполненных на картоне маслом, и в том числе литографию «Вид Крестовой горы близ селения Коби» (три оттиска литографии находятся в Русском музее в Петербурге, остальной тираж утрачен). Вопрос, когда же был сделан портрет М. Ю. Лермонтова в ментике лейб-гвардии Гусарского полка, обоснован фактами: 27 февраля 1837 года Николай I подписал приказ о высылке Лермонтова на Кавказ, 3 марта приказ был опубликован в «Русском инвалиде». После пребывания под арестом в течение 9 дней Лермонтов получил разрешение на свидание с бабушкой. Затем он был отпущен домой, содержался под домашним арестом и лишь 19 марта выехал из Петербурга в ссылку.

Таким образом, допустимо, что учитель Лермонтова П. Е. Заболотский написал портрет поэта по просьбе бабушки, ко-

торая хотела оставить себе на память изображение внука в мундире того привилегированного полка, с которым он был вынужден расстаться поневоле.

Вот и имеем мы портрет поэта того времени, хотя и в копии, созданной в 1870-х годах художником В. Г. Перовым и хранящейся в Третьяковской галерее. Среди немногих людей, составлявших ближайшее окружение Лермонтова, сохранится память о скромном художнике.

Творчества Петра Ефимовича Заболотского (1803-1866), как и подавляющего большинства малоизвестных художников, до сих пор остаётся неизученным. Родом из Тихвина, он попал в столицу в 1825 году и вскоре, благодаря *«покровительству любителя изящных искусств»* А. Р. Томилова, был принят в Императорскую Академию художеств *«посторонним учеником»*. Меценат Алексей Романович Томилов – коллекционер, член общества поощрения художников, человек просвещённый, много сделавший для развития живописного искусства России. Однако он был высокомерным и требовательным к зависимым от него художникам, а уже признанные, прославленные художники: Кипренский, Орловский, Тома де Томон, Венецианов, Штернберг, Айвазовский – были в числе его друзей. Картины многих из них представлены и в музее «Новый Иерусалим», и в других музеях Подмосковья.

В первые годы пребывания в Петербурге Заболотский жил на средства Томилова. Вероятно, нашему поколению интересно познакомиться с письмами художника к Томилову, со-

хранившимися в архиве Шварца, свидетельствующими о зависимости живописца от кошелька мецената. Они особенно интересны в связи с нынешним положением художников. Приводим отрывок из письма:

«Милостивый государь и Благодетель Алексей Романович! ...во вторник, то есть 23 сентября, в Академии Художеств изволили быть их Величества Государь Император и Императрица и Великий Князь. Государь был доволен выставкой, сказывают, останавливался и против моих портретов...» Мы знаем по воспоминаниям сына, что Заболотский писал портреты родственников Лермонтова, семью Столыпиных, в числе которых был Алексей Григорьевич Столыпин. Один из ещё не определённых портретов 1839 года, подписанный художником его инициалами «ПЗ», до сих пор принимается за портрет самого Лермонтова. Лишь недавно он определён мною как рисунок к портрету Алексея Григорьевича Столыпина. Именно А. Г. Столыпина изобразил Лермонтов в 1837 году на черновой рукописи «Смерть поэта» как защитника Дантеса – антипода Пушкина и своего.

Второе столетие проходит через зенит, а Лермонтов для нас всё ближе. Кроме поэзии, стали известны и его рисунки – графический комментарий к стихам, как я считаю. Лермонтов для нас – слава русской поэзии, и в то же время живая душа, поставившая вопрос о судьбах и правах человеческой личности в нашем непростом и изменчивом мире.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2001, №97. С. 2

Людмила Шаталова

«Но кто ж она? Зачем закрыта...»

Рассматривая лермонтовский материал в различных изданиях, я обнаружила, что к стихотворению «Оставленная пустынь предо мной...» в черновой рукописи поэта есть пометы в автографе в скобках: «*В Воскресенске*», «*Написано на стенах (пустыни) жилища Никона*». «1830 года». Перед второй частью стихотворения – «*Там же в монастыре*». Значит, подумала я, Лермонтов бывал здесь, в Воскресенском соборе. Вероятно, это обстоятельство и стало творческим импульсом для создания Лермонтовым образа Никона и священной обители, конечно, в соответствии с душевными переживаниями.

По возвращению в Середниково – подмосковное имение Столыпиных, где Лермонтов проводил пансионские каникулы в 1829, 1830 и 1831 годах, он заполняет начатую рабочую тетрадь 1830 года, где появляется анонимное посвящение «К ***».

*«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке – могила
Предо мной. – Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. – Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу – пишу – но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви – но вы не знали мук моих...
Прими письмо моё. – Твой взор увидит,
Что я не смог стеснить души своей
К молчанью – Так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни – много – много испытал,
Ошибся в дружбе – о! храни моих мучений
Слова – прости – и больше нет волнений,
Прости, мой друг» – и подписал: «Евгений».*

Так кто ж она? И кто «Евгений»? Может быть, он – герой новонайденной поэмы 1829 года, сюжет которой (личная драма Евгения – любовь к своей родной или сводной сестре) характерен для раннего и позднего творчества Лермонтова: «Демон», драмы «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»), роман «Вадим» и другие.

Перед вами – факсимиле (точное воспроизведение почерка и рисунка автора) первой страницы драмы «Люди и страсти».

Имя, кому адресовано посвящение, тщательно вычеркнуто. Долгое время лермонтоведы не обращали внимание на вензель под стихотворением, который является разгадкой имени незнакомки. Если внимательнее присмотреться к вензелю – сплетению начальных букв имени и фамилии – то, можно прочитать инициалы СВ (латиницей) Так, и ещё другими шифрами (СБ, АС, БСА, Б. Софья, Софья и другими) Лермонтов подписывал портреты Софьи Александровны Бахметевой, которая считалась приятельницей поэта с детских лет, и которую поэт любил. От обоих долго скрывалось, что Софья является ему сестрой (внебрачная дочь его отца) – это обстоятельство и стало причиной сердечной тайны поэта.

На правой половине той же странички есть рисунок девушки под сухим деревом... Рисунок следует соотнести со стихотворением Лермонтова «Дереву».

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светились в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..
Детей! – о! да, я был ребенок! –
Промчался лёгкой страсти сон;

*Дремоты флёр был слишком тонок –
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, –
Но как переменить, что есть?
Ужели также вдохновенье
Умрёт невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.*

Из текста видно, что поэт вспоминает событие, относившееся к 1829 году («Лишь год назад два талисмана светились в тени твоей»). В автографе рядом с заглавием выставлена дата «1830», и за стихотворением следует прозаический текст: «*Моё завещание (про дерево, где я сидел с А. С.)*» Теперь ясно, что инициалы А. С. нужно читать как С. А. – Софья Александровна.

В стихотворении «К другу», на последнем листе в тетради «Мелкие стихотворения 1829 года Лермонтов пишет: «*Ты, друг, узнать не должен, кто она. Навек мы с ней разлучены судьбою...*». И на обложке тетради, и внутри изображены вензели с шифром Софьи Бахметевой.

В 1935 году, собирая материалы для академического переиздания собрания сочинений Лермонтова, редактор Б. Эйхенбаум выделил «белые места» таинственной биографии поэта. И одной из поставленных проблем был вопрос об адресате раннего лирического цикла. Решением этого вопроса занялся И. Андроников. Через три года его поиски воплотились в известном рассказе «Загадка Н.Ф.И.» (Наталья Фёдоровна Иванова). Другой претендентки никто уже не искал, места в биографии Лермонтова для Софьи Бахметевой не отводилось на протяжении шестидесяти лет.

На карандашном рисунке Лермонтова из Кавказского альбома 1840 года изображён внутренний придел Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря под ротондой (что подтверждено специалистами-реставраторами монастыря). Рисунок – воспоминание посещения монастыря в 1830 году. По моему определению, мы видим самого автора рисунка и его музу Софью Бахметеву (слева).

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2001, №128-129. С. 9

Людмила Шаталова

«В уме своём я создал мир иной»

Ранее в «Истринских вестях» сообщалось о совместной работе над рукописью книги о творчестве М. Ю. Лермонтова – Л. Н. Шаталовой, Е. Н. Фадичевой и А. А. Сахарова. Готовился материал о новом комплексном методе прочтения рукописей, который состоит в параллельном сравнительном анализе рисунков и литературных сочинений, переписки поэта и биографии его и окружения. Авторы считают, что только в совокупности всех этих материалов можно понять жизнь и творчество Лермонтова, для этого-то потребовалось широкомасштабное издание изобразительного наследия поэта... Оно состоялось в Московском издательстве «Воскресенье», в 2001 году вышел специальный том с предисловием А. А. Сахарова и Е. Н. Фадичевой «Новая объёмность взгляда». Авторы пишут: *«Настоящий восьмой том. «Картины. Акварели. Рисунки» десяти-*

ного Полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова впервые представляет как самостоятельную грань творчества гениального поэта его изобразительное наследие...»

Можно верить и надеяться, что со временем удастся ещё дополнить сведения о нашем великом соотечественнике и пополнить не только существующий перечень произведений Лермонтова-художника, но и прочесть тайнопись рисунков на черновых рукописях в их взаимосвязи. Более 20 лет художник-график Л. Н. Шаталова занимается атрибутированием (поиском прототипов) в рисунках поэта. Это весьма непростое дело: мнения разных авторов в части определения тех или иных изображённых Лермонтовым лиц являются зачастую спорными. Такое положение дел говорит, на наш взгляд, о недостаточной фактологии для определённых решений и не разработанной до конца методике, возможности наличия скрытых надписей или рисунков в рисунке (приём, которым пользовались и Пушкин, и Достоевский; у Лермонтова тайнопись давно уже отмечена художником Л. Н. Шаталовой). Она первая более полно и предметно определила связь между поэтическим и художественным дарованиями Лермонтова.

Известный пушкинист А. М. Эфрос писал о рисунках на рукописях Пушкина: *«...это дневник в образах, зрительный комментарий Пушкина к самому себе, особая запись мыслей и чувств, своеобразный отчёт о людях и событиях»*. Такая трактовка, по мнению некоторых исследователей творчества М. Ю. Лермонтова (И. Андроников, Л. Шаталова и авторы статьи

А. А. Сахаров и Е. Н. Фадичева и другие) в полной мере применима к графике Лермонтова, но рисунки последнего несут большую целевую и творческую нагрузку.

Это-то даёт возможность Л. Н. Шаталовой утверждать (развивая мысль В. В. Афанасьева), что Лермонтов обладал, помимо превосходной зрительной памяти, и острой наблюдательностью, особым даром видения и восприятия мира, так называемым пиктографическим (от слов «пикто» – рисовать и «графо» – писать) мышлением. Появилась возможность найти в рисунках ключ к замыслу того или иного произведения, к фактам биографии поэта и заново их прочесть».

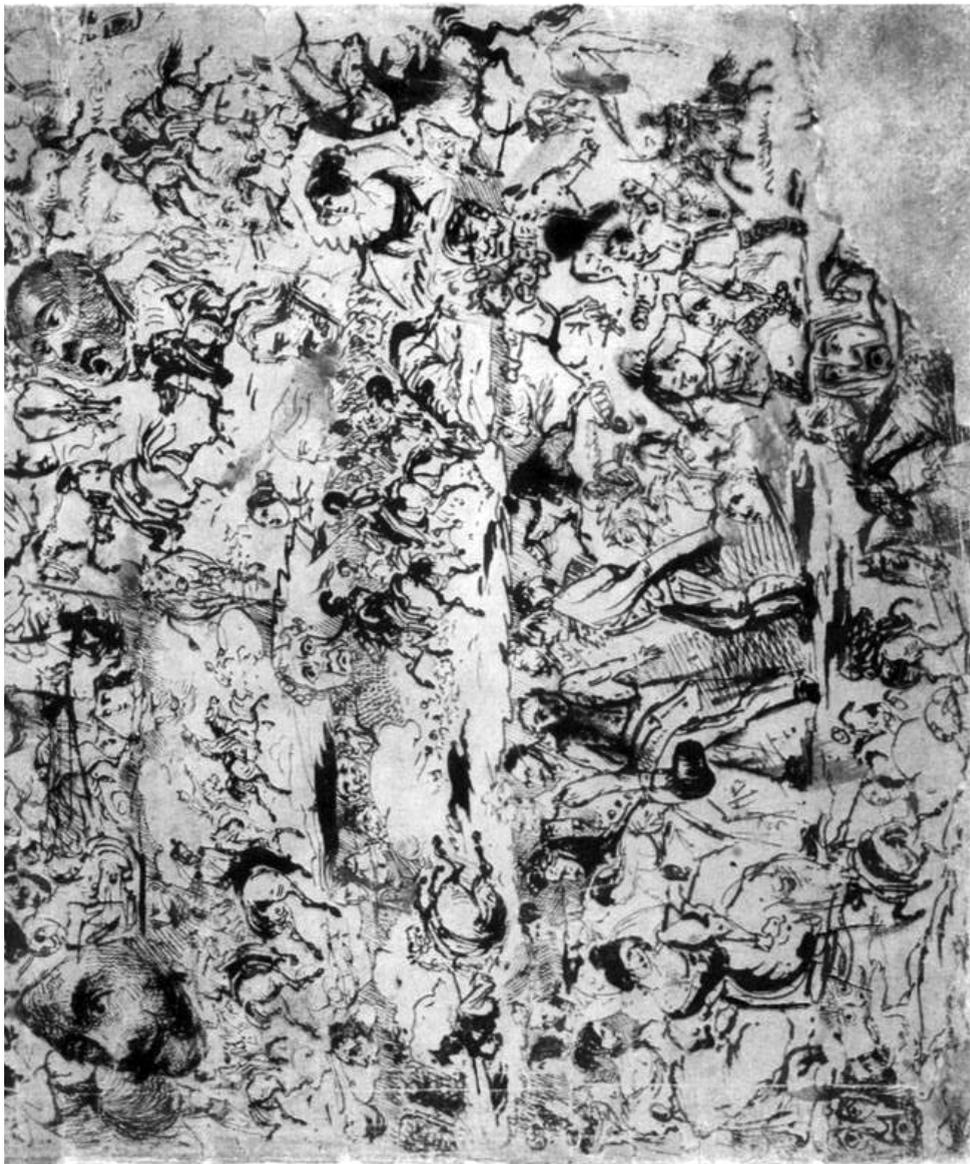
Вот почему так важен и нужен был выход в свет настоящего тома, вобравшего основные изобразительные работы Лермонтова – требующие не меньшего, а, может быть, и более углубленного из-за тайнописи изучения, чем рисунки других писателей. Появившиеся дополнительные материалы к творчеству Лермонтова, методика прочтения рукописей и расшифровка надписей-вензелей и помет в рисунках находятся в работе вышеупомянутого коллектива. Пожелайте нам успешного завершения этой сложной работы.

Часть третья

Загадка лермонтовского шифра

«Вадимов лист» – обложка рукописи романа «Вадим» М. Ю. Лермонтова. Бумага, орешковые чернила. Из фондов Института русской литературы РАН

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1984, №11. С. 46-47

Людмила Шаталова

Лермонтов из Московского университета

Много лет работая над рукописями Лермонтова, исследуя каждый штрих его рисунков, я пришла к выводу, что свои художественные замыслы он стремился (по его же словам) «отпечатлеть в предмете вещественном», потому анализ его весьма обширного графического наследия поможет нам разгадать многочисленные загадки жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова.

Вот, к примеру, первая загадка. Загадка ненависти и любви. Ясно, что творческим методом великого поэта была не характерная для романтизма идеализация, а точность и сатиричность, свойственные критическому реализму.

«У моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря с отцом моим, и это всё на меня упадет. ...Знаешь ли? Я люблю... Она никогда не будет мне принадлежать, – зачем же на-

зывать её? – Я хочу погасить последнюю надежду, я не хочу любить, – а всё люблю!.. Я люблю дочь моего дяди... – Да! Я болен! смертный яд течёт по моим жилам».

Что за распря? Какая любовь, что как смертный яд течёт по жилам? Может, будут ещё найдены письма и документы, которые до конца расшифруют эти вопросы. Но пока... Установлены серии жанровых картинок поэта с утаёнными портретами, в которых проходят в различных ситуациях люди из ближайшего окружения Лермонтова – бабушка, отец, ложные друзья и «души его кумиры», объединённые в портрет «ангела земного». Тайной осталась пока «ужасная судьба отца и сына» – вследствие двойного шифра, объединившего их в один образ.

Покров тайны, наброшенный на стихи и портреты близких, замечен в эпитафии на смерть отца, последовавшую 1 октября 1831 года в Кропотове, когда поэт учился в университете и жил с бабушкой и родственниками – Столыпинами в Москве.

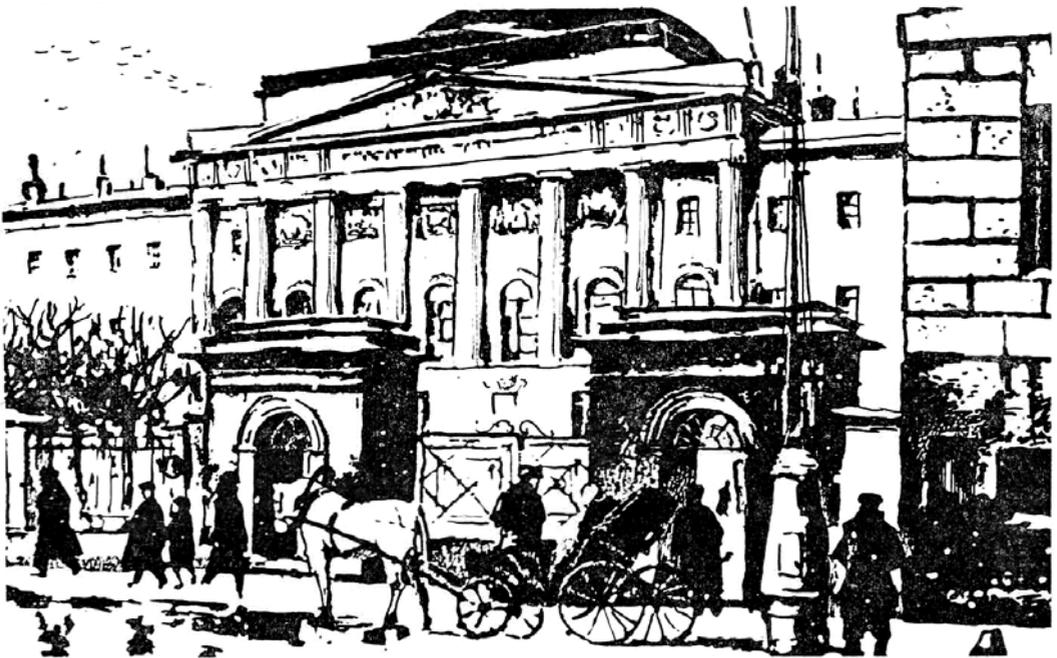
*Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман...*

Многое в творчестве Лермонтова можно считать документальным и даже биографическим. В какой-то степени это семейная хроника, которую поэт вёл в тексте и рисунках, начиная от родоначальников враждующих сторон – воображаемого

предка герцога Лермы и бабки Е. А. Арсеньевой, урождённой Столыпиной, кончая отцом Ю. П. Лермонтовым и матерью Марией Михайловной, и всем множеством врагов и друзей, окружавших его.

«Беречь сокровища святыя теперь я выучен судьбой»... Лермонтов, конечно, не мог предполагать, что тетради студенческих лет с записями и рисунками станут когда-то документами большой литературной и художественной значимости. Эти тетради раскрывают факты его биографии, а рисунки на рукописях отождествляются с иконографией людей из близкого

Московский университет, каким его мог видеть студент Лермонтов

окружения. Как выяснилось, все они были ещё и надписаны тайными штрихами, которые до сих пор никто не замечал.

«Я хочу рассказать вам историю женщины, которую вы все видели и которую никто из вас не знал... Подробности моего рассказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь, что в нём будет заключаться глубокий нравственный смысл... Тот, кто думает отгадать чужое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга, горько ошибается». Эти строки из незаконченной повести «Я хочу рассказать вам» (1836) автобиографичны. Они относятся к периоду отношений двух любящих – Михаила Лермонтова и Анны Столыпина (1827-1841), осложнённых какой-то таинственной историей. В черновом варианте предисловия к драме «Странный человек» Лермонтов писал: *«Почти все действующие лица писаны мною с природы, но те, кои могут узнать, с кого они взяты, едва ли откроют это миру»* (1831). Откроем «Героя нашего времени»: *«Хотя я переменял все собственные имена, те, о которых в нём говорится, вероятно, себя узнают...»*

Устойчивость замысла позволяет нам сближать героев лермонтовской юношеской лирики и графики с портретами и произведениями, созданными в зрелый период.

*В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...*

Эту тайну мы сегодня уже приоткрыли и многому можем дать название. Уникальный образец бесцензурного очерка жизни великого русского поэта, созданный его замечательным соотечественником, питомцем Московского университета А. И. Герценом, соединился в веках с анонимно построенным романом, предположительно трилогией «Герой нашего времени», в которой зашифрована поэтом семейная летопись, но

Наброски из тетрадей М. Лермонтова. В середине листа «проект памятника самому себе», а также автошарж (вид со спины): Лермонтов, разжалованный за дуэль с Барантом. Волин – поэт из юношеской драмы «Люди и страсти». Наброски головы отца.

личное здесь, как и положено в художественном произведении, типизировано.

Новые значительные материалы и исследования осветили ранее неизвестные факты жизни и творчества Лермонтова... Но загадок по-прежнему множество... Многие из портретных зарисовок на полях его рукописей до сих пор не узнаны. Однако сопоставление их с текстами даёт возможность проследить движение авторской мысли, правильно расставить акценты, прояснить глубинный смысл произведения. Герой – это действительно портрет, но портрет не одного человека. И это обстоятельство было взято Лермонтовым за основу шифра, который и остался в тайне. «Он... никому не поверял своих душевных и семейных тайн», – писал Лермонтов об одном из своих героев («Фаталист»). В портрете «неизвестного» (рисунок Лермонтова 1836 года, про который Шан-Гирей, родственник поэта, говорил: «Это фаталист») зашифровано два лица: это соперники поэта, его враги... и вместе с тем родственники, что не позволяло ему открыть истину.

По всей вероятности, ещё в ранней юности поэт Лермонтов начал записывать в тетради свою семейную хронику, а затем использовал её для романа о герое своего времени. В предисловии к «Журналу Печорина» автор (сам Лермонтов) признаётся, что у него в руках осталась ещё «толстая тетрадь, где вся его жизнь».

Таким образом, нам известно только то, что произошло с Печориным на Кавказе. Всё остальное, во многом повторяю-

щее жизненную биографию поэта и время его учебы в Московском университете, не увидело бы свет, если бы не найденный мною графический дневник с надписями под рисунками. Надеюсь, что со временем его удастся расшифровать шире.

Память, высеченная в камне, нужна живым. В Москве, которую Лермонтов любил, на площади, носящей его имя, стоит памятник поэту.

На этих страницах вы можете увидеть эскизный проект ещё одного памятника, который не был воплощён ни в бронзе, ни в граните. Этот проект создал сам поэт. Проект скорее шуточный, чем серьёзный, павлинье око в кармане плаща – намёк на бессмертие, а по «постаменту» автограф «*М. Лермонтов*». Думается, это не просто шутка, а, по сути, что-то очень близкое к пушкинскому «*Я памятник себе воздвиг...*» У Лермонтова это звучит так: «*Нет, нет, мой дух бессмертен силой, мой гений веки пролетит...*»

Феномен лермонтовской тайнописи, применённый им эзопов язык остались загадкой не только для современников, но и для нескольких последующих поколений. Разгаданные через полтора столетия тайны рукописей и рисунков приоткрыли нам доселе неведомые исповедальные страницы дневников великого поэта и художника, которых нам так не хватало.

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1985, №8. С. 26

Людмила Шаталова

Загадка лермонтовского шифра

Меня всегда интересовали рисунки великих поэтов и писателей. Это профессиональный интерес, ведь я художник. Изучая рисунки, я как бы вела исследования, сравнивая портреты, сделанные рукой писателей, с портретами их современников, написанных профессиональными художниками. Таким образом, неведомые лица, анфасы, профили, фигуры, которые мы видим в рукописях, обретали имена, а это, в свою очередь, отбрасывало как бы отражённый свет на сами рукописи, позволяло по-новому прочесть их.

Точно так же начинала я работать над рисунками М. Ю. Лермонтова. И, надо сказать, кое-что интересное уже тогда открылось мне. Некоторые мои предположения подтвердил сам великий их творец – Лермонтов, именно подтвердил, чёрным по белому: на многих (теперь можно говорить, почти всех) ри-

сунках оказались надписи настолько хорошо замаскированные, что до сих пор их не замечали. Это была частичка того, что теперь можно прочесть, буквально прочесть, на рисунках Михаила Лермонтова.

Так к поискам подключилась недавняя студентка, ныне инженер из Тбилиси – Елизавета Газарова. Тайн хватает на всех. Для их разгадки нужны исследователи разных профилей.

Рассуждения Александра Блока о лермонтовском творчестве в статье «Педант о поэте», написанные в начале века, не потеряли и по сей день своей актуальности. *«Почвы для исследования Лермонтова нет – биография нищенская. Остается “провидеть” Лермонтова... Когда роют клад, прежде разбирают смысл шифр а... лермонтовский клад стоит упорных трудов».*

Прошло более века с тех пор, как в «Вестнике Европы» русская общественность смогла познакомиться с одним из юношеских прозаических произведений М. Ю. Лермонтова. Срезанный первый лист рукописи не донёс до нас названия неоконченного романа, и оно было дано редакторами произвольно по имени главного героя – «Вадим».

Лист, служащий как бы обложкой автографа, это совершенно уникальное произведение, не имеющее себе равного в творчестве ни одного литератора-художника. Весь лист покрыт рисунками, представляющими собой большей частью портретные зарисовки, наброски военных сцен, всадников на лошадях. Густота и на первый взгляд хаотичность их расположения никак не позволяли проникнуть в тайну композицион-

ного замысла, понять, спаяны ли рисунки в единый узор. Общим комментарием к этому замечательному листу могут служить слова самого Лермонтова из письма к М. А. Лопухиной: *«Я перерыл всю душу и все это в беспорядке излил на бумагу».*

Может возникнуть вопрос: какое же отношение имеет данный, испещрённый рисунками лист к последующим главам «Вадима»? Между ними мало точек соприкосновения. Скорее всего, перед нами исповедь поэта, дневник, «заполнявшийся» не в один день, а на протяжении жизни поэта. Рисунки последовательно ложились и оживляли белую гладь титульного листа. На нём словно сфокусировалось всё памятное, дорогое, сокровенное, а главное – то, что надо было утаить от постороннего глаза. Выражения лиц, позы, композиционное решение многих сцен – всё очень многозначительно.

Каждое лицо удивительно выразительно, представляет собой определённый характер, несёт своё настроение грусти, печали, гнева, изумления, восторга. И ни одно из них не может оставить нас равнодушными.

Даже беглый взгляд подсказывает, что всё изображённое основано на реальном, жизненном материале, все прочувствовано, выстрадано, *«лица, изображённые мною, все взяты с природы».*

Детальное изучение листа, вероятно, подтвердит эту мысль. Среди набросанных лиц узнаём тех, кто составлял родственный круг поэта, великосветские и придворные сферы. И в этом помогает нам не только и не столько изучение иконографии лер-

монтовского окружения (многие портретные изображения на листе «Вадима» сатирически-гротескны), а элементы уникальной системы тайнописи, которые мы находим среди рисунков.

Подробный разбор всех изображений уникального рисованного дневника поэта впереди, но уже сейчас возникает вопрос: зачем нужна была столь тонко зашифрованная тайнопись, от кого прятал поэт свои мысли и наблюдения? Ответ содержится в письме М. А. Лопухиной Лермонтову от 12 октября 1832 года:

«Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покорённым; особенно избегайте ту молодежь, которая бравирует всякими выходками и ставит себе в заслугу глупое фанфаронство... Вы хорошо сделаете, если пришлёте, как вы говорите, всё, что вы до сих пор написали; вы можете быть уверены, что я честно сохраню присланное; и вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь. Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель. Мужайтесь...»

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1986, №4. С. 52-53

Людмила Шаталова

Поэт и царь

Рисунок чаще в основе своей имеет линию, но может быть выражен и пятном. Эти свойства графики с большим успехом использовал Лермонтов, остроумно вписывая в рисунок малозаметную на взгляд тайнопись. Иногда он пользовался эзоповым языком, обозначая тайну условным знаком предмета, как бы намёком на него, достигая при этом не только скрытности, но и особой выразительности. Работая над «Вадимовским листом» (так мы будем называть для краткости обложку незавершённого юношеского романа «Вадим»), мне удалось обнаружить совершенно удивительные вещи. В частности, ошеломляет колоссальная информативность этой графической композиции...

В оригинале «Вадимовский лист» имеет размеры альбомного листа бумаги, и даже внимательный взгляд не может найти здесь ничего, кроме беспорядочно набросанных на бумаге

рисунков. Но уже при небольшом увеличении перед изумлённым зрителем предстаёт калейдоскоп сцен, жанровых картинок и портретов доселе неизвестных лиц. Как же подойти к решению этой проблемы?

Вначале необходимо понять серьёзность и значимость «Вадимовского листа» как синтеза графического наследия Лермонтова. В значительной мере этого не давала осуществить ошибка в хронологии, датировавшая «Вадимов лист» 1832-1834 годами. Беру на себя смелость утверждать, что в нём зафиксированы события, относящиеся к периоду борьбы Лермонтова с придворной аристократией. Это позволяет отодвинуть границу хронологического интервала до 1841 года.

Группируя повторяющиеся портреты, сопоставляя их с иконографией, мне удалось увидеть целые циклы, связанные с конкретными образами. Можно с уверенностью сказать, что на обложке «графического дневника» Лермонтова вы увидите императора Николая I. В этом же цикле можно распознать и его ближайших придворных, жадную толпой стоящих у трона.

Итак, рисунки конкретизируются, приоткрывают свои секреты, вводя нас в активный, насыщенный борьбой и страстями мир великого поэта и художника. А надписи, найденные в рисунках, конкретизируют графический рассказ о зловещей обстановке в России начала и середины XIX века.

Трудности сохранения «крамольной» сатиры обусловили переложение её художником в особые символы. Дух слежки и доносов процветал при дворе императора Николая I в такой

степени, что пугал даже самых верных слуг царя. Замаскировав в жанровых сценках обложки «Вадима» портреты Николая I, брата царя Михаила Романова, Бенкендорфа, Дубельта, Несельроде и других, Лермонтов дал им острые политические характеристики. И хорошо, что Дубельт своим «всевидающим глазом» не разглядел крамолу в рисунках Лермонтова. Помните, как он воскликнул, узнав о смерти В. Г. Белинского: «Жаль, что умер, мы бы его сгноили в крепости».

Насколько же хорошо замаскировал поэт свою сатиру, если графический его дневник приоткрылся для нас только сейчас спустя полтора столетия!

А теперь перейдём к методу расшифровки – работе профессионального графика над рисунками поэта. Рассматривая их, следует отметить такую особенность.

Может, это парадоксально, но сатирические рисунки эти очень реалистичны и потому узнаваемы. Это позволяет с большой уверенностью их персонифицировать, то есть опознавать изображённых людей. Когда в калейдоскопе бытовых зарисовок и жанровых сцен поэт располагает сатирический портрет Николая I, ему приходится быть чрезвычайно осторожным. И он рисует его в той же манере, не преувеличивая пародийность, лавируя штрихами. Он рисует не столько лицо, сколько маску самодержца. Надевает на неё «корону» из цепочки конских ног. Мы специально помещаем иконографическую литографию портрета императора для того, чтобы вы могли убедиться, насколько точна и узнаваема сатира Лермонтова.

Фрагмент «Вадимовского листа» (1832-1840 годы).
1. Автопортрет М. Ю. Лермонтова (1837-1838 годы)

А вот, тоже мастерский, писательский портрет Николая, сделанный рукою другого гения, Л. Н. Толстого в «Хаджи-Мурате»: *«Длинное белое лицо с огромным покатым лбом, выступавшим из-за приглаженных височков, искусно соединённых с париком, закрывавшим лысину, было особенно холодно и неподвижно. Глаза его, тусклые, смотрели ещё тусклее обыкновенного, сжатые губы из-под загнутых кверху усов, и подпёртые высоким воротником ожиревшие свежевыбритые щёки с оставленными правильными колбасками бакенбард, и прижимаемый к воротнику подбородок придавал лицу его выражение недовольства и даже гнева...»*

Согласитесь, это поразительно напоминает лермонтовский портрет самодержца. Тут же мы видим автопортреты Лермонтова. Один из них возвышается на коне (со спины) и, как Георгий Победоносец, наносит удар змию-гидре... Второй рядом с другим портретом Николая I, где себя Лермонтов изобразил взывающим на борьбу трибуном. А рядом символ мысли – конь! Углублённое изучение рукописей и рисунков пополнило

2. Николай I, литография (фрагмент). 3. Михаил, брат царя.
4. А. Бекендорф, шеф жандармов. 5. Николай I (рисунок натурный).
6. Иван Грозный (гравюра Штенглина).

скупой материал воспоминаний современников и наглядно рассказало о деятельной натуре, громадной духовной и общественной жизни, о которой было так мало известно до сих пор. Главный замысел всей жизни – трилогия о трёх эпохах русской жизни – был основательно уже подготовлен. Интересно и то, что замысел предполагал включение века Екатерины II и мог быть осуществим лишь на семейной хронике. Вот почему в одной тетради сосредоточилось так много материала – начата повесть, названная редакторами «Вадим», имеющая в тексте несколько рисунков, и на обложке совершенно уникальный не то «графический дневник», не то «каталог замыслов», обозначенных рисунками, но не воплощённых в стихах и прозе из-за ранней гибели поэта.

Информативные возможности «Вадимова листа» огромны. И я надеюсь в скором времени сообщить вам, дорогие читатели, о новых находках.

Перед вами фрагмент «Вадимовского листа». Мы предлагаем вам сравнить рисунки Лермонтова с известными портретами царя и его высших сановников. Только посмотрев, вы сами убедитесь в тождестве.

«Вадимов лист» – это не просто портреты окружавших поэта друзей и врагов. Это ещё и сборник сюжетов. Тут мы видим темы его поэтических и прозаических творений. Не случайно расположены рядом два кровавых царя: Николай и Грозный, и тут же сам поэт в виде лихого всадника. Все рисунки тесно переплетены с очень непростой жизнью лермонтовского времени.

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1986, №8. С. 32-33

Людмила Шаталова

Похищение Крю

Предлагаем вашему вниманию новый фрагмент «Вадимова Листа», который удалось расшифровать совсем недавно. Из тех материалов вы узнали, что «Вадимов лист» оказался не простым собранием рисунков, в беспорядке набросанных на бумагу, а настоящим графическим дневником поэта, в который он заносил и своеобразно комментировал поразившие его события, а также намечал темы будущих произведений. Таким образом, графический дневник становился ещё каталогом замыслов.

Как вы помните, прошлая публикация называлась «Поэт и царь». Ключом к расшифровке стал портрет императора Николая I, который поэт, словно для того, чтобы устранить всякие сомнения, снабдил короной из лошадиных копыт и остроумно зашифрованной монограммой Н-1.

К расшифровке нового фрагмента меня подтолкнула краткая запись в дневнике императрицы, сделанная 5 мая 1839 года: «Амали Крю – Монго Столыпин». Эта запись – отражение скандала, когда приятель и родственник М. Лермонтова Алексей Столыпин (Монго) похитил любовницу всемогущего Бенкендорфа Амали Крюденер.

Амали была двоюродной сестрой императрицы и пользовалась большим влиянием в свете. Неудивительно: ведь она управляла самим Бенкендорфом. Скандал получился оглушительный. Но как удалось понять, что именно эта история зашифрована в одном из фрагментов «Вадимова листа»? Ключом к пониманию, настоящим билингом оказалась голова в самом верху фрагмента. То, что это Бенкендорф, не вызывало сомнений. Но это не просто Бенкендорф, а Бенкендорф рассерженный. Кроме того, в правом нижнем углу ещё один его портрет: здесь всемогущий министр не просто сердится, он в ярости. Смущало странное сооружение на голове Бенкендорфа (в верхнем углу). Всё стало проясняться, когда я поняла, что это рога. Вот почему Бенкендорф мрачен, вот почему он в ярости. Я стала присматриваться к рогам и вдруг совершенно ясно увидела, что это запись, и читалась она легко: «Амали»!

Тогда я стала искать среди рисунков героиню скандала и вскоре нашла её. словно для того, чтобы снять все мои сомнения, поэт потаённо подписал этот портрет: Крю.

Тут же стало ясно, что человек на лошади и лицо ехидно ухмыляющегося мужчины принадлежат А. Столыпину (Монго),

которого М. Ю. Лермонтов любил изображать на лошади (специально помещаю для сравнения набросок лошади с собакой). И сразу всё прояснилось. На месте все герои давно ушедшей драмы, обратите внимание на то, как всего несколькими точными штрихами изображена буря чувств в лице обманутого Бенкендорфа – от подозрения до ярости. Как спокойно лицо бездушной Амали, как выразительно насмешлива физиономия лукавого Монго. Это, по сути дела, законченный литературный эпизод, только написан он не словами, а не менее выразительным языком лермонтовской графики.

Всё сказанное, безусловно, относится и к предыдущему фрагменту, где изображены Николай I и его приближенные, *«жадною толпой стоящие у трона»*. Опять поражаешься тому, как выразительны, как сатирически беспощадно и точно нарисованы эти лица.

Как художник, я могу утверждать, что для того, чтоб добиться такой изобразительной силы, мало знать в лицо своих героев, их надо наблюдать, откладывая в копилку (если можно так выразиться) изобразительной памяти характерные выражения, мимику, манеру говорить или смотреть.

Мог ли Лермонтов наблюдать своих героев? Выясняется, тому имеется подтверждение, что мог. И случилось это именно в 1839 году, когда произошло знаменитое похищение Амали Крюденер, на свадьбе родственника Лермонтова Алексея Григорьевича Столыпина. В великосветской гостиной на венчании присутствовали император и его приближённые. В числе гостей

со стороны жениха: лейб-гвардии гусарского полка поручик Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго) и лейб-гвардии гусарского полка корнет Михайла (Юрьев) Лермонтов. Скорее всего здесь и завязался тот узелок, который мы видим. Итак, ещё один эпизод из жизни поэта и очередной штрих, положенный затем поэтом в основу обобщённого образа «Героя нашего времени».

В данном фрагменте «Вадимова листа» мы впервые столкнулись с Монго – Столыпиным – героем светской хроники, приятелем и дальним родственником Лермонтова (в житейском обиходе называемого братом). Каковы же были истинные отношения «братьев»?

Первая нелицеприятная характеристика Монго проскальзывает уже в одноименной поэме Лермонтова «Монго»: «...Монго – повеса и корнет, актрис коварный обожатель...» – и далее более «И на аршин предлинный свой людскую честь и совесть мерил...»

Множество сценок в юнкерской тетради и «Вадимовм листе» подтверждают предположение о том, что он был обманут дружбой, а донжуанство Монго разбило надежды поэта.

1. Амали Крюденер. 2. А. Столыпин (Монго).
3. А. Бенкердорф. 4. М. Лермонтов

Монго Столыпин и его собака (рисунок из юнкерского альбома) и фрагмент «Вадимова листа». 5-6. Тайнопись, обнаруженная в рисунках, и прочитанная как «Амали Крю»

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1986, №114. С. 3

Софья Гумерова

Пытаюсь разгадать «Вадимов лист»

Виктор Андроникович Мануйлов, доктор филологических наук, в своей книге «Михаил Юрьевич Лермонтов» подчеркнул: «В жизни и гибели Лермонтова много неясного и даже загадочного». Немало для разгадки этого «неясного» сделали советские лермонтоведы. Но тайны в лермонтовской биографии не раскрылись до конца...

И вот их коснулся профессиональный художник-график. График – прежде всего – рисовальщик. Сейчас исследования и открытия Людмилы Николаевны Шаталовой, нашедшей своеобразный шифр в творческом методе гениального поэта, стали известны и специалистам, и рядовым читателям. Не так давно, в мае-июне нынешнего года, она сделала сообщение в Институте мировой литературы имени А. М. Горького на кафедре теории литературы, оно было удостоено серьёзной оценки спе-

циалистов. Профессор Д. М. Урной в своём выступлении сказал, что работа Л. Н. Шаталовой, заслуживает поддержки и одобрения, и, конечно же, продолжения.

Газета «Ленинский путь» не раз предоставляла страницы для статей самой Л. Н. Шаталовой, рассказов о её просветительской работе в Истринском районе, а также о её исследованиях художественного творчества Лермонтова.

От факта жизни – к факту искусства

...Летом 1832 года Лермонтов вместе с бабушкой отправляется в Петербург. Позади – два года учёбы в Московском университете, конфликт с реакционными профессорами.

В Петербургском университете отказались зачесть два курса, пройденные в Москве. По совету родственника Алексея Григорьевича Столыпина, штаб-ротмистра лейб-гвардии гусарского полка, брата Анны Столыпиной, тайной любви поэта, Лермонтов поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где обучались преимущественно юноши-аристократы. Впоследствии Михаил Юрьевич говорил об этом периоде жизни как о двух страшных, ужасных годах.

Но именно в эти годы Лермонтов, продолжает работать над «Демоном», создаёт романтическую поэму «Хаджи-Абрек» и здесь же начинает роман, в основу которого положены исторические события крестьянской войны под руководством Пугачёва, относящиеся к лету 1774 года.

Герой романа – Вадим. Он мстит за честь разорённой семьи, за честь сестры. Шаталовой показался любопытным сам факт нахождения листа с загадочными рисунками в тетради так называемого «Вадима». Взгляд даже далёкого от искусства человека убеждает в том, что создал его отличный рисовальщик. И что сразу уловила исследовательница – во всём был явный гротеск, сарказм! «...Люблю марасть шутя бумаги лист летучий».

Чем пристальнее изучала Людмила Николаевна «Вадимов лист», тем более и более убеждалась, что, скорее всего, это не просто отвлечённые образы, случайно пришедшие на карандаш художника. Это конкретные люди и они связаны между собой определёнными отношениями, – к такому выводу пришла Шаталова.

Графический дневник?

Миллиметр за миллиметром изучает она лист рисунков в рукописи незавершённого романа. *«Чехов говорил, что лермонтовский язык настолько индивидуален, что его следует изучать в школе, разбирая каждую фразу. Я послушалась доброго совета Антона Павловича. Выделяя каждый фрагмент листа, я кого-то узнавала, сравнивала с иконографией (прижизненными подписанными изображениями), подбирала поэтический и прозаический материал, хронологию, известную из биографии, и таким образом определила несколько лиц, – рассказывает Людмила Николаевна Шаталова. – Первой моей находкой*

в этом каталоге сюжетов был фрагмент “Поэт и царь”, о чём рассказывалось в журнале “Студенческий меридиан” за 1985 год. Так вот, этот эпизод опровергает первоначальную хронологию “Вадимова листа”, ограниченную 1832-1834 годами, и доказывает, что “графический дневник” (исследовательница вводит такой термин) – многолетний. Я нашла рисунок, имеющий точную дату: 5 мая 1839 года»

«Тут не одно воспоминанье...»

«Причём здесь Тютчев?» – справедливо спросит внимательный читатель. А вот причём. Графиня Амалия Адлерберг, которой Фёдор Тютчев посвятил стихотворение, в первом браке носила титул баронессы Крюденер. Знаменитая красавица Амалия Крюденер, двоюродная сестра императрицы, имела определённое отношение к Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

...У этой версии не было доказательств. Но завесу тайны пытались понять крупнейшие лермонтоведы И. Л. Андроников и Э. Г. Герштейн.

В конце 1839 года «Лермонтову и Столыпину-Монго удалось спасти одну даму от назойливости некоего высокопоставленного лица». Так писал П. А. Висковатов, первый биограф поэта. Он не сомневался в том, что главная роль в приключении принадлежала находчивому и изобретательному Лермонтову. Столыпин-Монго, как прямой соперник «высокого лица», был вынужден даже выйти в отставку из-за этой истории.

Вот сам фрагмент рисунков, заинтересовавший художницу. В центре офицер на лошади спиной к нам. В левом углу вверху усмехающаяся усатая физиономия с крупным длинноватым носом. Справа параллельно ей узкое женское лицо. Здесь же справа выше и ниже этой головы одно и то же лицо. Верхний портрет – грозен, нижний выражает бешенство. Сопоставление с иконографией не оставило сомнений: Бенкендорф, главный жандарм Российской империи, начальник 3 отделения.

Усатый длинноносый мужчина?.. Смотрим на изображение Алексея Столыпина-Монго. Он! Офицер на лошади? Известно, что Лермонтов любил изображать Монго верхом на лошади. Осталось лишь сравнить женскую головку с изображением Амалии Крюденер. То же узкое лицо, удлинённый нос, характерный овал щёк, разлёт бровей... Безусловно, Амалия Крюденер. Женщина, вдохновившая Тютчева на создание изумительных строчек «Я встретил вас и всё былое...» Женщина, невольно сыгравшая роковую роль в судьбе великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. В записи 5 мая 1839 года в дневнике императрицы (её опубликовала Э. Г. Герштейн, изучавшая дневники жены Николая I) встречается фраза: «Амели Крю. Монго Столыпин». В воспоминаниях князя М. Б. Лобанова-Ростовского убедительно рассказывается о безуспешных ухаживаниях за А. Крюденер самого царя.

Ключом к пониманию фрагмента оказалась верхняя грозная голова Бенкендорфа. Она была явно с каким-то «украшением». Бог мой, да это рога! Людмила Николаевна по обыкно-

вению поворачивала рисунок и так, и эдак, рассматривая его через лупу и вдруг отчётливо увидела запись в рогах: «Амали».

«Чтобы добиться такой изобразительной силы, – утверждает художница Шаталова, – мало знать в лицо своих героев, их надо наблюдать, откладывая в память какие-то особенности мимики. Где мог поэт видеть “сильных мира сего”? На свадьбе того самого Алексея Григорьевича Столыпина, по совету которого поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. На венчании в Аничковом дворце присутствовали Николай I как посажённый отец невесты и его приближённые. В числе гостей со стороны жениха были поручик лейб-гвардии гусарского полка Алексей Столыпин и корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил Лермонтов».

«Здесь я выразил небрежно души непобедимый жар»

Недавно в столичной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова проходила юбилейная выставка Людмилы Николаевны Шаталовой. И, конечно же, она представила на ней новые факты, новые разгадки.

Прежде всего, это фрагмент «Вадимова листа», подтверждающий догадки лермонтоведов о некоторых подробностях дуэли с Барантом, а именно причастность Терезы де Бахерахт к дуэли Лермонтова с сыном французского посланника Барантом, а также групповой фрагмент из девяти фигур, узанных художницей. Эта группа позволяет сделать серьёзные выводы

об истинных отношениях двух неразлучных родственников-друзей: Лермонтова и Столыпина-Монго. Исследователи давно задавались вопросом, почему Алексей Столыпин, близкий друг Лермонтова, после гибели поэта ни единым словом, нигде, никогда не обмолвился о нём, не оставил никаких воспоминаний? Быть может, ему было о чём молчать?

Л. Н. Шаталова нашла в рисунках Лермонтова часто повторяющиеся фигуры женщин и длинноносого мужчины рядом и прочла на них инициалы «АГС», имена «Анна» и «Монго». АГС – Анна Григорьевна Столыпина... Двоюродная сестра поэта. Она была годом младше его. Известно, что ещё двенадцатилетний Михаил Лермонтов был глубоко увлечён своей очаровательной кузиной и был безразличен ей.

Сопоставляя рисунки с произведениями поэта, исследовательница выдвинула гипотезу о вмешательстве в отношения влюбленных отца Анны, деспотичного Григория Даниловича Столыпина, очень не любившего отца поэта – Юрия Петровича Лермонтова, и затем предположения об измене Анны, увлекшейся Алексеем Столыпиным-Монго, считавшимся, по отзывам современников, *«самым красивым мужчиной в России»*.

В самом деле, возьмём поэмы «Два брата», «Исповедь», «Боярин Орша», драмы «Люди и страсти», «Станный человек», – здесь говорится о суровом и несправедливом отце, погубившем дочь, о братьях, об измене чувств у героини.

Но групповой фрагмент на листе «Вадима» поведал художнице уже не о любовном треугольнике. Лермонтов изобразил

Монго (его склонённая фигура подписана чёткими буквами «Монго») среди пяти женщин, которых Шаталова узнала: Анна Столыпина, Екатерина Сушкова, Наталья Иванова, Варвара Лопухина, Александра Верещагина. Изображения Столыпиной и Ивановой подписаны, Александра Верещагина присутствует среди остальных женщин, очень дорогих поэту, как друг детства, его наперсница, знавшая и разделявшая его душевную боль. Здесь же, по определению Шаталовой, изображены брат В. А. Лопухиной – А. А. Лопухин, отец Анны – Г. Д. Столыпин и сам Лермонтов. Он маленького роста и разводит руками.

Вспомним характеристику Алексея Столыпина, данную ему Лермонтовым в поэме «Монго»: *«Монго – повеса и корнет, актрис коварных обожатель...»* Но, рассматривая групповой фрагмент с Монго в центре, Людмила Николаевна всё чаще вспоминала другой рисунок на рукописи поэмы «Измаил-Бей». Это портрет горца, черкеса, на лбу которого нетрудно прочесть имя «Мунго» Некоторые родственники, знакомые называли Столыпина, не «Монго», а «Мунго».

Людмила Николаевна была уверена, что рисунок этот по сути дела – донжуанский список Монго. Рисунки Лермонтова говорят о скрытом отношении поэта к человеку, к которому он был искренне привязан. Ведь Столыпин по-своему тоже хорошо относился к двоюродному племяннику. Но душевную боль, нанесённую поэту обиду неглубоким человеком, баловнем судьбы, Лермонтов не мог подавить и доверял свои чувства бумаге, рисункам.

«Сатирическая струя художественного дарования и склада ума Лермонтова, – пишет Э. Г. Герштейн, – находила себе выход в эпиграммах и карикатурах, отмеченных богатством художественной фантазии и драматургическим даром». Этот вывод известного литературоведа и подтверждает своими изысканиями и открытиями Людмила Николаевна Шаталова.

Разгадка так называемого «Вадимова листа», по её мнению, в том, что это рисованный дневник всей жизни гениального поэта. Начиная с 1829 года, в нём запечатлены самые волнующие для него события его жизни, которые затем, под воздействием художественной фантазии Лермонтова, становились сюжетами его произведений или должны были ими стать. И не случайно, подчеркивает исследовательница, графический дневник открывает незавершённый роман, навеянный рассказами бабушки, повествующий, убеждена Людмила Николаевна, о вражде родов – Лермонтовского и Столыпинского.

Сегодня с так называемого «Вадимова листа» в наше время смотрят около ста узанных Шаталовой лиц. *«Это – политическая сатира»*, – утверждает исследовательница.

«Выхожу один я на дорогу...»

На свою юбилейную выставку Людмила Николаевна Шаталова вышла не только с новыми расшифровками рисунков М. Ю. Лермонтова, но и с созданным ею портретом поэта. О том, что он удался, говорят многочисленные отзывы зрителей.

Художница И. А. Борхман так пишет: *«На пустынную дорогу в ночную тишь вышел очень одинокий человек, угнетаемый окружающим произволом, творимым самодержавием. В его глазах я читаю скорбь, его взор обращён в глубину собственных чувств и мыслей. Но как ощущается в нём решимость, он жаждет свободы. Как беспокойны над ним облака... Мы узнаём в нём любимого поэта».*

Людмиле Николаевне Шаталовой 70 лет. Знающие близко эту живую, обаятельную женщину люди понимают, почему груз лет совсем не ощущается во всём её облике: она – оптимист. С верой в свою правоту, художница без устали работает над статьями, новыми расшифровками рисунков Лермонтова, ведёт переговоры о будущей книге...

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1987, №1. С. 42-43

Людмила Шаталова

Два брата

«Я сердцем девы обладал – ты у меня его украл...»
(поэма «Два брата»)

Сегодня мы исследуем очередной фрагмент «Вадимова листа». В нём автопортретная зарисовка иронического плана и изображение лиц из близкого окружения Лермонтова. Темой жанровой картинки служат факты биографического порядка и «пикантные» истории, в которых были замешаны эти лица. Здесь мы встретим многих «незнакомцев», которым посвящена ранняя лирика Лермонтова и его юношеские драмы: «Два брата», «Исповедь», стихотворение «Булевар», «Демон», драмы «Испанцы», «Измаил-Бей», «Люди и страсти», роман «Вадим», поэмы «Монго» и «Боярин Орша». Персонажи фрагмента тесно связаны с вышеперечисленными произведениями, а также с

рисунками на полях рукописей, всё это подкреплено иконографией – подписанными Лермонтовым портретами. Сделано это особым шифром, вы его увидите на иллюстрации, а имена Монго, Мунго, Соррини, АС, АГС, ГДС, НФ с пёсьими головами, конскими мордами и другими символами Лерма, МЛ совершенно бесспорно доказывают, кто в данном случае является прототипом изображённого лица.

Итак, разбирая по частям «Вадимов лист», мы открываем всё новые его качества, всё более дивясь многозначительности этого бесценного лермонтовского клада. Вначале он для нас явился графическим дневником поэта, но очень скоро мы убедились, что дневник-то многолетний... Затем, заметив в нём заготовки будущих произведений, определили этот лист как «каталог замыслов» поэта, выраженных им «вещественно» в графике.

Сегодня с «Вадимовым листом» сближаются многие изображения, разбросанные поэтом на полях рукописей, в письмах и посланные своим адресаткам – «наперсницам юных дней» – В. А. Лопухиной и А. М. Верещагиной, а также находящиеся в различных альбомах: таких, как «кавказский», созданный во время ссылки, альбом тетушки М. А. Шан-Гирей, юнкерские тетради 1832-1834 годов. Мы озаглавили статью о «Вадимовом» фрагменте по одноименной поэме и драме Лермонтова. Сюжет драмы – встреча с любимой женщиной после её замужества – автобиографичен. А так как героиня Вера Дмитриевна Лиговская в девичестве Веринька Зогорскина, то и автобиогра-

фичность сюжета относится не только к замужеству В. А. Лопухиной, но и к замужеству Анны Григорьевны Столыпина.

Обоснованием для такого вывода служит фрагмент «Вадимова листа», где Лермонтов показал «двух братьев» в окружении «неверных дев». Причём центральным героем здесь выведен «счастливый соперник», которого узнать нам уже не составляет труда. Тут все указания совпадают. Портретное сходство, пёсья голова, потаенная подпись. Это, конечно же, Монго.

Долго и труден путь по освоению лермонтовского загадочного клада, особенно сложно с дешифровкой надписей, эта филигранная работа требует больших знаний и терпения, отличных факсимильных репродукций с автографов Лермонтова, доступ к которым почти невозможен.

Моей помощнице Елизавете Газаровой из Тбилиси, виртуозно владеющей умением дешифровщика-графолога, удалось увидеть в рисунках поэта, где важен буквально каждый штришок – надписи-шифрограммы. Так и на этом фрагменте «Вадимова листа» своим прочтением слова «СОРРИНИ» на шевелюре А. А. Столыпина, отмеченного на рисунке №2, Газарова помогла внести определённую ясность в вопрос о том, кто послужил прототипом одного из основных персонажей ранней лермонтовской драмы «Испанцы».

Соррини – антагонист Фернандо и его злейший враг. Таким образом, рассматриваемый фрагмент «Вадимова листа» – это рассказ о потаённом, но жёстком соперничестве двух реальных братьев: Лермонтова и Монго – Столыпина, соперниче-

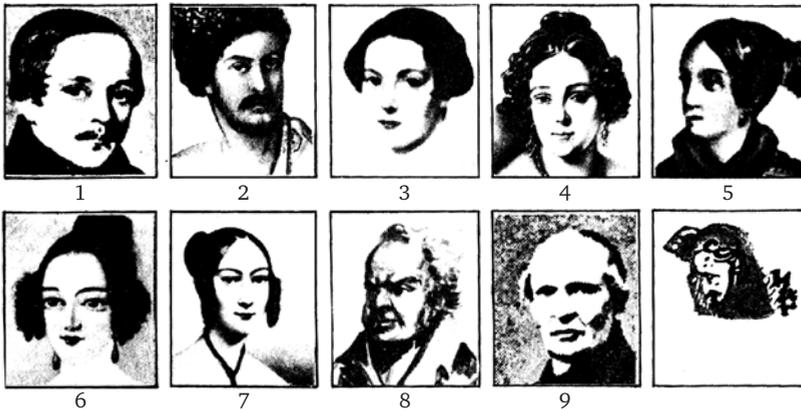
стве, давшем жизнь одноимённой драме и многим другим произведениям.

Предположения подобного рода существовали и раньше. Вот мнение современников: «...Неуклюжий, косолапый мальчик лет шестнадцати... Сумными, выразительными глазами, со вздернутым носом... И язвительной, насмешливой улыбкой...» (из записок Е. Сушковой). «...Это маленькое стихотворение Лермонтова называется “Монго” – это прозвище носит друг и товарищ детства Лермонтова, теперешний его однополчанин, лейб-гусар же Столыпин, красавец, которого в придачу к прозвищу “Монго” зовут ещё – любимец женщин. Вот вам драма этого милого, игривого, прелестного в своём роде стихотворения», – заключил беседу с В. П. Бурнашевым однокашник Лермонтова А. И. Синицин.

Именно драму безнадёжного соперничества, без сомнения, мы видим в данном фрагменте «Вадимова листа». Приглядитесь – кто же эти девы, составившие донжуанский список Столыпина – Монго, тут нет ни одной, к которой сам Лермонтов был бы равнодушен. Но по-настоящему важен для нас всё же не этот, в общем-то известный факт, а то, что в рисунках очень явственно проступают контуры гениального «Героя нашего времени».

Понятно, в Печорине сольются черты многих близких поэту людей, но в очень большой степени портрет этот будет напоминать знакомую уже нам физиономию «повесы с бурыми усами», А. А. Столыпина – Монго. Ну а сейчас давайте внима-

Фрагмент «Вадимова листа». 1. М. Ю. Лермонтов. 2. А. А. Столыпин.
 3. А. Г. Столыпина. 4. Н. Ф. Иванова. 5. В. А. Лопухина. 6. Е. А. Сушкова.
 7. А. М. Верецагина. 8. Г. Д. Столыпин. 9. А. А. Лопухин.
 Надпись на волосах и плече А. А. Столыпина – «СОРРИНИ».

тельно рассмотрим фрагмент. Сравнивая портреты с рисунками, вы можете убедиться не только в их несомненном тождестве, но даже почувствовать, как относился поэт к каждому из персонажей, изображённых им в этой динамичной сцене.

*Ряд ранее неопознанных портретов А. А. Столыпина
и надпись «Монго» на фрагменте «Вадимова листа» (по ноге)*

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1987, №2. С. 30-31

1987, №5. С. 62-63

Людмила Шаталова

На суд потомков

В феврале исполняется 150 лет со дня дуэли на Чёрной речке. Сегодня мы хотим познакомить вас с некоторыми ранее неизвестными подробностями этой трагедии. Людмила Николаевна Шаталова, хорошо известная вам своими исследованиями лермонтовской графики, обнаружила эти факты во время изучения очередного фрагмента знаменитого «Вадимова листа».

На рисунке, который вы видите, изображены буквально все люди, организовавшие травлю и дуэль Пушкина с Дантесом. Но особенно интересно и символично то, что те же самые люди устроили дуэль Лермонтова с Барантом. Эта дуэль окончилась, как известно, примирением противников, однако поэт был выслан из Петербурга на Кавказ в Тенгинский полк, на самый опасный участок. Таким образом, властная рука подправляла

пулю Баранта. Убийцы Пушкина последовательно и упорно преследовали Лермонтова.

Вы, уважаемые читатели, уже освоились в какой-то степени с чтением «Вадимова листа». Почти все персонажи, представленные в данном эпизоде, знакомы вам по нашим прежним публикациям, и вы при желании сможете сами реконструировать ситуацию, изображённую рукой Лермонтова. Проверить свою расшифровку вы сможете по иконографии лиц, изображённых в этом фрагменте.

Опубликованный центральный фрагмент «Вадимова листа» отведён Лермонтовым для записи вины придворной камарильи, *«жадною толпой стоящей у трона...»* В литературоведческих трудах тщательно исследованы материалы о дуэли Лермонтова с Э. де Барантом. Особенно существенный вклад принесла статья известной исследовательницы Э. Г. Герштейн, опубликовавшей дневниковые записи А. И. Тургенева (напомним, что именно он отвозил тело убитого Пушкина в Святогорский монастырь). Одна из встреч Тургенева с поэтом состоялась в 1840 году 9 мая на именинном обеде у Гоголя, в Моск-

1. Николай I. 2. Михаил Романов. 3. А. Х. Бенкендорф.
4. А. В. Дубельт. 5. А. А. Столыпин-Монго.

6

7

За дуэль с Барантом поэт
вторично ссылается на Кавказ.

«Вы жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Геня и Славы палачи!..»

8

9

10

11

12

Фрагмент «Вадимова листа». 6. М. Ю. Лермонтов в мундире Тенгинского полка. 7. Кн. М. Щербатова. 8. Тереза Бехерахт. 9. К. Нессельроде 10. Гр. М. Нессельроде. 11. Л. де Барант. 12. Кн. П. В. Долгоруков.

ве. Проезжающий в ссылку – уже вторую! – Лермонтов беседовал с Тургеневым, который и записал: «С Лермонтовым о Барантах, о кн. Долгорукове и о Бехерахтше».

В литературе известны имена сына и отца «Барантов» и участие в дуэльной истории Терезы фон Бехерахт. А вот третье лицо, которое назвал Лермонтов «кн. Долгоруков», и, вероятно, в той же связи (то есть причастности) Тургенев дополнил свои записи многозначительной строкой: «Долгоруков здесь и скрывается от публики».

С именем княгини Щербатовой связывалась история дуэли поэта с де Барантом, сыном французского посланника в Петербурге. А. И. Тургенев записал в дневнике: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермон/това/...»

Февраля 16-го 1840 года у графини Лаваль был бал. Цвет петербургского общества собирался в гостиных её. Тут же находился Лермонтов и молодой де Барант... Оба ухаживали за одной и тою же блиставшей в столичном обществе дамой. Встретившись, соперники обменялись колкостями. Де Барант укорял Лермонтова, будто отозвавшегося о нём неодобрительно и колко в присутствии известной особы. Кто была особа эта, ни де Барант, ни Лермонтов позднее, на разбирательстве дела, не объяснили, но в обществе имя её было известно и по поводу ссоры ходили весьма противоположные слухи... Де Барант с запальчивостью требовал от Лермонтова объяснений по поводу каких-то дошедших до него обидных речей. М. Ю. объявил всё это клеветой и обозвал сплетнями. Известно, что

дуэль хотя и состоялась, закончилась примирением противников. По окончании поединка Лермонтов заехал к А. А. Краевскому, был весел, шутил и сыпал остротами. В то время он был под обаянием любви к прекрасной кн. М. А. Щербатовой, которой незадолго перед тем посвятил одно из грациознейших своих стихотворений:

*На светские цепи,
На блеск утомительный бала,
Цветущие степи
Украины она променяла...*

Известие о дуэли Лермонтова быстро разнеслось по городу... Однако не только в любовном соперничестве состояла причина дуэли. Очень важным свидетельством является письмо поэтессы Евдокии Петровны Ростопчиной Александру Дюма-отцу: *«Несколько успехов у женщин, несколько салонных волокитств вызвали против него вражду мужчин: спор о смерти Пушкина был причиной столкновении между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника; последствием спора была дуэль и в очень короткое время – вторая между русским и французом; некоторые женщины выболтали и о поединке... Чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтова вторично сослали на Кавказ».*

В своей публикации «Поэт и царь» («Студенческий меридиан» №4 за 1986 год) мы сузили тему. Теперь же мы задались

вопросом: можно ли обнаружить в «Вадимовом листе» конкретные рисунки, связанные с дуэлями 1837 и 1840 годов. Лермонтов разгадал интригу тонко спланированного политического убийства А. С. Пушкина. Не только понял, но и расшифровал участников заговора в своём стихотворении «Смерть поэта».

За это враги обрушились уже на самого Лермонтова. Гонение было организовано по знакомой программе. Те же интриги и клевета. И всё те же лица. Только кандидат в убийцы не Дантес, а молодой француз де Барант. Тайно от врагов поэт зафиксировал это в своём графическом дневнике – «Вадимовом листе» как улику для потомков.

Вот они, убийцы Пушкина и Лермонтова: Николай I, Михаил Павлович, Бенкендорф, Нессельроде и графиня Нессельроде (в случае с Пушкиным Дантес и Геккерен). С Лермонтовым – французский посол Барант и его сын Э. Барант. Дубельт и проходимец П. В. Долгоруков, Тереза Бехерахт. Герои – М. А. Щербатова, М. Ю. Лермонтов. Рисунки в «Вадимовом листе» – это свидетельские показания Лермонтова, которые он как бы передал на суд истории. Завещал нам, своим потомкам. Нет сомнений – поэт знал, что рисует лица и своих убийц.

Газета
**Московский
художник**

1987, №7. С. 3

Людмила Шаталова

Суд истории

Исполняется 150 лет со дня трагедии на Чёрной речке. В дни памяти А. С. Пушкина мы наглядно убеждаемся, как велик в наше время интерес к судьбе поэта.

В тот момент, когда *«солнце русской поэзии закатилось»*, на небосклон взшло новое светило... В те трагические дни появился отклик М. Ю. Лермонтова, оповестившего мир, что величайший поэт убит палачами *«Свободы, Гения и Славы»*.

Стихотворение «Смерть поэта» Лермонтова и его графический комментарий (к 16-строчному «добавлению»), о котором пойдёт речь ниже, – это оценка исторического и всенародного значения творчества А. С. Пушкина, обвинительный акт, вырастающий в проклятье, а рисунки-портреты конкретизируют «адрес» обличения. При новом прочтении (текст – рисунок) становится понятным, что, речь идёт не только о врагах Пуш-

кина, о его палачах, но и об уверенности Лермонтова в неотвратимости возмездия – суда истории.

В длинной цепи фактов, из которых складывалась история создания стихотворения, не хватало многих данных; теперь они появились. Находятся всё новые факты. Неудивительно и обнаружение их в «графическом дневнике» Лермонтова, так называемом «Вадимовом листе» – листе обложки незавершённого романа о горбаче Вадиме, названного редакторами именем главного героя «Вадим». Ошеломляет колоссальная информативность этой графической композиции, где перед нами предстаёт калейдоскоп сцен, жанровых картинок и портретов.

Конечно, тайна «зашифрованных» графических записей Лермонтова, как и Пушкина, была порождена особыми обстоятельствами: неукротимой жаждой свободы, ненавистью к тирании в годы николаевской реакции, когда процветал дух слежки и доносов. Становится понятным, что именно в рисунках Пушкина на полях рукописей и в «графическом дневнике» Лермонтова таятся разгадки исторических и биографических судеб великих русских поэтов. Общее в творческих методах Пушкина и Лермонтова – это изучение жизненных реалий, зафиксированных для себя и будущих историков – чтобы они, по словам Пушкина, «могли на нас сослаться...»

Что же нового открыли «заговорившие» портреты на центральной полосе «Вадимова листа»? Лермонтов зафиксировал разгаданную им тонко спланированную интригу политического убийства Пушкина. Он не только выявил, но и зарисовал

участников заговора, которые в стихотворении «Смерть поэта» были обобщены. Итак, графические зарисовки конкретизируются, приоткрывают свои секреты. Рассматривая их, следует отметить, что эти сатирические рисунки очень реалистичны, и поэтому герои их узнаваемы. Можно с уверенностью сказать, что в «Вадимовом листе» замаскированы портретные изображения Николая I, брата царя – Михаила Романова, Бенкендорфа, Дубельта, Нессельроде и других. Талант портретиста-психолога позволил поэтому так живо и остро передать «резкие физиогномии» своих современников, что можно определить их при сравнительном сопоставлении с документальными портретами, и это является ещё одним подтверждением того факта, что мы недооценивали Лермонтова как художника.

Изучение документального «слоя» лермонтовских и пушкинских рисунков подтверждает их замыслы «*писать своё время*». Пушкин собирался описать царствование Николая I и события 14 декабря, Лермонтов замыслил трилогию о трёх эпохах русской жизни (начиная со времени Екатерины II). И этот замысел был уже основательно подготовлен, вот почему в одной тетради сосредоточилось так много материала.

Рисунки в «Вадимовом листе» – это свидетельские показания Лермонтова. Он завещал их нам, своим потомкам, он пел «*тайную свободу*» вслед пушкинскому гению. Нет сомнений, он предчувствовал, что рисует лица и своих будущих убийц.

Известно, что перед лицом «тяжкого обвинения» многие друзья Пушкина выбрали путь политического «*благоразумия*».

Иначе поступил Лермонтов, дописав ещё 16 строк к стихотворению. Пророк будущего суда истории, понимая, что его участь предрешена, избрал особый способ борьбы с недругами Пушкина, ставшими и его врагами – метод графической сатиры.

Расшифровка центральной полосы «Вадимова листа», которая создавалась в период 1837-1840 годы, вносит целый ряд новых представлений о личности М. Ю. Лермонтова, доказывающих его необыкновенную гражданскую зрелость, ненавистное отношение к великосветскому обществу, травившему и загубившему Пушкина.

Мы задались вопросом, можно ли обнаружить в «графическом дневнике» конкретные сюжеты, связанные с дуэлями А. С. Пушкина с Дантесом в 1837 году и М. Ю. Лермонтова с де Барантом в 1840 году. История повторяется: те же интриги и клевета, всё те же лица. Только кандидат в убийцы не Дантес, а молодой де Барант. Но теперь Лермонтов прибегает к «скрытому» цитированию и собирает документальные свидетельства, выраженные графическим языком, уже для суда истории, для потомков. Здесь им собраны – и «*злоба открытая*», и «*клевета ядовитая*», все перипетии своей второй высылки в Тенгинский пехотный полк, на опасный кавказский участок боевых действий, где, он знает, «*судьба его не обойдёт*».

Конечно, необходим подробный анализ имеющихся фактов, но и сейчас некоторые из них подтверждаются научной и мемуарной литературой, к которой можно отнестись с полным доверием. Например, Е. П. Ростопчина, друг Лермонтова, в

письме к Дюма-отцу писала: «...спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и господином де Барантом, сыном французского посланника; последствием спора была дуэль, и в очень короткое время – вторая между русским и французом; ...чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтов вторично сослан на Кавказ».

Как и в случае с Пушкиным, и эту дуэль пытались свести лишь к любовному соперничеству. Дуэли же носили явно политический характер. Пушкин был убит, Лермонтов сослан на Кавказ. Лермонтов не только требовал всей «правды», но изобразил её в лицах. Молодой поэт полностью перенял «мятежный дух» своего предтечи. Как исторический свидетель его гонения, он стал не только преемником Пушкина, но и мстителем за его гибель. Но великосветская знать, не любившая прямой борьбы, предпочла отделаться от ненавистного поэта.

В социальной сатире «Вадимова листа» Лермонтов расшифровал и назвал врагов «Свободы, Геня и Славы» поимённо. Известно, что добавленные 16 строк к стихотворению «Смерть поэта» лишь косвенно касались Николая I, тогда как в графике ему отведено центральное место. Его, окружённого преданными слугами, «жадною толпой стоящими у трона», поэт прямо указывает в числе главных виновников. Враги Лермонтова и его героя Пушкина – не зависть, а нечто вполне конкретное – «свет завистливый и душный», хладнокровные убийцы, таящиеся «под сению закона», для которых щитом служит николаевская «порфира».

В решении сатирических портретов Лермонтов исходил явно из характера персонажа. Эти зримые лица как памятники отразили в себе историю борьбы Пушкина и Лермонтова с великосветским обществом. Поэтому мы находим в них много точек соприкосновения с лирическими произведениями и биографиями Пушкина и Лермонтова. Перечень виновников трагедии, сделанный в рисунках, звучит в унисон с теми характеристиками, которые дала им история. У Лермонтова насчитывается пять шаржированных изображений Николая I, прозванного в народе «Палкиным»; четыре из них мы видим на центральной полосе «Вадимова листа» в композиции, условно названной нами «Поэт и царь», пятый – в альбоме А. Д. Блудовой (1841). Жертвой Николая I А. Герцен и Н. Огарёв считали и самого Лермонтова: *«Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром...»*

На рисунках «*главою непокорной*» Лермонтов выше царя. Он изобразил себя трибуном, взывающим на борьбу. Рисуя сатирический портрет Николая I, Лермонтов символически изображает не голову царя, а лицо-маску. На рисунках можно заметить и «всевидящий глаз» Бенкендорфа, рассматривавшего конец стихотворения «Смерть поэта» как *«бесстыдное вольнодумство, более чем преступное»*.

До тех пор, пока не удалось недавно прочесть «графический дневник» Лермонтова, разгадать, и атрибутировать политические фигуры, изображённые в нём, считалось, что строгая цен-

зура того времени не дала проникнуть в графику крамольно-смелой мысли, и не было более острой, злой сатиры на Николая I, чем листы серии французского художника Г. Доре.

Теперь можно с уверенностью сказать, что в «графическом дневнике» Лермонтова можно распознать весь «высший свет», преследовавший русскую прогрессивную мысль, всех палачей «Свободы, Гения и Славы». Несмотря на цензуру, гениальные творцы иносказательно, с помощью «зашифрованных» образов, сатирическим пером и кистью выражали своё неприятие тирании того времени.

Горькая, ироничная интонация Лермонтова в 16-строчном «добавлении» к стихотворению «Смерть поэта» несомненно связана с обнаруженными мною в «Вадимовом листе» портретами Николая I и придворной аристократии. А надписи, найденные в рисунках, конкретизируют рассказ об обстановке, о положении передовых людей в великосветском обществе.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1987, №33. С. 3

Софья Гумерова

**«В мой жестокий век
восславил я свободу...»**

В дни памяти Александра Сергеевича Пушкина во всех школах страны, домах культуры, клубах прошли беседы, вечера, посвящённые великому поэту России. Не иссякает этот духовный источник. Сегодня мы приглашаем к беседе нашу землячку, художника-графика и исследователя изобразительного творчества М. Ю. Лермонтова – Л. Н. Шаталову.

Корреспондент: Известно, что отклик на гибель Пушкина – стихотворение, написанное 22-летним офицером Лермонтовым, было нелегально распространено в списках. Это был столь впечатляющий акт возмездия, что автор и его друг С. Раевский, распространивший стихи, были арестованы, а затем сосланы.

Л. Н. Шаталова: Я всегда с волнением беру в руки черновики и рукописи Лермонтова. Вот – на этой чудом уцелевшей

рукописи стихотворения на смерть А. С. Пушкина, кроме всем известных строк, была ещё строфа, рядом с которой Лермонтов нарисовал чей-то «резкий» профиль, оставшийся загадкой.

Корреспондент: Пушкинист И. Фейнберг определил рисунок Лермонтова как изображение Дубельта – начальника штаба корпуса жандармов, который по приказу Николая I опечатал рукописи великого поэта. А каково ваше Мнение об этом «резком профиле»?

Л. Н. Шаталова: Прежде всего необходимо сказать о творческом методе поэта. Лермонтову, как и его учителю Пушкину, была присуща изумительная художественная память.

Жизненные факты отпечатывались в уме, а затем находили своё художественное воплощение в рисунках. Поэтому появление образа жандарма Дубельта на элегической части стихотворения, если можно так выразиться, преждевременно. Рисунок скрыто цитирует обращение к великосветским кругам того времени. Вероятно, среди духовных убийц Пушкина у трона, в толпе палачей «Свободы, Геня и Славы» Лермонтов мог видеть типичное лицо и запомнить его.

Корреспондент: Из мемуаров современников и свидетельских показаний поэта и его друга С. Раевского мы представляем себе обстановку, в которой шла травля и клевета на Пушкина. А вот новые ваши находки в «Вадимовом листе», например, о которых писала газета «Ленинский путь», освещают всю глубину вражеских деяний, погубивших вначале Пушкина, а вскоре и самого автора стихотворения Лермонтова. По мнению сотрудников института мировой литературы, исследование неизвестного пласта творчества Лермонтова может служить материалом литературоведческих исследований и обогатить наше представление о титанической борьбе Пушкина и Лермонтова с великосветским обществом.

Вы занимаетесь изучением рисунков в рукописях Лермонтова уже много лет. Какова ваша методика поиска?

Л. Н. Шаталова: Раньше исследования творчества Лермонтова велись разобщённо. Причём литературное творчество никогда не исследовали художники. А художественные произведения Лермонтова, его биография, его графика и жизненный материал, от которого поэт отталкивался, настолько связаны!

Мы сегодня не можем в полной мере предугадать, что сулит новое прочтение – определение портретов в рисунках Лермонтова. Загадкой, сотканной из вопросов, стал и так называемый «Вадимов лист», при изучении оказавшийся графическим дневником поэта. Помните, как писал сам Михаил Юрьевич: «...Только бы достать ключ самой незамысловатой (загадки)... Но на дне одной – уж верно другая».

Корреспондент: Известно, что вам удалось обнаружить в «Вадимовом листе» крамольные графические записи, в которых вы узнали Николая I и его высших сановников. Что нового открыла тема «Поэт и царь»?

Л. Н. Шаталова: Да, среди опознанных лиц – великосветские придворные круги и те, кто составлял родственный круг поэта. Но многие портретные изображения, сделанные Лермонтовым, сатирически-гротескные. И найти в документальных парадных портретах тождество – непросто. Однако они выполнены мастерски, хранят в себе систему особых элементов – тайнопись...

Корреспондент: После категоричного вывода специалистов, исследовавших анонимные письма к Пушкину и его друзьям, о том, что тексты их выполнены не П. В. Долгоруковым, многие пушкинисты задумались... Есть ли у вас своя точка зрения?

Л. Н. Шаталова: Именно в фрагменте «Поэт и царь» мне удалось узнать в числе других и изображение князя П. В. Долгорукова. Удалось установить, что Лермонтов рисовал эпизод по материалам дуэлей 1837 и 1840 годов. В нём лица одних и тех же врагов. Одни и те же люди устроили дуэль Пушкина с Дантесом и Лермонтова с Барантом. Последняя дуэль окончилась, как известно, примирением противников. Однако Лермонтов был выслан из Петербурга на Кавказ, на самый опасный участок – в Тенгинский полк.

Опыт психологического исследования рисунков поэта позволяет предположить, что до дуэли с Барантом, пока сам Лер-

монтов не испытал все тяготы травли, организованной вокруг Пушкина, а затем перенесённой на него, он не мог понять всё коварство и злобу врагов...

Новая расшифрованная в «Вадимовом листе» запись была как графический документ, в котором улики налицо, точнее – на лицах. А обоснованием служит строка дневниковой записи А. И. Тургенева, встретившегося с Лермонтовым в Москве 9 мая 1840 года на именном обеде у Гоголя. Лермонтов проезжал через Москву во вторую ссылку за дуэль с Барантом. Всё говорит, о том, что Лермонтов посвятил Тургенева во все перипетии своей высылки из Петербурга и назвал ему главных виновников. Найденные в рисунках портреты враждебной Пушкину и Лермонтову социальной среды проливают свет на потаённые интриги и свидетельствуют документально о вине Николая I и его правительства в гибели Пушкина и Лермонтова. Такого рода графические документы обнаружены впервые.

Корреспондент: Вероятно, этот материал возник у Лермонтова на собственном жизненном опыте и оставлен на суд потомков, так как, отправляясь во вторую ссылку, поэт знал, что «удар судьбы меня не обойдёт» и решил «беречь сокровища святы»...

Л. Н. Шаталова: Вы правы. Те же интриги и клевета... Те, кто затравили Пушкина, организуют травлю и Лермонтова. Был подобран и кандидат в убийцы – де Барант, тоже якобы увлекшийся княгиней Щербатовой. Но истинной причиной дуэли стал спор о Пушкине – так свидетельствуют многочисленные современники.

И теперь Лермонтов прибегает к сатирическому изображению врагов Пушкина и своих. Он как бы собирает документальный материал для будущих произведений и на суд потомков. Он рисует, рисует... Нет сомнений: он чувствовал, что рисует и своих будущих убийц.

Расшифровка центральной полосы «Вадимова листа» вносит ряд новых представлений о личности Михаила Лермонтова, доказывающих его удивительную гражданскую зрелость.

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1988, №4. С. 48-51

Людмила Шаталова

Двадцать автопортретов

Сегодня мы знакомим вас с новой удивительной находкой, обнаруженной на знаменитом «Вадимовом листе», – двадцать не известных ранее сюжетов с автопортретами Лермонтова. Это, по сути, заготовки к литературным эпизодам – для задуманной трилогии о своём времени. Благодаря оптическому увеличению мне удалось более внимательно разглядеть лист. Вот тут-то меня ждало открытие – узнавание в рисуночных изображениях автопортретов Лермонтова, ранее никем не увиденных.

При отождествлении с документальным портретом М. Ю. Лермонтова – единственным признанным за автопортрет, где он изобразил себя в мундире Нижегородского полка на фоне гор, в бурке, накинутой на куртку с кавказскими газырями. Безусловно, этот автопортрет – одна из самых ценных релик-

вий творческого наследия поэта, но мне всегда представлялось, что портрет этот не мог быть единственным.

В своих публикациях я познакомила вас уже с четырьмя фрагментами «Вадимова листа». Считалось, что рисунки эти не поддаются чёткому разграничению... что всё это безотчётные очерки, движения беглого пера, возникавшие в процессе работы над романом («Вадим»). А ещё было предположение, что эти «очерки пера» (даже портретами не названные) никак не связаны с содержанием романа.

Это положение опровергнуто иллюстрацией, содержащейся в самой рукописи романа и расположенной в конце его XXIII главы. Удалось конкретизировать все персонажи этого сюжета (вы его также видите здесь), как и во всех остальных – один из героев, костюмированный под «горбача Вадима», сам Лермонтов. Этот рисунок закодирован ещё и тайнописью, ею занимается Е. Газарова, и к расшифровке текста мы ещё вернёмся.

Итак, в «Вадимовом листе» удалось обнаружить двадцать автопортретов поэта, причём каждый из двадцати является как

бы связующей нитью сюжета и сближен с различными литературными портретами лермонтовской поэзии и прозы раннего времени, но именно в автопортретах заметнее всего выступает критический взгляд, если так можно выразиться, и гражданская позиция поэта по отношению к своему времени.

Пристально вглядываясь в каждый сюжет листа, мы по авторской воле как бы читаем его исповедь и узнаём его отношение к окружающей действительности. Сам себя поэт изображает без лести – это скорее психологическая разработка критического, а иногда и иронического плана.

Из-под пера гениального поэта вышли не только литературно-художественные образы, но и схваченные на лету несколькими штрихами удивительные типы. Столь прямых выходов на политические обличения конкретных столпов самодержавия в поэзии Лермонтова нет и не могло быть в условиях свирепой цензуры после разгрома декабристов.

В истории мировой литературы не сыщется более органичного соединения, более блистательного взаимодействия раз-

Перечень лиц, изображённых в сюжетах на «Вадимовом листе» и в тексте романа «Вадим»:

1. М. Ю. Лермонтов.
2. Ю. П. Лермонтов.
3. Г. Д. Столыпин.
4. Столыпин-Монго.
5. А. Г. Столыпина.
6. Е. А. Сушкова.
7. В. А. Лопухина.
8. Н. Ф. Иванова.
9. А. А. Лопухин.
10. А. М. Верещагина.
11. А. Крюденер.
12. П. В. Долгоруков.
13. Графиня Нессельроде.
14. М. А. Щербатова.
15. Тереза Бахерахт.
16. Николай I.
17. Вел. князь Михаил Павлович.
18. А. Х. Бенкендорф.
19. Л. В. Дубельт.
20. К. В. Нессельроде.
21. Л. де Барант (отец).
22. Иван Грозный

личных жанров поэзии и графики, сумевших запечатлеть смелые мысли, действительность, как это было у великого русского поэта Лермонтова.

Автопортреты – это для него своего рода исповеди, обращенные к потомкам, не зря они все вмонтированы в сюжеты с врагами и антиподами поэта. Это обстоятельство ещё более оттеняет активную духовную деятельность Лермонтова.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1994, №126. С. 2

Людмила Шаталова

Тайнопись поэта

Под таким же заголовком, но только со знаком вопроса десять лет назад опубликовал журнал «Огонёк» статью журналиста А. Басманова о моём необычном исследовании рисунков Лермонтова на его черновых рукописях, о поиске неизвестных фактов из жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. Конечно, этот поиск неизвестного, которому не было ещё аналогов в литературоведении, должен идти на стыке двух наук, вероятно, поэтому от моих «псевдоисследований» отмахнулись статьёй о дилетантах в «Литературной газете».

Тогда я была только специалистом по художественной части наследия гения, а это только половина его трудов. Понимая специфику художественного творчества и говоря о гениальных наших поэтах Пушкине и Лермонтове, нельзя забывать, что когда поэт и художник соединяются в одном лице, то огра-

ничить область тайнописи одной литературой невозможно. Диалог с современниками должен будет охватить всё творчество. И я упорно продолжила работу.

Миниатюры под лупой

Конечно же, огромную помощь в работе на первом этапе оказал накопленный опыт лермонтоведения. И вначале пошла вслед за учёными, однако пришлось искать самостоятельный путь, искать фактологический материал, который оказался в рисунках Лермонтова. «Глаз» художника подсказал мне, что рисунок Лермонтова необычен, нужно очень внимательно и всесторонне обследовать его. В основном это миниатюрные изображения, поэтому я при помощи многократного увеличения рисунков всматривалась в них, поворачивая каждый рисунок вокруг центра на 360 градусов. И вдруг увидела зашифрованную тайнопись. Она у Лермонтова особая: символика (лошади, собаки, коровы и другое), система изменения письма, инициалы, вкраплённые в штриховку, и другие секреты. Я поставила себе задачу: разгадать шифр. Вот так часами с лупой в руке я вертела тот или иной рисунок и изучала каждый миллиметр изображения. При этом с пристрастием читала текст в районе данного рисунка на черновом листке, чтобы понять движение мысли поэта, его пера или карандаша. Но этого было недостаточно.

Пришлось поднять огромный пласт материалов XIX века – литературоведческих, искусствоведческих, изобразительных.

Изучала также (а их вначале надо было разыскать) альбомы разных художников того времени в поисках иконографических портретов для сопоставления с изображенными лицами на рисунках поэта.

Это очень большое и кропотливое дело. Я занимаюсь рисунками Лермонтова уже пятнадцать лет. Многолетний опыт даёт мне право утверждать, что поэт – гениальный рисовальщик. Меня особенно поразили графический лист Лермонтова, служивший в рукописи обложкой его романа «Вадим». Я его так и назвала «Вадимов лист». Это шедевр графического наследия поэта. На первый взгляд, в нём хаотический сплошной набор всевозможных набросков. Однако разгадка отдельных фрагментов листа дала интересные выводы, пополнив наши знания о Лермонтове.

Ведь сведения о жизни поэта очень скудные, особенно о начале жизни. К счастью, сам поэт оставил нам сведения о себе в своих рисунках. Эти рисунки – отражение реальных событий с реальными лицами из его ближайшего окружения. Но, чтобы сделать рисунки непонятными для непосвящённых лиц, он зашифровал их тайнописью. Жизнь поэта сложилась так трагически, что ему было что скрывать от светского общества. Я обнаружила в архивах, а рисунки это подтвердили, что в юные годы Мишель полюбил свою сестру, внебрачную дочь отца, не зная об этом. Вынужденная разлука с нею обернулась для юноши большими страданиями. Не случайно так пронизана болью его ранняя лирика, драматические сочинения, роман «Вадим».

В этот же период созревает «Демон». В рисунках нашли отражение и дальнейшие неудачи и переживания личного свойства, которые преследовали Лермонтова всю его короткую жизнь. Отразились они и в «Герое нашего времени».

Итогом такого труда должно стать переиздание произведений Лермонтова. К собранию его сочинений следует добавить новый, отдельный том рисунков с атрибутикой, то есть расшифровкой. Ведь рисунки уже заговорили!

Впервые о тайнописи Лермонтова написали в 1983 году в журнале «Знание – сила». Затем была моя первая персональная выставка в ЦДЛ в 1984 году, появилась статья в «Огоньке». Моему открытию тогда не все верили. Больше всего помог мне «Студенческий меридиан», много для популяризации моих материалов сделала местная газета «Истринские вести».

У меня было много выставок по материалам исследований, последняя – в 1993 году в Новом Иерусалиме. Довольно продолжительное время действовала такая выставка в Московской библиотеке имени Лермонтова в Сокольниках. Мне очень помогали люди, которые посещали мои выставки, своими отзывами, интересом к Лермонтову. Так что интерес к работе я ощущаю постоянно.

Приписка – вроде шифра

Лермонтов – мой любимый поэт. А потом меня всегда интересовали рисунки великих писателей. Я ведь занималась и

Пушкиным. Как художник я понимаю, что если писатель и пишет, и рисует, то есть работает в двух ипостасях, то он самовыражается как в текстах, так и в рисунках. О рисунках Пушкина имеется много исследовательских материалов, а вот рисунки Лермонтова почти не изучались. Они были систематизированы таким исследователем, как Пахомов, этого недостаточно. Рисунки должны быть атрибутированы.

А подтолкнул меня к изучению рисунков поэта наш Ново-Иерусалимский монастырь, который в настоящее время обретает свою вторую жизнь. По приезду в Истру (до 1930 года – Воскресенск) я заинтересовалась архитектурой и историей святой обители, основанной патриархом Русской Церкви Никоном. О нём упомянуто в стихотворении Лермонтова «Оставленная пустынь предо мной...» (1830 год).

Покопавшись в разных изданиях, я обнаружила, что к этому стихотворению в черновой рукописи поэта есть такая приписка (вроде шифра): «*В Воскресенске*», «*Написано на стенах (пустыни) жилища Никона*», «*1830 года*». И ещё: «*В монастыре*». Значит, подумала я, Лермонтов бывал в Воскресенском соборе. Захотелось узнать больше: что привело поэта сюда и при каких обстоятельствах он побывал в Воскресенске.

Газета
**МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА**

1994, №76. С. 6

1994, №133. С. 6

1994, №194. С. 6

Людмила Шаталова

Загадочный Лермонтов

Читателю газеты «Книга в Москве» предлагается материал о М. Ю. Лермонтове, чьё 180-летие со дня рождения мы будем отмечать в октябре. В биографии поэта осталось много «белых пятен», он по сей день – один из загадочных поэтов России.

Известно, что Лермонтов хорошо рисовал и оставил немалое наследие как художник. Но этому ценному архиву поэта очень долго не придавалось должного внимания, пока изобразительное творчество Лермонтова не оказалось в поле зрения художника-профессионала Л. Н. Шаталовой.

Лермонтов-«шифровальщик»

Наследие Лермонтова-художника разнообразно: картины маслом, акварели, рисунки. Особенно интересны его рисунки

как собранные отдельные альбомы по периодам жизни, так и разбросанные на страницах рукописных текстов. Рисунки Лермонтова непростые: они несут особый смысл, который зашифрован автором. Феномен лермонтовской тайнописи – загадка и для его современников, и для последующих поколений.

Оказывается, Лермонтов обладал особым природным даром – он мыслил образами, которые затем превращались в литературные персонажи. Вот почему рядом со словесным текстом – рисунки. С их помощью намечались темы, планы будущих сочинений, отдельные эпизоды... Однако рисунки поэта – не абстрактные изображения, а реальные факты и события, пережитые им. Поэтому он шифровал рисунки, чтобы сделать их непонятными для постороннего глаза. Лермонтов оказался таким искусным шифровальщиком, что, рассматривая его тайнопись под многократным увеличением, следует вращать рисунки во все стороны, в разных ракурсах. Его шифр – либо особая символика (например, лошади, собаки, коровы и другое), либо хитроумная штриховка, в которой спрятаны слова, инициалы, либо гротеск, сатира и другие хитрости.

У Лермонтова много портретов, но анонимных у него нет: все лица снабжены тайными надписями (кто есть кто), разгадать которые нелегко.

Наиболее выдающимся в графическом наследии Лермонтова можно по праву считать испещрённый массой рисунков лист, который обнаружен под обложкой раннего романа «Вадим». Так его и будем называть – «Вадимов лист». Он оказался

не просто нагромождением беспорядочных рисунков, а графическим дневником поэта, в который он заносил и своеобразно комментировал поразившие его события, а также намечал темы своих будущих произведений.

Итак, с помощью графики поэт рассказывает о себе и о своём времени. Вот почему крайне важно комплексно изучать творчество Лермонтова – и литературное, и изобразительное.

Как же шифровал поэт свои рисунки, кого изображал? Обратимся к некоторым и попытаемся проникнуть в эту тайну.

Тайна «Н.Ф.И.»

Перед нами рисунок Лермонтова «Молодая женщина и старуха» – название дано литературоведами. С этого рисунка начались мои исследования Лермонтова-художника.

Рисунок М. Ю. Лермонтова
«Молодая женщина и старуха»

Глаз художника подсказал мне: образ молодой женщины, изображённой Лермонтовым, я уже встречала в другом исполнении. Да, это был карандашный портрет кисти художника В. Бинемана, на котором запечатлена Наталия Фёдоровна Иванова. Сходство её с лермонтовским изображением было несомнен-

ным и заставило призадуматься – не одно ли это лицо? Ведь именно Н. Ф. Ивановой Лермонтов посвятил несколько стихотворений и скрыл её имя инициалами «Н.Ф.И.», которые разгадал И. Л. Андроников.

Внимательно присмотримся к портретам, думаю, каждый убедится, что Лермонтов зарисовал одну из воспетых им кумиров своей юности, скрытую инициалами «Н.Ф.И.». Однако внешнее сходство – ещё не окончательное доказательство. Самая любопытная деталь – в причёске девушки. Вот она, лермонтовская шифровка! Надо повернуть рисунок головкой вниз, то есть на 180 градусов, и мы увидим в волосах замечательно замаскированную мордочку медвежонка. Мишка! Так поэт изобразил себя и тем самым зашифровал свой интерес к Н. Ивановой. В складках её платья и штрихах имеются также шифры, называющие имя портретируемой, но их можно рассмотреть, лишь увеличив во много крат изображение.

Есть и другие портреты Наталии Ивановой в исполнении Лермонтова. Например, в групповой сцене фрагмента «Вадимова листа» нарисована Н. Ф. Иванова на переднем плане, что подтверждает расшифровка тех же инициалов «Н.Ф.И.»

До этого увлечения Лермонтов пережил уже не раз чувство любви, привязанности к девушкам своего круга. В этом

Фрагмент
«Вадимова листа»

ряду его первая и глубоко несчастная любовь, о которой читатели Лермонтова и не подозревали.

История похищения Амалии Крюденер

Снова обратимся к «Вадимову листу». Среди хаотичных линий, небросков, разных жанровых сцен, всадников, женских головок при тщательном рассмотрении обнаруживается довольно чёткая система, состоящая из самостоятельных фрагментов, посвящённых конкретному событию или факту. Одно из таких событий связано с именем женщины, хорошо известной в светских кругах. Это Амалия Крюденер, кузина императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая I. Будучи невестой поэта Тютчева Амалия по уговору родителей предпочла более выгодный брак с влиятельным дипломатом. Приехав с ним в Петербург, она блистала в свете, восхищая своим умом и красотой высоких сановников. Один из них, граф Бенкендорф, стал её покровителем. *«Служба Бенкендорфа очень страдала от влияния, которое оказывала на него Амалия, – пишет дочь императора Ольга Николаевна. – Она пользовалась им холодно, расчётливо, располагая его особой, деньгами, связями...»*

Сохранилась и запись в дневнике императрицы от 5 мая 1839 года: *«Амали Крю – Монго-Столыпин»*. Запись отражает шумный скандал, причиной которого был родственник Лермонтова А. Столыпин Монго, похитивший возлюбленную всемогущего Бенкендорфа.

Ключом к разгадке эпизода оказалась голова вверху справа. Это Бенкендорф. Но Лермонтов нарисовал на просто шефа жандармов. Этот Бенкендорф рассержен. Чем? Поэт поместил над его головой поначалу не понятное некое сооружение. Да ведь это рога! Вот почему так мрачен «рогатый» Бенкендорф. В правом нижнем углу снова его портрет. Здесь тот же Бенкендорф уже в ярости. А между его портретами нарисована женщина. Исследовав все линии, штриховку и разные детали её портрета, я обнаружила и расшифровала лермонтовскую тайнопись: рога превращаются в имя «Амали», женский портрет подписан «Крю». Стало ясно, что всадник – это Столыпин-Монго, которого часто именно так рисовал Лермонтов.

Герои светской истории похищения Амалии у Бенкендорфа запечатлены Лермонтовым виртуознейшим шифром. Несколькими точными штрихами (ведь в подлиннике – это миниатюры!) даны психологические образы: буря чувств в лицах обманутого главного жандарма – от недовольства до яростного гнева; холодное и равнодушное лицо бездушной Амали, самоуверен-

Фрагмент
«Вадимова листа»

ность и беспечность красавца Монго. Где и когда подсмотрел своих «героев» поэт-художник?

Светская хроника гласит: в 1839 году знаменитое похищение Амали произошло на свадьбе у А. Г. Столыпина, другого родственника Лермонтова. На венчании присутствовал император и его приближённые. В числе гостей со стороны жениха были Лермонтов и Столыпин-Монго.

Данный фрагмент показывает мастерство Лермонтова-рисовальщика, который выразительным языком своей графики с тайнописью фиксировал наблюдаемые картины светской жизни двора и собственные переживания.

Карикатуры Лермонтова

Лермонтова можно причислить к числу карикатуристов. Он широко использовал все приёмы предшественников, но внёс и свои, лермонтовские «секреты» в карикатуры. Конечно же, Лермонтов не стал бы обнародовать свои карикатурные рисунки, поэтому он помещал их в личном журнале и только на черновых рукописях.

Поэт, посылая отдельные рисунки в письмах, делал их прочтение затруднительным, доступным лишь тем, для кого карикатурный намёк был бы понятен. Есть рисунок-карикатура на Столыпина-Монго. У всадника Монго вместо головы – собачья морда (как уже сказано выше, Монго – кличка собаки А. Столыпина). Для тех, кто об этом знает, рисунок узнаваем.

А вот карикатура Лермонтова на Николая I – «Поспешает на тревогу». Присмотримся – ведь это законченный литературный эпизод в графическом исполнении. Как художник я могу утверждать, что добиться такой изобразительной силы можно лишь зная в «лицо» своих «героев», наблюдая их в жизни, откладывая всё это в копилку изобразительной памяти. Лермонтов знал, кого он изображает, но не подписал. Сравним его рисунок-карикатуру с рисунком художника А. О. Заранека (тоже офицера, впоследствии полковника корпуса жандармов) «Николай I в санях». Везут одного и того же господина, но какие разные представления о нём у художников. У художника – жандарм верноподданнически изображает императора, а у Лермонтова – это Николай Палкин, как прозвал его народ на Руси.

Карикатура на Николая I

Первая любовь

В эпистолярном наследии Лермонтова, в его биографии и других литературоведческих источниках встречается такое имя – Софья Александровна Бахметева, приятельница поэта с детских лет. Лермонтовская энциклопедия сообщает, что «ве-

селя увлекающаяся», она увлекла и Лермонтова, но ненадолго. Сохранились три письма поэта к Софье Бахметевой, в письмах – посвящённые ей стихи. Вот и все сведения.

Однако столкнувшись в лермонтовских рисунках с рядом портретов неизвестной девушки, зашифрованных инициалами в разных вариантах – «С.Б.», «Б.С.А.», «Б.Софья», «Софья» и другими «секретами» поэта, я заинтересовалась этой особой. Понять эту страницу жизни юного Лермонтова помогла недавно обнаруженная неизвестная ранее его поэма. Фрагменты поэмы были опубликованы в журнале «Студенческий меридиан».

Это ранняя поэма Лермонтова. Сопоставив сюжет с целым рядом других юношеских произведений поэта, порывшись в архивах, удалось выяснить: у Ю. П. Лермонтова (отец поэта) была внебрачная дочь до его брака с М. М. Арсеньевой (мать поэта). Девушка под именем Софья Александровна Бахметева воспитывалась как дальняя родственница в семье Арсеньевых-Столыпиных, и тайна отца скрывалась от Мишеля и Софьи.

Не зная правды, молодые люди при первой встрече понравились друг другу. Встречи продолжались в Москве и Подмосковье. Чувство со стороны Лермонтова росло. Однако тайна случайно открылась молодым людям. Для сверхвпечатлительного Мишеля это чувство стало огромной трагедией, на всю жизнь остались сложности в отношениях с отцом, бабушкой, другой роднёй. И всё это, естественно, нашло воплощение в его творчестве, поражавшем глубиной страданий, пессимизмом, столь не свойственным этому возрасту. Есть сборник стихотво-

рений 1829 года, целиком посвящённых С. Бахметевой; на титульном листе сборника – лермонтовская шифрограмма, в которой обнаружены мной разные варианты инициалов Софьи.

Прочитана подобная тайнопись и на обороте чернового листа драмы с посвящением «Люди и страсти». Главная героиня драмы, которой адресовано посвящение, «Любовь-Софья».

Софья Бахметева изображена Лермонтовым неоднократно. Среди её портретов известный портрет монахини, ошибочно адресованный лермонтоведами В. А. Лопухиной, как, впрочем, и целый ряд стихотворений также неправомерно считался посвящённым В. Лопухиной или Н. Ивановой. На «Вадимовом листе» тоже есть изображение С. Бахметевой, но Лермонтов не открыл её лица, а «набросил на него пелену», говоря словами его стихотворения. В одном из листов Лермонтова с набросками разных портретов изображена С. Бахметева как героиня «Сказки для детей».

Новые факты, связанные с С. А. Бахметевой в жизни поэта, позволяют заново перечитать и переосмыслить сочинения Лермонтова, особенно раннего периода.

Софья Бахметева.
Рисунок М. Ю. Лермонтова

«И ты, звезда любви моей...»

В конце октября 1831 года Лермонтов знакомится с В. А. Лопухиной (по странной иронии судьбы, в замужестве тоже Бахметевой), это произошло, когда её привезли из родового тульского имения в Москву, а не раньше, как считают некоторые биографы поэта. Путаницу внесло то обстоятельство, что ранние стихотворения связывали с другими женщинами, в том числе и с Лопухиной, а не с С. А. Бахметевой.

В. А. Лопухина, Варенька (1815-1851) – почти ровесница Мишеля. Из переписки её родных возникает образ Вареньки, которая отличалась скромностью, робостью, молчаливостью, была погружена в размышления о жизни, постоянно читала. Юноша Лермонтов сразу же поддался очарованию её кротости, тем более что в это время он тяжело переживал потерю отца. В семье Лопухиных, и особенно у Вареньки, он находил сочувствие и утешение. Девушка прониклась чувством любви и преданности к Мишелю.

В. Лопухина прощала ему его слабости и отвечала на его при-вязанность. Но отношения между молодыми людьми с какого-то момента усложнились. Похоже, что любовь Лермонтова и Вареньки была окружена очередной тайной, которая оберегалась близкими им людьми. Скоропостижный брак В. Лопухиной с Бахметевым был непонятен для многих.

Что же дало повод к разобщённости между любящими друг друга юношей и девушкой? Мне думается, что в разгорячённом

воображении поэта между ним и Варенькой встал юный красавец Алексей Аркадьевич Столыпин, двоюродный дядя Лермонтова (из-за того, что он был моложе Мишеля, их часто считали двоюродными братьями), который начинает бывать у Лопухиных. Увозя из Москвы (при отъезде в Петербург) в своей душе чувство к Вареньке, поэт надеялся на то, что она разделяет это чувство. Однако до него то и дело доходили слухи от родственников и знакомых о частых визитах в дом Лопухиных Алексея Столыпина. Ревнивого Мишеля глубоко ранят эти слухи. Есть его рисунок, подтверждающий силу душевных переживаний, названный «Благословение молодых». Он был послан старшей сестре Вареньки Марии Лопухиной. Это карикатура на быструю, так называемую «собачью» свадьбу. К настоящей свадьбе Лопухиной с Бахметевым жанровая картинка не имеет никакого отношения.

Рисунок М. Ю. Лермонтова
«Благословение молодых»

Почему я решила, что этот рисунок имеет отношение к В. Лопухиной? Дело в том, что в причёске девушки, которая зашифрована инициалами «В.А.Л.» (значит, это Варенька), при

повороте рисунка отчётливо выявляется голова пса (значит, это Столыпин-Монго, так называл его Лермонтов по кличке его собаки). Стало быть, рядом с В. Лопухиной нарисован Столыпин. В стоящем барине с коком узнается брат Вареньки Алексей, а в женщине – её сестра Мария. Все эти фигуры к тому же и подписаны тайнописью Лермонтова, как он обычно делал это.

Таким способом (смех сквозь слёзы) отреагировал поэт на ухаживания Монго за его Варенькой, против которого, как ему казалось, не возражали её близкие. Размолвка, вероятно, привела к скорому замужеству В. Лопухиной. Своим рисунком Лермонтов как бы предугадал настоящую свадьбу Вареньки. Она так и не была счастлива в браке и продолжала любить Мишеля до самой смерти. Поэт тоже пронёс свою любовь к ней через всю оставшуюся короткую жизнь.

Лермонтов рисовал В. Лопухину не раз. Есть её портреты и в «Вадимовом листе». История их любви послужила сюжетом для целого ряда сочинений Лермонтова.

Часть четвёртая

Неизвестная поэма Лермонтова

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1988, №76. С. 3

Людмила Шаталова

Новое о Лермонтове

В будущем году исполняется 175 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова. В Союзе писателей СССР создан Всесоюзный лермонтовский комитет под председательством С. Баруздина, который планирует провести большие торжества в Москве, литературные чтения, научно-практические конференции, посвящённые великому поэту. Истра не останется в стороне от этой даты. Лермонтов посещал Воскресенский монастырь, жил в подмосковном имении Средниково.

Впечатления от посещения этих подмосковных мест – одна из важнейших страниц юношеской биографии Лермонтова, ещё недостаточно изученная. Стихотворения Воскресенского цикла 1830 года – и «Исповедь», и трагедии «Испанцы» и «Люди и страсти» и «Боярин Орша», а позже и «Мцыри» сыграли значительную роль (ранее не учтённую биографами) в жизни и в

творчестве поэта-художника, тем более, что они были вызваны к жизни реальными событиями лермонтовской биографии.

Летние месяцы в Средниково переплетаются с жизнью поэта в Москве, на Малой Молчановке, и с занятиями в Московском благородном пансионате, где Лермонтов получил не только знания, но и приобрёл навыки художника (занимаясь рисованием с А. С. Солоницким), слушал лекции в университете, посещал театры и знакомился с архитектурными памятниками Москвы...

Но самое интересное, что совсем недавно мне посчастливилось найти совершенно новый материал, осветивший творчество поэта иным, истинным светом. Казалось бы, мыслимо ли спустя более полутора веков держать в руках «тайный труд» пятнадцатилетнего поэта, его неизвестную поэму в 378 строк. Мой многолетний опыт художника-исследователя рисунков поэта позволил угадать, «провидеть» прообразы лермонтовского окружения даже в списке копии неизвестной поэмы (по определению старшего научного сотрудника библиотеки имени Ленина И. Т. Трофимова, изученной им в ЦГАЛИ и в публикации определённой как *«приписываемая М. Ю. Лермонтову поэма»*).

Неизвестная поэма Лермонтова?! Я не могла успокоиться, пока не нашла, полного обоснования как подлинности содержания списка, так и его автобиографической основы.

Пришлось заново перечитывать буквально всё – не только полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова от корки до корки, примечания ко всем изданиям, но и все архивные до-

кументы, мемуары, письма, статьи по поводу биографии; пересмотреть альбомы Лермонтова, все рисунки, все старые и новые материалы и исследования. И всё заново в свете открытия осмыслить...

Ранняя неизвестная поэма датирована самим поэтом только реалиями – поездкой из Москвы в деревню к родным на vacation из московского пансионата, то есть 1829 годом. Происшествия же, описанные в ней, подтверждаются только скухими строками биографов и мемуаристов, а у меня – в большей степени рисунками и последующим творчеством. И, конечно же, автографом Лермонтова на стихотворении.

Сейчас этот материал находится на тщательной экспертизе, где проверяется и выясняется принадлежность чернил и бумаги к началу XIX века (во избежание подделки под оригинал, что имело место с автографами Некрасова, Пушкина и других). Для меня это исследование тоже очень важно, так как подлинность этого открытия показывает, что ключ ко всему творчеству гениального юноши-поэта, наконец, у нас в руках!

Отрадно, что есть чем поделиться с земляками-истринцами, познакомить их с неизвестной поэмой, написанной в одно время с первыми редакциями поэмы «Демон» и обращённой к друзьям. «Тайный труд» начинается строкой: *«Примите, милые друзья, участие в повести печальной...»*

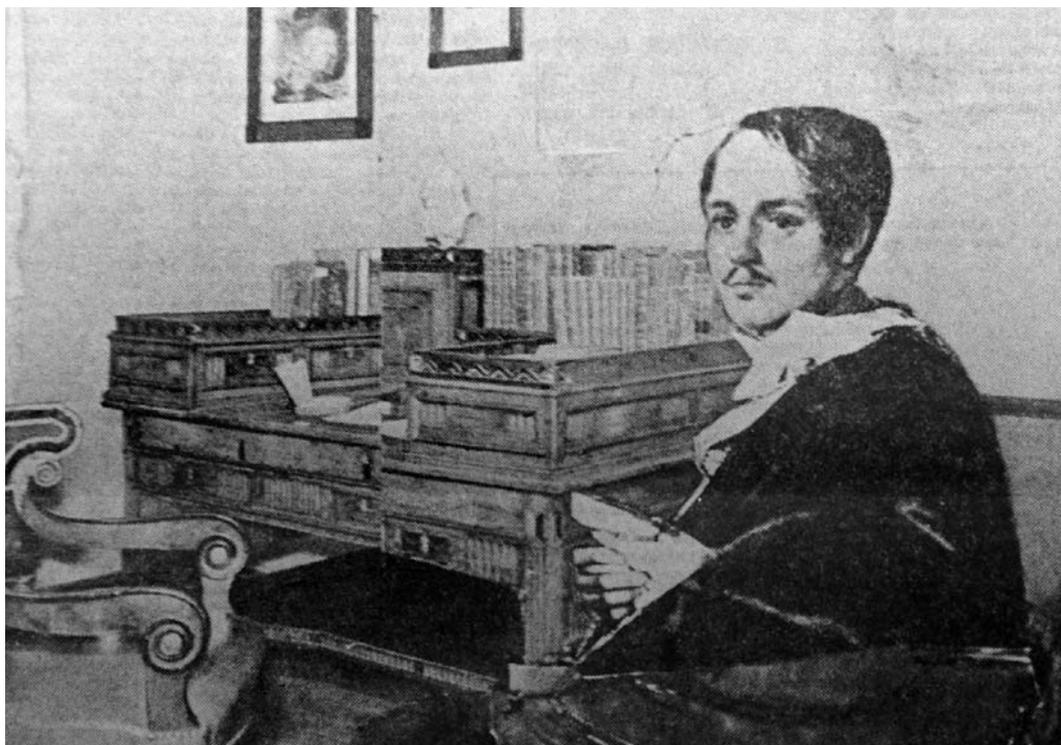
Автограф (то есть оригинал) вряд ли им был сохранен. А список (то есть копию) друзья сохранили. Да так упрятали, что нашли его последним среди всех лермонтовских документов,

а события в нём самые ранние, от них-то и тянется целый лабиринт сцеплений!

Надеюсь, мне удастся познакомить вас с сокровенным поэтическим, драматизированным дневником поэта-художника. И в интимной жизни поэта этот период неразрывно связан с первыми радостями и муками любви. В стихотворении «Я видел тень блаженства» (1831 год), примыкающем к середниковскому циклу, Лермонтов писал:

Портрет М. Ю. Лермонтова. Коллаж Л. Н. Шаталовой

*Я родину люблю.
И больше многих, среди её полей
Есть место, где я горесть начал знать...*

Место это – Середниково. Познакомлю вас «воочию» с портретами «незнакомки» – воспетой Лермонтовым девушки, которую ещё предстоит ввести в биографию поэта... Но уже сейчас можно сказать, что её нога ступала рядом с ним по Подмосквовью, она видела «тень былых годов» – Воскресенский монастырь и Пустынь Никона, что на Истре. Рассказ об этом впереди.

В дни празднования 175-летия со дня рождения Лермонтова, увидите вы новые публикации в центральной прессе и у нас, в «Ленинском пути». Познакомьтесь с новыми расшифровками тайнописи на рисунках Лермонтова, проведённой мною совместно с известной вам по старым публикациям тбилисской коллегой Елизаветой Газаровой.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1991, №62. С. 3

Людмила Шаталова

«Гремят как прежде трубачи»

*Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи.
И только на пирах гусарских
Гремят как прежде трубачи...*

Отрадно, что в День города в нашей Истре будут одновременно отмечены многие славные события: прежде всего 210-летие со дня его образования (стало быть, следы «родов, обычаев» сохранены и не забыты), затем первый в Истре международный фестиваль духовых оркестров, что, безусловно, придаст празднику особенно торжественный настрой. Конечно, классика в его репертуаре порадует нас, вызовет приток эмоций и воспоминаний, связанных с «музыкой сердца», оставленной нам одним из величайших поэтов земли Русской

Лермонтовым. В этом году в третий раз в День города мы чтим бессмертного Лермонтова, хотя приближается 150-летие со дня «вечно печальной дуэли» (27 июля). Нас утешают обнадеживающие, мажорные и провидческие его строки: «*Мой дух бессмертен силой, мой гений веки пролетит...*»

И действительно, наследие этого классика, «*в первых опытах которого был уже виден Гений*», так нужно нам именно сейчас, когда мы, к несчастью, погрязли в унынии.

В одной из тетрадей поэта, заполненной в Середникове летом 1830 года (после посещения нашего города), появилось двучастное стихотворение «В Воскресенске», и в несколько переработанном виде этот же сюжет стал «воскресенским» вариантом второй редакции поэмы «Демон». Существует восемь редакций прославленной поэмы, в них Лермонтов связал своих героев «цепью» со своей судьбой «*странника*». Вот «Воскресенская» строфа:

*Спустя сто лет, пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник; он узнал,
Что это памятник могильный,
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел о ней в часы мечтанья.*

*Он перевёл на свой язык
Рассказ таинственный. Но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык.*

Название моей статьи – строка из поздней поэмы Лермонтова, признанного классика отечественной культуры. Классическое же искусство – это то, что живет вечно. Нам нужны непреходящие ценности. Рядом с ними должна существовать нравственность, сохраняться традиции предков. Понятно, почему в 1838 году после ссылки на Кавказ в своей реалистической поэме «Тамбовская казначейша» Лермонтов весьма иронично оценил и изобразил военный и чиновничий быт провинциального городка, жизнь которого знал не понаслышке. «Провинциальный анекдот, – по словам В. А. Мануйлова, – неожиданно и смело перешёл в драматическую ситуацию шутивно начатого повествования». По жанру Лермонтов продолжал традицию поэм А. С. Пушкина «Граф Нулин», «Домик в Коломне», но при этом использовал и свой опыт, свои наблюдения над «героями времени». Начнём же с начала его опыта.

Новонайденная поэма, о которой мы уже сообщили нашим читателям, заимствована из провинциального быта дворян. Её герой отправляется на летние вакации (1829 года) из Московского университетского пансиона, дорогой автора едет к «милым родным» большою Тульскою дорогой (деревня отца Ю. П. Лермонтова – Кропотово именно там и находилась). Но эта то-

пография – литературная: на самом деле каникулы (вакации 1829-1831 годов) Лермонтов провёл в подмосковном имении Средниково, принадлежавшем брату бабушки Д. А. Столыпину, в его семье, имевшей дом и в Москве рядом с домом бабушки Лермонтова. Так что время поэта проходило в постоянном общении с тётушками, кузинами, воспитанницами, к тому же все девушки, гостившие у Е. А. Арсеновой (бабушки поэта) назывались «кузинами». К ним относились А. М. Верещагина, С. А. Бахметева, А. Г. Столыпина, причислялись и Н. Ф. Иванова, Е. А. Сушкова, Лопухины. Кто из них был героиней лирики этих ранних лет, не удавалось пока выяснить никому. Недавно нашлись новые материалы...

Однако, хочу прежде сказать читателям, что повторяющиеся сюжеты у Лермонтова являются как бы заготовками впрок, это отнюдь не самоповторения, а глубоко содержательные «клетки», из которых поэт и строит *«мир иной и образованных существовань»*.

Всё это элементы целостной творческой системы и точной хронологии, особого шифрованного творческого метода поэта-художника. Творческий процесс у Лермонтова был особенно близок работе художника, что, кстати, отмечено самим поэтом в новонайденной поэме (1829 год). Многие в его биографии житейской и биографии духовной необходимо осмысливать заново. В начале жизни с ним произошло какое-то страшное событие, таинственная история, в которую он попал, и это – первопричина таких строк:

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть,
Как я любил, за что страдал
Тому судья лишь бог да совесть.*

И поэтому пользуется поэт ранними «заготовками» в виде отдельных набросков, разными редакциями, вариантами, вторым устойчивых образов, конфликтов, сюжетов.

В большинстве своих произведений, поэтических и графических, Лермонтов автобиографичен. Но даже в раннем творчестве он скорее художник, чем фактограф, стремящийся к образным обобщениям и типам. Интересно проследить, как складывалась родословная Печорина, названного «героем нашего времени». «Это действительно портрет, но не одного человека – это тип, причём, предыстория его», зачатки его находим отчасти и в новонайденной поэме и в начатом в том же 1829 году «Демоне», далее он, конечно, связан и с Печориным из романа «Княгиня Лиговская», и с Юрием Волиным, и с наиболее автобиографичным «странным человеком» Владимиром Арбениным и с Александром Радиным из «Двух братьев», которому родней приходится Евгений Арбенин из драмы «Маскарад». «Но кто ж она, зачем сокрыта?» (поэма «Демон»).

Вернемся к героине ранней лирики поэта. Утвердилось мнение, что Лермонтова всю жизнь связывала глубокая и несчастная любовь к В. А. Лопухиной и образ испанской монахини навеял ею. Но если проанализировать ряд дат и стихотворений,

то выходит, что не только её имя будут повторять потомки рядом с именем бессмертного поэта. О ком, например, идёт речь в стихах «1831-го июня 11 дня», в «воскресенском» варианте «Демона» и поэме 1829 года? Первое чувство трагической любви, глубокое и не безответное, «Неизвестной» и Поэта раскрыто в новонайденной поэме 1829 года, сохранившейся, к сожалению, в списке.

На обложке тетради, озаглавленной «Мелкие стихотворения, Москва 1829 год» поверх заглавия – позднейшие приписки, шифрограммы. Наконец-то удалось прочесть полное имя и первую букву фамилии – и оказалось, что «незнакомка известная» – «Б(ахметева) Софья», «приятельница Лермонтова с детских лет». Летом 1830 года она гостила вместе с поэтом в Середникове и оттуда посетила наш Воскресенск. Строка второй «воскресенской» редакции «Демона» – «о жизни девы молодой» и посвящена именно ей.

Людмила Шаталова

Неизвестная поэта Лермонтова

Поэма, начинающаяся со слов *«Примите, милые друзья...»* обнаружена в Центральном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) исследователем И. Т. Трофимовым, который опубликовал фрагменты её в своей небольшой, но очень интересной книге *«Поиски и находки в московских архивах»* (1987 год). И. Т. Трофимов предположил, что это – утерянная поэма Лермонтова *«Индианка»*. Отметив сходство произведения в стилистической манере Лермонтова, совпадения *«отдельных фраз поэмы с фразами достоверно известных стихотворений поэта»*, И. Т. Трофимов отнёс поэму к числу *«приписываемых Лермонтову»* из-за отсутствия автографа.

Значительная роль в атрибуции поэмы принадлежит художнику, исследователю творчества Лермонтова Л. Н. Шаталовой. Ей удалось найти ключ к шифру рисунков Лермонтова. В

этом ей помогли талант художника и глубокое знание творчества поэта, который тоже был прекрасным художником. Только опытный взгляд художника-графика смог увидеть в едва заметных изменениях характера штриховки лермонтовских рисунков скрытые надписи, увидеть «утаённые» портреты. Оказалось, что все персонажи рисунка из юнкерской тетради Лермонтова «Дуэль» (1834 год) подписаны им, и это позволило пролить свет на тайну его третьей (а не второй, как это считалось до сих пор) последней дуэли и гибели...

Особое место в исследовательской деятельности Л. Н. Шаталовой принадлежит работе над листом рисунков в рукописи романа «Вадим». В этом, казалось бы, нагромождении набросков лиц, фигур, жанровых сценок она «узнала» почти всех изображённых персонажей. «Вадимов лист», как считает Шаталова, – своеобразный мини-графический дневник поэта, куда он заносил события своей жизни, свои литературные планы. Более двадцати (!) автопортретов Лермонтова обнаружила Людмила Николаевна на этом листе.

Л. Н. Шаталовой удалось вместе со сходненскими краеведами разыскать дом, который снимала в 1829 году Н. А. Столыпина, где летом жила она со своей дочерью А. Г. Столыпной и воспитанницами – сёстрами Бахметевыми. Тот самый дом, который описан в поэме. Теперь Сходня заняла своё место среди лермонтовских мест Подмосковья, вошла в план развития Национального лермонтовского центра «Середниково».

А. Сахаров

Устойчивый сюжет о трагедии героя, любовь которого не может разделить его сестра, о невозможности счастья, о желании смерти, бесконечной тоске по любви, встречается у Лермонтова очень часто, но начало его, как я полагаю, именно в этой неизвестной ранее поэме.

Лермонтову в особенности свойственны устойчивость образов на протяжении всего его творческого пути. При этом все его произведения, как уже показано многими исследователями, очень автобиографичны. Также автобиографичны и имеют основу в жизни и его рисунки. Поэтому всё наследие поэта – рукописи его произведений, письма, картины, рисунки – необходимо изучать в комплексе, увязывая с теми или иными событиями в его жизни.

Рассматривая рисунки на рукописях, я имела возможность убедиться, что и сюжеты с загадочными портретами повторяются у Лермонтова вплоть до периода зрелого творчества (например, на листе рисунков в рукописи романа «Вадим» можно выделить группы рисунков, имеющих точную датировку). Портреты, жанровые зарисовки носят черты реальных людей и реальных событий. А в его литературных произведениях всё это становится

*Бульварный маскарад в Москве.
Рисунок М. Лермонтова*

уже кристаллизацией, художественным обобщением того, что было пережито и прочувствовано. Поразительная цельность художественного мира поэта свидетельствует о том, что он, как и его герой Печорин, ничего не забывал: *«Как всё прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стёрло время!»* – записывает Печорин. Вряд ли можно усомниться в том, что это свойство самого Лермонтова. Поэтому можно утверждать, что если найденная поэма принадлежит перу Лермонтова, то в ней отражены факты реальной жизни поэта.

Мне пришлось перелистать многие страницы как изданных материалов по биографии поэта и его предков, так и архивных, ещё не описанных. Обнаружено много интереснейших фактов. Во всяком случае, бесспорно реальное существование сводной сестры по отцу у Лермонтова. Реальны и его встречи с ней в подмосковном имении родственников. Об этом и рассказывается в юношеской поэме Лермонтова.

И. Т. Трофимов в своей книге сделал предположение о том, что найденная поэма – это та самая поэма под названием «Индианка», о которой упоминает в своих воспоминаниях родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей. В Московском благородном пансионе, где Лермонтов учился с 1828 года, выпускался журнал «Утренняя заря», и в нём поместил якобы Лермонтов свою первую поэму «Индианка». По свидетельству Шан-Гирея, перед отъездом в Петербург Лермонтов сжёг старые бумаги, и в их числе рукопись этой поэмы. По крайней

мере о её судьбе пока ничего не известно. Это свидетельство говорит, однако, лишь о том, что пробы произведений крупной поэтической формы у Лермонтова были уже в 1828 году. Но я полагаю, что найденная поэма не «Индианка», так как она ни в коем случае не готовилась к публикации. Недаром там есть строка *«труд мой тайный»*... Можно считать, что это произведение – тайная исповедь юноши, гордого и независимого, вылившего терзавшие его мучительные страдания на бумагу.

Таким образом, что касается сюжетной стороны найденной поэмы, то есть все основания считать, что это – автобиографический рассказ Лермонтова.

Теперь обратимся ко второму необходимому аспекту атрибуции поэмы – её стилистике. Можно ли утверждать, что эта поэма написана Лермонтовым, что это его слог, его ритмы, его рифмы. Для подтверждения этой версии мне пришлось проделать огромную работу по исследованию текстов многих лермонтовских произведений. Попробуйте сопоставить поэму с произведениями поэта того же периода, да и более поздними, и вы почувствуете, как многие образы, словосочетания, стойкие метафоры, обороты, выражения прослеживаются на про-

Лермонтов-студент
Рисунок Л. Шаталовой

тяжении всего творчества поэта, «перекочёвывая» из одного произведения в другое.

Для того чтобы проверить свои выводы, придать им большую убедительность, я обратилась к математике. По моей просьбе инженер А. Сахаров провёл оценку стилистического соответствия текста поэмы произведения Лермонтова того же периода с использованием современных математических методов распознавания образов. Результаты его работы подтвердили, что с большой степенью достоверности можно отнести найденную поэму к произведениям М. Ю. Лермонтова.

Конечно, поэма ещё совсем юного поэта несовершенна, это скорее подражание, о чём говорилось выше, но это и наброски, заготовки для будущих его произведений, проба пера. Однако она интересна для современного читателя уже тем, что из многих идей, намёков, сюжетных ходов поэмы развился впоследствии тот Лермонтов, который написал «Демона» и «Героя нашего времени».

Михаил Лермонтов

«ЕВГЕНИЙ»

Пансионская поэзия (1829 год)

Предисловие

Примите, милые друзья,
Участье в повести печальной,
Да будет всяк из вас судья
О звуках песни идеальной!
Изобразу ли верно я
Наш быт простой, веселья наши
И праздник жизни удалой,
И как мы пьем из полной чаши
Вино с страстями и тоской!
Вам скажет сердце, коль случайно
Слезу уроните из глаз
Я награждён за труд мой тайный
И боле не хочу от вас.

I

Большою тульскою дорогой
Летела бричка налегке,
Влекума тройкой быстроногой:
Ямщик сидел на облучке,

И песня тешила простая
Его дорогою степной,
И колокольчик, усыпляя,
Звенел под чёрною дугой.
В пьши средь легких размышлений
Забился в бричку наш Евгений,
В зубах его дрожит чубук,
А подле книга Вальтер Скотта,
Он уронил её из рук.
Иная на душе забота,
И новый на сердце недуг.
Оставляя душные затворы
Угрюмых пансионских стен,
Пустые классы, коридоры
И града добровольный плен;
Простясь с друзьями молодыми,
Он на вакацию летит
И нетерпением горит
Обняться с милыми родными.
Открыть ли вам, друзья мои,
Кто юный наш герой Евгений?
Наук любимец и любви,
Питомец сладких вдохновений;
Ему осмнадцать только лет,
Но он довольно знает свет,
С толпой его предрассуждений

Он то насмешлив, то угрюм
И коротко знаком с Барковым.
Под легкой полости покровом
Он укрывал высокий ум,
Не ищет он чести и санов;
Он сердца не лишён и чувств
И в юности amateur искусств
И партий шапочных буянов,
Враг лести низкой и похвал;
И дикой воли обожатель;
Себя начальству показал,
И не однажды надзиратель
Перед героем трепетал.

II

Но вам, красавицы девицы,
Сей вряд ли нравится портрет,
И вкуса строгие царицы,
Вы говорите, что паркет
Он не украсил бы. Напрасно!
Евгений юноша прекрасный,
Прелестен, ловок и остёр,
Мазурку мастерски танцует,
Ещё ловчее дев целует,
Когда их благосклонный взор

Покажет... но поймите сами,
Врагу умеет он отомстить
И за обиду милой дамы
Мерзавцу уши обрубить.

III

Меж тем сгущался сумрак ночи,
Близ речки дальние огни
Евгения узрели очи...
И вот усталые кони
Под хлоп кнута, мотая гривой,
Остановились у крыльца...
И в дом с веселостью лица
Герой вбегает торопливо
И... он в объятиях отца.
Ах! как здесь всё переменялось!
Наталья Марковна всегда,
Всегда румянилась, белилась,
А ныне... О! года, года!
Кокетка тетушка – старушка!
Другая – бедная игрушка
Несчастий, как скелет худа
Близ них прекрасная кузина
Так украшается долина,
Заросшая густым репьем,

Одним лишь розовым кустом.
Так в ночь, когда перебегает
По небу грозных туч война,
Украдкой землю озаряет
Небес красавица луна.

IV

Зачем описывать волнение,
Их разговор, их удивление,
Веселый ужин и живой;
Тогда бы смог мой ум надутый
И вольно ль вам, друзья, порой
Сии изведедиминуты!
Но вот неделя протекла,
Подобно легкокрылой тени,
Кузина юная мила,
Гуляет с ней всегда Евгений
По тёмным рощам, по садам
С отцом нередко по полям
Верхом летит на ловлю вольный,
За зайцем гонится борзой,
И плачет рог в глуши лесной,
И слышен гончих лай протяжный.
Евгений, знаешь, будет бал,
У тётки пир и именины,

Сказал отец сестры Алины,
Тебя зовут! Я отвечал,
Что будем завтра мы! Согласен?
Приезд твой будет не напрасен
Сюда. В одиннадцать часов
Оденься друг и будь готов!

V

На бреге речки безымянной
В середине длинного села,
В доме обширном, деревянном
Старушка тётушка жила.
О ней три дочери пеклися,
Как бы три грации сплелися
Вкруг парки мрачной, роковой,
Они хранят её покой,
Ей ничего не открывают;
А в благодарность мать для них
Прожить доходов годовых
В Москву на зиму припасает.
Но (будет безрассуден тот),
На свой кто это примет счёт.
Без всяких личностей я прав,
Желая совесть сохранять,
Я не горжусь пустою славой

Людей без толку обижать.
Но вот старушки именины
Проходит дня до половины
Гостями набит, как рыбой пруд,
Во всех покоях дом старинный.
Уж пышный завтрак подают;
Все восхищаются Евгеньем;
Он дам смешил и забавлял,
И даже с неким почтеньем
С ним говорит провинциал,
Бегут и суетятся слуги,
Но я забыл сказать вам, други,
О трёх сестрицах молодых:
Лизеты вид отменно тих,
Она любви ничуть не знает;
Насмешки Ольги говорят,
Что у нее на сердце ад.
И пылкий нрав изображают.
Она приятна и стройна,
Была, как кукла восковая.
Любовь, сестра её меньшая,
Смуглей немного, чем она,
Но брови чёрные дугой,
Стан сладострастный, небольшой,
Взор ни небесный, ни земной
Играет нежною душой,

Как Купидон своей стрелой.
Густые локоны на плечи
Бегут, как сладостные речи;
И перси полные горят,
Слова то нектар льют, то яд;
Она Лауса молодая
И у Madame Korval была,
Но быстро юность дорогая
В волненьях света протекла...
Шестнадцать лет, как это много!
Страшись Евгений, ради Бога...

VI

Шумели гости за столом:
Ну уж обед провинциальный!
Вот встал и наш герой печальный,
Хоть обеспеченный вином,
Сел недовольный под окном;
Его не занимают рожки,
Рассказы деревенских ссор,
Ни громкий хохот молодёжи,
Ни дев чуть слышный разговор.
Полурассеянный, он внемлет
Словам Любви, как недуг,
Он ощутил, и сердце вдруг

Неизъяснимый жар объемлет.
Он в первый раз лишь знает стыд
И робко ей в глаза глядит.
Часы невидимо летели,
Покрылся мраком небосклон,
И в длинной зале слышит он
Гул скрипок, флейты, виолончели.
Не стану, милые друзья,
Вам говорить о танцах я.
Описано так много балов,
Что я люблю скорей болтать
Про звук приманчивых бокалов,
Чем вихрь мазурок вспоминать;
Круженье дев полувоздушных
И длинных котильонов скучных.
Зачем в одиннадцать часов
Домой уехал наш Евгений?
Он пасмурен, он не здоров,
Он бледен стал, подобно тени.

VII

Как часто ласк притворных вид
И вольность девы в обращенье,
К себе неопытность манит
И будит злых страстей волнение!

Поступок дерзкий ей так мил,
Но часто юноша строптивый
В себе желание гасил
При виде красоты пугливой.
Евгений под окном сидит,
Письмо в руках его дрожит,
Один он в кабинете. Мрачны
В дали пустынные поля
Лежат под дымкою прозрачной;
Молчит усталая земля...
По небу серых туч волною
Бегут ряды; и ветер порою
По нивам скошенным шумит
И в окна тусклые стучит.
Отец хозяйничать далёко
Уехал с тётками. Одна
Алина дома; но она
Почти до полдня спит глубоко.
В дому всё пусто, по реке
Мелькает кто-то в челноке;
Ветлы качаются на бреге;
Там, погоняя, на телеге
Везёт крестьянин на гумно
Немолочёное пшено;
В кругу ребят неугомонных
Там баба моет полотно;

Под сень сараев благосклонных
С деревни дальнего конца
Бежит пугливая овца.
Но что в письме Евгенья было?
На нем светилась слеза,
Какой приковывало силой
Оно к себе его глаза?
Имею у себя письмо я
И, другу показать желая,
Какой красотка эта зверь,
Прочесть его прошу теперь:
«Вчера признанья Вы хотели,
Я Вас люблю, довольны ль Вы?
Клянусь! От самой колыбели
Я не страшилася любви!
И ты, мой друг, из состраданья,
Коль можешь страсти отвечать,
Клянися не употреблять
Во зло нескромного признанья!»
И дум над юношей гора,
Он множество предпринимает,
Пустые замыслы меняет:
И наконец выходит он
На полукруглый свой балкон.
Уж там прекрасная кухня
По-русски Анна, иль Алина

*Сидит. И осторожно ей
Открыл пылающий Евгений
Причину грусти и страстей,
И тайну пасмурных волнений
Кузина божится ему
Исполнить все препорученья;
Но прихотливому уму
Так мало важны уверенья!*

VIII

*Проходит лето; бесприветно
Любовь искусством и красой
Играла злобно и прилежно
Евгенья слабою душой.
Он в первый раз так любит нежно,
С тех пор как жизнь безмятежной
По воле одарён судьбы,
Но нужны девушке рабы!
Она поступками старалась
Его уверить без стыда,
Хотя вполне им никогда
Объясниться не случилось.
Но не скажите лишь: и так
Евгений этот был дурак,
Совсем неправда: но к несчастью,*

Он ослеплён был пылкой страстью,
И целомудренный сокол
Был юной девой побеждён.
Нередко с Любенькой прелестной
Евгений по садам гулял;
Но демон чудный, неизвестный
Ему открыться всё мешал.
Вот час примчался драгоценный:
У старой тётки раз сидел
На вечере герой влюбленный
И очень пристально глядел
В глаза Любви благосклонной.
И вот она с улыбкой сонной
К нему тихонько подошла
И стала рядом у стола.
Как можно зреть взаимный пламень
В очах, для сердца дорогих,
И, будто непреступный камень,
Скрывать покровы чувств своих!
Пойдёмте в сад! Там не гуляют,
Божусь! Но мы пойдём одни.
И взявшись за руки, они
В аллею тёмную вступают;
Там всё утихло, всё молчит.
И ветер листов не шевелит;
Сквозь бор деревню озаряя,

Меж сучьев тёмных лип мелькая,
В пруду чуть движимом одна
Дрожит печальная луна.
Грозится Купидон лукавый,
Они садятся. Боже правый!
Мрак ночи, голос, как живой,
И пустота аллей тенистых.
Как не смешаться в мыслях чистых,
Не сбиться грешною душой?
«Евгений! Ты знавал ли счастье?»
Знавал: ну что же? Помнишь, друг,
Как из моих ты принял рук
Записку? Помнишь. И участия
Не испытал ты? Так любовью
Ты хочешь забавляться вновь...
Моею страстию несчастной...»
Здесь пусто всё, здесь нет людей;
Клянися дева – быть моей!
«А ты забыл родство? Напрасно».
Всё это басни! Ах узнай!..
Вот нож! Молчи – иль умирай!
Как от лукавых наваждений
Сберечься? Уж идёт она
Домой; дрожит и как бледна.

IX

*В саду остался наш Евгений,
Он там близ тихих берегов;
Он долго бродит одинокий,
Лобзанья девы ясноокой
На нём живут, но где взять слов,
Чтоб описать его смятенье.
Змею сердечных угрызений
В душе его то страх, то стыд,
Он то хладеет, то горит.
Меж тем луна свой путь свершила,
Играя в зеркальном пруде,
И юношу в пустом стыде
Казалось, смехом укоряла.*

X

*Уже вакация промчалась,
И вот простился он с отцом
Идёт; с утра перед крыльцом
Лихая тройка дожидалась,
Уж к небу пыль встаёт столбом.
Он не забудет наслаждений
И столь знакомые места;
И рощей тёмных вдохновенья,*

И Девы милые уста!
Москву и пансион угрюмый
Евгений снова увидал;
Он игр друзей не разделял,
Как прежде. Полон мрачной думы,
Он их веселья убежал;
И на скамейке отдалённой,
В былое счастье углублённый,
Стихи печальные писал.
Его бурлить напрасно просят,
Герой упорствует во всём.
Однажды вдруг письмо приносят,
Он развернул, и что же в нём?
«Я дочь любви – узнай, мой милый,
И твой отец родитель мой!
Я лишь вчера судьбы унылой
Узнала жребий роковой!
Любезный брат! Ты мой губитель,
Родная в наших жилах кровь.
Ах! есть на небе Ангел мститель!
Прости! Твоя сестра Любовь».
Вмиг бледностью его ланиты
Страх неожиданный покрыл;
Он тихо руки опустил
И удалился, как убитый...

Часть пятая

Лермонтов – это бесконечность

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1986, №11. С. 37

Людмила Шаталова

Портрет

Трудно назвать другого выдающегося русского поэта XIX века, количество писанных с натуры портретов которого было бы так ограничено, а сохранившиеся изображения были бы так посредственны по качеству. У всех, кроме Лермонтова, в прижизненной иконографии отыскивался портрет, который можно признать не просто похожим, но соответствующим творческой натуре Великого человека.

К счастью, Лермонтов сам был художником. Однако до последнего времени мы очень мало знали о его утаённых портретах, среди которых большая часть автозарисовок. Весь этот бесценный документальный материал содержится в лермонтовских «графических дневниках». Его я и учла в первую очередь при работе над образом поэта, названным первой строкой бессмертного стихотворения «Выхожу один я на дорогу».

В этом шедевре, одном из последних, лирический итог многих исканий, тем и мотивов, короткой гениальной жизни. Стихотворение поэта настолько «лермонтовское», что, читая его, мысленно видишь поэта.

Таким образом, предложенный вам портрет состоит как бы из двух пластов. Документального – основанного на анализе прижизненных портретов, и прежде всего автопортретов М. Ю. Лермонтова, и того удивительного поэтического состояния, которое заключено в его стихотворении, начинающемся со строки «Выхожу один я на дорогу».

Мне хотелось достичь не просто портретного сходства, но и ощущения трагического одиночества на «кремнитом» жизненном пути, той «дороги», что привела поэта к бес-
смертию.

Л. Шаталова. Портрет Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Гравюра на картоне (цветная) 56 на 42 см. 1986 год

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1991, №119. С. 3

Софья Гумерова-Капралова

Обращение к потомкам

Кому только ни приписывали это посвящение-стихотворение – Чаадаеву, Барклаю-де-Толли, генералу Раевскому, чуть ли не Наполеону... Прежде всего потому, что оно начинается со слов «*Великий муж!*» И не думали, что Лермонтов может обратиться так к себе самому. Многие исследователи занимались текстом, сложность была в том, что сохранилась только верхняя часть листа с началом текста, а заглавие, с возможным адресом, оторвано. Однако ни один предполагаемый адресат не был подтвержден научно. Людмила Николаевна Шаталова считает, что она определила, кому автор посвятил строки, полные глубинного смысла – самому себе и своим дальним потомкам. Она укрепилась в догадке после встреч с потомками великого поэта в июле и августе этого года. Вот эти стихи, начинающиеся с отточия, потому что это отрывок:

*...Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Её на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.
Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И услышав твоё названье,
Твой сын душою закипит.
Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил Отчизну!»*

– Так вот, я уверена теперь, что речь идёт о нас, о его потомках, – ещё раз в течение нашего разговора произносит художница. – Это стихотворение сближено с его другим стихотворением 1841 года «Люблю Отчизну я, но странною любовью...».

И ещё одно обстоятельство укрепляет её предположение: Шаталова нашла поразительное совпадение лермонтовских поэтических строк с дневниковой записью украинского гения Тараса Шевченко, боготворившего творчество Лермонтова. Украинский писатель М. Гаско в своих шевченковских этюдах 1972 года высказывает мысль, которую убедительно доказывает: рисунок в альбоме князя Урусова, изображающий встречу Лермонтова с Гоголем, выполнен Шевченко. В своём письме Л. Шаталовой М. Гаско обосновывает догадку. Из истории рус-

ской литературы известно, что встреча Гоголя и Лермонтова произошла в Петербурге, в театре, когда ставился «Ревизор». Лермонтов ехал в ссылку после дуэли с де Барантом. Шевченко учился в это время в Петербургской Академии художеств, он был столь же великолепным рисовальщиком, что и его кумир Лермонтов. Художественная убедительность шевченковского рисунка наводит на мысль, что автор был свидетелем, скорее всего, если не участником, то равнодушным наблюдателем той встречи.

Очень важный момент, что и Лермонтов в Школе кавалерийских юнкеров, и Шевченко в Петербургской Академии художеств учились у одного преподавателя русского языка и литературы, критика Василия Тимофеевича Плаксина, который рано провидел талант Лермонтова и, несомненно, не мог не рассказывать о своём гениальном ученике своим последующим воспитанникам. В их числе и был украинский кобзарь.

Таким образом, догадка М. Гаско о том, что рисунок встречи Лермонтова и Гоголя выполнен Шевченко, отнюдь не фантастична, считает Л. Шаталова и привлекает для доказательства работу ещё одной украинской исследовательницы Марии Гринчак, занимающейся дневниками Тараса Григорьевича Шевченко. Так вот, в своём дневнике он записал: «*Наш великий Лермонтов*».

Мятежная, гражданственная, свободолюбивая поэзия Михаила Лермонтова, проникнутая такой болью о счастье человека, была для Шевченко чистым источником в неволе. Имя

Лермонтова неоднократно встречается в письмах Шевченко из ссылки и дневниках. Среди книг, отобранных у кобзаря при аресте в Оренбурге был двухтомник сочинений Лермонтова.

Обо всём этом свидетельствует и стихотворение Тараса Григорьевича, посвящённое Лермонтову «Мне кажется, но сам не знаю...» Кстати, само упоминание имени мятежного поэта, погибшего на дуэли, было опасно для Шевченко, так как Николай I запретил упоминать имя неудобного писателя. В этом чудесном стихотворении Шевченко обращается к Лермонтову со словами: «...Где ж ты, Пророк, что сделался святым, Великомученик! Ты с нами... Ты с нами говоришь... Ведь жива Душа поэта, и святая. Она горит в его речах, И мы, читая, оживаем... И слышим Бога в небесах».

Стихотворение выражает горячую любовь к Лермонтову и проникательное понимание гуманистической сущности его творчества.

Не правда ли, как близко это лермонтовским «Её на небе сыщут взгляды»? Шевченко благодарит друга, приславшего ему томик Лермонтова со стихами: «Ты переслал ко мне в неволю поэта нашего, на волю как будто двери отворил».

Итак, перед нами и две загадки: была ли встреча Шевченко с Лермонтовым, то есть присутствовал ли гениальный украинский поэт и художник при встрече Гоголя и Лермонтова и кому адресовано своеобразное завещание Лермонтова «Великий муж!» Людмила Николаевна Шаталова считает предположение киевского писателя М. Гаско о присутствии при встрече Гоголя

и Лермонтова Тараса Шевченко вероятным. Как художник-график, она убеждена, что художник Шевченко, а он был, повторяю, великолепным рисовальщиком, видел, наблюдал момент встречи (на рисунке Гоголь и Лермонтов здороваются за руку, ярко отображены характерные черты облика великих писателей, например, Лермонтов очень худенький и маленький. Гоголь очень похож на себя на рисунке Кипренского).

Шевченко не только мог быть где-то поблизости, он мог слышать разговор и это стало впоследствии сильным художественным впечатлением. Вчитаемся в шевченковские строки и выделим в них слова «пророк», «святой», «великомученик», «И слышим Бога в небесах» – говорит kobзaрь о своём сверстнике Лермонтове.

Лермонтов же говорит так: *«Великий муж! Здесь нет награды (в черновом варианте, как мы помним «не здесь награда»), достойной доблести твоей! Её на небе сыщут взгляды, и не найдут среди людей»*).

Духовное сходство обоих стихотворений, и Шевченко, и Лермонтова позволяет исследовательнице, как бы оттолкнувшись от рисунка, доказать, что со словами «Великий муж!» Михаил Юрьевич обращался к себе.

Кстати, для Михаила Юрьевича Лермонтова очень характерно осознание, с самых малых лет, своего особого предназначения и это, естественно, отображено в поэтических строках его. Ещё в 1830 году, после посещения Нового Иерусалима, в стихотворении «К дереву», совсем мальчик, он говорит, не

стесняясь, чувствуя свои исполинские силы: *«Нет, нет, мой дух бессмертен силой, мой гений веки пролетит».*

Вот и вся разгадка, кому адресовано знаменитейшее «Великий муж!» с его страстным утверждением «Он любил Отчизну!» – великому российскому гражданину, гениальному поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Этому будет посвящена одна из глав книги, над которой трудится сейчас наша землячка.

Районная газета «Ленинский путь», радио «Истра» уже сообщали о юбилее члена Союза художников СССР, почётного гражданина Истры Людмилы Николаевны Шаталовой. В день торжества Людмилу Николаевну в её гостеприимном доме поздравили первый заместитель председателя исполкома Истринского горсовета Вячеслав Андреевич Сафронов, вручившей ей солидную денежную премию, методист Истринского Дома культуры Людмила Михайловна Румянцева, заведующая отделом Центральной районной библиотеки Екатерина Артёмовна Бадзер, зачитавшая праздничный юбилейный адрес художнице, журналисты районной газеты и радио.

Встреча была не только тёплой, сердечной, она была ещё и «вкусной», потому что на столе были чай с душистым вареньем и дивные пироги Людмилы Николаевны с рыбой, яблоками и капустой. Когда гости выпили чаю и откушали пирогов, и, снова откушали пирогов и выпили чаю, милая хозяйка познакомила их со своими последними работами.

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1991, №124. С. 3

Людмила Шаталова

**«Мои друзья вчерашние – враги,
враги – мои друзья...»**

Для тех, кто любит и изучает творчество Лермонтова, интересно и важно всё, что помогает живее и разнообразнее представить его творчество – как поэтическое так и изобразительное, лица тех, кто не только по праву кровного родства, но часто по праву дружбы, входил в круг самых близких ему людей.

Попытаюсь разгадать рисунки поэта, всматриваюсь с желанием оживить, заставить заговорить (увы, теперь «музейные» их лики), чтобы возможно, еще хоть на шаг приблизиться к разгадке великой тайны – жизни поэта и его гибели.

Помню его строки: *«Я рождён, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели мой»*. Увы, сегодня у нас материал о гибели поэта, но и в нём торжествует сила гения, оставившая миру бесценный труд – роман времени, свой графический дневник.

Лермонтов, человек глубоко духовный, очень нужен нам, живущим в конце XX века. Не идеал, не пример для подражания, он может помочь нам и сегодня своей способностью к бескомпромиссности в вопросах чести и исповедания истины. Это был удивительно деятельный человек, чувствующий силу своего ума, своё предназначение, смело можно сказать, свой гений. Творческое начало Лермонтова вызывает чёрную зависть бесплодной посредственности.

Близкие друзья оказались врагами. Сложную индивидуальность поэта понимали далеко не все, стоит ли удивляться, что многие неверно объясняли его поступки. Не все поняли и его пророческий роман «Герой нашего времени», совершенно не учли документальность и информационность рисунков.

Роман «Герой нашего времени» появился за год до гибели Лермонтова, но мы невольно замечаем, как сближены художественные образы (типы) с жизнью, будто речь идёт в нём о событиях грядущей дуэли, и сам автор также, незримо, присутствует в собирательном образе своего героя. И совсем не случайно некоторыми чертами характера и внешности не только Мартынова, но в большей степени «своего лучшего друга» Столыпина-Монго наделён образ Грушницкого.

Современники полагали, что Мартынов узнал себя в романе, и, якобы, это сыграло роль даже во время дуэли. Но ни современники Лермонтова, ни последующие поколения читателей и исследователей романа не узнали в Грушницком Столыпина-Монго, все были усыплены восторгами словесных порт-

ретов, оставленных мемуаристами. Кто ж он? Об Алексее Аркадьевиче Столыпине, как отчего-то принято считать, лучшим друге Лермонтова сказано было в своё время много, особенно о красоте его внешней оболочки, которая, якобы, была достойна его души и сердца. Его донжуанские волокитства, описанные и зарисованные поэтом в поэме «Монго», опровергают это. Многие казалось сомнительным. До сих пор оставался абсолютно неясным вопрос о степени участия его в дуэли Лермонтова и Мартынова: ни одним словом не обмолвился красавец Монго о своей близости к Лермонтову, не дал сослаться на себя ни одному лермонтовскому мемуаристу.

В связи с собранным мною компроматом на Монго, меня чрезвычайно заинтересовала недавняя публикация в газете «Культура» (от 5 октября 1991 года) под странной рубрикой литературного детектива – серьёзная статья Д. Алексеева и Б. Пискарёва «Я хотел испытать его» с использованием материалов юриста А. Любовского («Русские уголовные процессы», 1867 год) о существовании уголовного процесса над отставным майором Мартыновым, корнетом Глебовым и титулярным советником Васильчиковым за произведённую первым с поручиком Лермонтовым дуэль, отчего Лермонтов помер. Автор привёл два описания дуэли, воспользовавшись ответами Васильчикова и Мартынова на вопросы следственной комиссии. Показания обвиняемых были двусмысленны и неполны.

Известный историк и публицист М. Семевский обратился с письмом к Мартынову, а тот в ответном послании заявил, что

«злой рок сулил ему быть орудием провидения»... и предложил Семеvскому адресоваться к князю Васильчикову. Но Васильчиков лишь в 1872 году нарушил данный им тридцать лет назад «обет молчания» – в журнале «Русский архив» появилась его короткая заметка, которая приоткрывает завесу над потаёнными подробностями трагического поединка. Но и тут он не до конца откровенен, не решился раскрыть ту тайну, которая связывала четырёх секундантов с Мартыновым. Одним из скрытых секундантов был Алексей Столыпин, прозванный Лермонтовым кличкой его собаки «Монго». Именно поступок вмешавшегося в дуэль Столыпина превратил секундантов в соучастников убийства.

Возможно, и от этого безмолвно ушёл в могилу Столыпин-Монго, хотя были у него особые счёты с Лермонтовым из-за Вареньки Лопухиной. Догадка авторов статьи Алексеева и Пискарёва о вине секунданта Столыпина, подтверждена самим поэтом – текстами и рисунками и моим прочтением тайнописи. Компромат на «братьев» Столыпиных собран из многих рисунков поэта, его стихов, поэм, где выведены типичные представители тогдашнего поколения гвардейской молодежи. Лермонтов наблюдал и изучил этот «свет» верно и глубоко. В его творчестве мы как бы заново прочли историю всей его жизни. В расшифровках Лермонтовской тайнописи угадывается желание поэта скрыть от чужих глаз информацию интимного свойства и даже способность жертвовать собой. Это высшая степень любви к женщине. Редкий дар.

И всё же давайте вернёмся на место поединка, которым командовал Глебов. «Сходишь!» – крикнул он. Мартынов пошёл быстрыми шагами к барьеру, тщательно наводя пистолет. Лермонтов остался неподвижен. Взведя курок, он поднял пистолет дулом вверх, заслоняя правый бок согнутой рукой и локтем. «Раз, два», – считал между тем Глебов.

Мартынов стоял у барьера, продолжая целиться. Он медлил, видя, что Лермонтов выказал явное нежелание стрелять в него. Прозвучала команда: «Три!»

По правилам, дуэль закончилась. Лицо поэта приобрело презрительное выражение. И он, всё не трогаясь с места, вытянул руку вверх, по-прежнему направляя кверху дуло пистолета. И вот в этот Момент в ход поединка, как свидетельствует Васильчиков, вмешивается Столыпин.

– Стреляйте! – закричал он.

– Или я разведу вас!

В следующее мгновение Лермонтов разряжает свой пистолет в воздух. Следом гремит выстрел Мартынова. И поэт падает. Экспертиза тела убитого поэта, которую сутки спустя провел врач И. Барклай-де-Толли, подтвердит, что выстрел Мартынова застал Лермонтова стоящим с высоко поднятой вверх правой рукой.

Когда Столыпин нарушил дуэльное соглашение, Лермонтов, зная, что поединок после счета «три» прерывался, выстрелил в воздух, красноречиво дав этим понять Мартынову, и секундантам, что инцидент исчерпан. Мартынов же рассудил

иначе: раз Столыпин подал команду на продолжение поединка, а выполнять приказания секундантов надлежит безоговорочно, то стрелять в воздух имеет право только противник, стреляющий вторым. Дуэльный кодекс накладывал страшный запрет на первый выстрел в воздух. Нарушитель расценивался как уклоняющийся от дуэли. После формального окончания дуэли выстрел в воздух не считался нарушением, а любой из противников, вздумай он воспользоваться своим правом на ответный выстрел, сам совершал бесчестный поступок и общественным мнением причислялся к преступникам. Таковым и оказался Мартынов. Но поступок Столыпина превратил секундантов в соучастников убийства.

Одно преступление породило другое. Это двойное преступление и стало на долгие годы общей тайной секундантов и Мартынова. Считалось, что именно поэтому безмолвно сошли в могилу Глебов, Столыпин и Трубецкой. Но остались запечатлённые моменты из жизни Лермонтова и его друга Столыпина – «Монго». Они в рисунках поэта, шуточной поэме «Монго» (1836 год), поэме «Измаил-Бей» (1832 год). Эта последняя поэма как раз и посвящена В. А. Лопухиной. В ней рисунок горца помечен шифром «Мунго».

В шуточной сценке поэмы «Благословление молодых» узнаётся Варенька Лопухина в паре не с Бахметевым, а с Монго. И если повернуть рисунок женской головки, то вы увидите шифр – пёсью морду Столыпина «Монго» и его инициалы «СА» (Столыпин Алексей).

*Лермонтов на Мойке. 1837 год.
Рисунок Л. Шаталовой*

мною Санкт-Петербурга, где я побывала на конгрессе лермонтовских соотечественников. Перед вами портрет «невольника чести» М. Ю. Лермонтова. Михаил Юрьевич на Мойке, конец января 1837 года.

Я поделилась с читателями «Ленинского пути» волнующими всех нас материалами о дуэли поэта. Это частичка моей работы над книгой, которая продолжается. И так как наш подмосковный город Истра стал не только Чеховским, но и Лермонтовским местом, в день рождения Лермонтова 15 октября я знакомлю вас и со своей художнической работой: новым портретом Лермонтова.

Замысел этого портрета созрел при недавнем посещении

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1992, №106. С. 4

Людмила Шаталова

Загадка двойного портрета

В доме старейшего московского коллекционера В. Н. Москвинова собрана богатейшая коллекция художественных произведений. Её хозяин – не только коллекционер, но и художник, реставратор, специалист по атрибуции, искусствовед и литератор. Он пригласил меня взглянуть на неизвестное, но очень ценное своё приобретение, поскольку знал, что и меня интересует всё связанное с Лермонтовым – его жизнью и творчеством. Это был миниатюрный двойной живописный портрет, привезённый из Тархан и имевший интересную историю, рассказанную им журналисту Максиму Иванову:

«Летом 1910 года известный русский художник А. Ясинский выехал из Москвы в Пензу с вполне определённой целью: написать ряд пейзажей в селе Тарханы, родовом лермонтовском имении. В Тарханах к Ясинскому обратился старик-крестьянин

с предложением купить у него “патретики” мальчика Михаила Лермонтова, который хранился у него уже много лет. Из разговора со стариком стало ясно, что он долгое время служил лакеем в доме Лермонтовых. А лермонтовский портрет, по его словам, был подарен ему за хорошую службу.

Портрет невелик по размеру – 10х8 см. Исполнен на картоне. Изображён на нём сидящий на коленях у отца, Юрия Петровича, сын его, Михаил Лермонтов, в возрасте трёх-четырёх лет. Автор портрета – некто Литвинов. Портрет датирован 1848 годом. Следовательно, исполнен не с натуры. Детская же фигура, очевидно, написана либо по известному портрету, где

мальчик Лермонтов изображён в длинной белой рубашке, либо по памяти».

Москвинов посчитал, что к нему попал портрет, изображающий отца и сына Лермонтовых. Однако, его смущало то обстоятельство, что отец на портрете очень похож на сына, в жизни же Михаил Лермонтов был копией своей матери. В общем, эта находка ставила больше вопросов, чем давала ответов. Кто же здесь изображён?

И В. Н. Москвинов захотел услышать моё мнение как специалиста, художника-исследователя, лермонтоведа. Прежде всего, мне бросилось в глаза сходство этого портрета с последним прижизненным портретом Михаила Лермонтова в форме офицера Тенгинского полка, выполненным чембарским крепостным Горбуновым, ставшим к тому времени профессиональным портретистом.

В 1842 году литография с горбуновского портрета рассылалась подписчикам как приложение к XX тому «Отечественных записок». Свыше двадцати лет он был единственным изображением поэта, известным широкой публике. И Литвинов, без сомнения, воспользовался литографией с портрета Горбунова как этюдом, выполненным с живой натуры.

Таким образом, тождество оригинала и литвиновской копии убеждают в том, что офицер на портрете – сам Михаил Лермонтов. А мальчик? Попробуем разобраться. Предположение о том, что это двойной портрет Лермонтовых имеет основания. Мне пришло на память письмо-завещание, оставленное сыну Юрием Петровичем Лермонтовым. Не в нём ли таится разгадка портрета младшего из рода Лермонтовых?

«...Дражайший сын мой Михаил... пятьсот рублей отпущенному на волю сестрою моею Александрю малолетнему Александрю, по крестном отце Петрову... а сему младенцу испрашиваю твоего покровительства»

Продолжая заниматься атрибуцией двойного портрета Литвинова, я получила письмо от В. Н. Москвинова: «Своими

новыми определениями Вы, Людмила Николаевна, доказали и убедили меня, что офицер на портрете – это М. Ю. Лермонтов, а мальчик – Александр, его сводный брат по отцу, по крёстному – Петров».

Это письмо поддержало меня в убеждении, что портреты послужат дополнением к нашим скудным биографическим сведениям о Лермонтове и истокам его гениальных произведений. Какова же судьба сводных брата и сестры поэта? Поиск продолжается.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1992, №114. С. 3

Людмила Шаталова

Бородино и Лермонтов

В этом году отмечается 180-летняя годовщина Бородинского сражения. С памятной битвы 1812 года слово «Бородино» навечно вошло в летопись отечественной и мировой истории. С этим словом были связаны боль и скорбь десятков тысяч семей, отцы и дети которых навечно остались на этом поле. С этим же словом связана гордость каждого россиянина, ибо на Бородинском поле иноплемённые завоеватели в полной мере осознали силу и героизм русских солдат. В этой битве принимали участие многие славные русские дворянские роды. Среди них – Лермонтовы и родня по линии матери – Столыпина.

Кто же он – Афанасий Алексеевич Столыпин? Из биографии Лермонтова, составленной П. А. Висковатовым, известно, что А. А. Столыпин (1788-1866), служивший с отличием храброго офицера в артиллерии, был саратовским предводителем дво-

рянства, женат на Устиновой, памятен в Москве своим хлебо-сольством, из братьев Елизаветы Алексеевны Лермонтов больше всех любил Афанасия Алексеевича Столыпина, называл его «дядюшкой». Имя его встречали в переписке Лермонтова с бабушкой. *«Ты после меня ни разу не писал к Афанасию Алексеевичу, – укоряет Елизавета Алексеевна Лермонтова в одном из писем, – через письма родство и дружба сохраняются, он друг был твоей матери и любит тебя как родного племянника».*

Человек большой житейской опытности и доброты, Афанасий Алексеевич был общепризнанным главою рода Столыпинных, пользовался всеобщим уважением, рассказы бывшего офицера-артиллериста, участника Бородинского сражения – это рассказ ветерана молодым солдатам о великой битве. Ещё в детстве Лермонтов мог слышать воспоминания о «грозе 12-го года» в Тарханах. Отсюда и народный язык стихотворения. Однако не случайно и то, что рассказ ведётся от лица артиллериста. Автор стихотворения в ту пору уже молодой офицер, прекрасно сознавал роль артиллерии в битве при Бородине. И тут, думается, не обошлось без рассказов Афанасия Алексеевича Столыпина – артиллерийского офицера, участника Бородинского сражения. Его портрет помещён в Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге, а описанию его подвигов посвящены несколько страниц в «Истории гвардейской артиллерии».

Вот лишь один эпизод, свидетельствующий о мужестве и находчивости штабс-капитана Столыпина: *«Командир Столыпин, увидев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал*

несколько вперед и, переменяв фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью: цель Столыпина состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнём расстроить противника и тем подготовить верный успех нашим кирасирам. Под Столыпиным убита его лихая горская лошадь». Было тогда Столыпину двадцать четыре года.

И очень может быть, что слова «Скажи-ка, дядя» обращены к Афанасию Алексеевичу Столыпину, которого, единственного из своей родни, Лермонтов называл дядей, дядюшкой. В том, что это предположение вероятно, убеждает и атрибуция рисунков Лермонтова, выполненная мною. Среди рисунков Лермонтова из «Юнкерской тетради» (1832-1834 годы), посвящённых военной теме, удалось найти два портрета Афанасия Алексеевича, причём на одном листе.

На первом он изображён таким, каким его представлял Лермонтов в 1812 году; на втором, условно названном «Офицер, курящий трубку», – каким его знал поэт в 1830-е годы, когда писалось «Бородино». Известен и акварельный портрет Афанасия Алексеевича, выполненный Лермонтовым, ведь поэт был ещё и прекрасным художником. Сопоставление этих рисунков с иконографическим портретом Афанасия Столыпина обнаружило тождественность изображений.

С семьёй Афанасия Алексеевича связана и находка писем Лермонтова и целой тетради его стихотворений. Когда в 1857 году пензенский учитель В. В. Хохряков начал собирать мате-

риалы к биографии Лермонтова, ещё были живы люди, лично знавшие поэта. Хохряков встречался с родственниками поэта П. П. Шан-Гиреем, его другом Святославом Афанасьевичем Раевским, тем самым Раевским, который помогал Лермонтову распространить стихотворение «Смерть поэта».

В 1844 году С. А. Раевский поселился в своём саратовском имении Раевка, а позже переехал в Пензу. В ходе своих поисков Хохрякову удалось получить у проживающего в Саратове И. С. Самсонова несколько писем Лермонтова и тетрадь его стихов. Уже в наши дни, когда литературоведы заинтересовались этой находкой и дарителем, выяснилось, что И. С. Самсонов – воспитатель Павла и Марии Устиновых, племянников Афанасия Алексеевича Столыпина по линии жены. Сам же Афанасий Алексеевич до середины 1840 года жил в Саратове, а затем в своём поместье Лесная Нееловка.

Эти интересные новые сведения о А. А. Столыпине опубликовал в саратовской газете А. Сахаров, московский инженер, с увлечением занимающийся лермонтоведением.

Принимал участие в Бородинском сражении войны 1812 года и отец поэта – Юрий Петрович Лермонтов. Сын небогатых помещиков Ефремовского уезда Тульской губернии, Юрий Петрович родился в 1787 году. Окончил первый кадетский корпус в Петербурге, служил в пехотном полку в чине капитана. В 1811 году по болезни вышел в отставку. Но, когда в 1812 году враг ступил на родную землю, Юрий Петрович также проявил свои патриотические чувства и вступил в Тульское дворянское

ополчение, был ранен в 1813 году, находился в Витебске на излечении. Умер он в 1831 году.

Известно, что многогранно одаренный М. Ю. Лермонтов выражал свои чувства к родственникам, которые зачастую были героями его произведений, не только в стихах, прозе, письмах, но и в графике. Сохранилось много рисунков, в которых я определила портреты Юрия Петровича, но об этом – другой рассказ.

В воскресенье, 5 сентября, когда в Москве отмечался День города, и проходили торжества, посвящённые годовщине Бородинина, около шестидесяти потомков Лермонтовых и Столыпиных, членов ассоциации «Лермонтовское наследие», собрались в музее-панораме «Бородинская битва».

Эта ассоциация международная и имеет отделения в Европе, США и Австралии. Накануне многочисленные семейства зарубежных и отечественных потомков великого русского поэта вновь посетили Лермонтовский центр. Эта усадьба передана ассоциации в аренду сроком на пятьдесят лет.

Известно, что Истра также включена в Лермонтовское кольцо. Есть идея создания конного, велосипедного и пешеходного маршрутов-троп, которые свяжут лермонтовские места: Середниково, Новый Иерусалим, Троице-Сергиеву Лавру.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1992, №125. С. 4

Людмила Шаталова

«Прими мой дар, моя Мадонна!..»

С тех пор, как отроческая рука Лермонтова вывела первую строчку; вся его жизнь являла непрерывный труд, непрестанные поиски совершенства. И он достиг его. С чувством восхищения и благодарности, и, в значительной степени, сопереживая, произносим мы строки его стихов, с удивлением знакомимся с его рисунками и – увы! – многие из нас впервые.

Перелистывая страницы гениального романа, мы имеем возможность насладиться богатством содержания, блеском и разнообразием форм и, главное, зримо увидеть лица тех, кто послужил творческим импульсом для создания этого шедевра. Лермонтов создал не только психологический русский роман, но и целую гамму острых психологических зарисовок «с природы». Лица, изображённые поэтом карандашом и кистью – нежные образы его мадонн – «кумиров души», каждая из кото-

рых имеет свою, лично к ней относящуюся характеристику. Это и лица вчерашних друзей («*Мои друзья вчерашние – враги...*»).

Сегодня мы поговорим ещё об одном величайшем даре Лермонтова, присущем поэтам и художникам – о любви к женщине – Мадонне.

В начале XIX века в России распространились идеи романтизма, а вместе с ними повышенное внимание к изобразительному искусству. Романтики в возвышенном облике Рафаэля, в жизни и произведениях художника, окутанных тайной и фантастическими легендами, видели олицетворение своей идеи о божественном происхождении искусства.

Ни Пушкин, ни Лермонтов – его последователь, конечно, не прошли мимо общего интереса к великому живописцу. В произведениях наших великих поэтов творчество Рафаэля получило интересную интерпретацию не только в поэзии, но и в графике, и хочется подробней коснуться этой проблемы.

«...Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что у меня его нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил её, если бы она не стоила 40 000 рублей. Афанасию Николаевичу (дедушке Гончарову – Людмила Шаталова) следовало бы выменять на неё негодную Бабушку (медную, старую Екатерину Великую – Людмила Шаталова) Прощайте...»

Пушкин – Н. Н. Гончаровой 30 июля 1830 года.

Не так давно в литературе появилось подробное описание картины, приписываемой Рафаэлю. Вероятно, многие отметят художническое видение Пушкина, рассматривая репродукцию с гравюры «Мадонны Бриджуотерской» (копия с картины Рафаэля, продававшейся, но не нашедшей себе покупателя в России). Она настолько подробно и точно описана в сонете Пушкина «Мадонна», хотя имя Рафаэля в нём не упомянуто, что позволит вам узнать образ в другом рисунке на рукописи «Медного всадника», выполненного рукой Пушкина в 1833 году в болдинскую осень.

Недавно мною определён и второй портрет на этом рисунке. Рядом с Натальей Николаевной набросан профиль её сестры Александры Гончаровой.

Любопытно заглянуть в книгу-альбом «Рафаэль», изданную в 1983 году к 500-летию гениального художника. Рафаэль (точнее, Рафаэлло I Санти) родился 6 апреля 1483 года в Италии, в городе Урбино. Первые уроки получил у отца, Джованни Санти. Мальчик остался сиротой в 11 лет, мать умерла за три года до кончины отца, и хотя в течение последующих 5-6 лет он обучался живописи у второстепенных провинциальных мастеров, духовная среда была чрезвычайно благотворной. Отец был придворным художником Урбинского герцога (образованный человек, хотя и скромного дарования).

Город Урбино в середине XV столетия – блестящий художественный центр, очаг гуманистической культуры Италии. Отметим, что художники раннего Возрождения стремились отра-

зить в искусстве всё многообразие действительности, любовь к подробному рассказу, к деталям вытекала из желания запечатлеть своеобразие каждого явления реальности, индивидуальную неповторимость человеческой личности. Важно, что этот опыт для творчества взял на вооружение Лермонтов.

Наряду с тенденцией к анализу в конце XV века появилась и синтезирующая ведущая тенденция – создание обобщённого и героического образа, как бы конечный результат, итог познания природы и человека, в котором раскрывалась сущность и закономерность их бытия. Это обобщение поднимало каждое явление, каждый образ до уровня идеала.

Современному зрителю, любящему искусство более личностное, субъективно окрашенное, Рафаэль кажется порой маловыразительным. Он не был художником, как Лермонтов, драматической темы, его искусство искало другого – ясности, гармонии, равновесия.

Интересно, что неизменно отмечают исследователи Рафаэля: гибкость таланта, его способность глубоко вживаться в строй образов других мастеров, ассимилировать, органически включив в свой стиль те или иные черты их художественной манеры. То же мы наблюдаем в творчестве поэта-художника Лермонтова. Видимо, поэтому его ранее стихотворение «Поэт» (1828 год) начинается именно строкой о художнике:

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный*

*Живою кистью окончал
Своим искусством восхищенный.
Он пред картиною упал.
Но, скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомлённый и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.*

Живопись Рафаэля, её стиль, эстетические принципы отражали мировоззрение эпохи. Лермонтов писал о себе и своём времени, и образы – это отклик на конфликты времени. Хотя они были чужды Лермонтову, «он был рождён для счастья и надежд и вдохновений мирных».

Жизнь Лермонтова оборвалась неожиданно в возрасте 26 лет, 15 июля 1841 года. Жизнь Рафаэля оборвалась нежи-

данно в возрасте 37 лет, 6 апреля 1520 года. Остались для потомков – гордость Италии – Рафаэль – и гордость России – Лермонтов.

Впервые имя Рафаэля появляется у Лермонтова в стихотворении «Поэт» (1828 год) и повторяется в других ранних произведениях, где он вновь прибегает к сравнению «своего кумира» с мадоннами Рафаэля.

К счастью, удалось определить, какой именно образ рафаэлевской мадонны наиболее соответствовал этому сходству, подчеркивающему не только внешнее очарование героини лирики, воспетой им так рано. В стихотворении «Поэт» вторую часть его слов «*Таков поэт...*» он переписывает даже в «*утаённую именную тетрадь из мелких стихотворений*» (Москва, 1829 год). Но только теперь, спустя 160 лет, на обложке этой тетради удалось прочесть шифр, установлено имя вдохновительницы, и она, конечно, займёт своё место в биографии поэта. Это Софья Бахметева.

«*Как у Мадонны Рафаэля, её молчанье говорит...*» – писал он в другом стихотворении. В незавершённом романе «Вадим» описана дочь старого боярина: «*Женская розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля*». Героиню же стихотворения «*Девятый час уже темно...*» (1832 год) Лермонтов также сравнивал с «Мадонной» Рафаэля, но прибавлял к этому иную характеристику, отмечая её земные черты.

Прототипом этой Мадонны, по моему определению, явилась та же С. А. Бахметева, внебрачная дочь отца Лермонтова.

Напомним, что, работая в 1830 году над драмой «Испанцы», Лермонтов выяснял свою родословную, считая себя, своего отца и его дочь испанцами. Позднее были найдены документы, подтвердившие шотландскую родословную отца.

Вернёмся, однако, к рисунку так называемой «испанской монахини».

*Она была свежа, как розы Леля.
Она была похожа на портрет
Мадонны – и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали,
Глаза огнём неистовым пылали.*

Немало споров представлял женский акварельный портрет Лермонтова о предмете изображения. Утвердилось мнение, что это портрет В. А. Лопухиной в образе испанской монахини. Поэт изобразил не просто монахиню, на акварели – Лопухина в образе героини «Испанцев», о которой в драме сказано: «Эмилия входит бледная, в чёрном платье, в чёрном покрывале и с крестиком на груди своей». Мы выскажем другое мнение. Предположение о личности позволяет говорить о ракурсе изображения, заимствованной или вдохновленной работой Рафаэля «Мадонна Констабиле».

Взглянем на два произведения – акварель Лермонтова и картину Рафаэля. Мнение лермонтоведов об акварельном

портрете так называемой «испанской монахини» было опровергнуто мною и нашло подкрепление при новом взгляде на эрмитажный подлинник при сравнении его с репродукцией лермонтовской акварели.

Приводим мнение старшего научного сотрудника Эрмитажа Е. Ю. Варшавской: *«Сегодня, 6 июня 1991 года, я вела обзорную экскурсию по Эрмитажу для необычной группы – это были потомки Лермонтова. Интересной неожиданностью оказались наблюдения и соображения художника Л. Н. Шаталовой о двух изображениях работы Лермонтова. Первое из них – женский акварельный портрет, вызывавший немало споров о предмете изображения. Л. Н. Шаталова не только высказала предположение о личности запечатлённой, но и вполне убедительно предположила о том, что ракурс изображения заимствован или вдохновлён работой Рафаэля “Мадонна Констабиле”».*

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1993, №16. С. 3

Людмила Шаталова

**«Он перевёл на свой язык
рассказ таинственный»**

Но свету не передам я повесть эту.

Ценить он чувства не привык.

Редакция «Истринских вестей» полагает, что новые материалы, предложенные Людмилой Николаевной Шаталовой, нашим почётным гражданином, художником и лермонтоведом, с привлечением ею материалов немецкого поэта-переводчика и пропагандиста русской литературы в Германии Генриха Боденштедта будут интересны не только нашим читателям, но и немецким друзьям, которые, видимо, заинтересуются переизданием своего поэта с рисунками Лермонтова, найденными в его рукописях. Также нам в свою очередь хотелось бы знать больше о немецком поэте-переводчике.

Мы рады, что в контексте обнаруженного материала есть односюжетные рисунки Лермонтова на родине. Исследование продолжается, и автор надеется присоединить свои иконографические материалы и рисунки Лермонтова, что станет важным документом для характеристики истинного патриотизма великого поэта.

Боденштедт представляет и очень любопытный материал для пополнения биографии поэта. Об этом русские журналы умолчали. Фактов биографических в предисловии и послесловии Боденштедта к своему переводу немного, но где же это богатство фактов у нас, чтобы пренебрегать такими совпадениями?! Боденштедт знал Лермонтова лично. И притом настолько близко, что получил он него несколько в высшей степени любопытных стихотворений, неизвестных у нас. Представляется, что эти стихотворения станут предметом тщательного изучения.

Фриндрих Боденштедт «Поэтическое наследие Лермонтова» (послесловие), 1852 год:

– Немногие поэты сумели, подобно Лермонтову, остаться во всех обстоятельствах жизни верными искусству и самим себе. Выросший среди общества, где лицемерие и ложь считаются признаками хорошего тона, Лермонтов до последнего вздоха остался чужд всякой лжи и притворству.

Несмотря на то, что он много потерпел от ложных друзей, а тревожная кочевая жизнь не раз вырывала его из объятий истинной дружбы, он оставался неизменно верен своим друзь-

ям и в счастьяи, и в несчастьяи; но зато был непримирим в ненависти. А он имел право ненавидеть, имел его более, нежели кто-либо!

Вот причина того пылкого негодования, того бурного беспокойства во многих стихотворениях его, в которых отражаются – как в кипящем под грозою море, при свете молний, – и небо, и земля. Вот причина также и его раздражительности и желчи, которыми он в своей жизни часто отталкивал от себя лучших друзей и давал повод к дуэлям...

Не берусь решить, что именно подало повод к этой последней дуэли; неосторожные ли остроты и шутки Лермонтова, как говорят некоторые, вызвали её или, как утверждают другие, то, что противник его господин Мартынов принял на свой счёт некоторые намёки в романе «Герой нашего времени» и оскорбился ими, как касавшимися притом и его семейства.

В этом последнем смысле слышал я эту историю от секунданта Лермонтова, господина Глебова, который и закрыл глаза своему убитому другу. Очень вероятно, что Лермонтов обрисовавший себя немножко яркими красками в главном герое этого романа, списал с натуры и других действующих лиц, так что прототипам их нетрудно было узнать себя.

Чтобы дать хоть слабое понятие о том впечатлении, какое производила личность Лермонтова, я хочу рассказать о моих первых встречах с ним, насколько они сохранились у меня в памяти. К сожалению, мне редко удавалось вести правильный дневник во время моего пребывания в России.

Зимой 1840-1841 года в Москве, незадолго до последнего отъезда Лермонтова на Кавказ, в один пасмурный воскресный или праздничный день мне случилось обедать с Павлом Олсуфьевым, очень умным молодым человеком, во французском ресторане, который в то время усердно посещала знатная московская молодёжь.

Во время обеда к нам присоединились ещё несколько знакомых и, между прочим, один молодой князь замечательно красивой наружности и довольно ограниченного ума, но большой добряк. Он добродушно сносил все остроты, которые другие отпускали на его счёт. (Предполагалось, что это Васильчиков, так записал первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов.) По моему определению, это был А. А. Столыпин-Монго, о котором укоренилось безупречное мнение. Подобное воспоминание об этом человеке оставил и В. В. Боборыкин: *«Он говорил довольно плохо по-французски, хотел прослыть умным, для чего шумел и пьянствовал... В сущности это был красивый манекен мужчины с безжизненным лицом и глупым выражением глаз и уст, которые к тому же были косноязычны и нередко заикались. Он был глуп, сознавал это и скрывал свою глупость под маской пустоты и хвастовства...»*

В то время мне не исполнилось ещё двадцати двух лет, я был толстощёким юнцом, довольно неловким и сентиментальным, и больше слушал, чем участвовал в разговоре и, вероятно, казался несколько странным среди этой блестящей уже порядочно пожившей молодёжи.

«А, Михаил Юрьевич!» – вдруг вскричали двое-трое из моих собеседников при виде только что вошедшего молодого офицера, который слегка потрепал по плечу Олсуфьева, приветствовал молодого князя словами: «Ну, как поживаешь, умник!», – а остальное общество коротким: «Здравствуйте!» У вошедшего была гордая, непринуждённая осанка, средний рост и необычайная гибкость движений. Очевидно, он был одет не в парадную форму. У него на шее был небрежно повязан чёрный платок; военный сюртук без эполет был не нов и не доверху застёгнут, и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое бельё.

К сожалению, для меня его остроты оставались непонятными, так как он нарочно говорил по-русски и к тому же чрезвычайно быстро, чтобы следить за разговором. Я заметил только, что шпильки его часто переходили в личности; но получив несколько раз резкий отпор от Олсуфьева, он счёл за лучшее избирать мишенью своих шуток только молодого «князя» (Столыпина-Монго).

Некоторое время тот добродушно переносил остроты Лермонтова, но, наконец, и ему уже стало невмочь, и он с достоинством умерил его пыл, показав этим, что при всей ограниченности ума он порядочный человек. Казалось, Лермонтова искренне огорчило, что он обидел князя, друга его молодости, и он всеми силами старался примириться, в чём скоро и успел.

Я уже знал и любил тогда Лермонтова по собранию его стихотворений, вышедших в 1840 году, но в этот вечер он про-

извёл на меня невыгодное впечатление... Не далее как на следующий вечер я встретил его в гостиной госпожи Мамоновой, где он предстал передо мной в самом привлекательном свете, так как он вполне умел быть любезным. Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца, но это редко с ним случилось. В самых близких и дружественных отношениях находился он с остроумною графиней Ростопчиной, которой поэтому было бы легче всех дать верное представление о его характере.

Многие из соотечественников Лермонтова разделили его пророческую судьбу, но ни у одного страдания не вырвали столь драгоценных слёз, которые служили ему облегчением при жизни, а по смерти обвили венком славы его бледное чело.

Лермонтов имеет то общее с великими писателями всех времён, что творения его верно отражают его время со всеми его дурными и хорошими особенностями и всю его мудростью и глупостью и что они способствовали искоренению этих дурных особенностей и этой глупости.

Фриндрих Боденштедт «Воспоминания из моей жизни»:

– Через него (Павла Олсуфьева) я познакомился также с Лермонтовым, когда тот на своём последнем пути из Петербурга на Кавказ – в апреле 1841 года – уединившись в доме тётки, графини Мамоновой, провёл в Москве несколько дней.

Хотя он ещё не достиг тридцатилетнего возраста, но уже казался уставшим от жизни; он был среднего роста и ничем особенно не выделялся, если не считать высокого лба и больших,

печально сверкающих глаз. В то время был в продаже лишь небольшой томик его стихов, а другими стихотворениями, ходившими по рукам в списках, меня снабдил Павел Олсуфьев. Этот небольшой томик, изданный очень скромно, был вскоре раскуплен, и прошло продолжительное время, пока появилось новое издание (1842 год).

В августе 1841 года пришло известие о смерти Лермонтова; он был застрелен на дуэли 15 июля Мартыновым, товарищем по полку, на склоне горы Машук, вблизи Пятигорска. Газеты коротко сообщали только о смерти, умолчав о дуэли.

Писателю и переводчику Фридриху Боденштедту (1819-1892) принадлежит заслуга ознакомления немецкого читателя со многими произведениями русской литературы. Он перево-

Лермонтов на Кавказе. 1837 год. Коллаж Людмилы Шаталовой

дил Пушкина, Лермонтова, Козлова, повести Тургенева, украинские песни, статьи славянофилов.

У Боденштедта были обширные связи с русскими писателями. К числу литераторов, переписывающихся с ним и присылающих ему свои труды с личными посвящениями, принадлежат Тургенев, Герцен, Некрасов, А. Толстой, Тютчев, Вяземский, Полонский и другие. В 1863 году Московское общество любителей российской словесности избрало Боденштедта своим почётным членом.

В 1852 году Боденштедт издал двухтомник своих стихотворных переводов Лермонтова. В послесловии к этому изданию, а также в книге «Воспоминания из моей жизни» (1888) он рассказал о своих встречах с Лермонтовым.

«Произведения Лермонтова – его биография», – замечает Боденштедт. Мы мало знаем о Лермонтове. И если не за прямым ответом на этот вопрос, то за объяснением личного литературного характера Лермонтова не мешает обратиться к книге Боденштедта. Мы здесь привели не в полном объеме, но всё-таки прекрасную характеристику Лермонтова Боденштедтом. «Что внутренне возвышало его, было орудием против него извне. Но он не переставал чтить Бога, жившего в его сердце... Оскорблённый в том, что ему казалось светлым, в разладе со всем окружающим; преследуемый, когда начинал говорить; подозреваемый, когда молчал; окружённый со всех неприянью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, он мог вполне и беззаветно доверяться только поэзии и рисованию».

Людам нашего времени принесёт такую же пользу новое прочтение классики. Современник Лермонтова вспоминает, что, находясь в обществе блестящей военной молодежи, «...мы друг другу не сказали ни слова, но устремлённого на меня взора Михаила Юрьевича я до сих пор забыть не могу». Так и виделись в этом взоре впоследствии читанные мною его слова:

*Печально я гляжу на наше поколение, –
Грядущее его иль пусто иль темно...*

«Не скрою, что глубокий, пронизывающий душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни... горькие воспоминания о прошедшем...»

А. А. Столыпин (Монго) – официальный портрет (слева) и Столыпин-Монго – новое определение портрета «черкеса» Л. Шаталовой

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1993, №36. С. 3

Людмила Шаталова

**«Горные вершины»
поэзии Гёте и Лермонтова**

ВМоскве организован немецкий культурный центр имени Гёте, в программе которого запланированы семинары по искусству: в области кино, театра, литературы, музыки, изобразительного искусства, и открыта библиотека, где каждый желающий при предъявлении паспорта может пользоваться литературой на немецком языке.

Особенно важно и интересно рассказывает госпожа Дитрих, директор Гётевского центра, что в библиотеке есть стенд, где представлена литература о взаимоотношениях России и Германии на протяжении всей их истории.

Недавно в центре открылась выставка Александра Штеффеса, художник очень своеобразно интерпретирует произведения русской литературы: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Че-

хова, Тургенева. Рассказывая на открытии своей выставки о себе, он выразил огромную благодарность своему учителю литературы: *«Он был знатоком русской классики. Когда у меня только зародился интерес к русской классике, он посоветовал мне начать читать с Чехова. Я так и сделал. И нисколько не жалею об этом. Только читая Чехова можно по-настоящему понять русскую душу и русский характер!»* – сказал Александр Штеффес.

Нам, истринцам, дорог свой город, в котором существуют чеховские и лермонтовские места. Лермонтов мечтал и писал в 1830 году, посетив Воскресенск (нынешнюю Истру): *«Мой дух бессмертен силой – мой гений веки пролетит»*. С лермонтовским гением немцы знакомы первыми в зарубежье. В 1852 году вышла книга переводов Фридриха Боденштедта «Поэтическое наследие Лермонтова».

Немцы первыми ознакомились и с прославленной поэмой «Демон» (истоки которой в нашем городе), уже 1852 году она была напечатана в Берлине в переводе Ф. Боденштедта. Теперь лермонтоведам предстоит выяснить, откуда у немцев список этой поэмы, так как в России она не могла быть напечатана по цензурным соображениям. У нас возникло много вопросов, над которыми мы продолжаем работать, мы надеемся, что коллужим какие-то консультации в Гётевском культурном центре.

Хочется начать свой рассказ о гётевских сюжетах у Лермонтова, которые, видимо, его волновали и были ему близки. Кстати, на этой встрече с потомками поэта истринский вокальный

ансамбль под руководством Н. Зиминной исполнил «Горные вершины» Лермонтова, что доставило большое удовольствие слушателям.

В краеведческом музее Ново-Иерусалимского ансамбля была развернута моя выставка рисунков поэта, в которых прочитывается его биография.

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой
Не пылит дорога,
Не дрожат листы,
Подожди немного
Отдохнёшь и ты.*

*К. Горбунов. Портрет
М. Ю. Лермонтова
в армейском сюртуке
с шашкой. 1841 год*

Стихотворение «Из Гёте» – впервые опубликовано в 1840 году в «Отечественных записках» (том 11, №7). В сборнике 1840 года «Стихотворения М. Лермонтова» оно датированного этим же годом. Автограф не сохранился.

Поэт и переводчик Гёте А. Н. Струговщиков вспомнил о своём разговоре с Лермонтовым по поводу этого стихотворения. «На вопрос его (Лермонтова): не перевел ли я “Молитву путника” Гёте? – я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй – не достаёт мне её певучести и неуловимого ритма. –

А я, напротив, мог только вторую половину перевести, – сказал Лермонтов и тут же, по моей просьбе, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины»... Оно является вольным переводом стихотворения Гёте «Над всеми вершинами».

Случай или небрежность тех, в чьи руки попали рукописи или копии с них автора «Героя нашего времени», привели к тому, что с некоторыми из посмертных стихотворений знаменитого поэта приходится знакомиться только по переводу их на язык Шиллера и Гёте.

Но нам интересны и дороги поэтические переводы затерянных стихотворений Лермонтова. Также мы хотели бы шире ознакомиться с наследием немецких поэтов и художников, которые переводили наших классиков и которым так не хватало фактологических сведений о жизни и творчестве наших гениев: Пушкина, Лермонтова, Чехова...

Хорошо бы переиздать двухтомное издание Ф. Боденштедта, включив в него мои новые изыскания рисунков на полях рукописей Лермонтова, так как Боденштедт писал: «Произведения Лермонтова – это его биография».

Как вспоминал И. Головин («Записки», Лейпциг, 1859 год) современники иногда называли Лермонтова «русским Гёте», но это скорее указывало на меру его таланта.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1993, №79. С. 4

Софья Гумерова-Капралова

Лермонтов – это бесконечность

Да, бесконечность и вечность, и об этом напоминает нам Людмила Николаевна Шаталова на своих ежегодных выставках, в своих статьях в «Истринских вестях». Послушаем, о чём она говорит с посетителями на сей раз:

– Профессор и переводчик Фридрих Боденштедт приехал в Россию из Германии, и в 1841 году он, в то время служащий князя Голицина, видел в ресторане Лермонтова с его двоюродным братом Столыпным (Монго). Чужеземец, он понял и оценил русского поэта так, как его соотечественники ни понять, ни оценить тогда ещё не могли.

Именно Фридриху Боденштедту принадлежит высказывание о том, что Лермонтов обладал всеми недостатками его поколения, его общества, но таких достоинств, как у него, не было ни у кого.

Боденштедт опубликовал в своём переводе в 1852 году в Берлине двухтомник русской поэзии и прозы, куда в числе изданных к тому времени лермонтовских произведений вошли и девятнадцать неизвестных стихотворений поэта, которые, возможно, Боденштедт получил от друга Михаила Юрьевича – Глебова.

Огромная ценность этого двухтомника в том, что читатель знакомится со стихотворениями, подлинники которых утеряны. Переводчик утверждал, что вернул рукописи Глебову. Сам Глебов был убит в 1847 году, и выяснить, получил ли он назад рукописи, было невозможно. Это обстоятельство дало основание обвинять Боденштедта в подтасовке стихотворений Лермонтова.

Я выдвигаю гипотезу о том, что профессор – переводчик Фридрих Боденштедт – пользовался истинными материалами и более того, он имел одну из редакций знаменитой «Родины» («Люблю Отчизну я, но странною любовью»). На чём она строится? Первый биограф М. Ю. Лермонтова Висковатов, поистине совершивший подвиг, оставив нам достовернейшую биографию поэта, переводит с немецкого перевода Ф. Боденштедта «Родину». И вот что получается:

*За то, что Родину по-своему люблю я,
Не как они, своим умом живу я,
Они меня изменником клеймят
И ненавидят и бранят.*

Этот висковатовский перевод боденштедтовского Лермонтова позволяет проследить, как ищет поэт образ своей Родины, глубоко проникнув в его творческую лабораторию. Зная немецкий перевод, мы убеждаемся в проникновенных чувствах поэта, это важно ещё и потому, что Лермонтова обвиняли в отсутствии патриотизма. Теперь «Родина» признаётся одним из самых значительных произведений мировой лирики, и недаром Белинский считал его «пушкинским».

Остановимся здесь, потому что пересказать многочасовые беседы Людмилы Николаевны с посетителями невозможно, но они необычно познавательны, и увлекательны. Просто необходимо, чтобы в музее была постоянная экспозиция нашей землячки! Хотелось, чтобы городские власти решили с музеем этот вопрос положительно. На последней выставке, как вы поняли, много нового, и к переводам Висковатова с Боденштедта Шаталова нашла рисунки поэта.

Многие истринцы помнят портрет Лермонтова работы Шаталовой «Выхожу один я на дорогу». На выставке два новых портрета, и они кажутся художнице очень удачными, но создавая их, она не пользовалась никакими существующими известными портретами поэта – Лермонтов Шаталовой исполнен её воображением.

Пора познакомить читателей с посетителями выставки, а среди них сегодня представители рода Лермонтовых Игорь Васильевич Воронов из Москвы, Джозефина Лермонт из Лондона, Наталья Чирко (Женева), Юрий Владимирович Тыжнов

(Зеленоград) – активные участники созданного на базе Середникова, где провёл юношеские годы великий поэт, Национального Лермонтовского центра. С Середникова начались прогулки в Воскресенск (Истру) молодого Лермонтова, и с помощью Людмилы Николаевны будут развиваться лермонтовские маршруты в Подмосковье. Л. Н. Шаталова – предсказатель, и помогают ей в этом рисунки самого поэта и его поэзия.

Преподаватель русского языка и литературы педагогического училища Валентина Владимировна Иноземцева вручила художнице цветы, поблагодарила за неиссякаемый огонь души и рассказала о том, как помогают исследования нашей землячки доносить до студентов удивительный мир русской культуры.

А как прекрасно читал Александр Осмоловский, известный актёр, из Лермонтова; и он и Людмила Николаевна признались, что творчество друг друга помогает им в работе, а кусочек из «Нет, я не Байрон» («...кто? Толпе мои расскажет думы? Я или Бог или никто») прозвучал вещь и все согласились, что думы поэта открывает Шаталова...

Мне удалось поближе познакомиться с Натальей Борисовной Чирко, специалистом в области международного трудового права. По роду деятельности она много лет была связана с Организацией Объединенных Наций. Занималась проблемами дискриминации в области трудового права, и особенно много критики было в адрес бывшего Союза, который ратифицировал Конвенцию о международном трудовом праве, но не

выполнял её на деле (яркий пример этого: женщины – дорожные рабочие).

Конечно же, интересно узнать, от каких ветвей рода происходит Наталья Борисовна Чирко? Мать её мужа была Алла Михайловна Лермонтова и по этой линии дочь и сын нашей гостьи – Лермонтовы. Сама Наталья Борисовна – урождённая Жданова, а род Ждановых происходит от татарина Аслана Челябинского Мурзы, перешедшего на службу Дмитрию Донскому и принявшего православие. У него было пять сыновей, от которых пошли Ждановы, Достоевские и Арсеньевы. А мать поэта – Арсеньева. Поэтому, смеясь, Наталья Борисовна говорит о себе: *«Я не только сбоку припёка»*.

Потомки рода Лермонтовых с представителями администрации и общественности Истринского района. 1993 год

Она пересняла для Людмилы Николаевны Шаталовой несколько копий со знаменитых альбомов подруги Лермонтова Сашеньки Верещагиной в отделе рукописей великих людей Колумбийского университета. Помогла ей в этом профессор Колумбийского университета Литковская.

Л. Н. Шаталова благодарна за эту помощь, потому что в альбомах есть восемнадцать первых вариантов известных стихотворений, и некоторые рисунки даже не известны российскому читателю, так как в своё время Андроников не сумел издать эти альбомы полностью, это было очень дорого. Наталья Борисовна испытала необычайное волнение, прикоснувшись к подлинным рукописям и рисункам своего предка, рисунки поразили её выраженным сарказмом и иронией.

Художница ждёт на выставку всех, кому близко творчество великого русского поэта. Она работает в красном корпусе за территорией музея.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1994, №155-156. С. 2

Людмила Шаталова

Лермонтов в чеченском отряде

Наследие Лермонтова, изучается впервые комплексно. Они неразрывно связаны сравнительным анализом: текст и рисунок. Это дало возможность узнать о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова много интересного и поучительного.

В нашем подмосковном городе хранится живая память о посещении поэтом Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Об этом наша газета уже писала. А сегодня рассказ о его позднем творчестве, в частности, обратимся к изображению Кавказской войны, где Лермонтов, отказавшись от «панорамных» батальных сцен, показал бой с точки зрения рядового участника.

Здесь вы видите, возможно, впервые (на рисунке Лермонтова), сцену Валерикского сражения. Стихотворный комментарий к ней показал гуманизм автора:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?..*

Сравнение описания сражения в «Журнале военных действий» со стихотворением «Валерик» показывает, как точно, вплоть до отдельных деталей, воспроизводил Лермонтов картину боя. То же – в стихотворении «Завещание», датированном концом 1840 года; в это время Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

Много разных дорог изъездил Лермонтов. Исследованы уже многие адреса Подмосковья, уточнилось их значение, адреса и упоминания в лермонтовских стихах, прозе и графике. Но мало что известно о тех дорогах Кавказа, где происходили кровавые стычки... Их видел Лермонтов. И писал о Чечне... Не это ли происходит и сегодня?..

На рисунке вы видите, как выполняется горский обычай, считавший большим позором оставлять в руках неприятеля тела своих убитых. Русские тоже придерживались этого обычая, выходя из дела в лесах Чечни и в горах Дагестана, они теряли всегда значительное число людей. Для того, чтобы вынести раненого или труп убитого, который оспаривали горцы, они всегда теряли без нужды несколько своих.

За дуэль с французским послом Эрнестом де Барантом Лермонтов был выслан из Петербурга на Кавказ. Хотя эта дуэль окончилась примирением противников, мерой наказания для поэта Николай I избрал самый опасный участок, где действовал Тенгинский полк. 10 июня Лермонтов прибыл в Ставрополь, где готовился большой поход против Шамиля.

Тут оказалось много офицеров, прибывших из разных полков. Офицеры были заняты приготовлением экипировки и оружия, поисками выносливых лошадей, всякий из них надеялся отличиться в сражениях. Штаб Тенгинского полка находился в Тифлисе, и Лермонтов должен был явиться в назначенный ему полк, однако он воспользовался советом проситься в действующий отряд в качестве штабного офицера при командующем – генерал-адъютанте П. Х. Граббе. Такой совет дал ему бывший командир лейб-гвардии гусарского полка, в то время наказной атаман войска донского Михаил Григорьевич Хомутов, снабдив его письмом к Граббе.

Итак, Лермонтов предпочёл более свободную деятельность в отряде Галафеева. Так было, в частности, с Лермонтовым в бою на реке Валерик... Месяцы, проведённые на Кавказе, сыграли большую роль в оформлении мировоззрения поэта, в становлении его творчества и особого индивидуального метода отображения действительности, как в поэзии так и в прозе, изобразительном мастерстве. К тому же усилилась его неудовлетворённость военной службой, созрело решение выйти в отставку и посвятить себя исключительно литературной деятель-

ности. Он был назначен для наблюдения за штурмовой колонной и должен был действовать в её составе. Обладая мужеством, хорошим кругозором, решительностью и пониманием обстановки, Лермонтов проявил себя инициативным офицером. С 6 по 14 июля отряд действовал в Малой Чечне по маршруту: Грозный, Чах-Герн, Ахшпатоу, Урус-Мантан, Гехн, Валерик, затем Казах-Кичу, Грозная.

В стихотворении, созданном по материалам этой экспедиции, описано действие отряда и сказано: «Все офицеры впереди...» Зато кончается это поэтическое реалистическое послание осуждением человека-завоевателя...

«Валерик» – одно из самых объективных по материалу стихотворений позднего Лермонтова, и в то же время, как и в ранние годы, – одно из свидетельств того, что Лермонтов исходил всегда из фактов жизни, его видение мира пронизано лиризмом и субъективностью. Белинский отмечал это, как одну из замечательных черт его таланта, многостороннего, кстати. То же можно говорить и о батальном рисунке, который вы здесь увидите своими глазами и оцените его *«мощную способность смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, и его отвращение приукрашивать их»*.

Стихотворение и картина участника боя, где трагизм противоречия между исторической необходимостью присоединения Кавказа к России, и методами, с помощью которых оно осуществлялось, отразился на многих произведениях Лермонтова.

Невольно стихотворение Лермонтова становится развернутым описанием походной жизни и военных действий на Кавказе, того кровопролития, которое было в бою на реке Валерик 11 июня 1840 года, когда сражались отряд Галафеева и чеченцы. Обе стороны понесли тяжёлые потери, но существенного военного успеха достигнуто не было. Прочтите стихотворение «Валерик», и вы это поймёте...

А ещё есть письмо Лермонтова своему старому другу Алексею Лопухину. Он пишет: *«Крепость Грозная, 16-26 октября 1840 года. Милый Алёша! Пищу тебе из крепости Грозная, в которую мы отрядом возвратились после 20-дневной экспедиции по Чечне... Мне тебе нечего много писать: жизнь здесь вне войны однообразна, а описывать экспедиции не велят... Может быть, когда-нибудь засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем...»*

А вот ещё одно письмо А. А. Лопухину, из Пятигорска: *«...Одно довольно жаркое дело, которое продолжалось 6 часов к ряду. Нас было всего 2000 человек пехоты, а их до 6000. И всё время дрались штыками; у нас убило 30 офицеров и до 300 раненых, а их 600 тел осталось на месте, – кажется хорошо! Но вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дел ещё пахло кровью... Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод, где лечился, в отряд в Чечню».*

Свои чувства Лермонтов передаёт и в акварели «Эпизод из сражения при Валерике», которая выполнена им совместно с

художником Гагариным, который раскрасил рисунок поэта. Мы чувствуем весь трагизм, переданный авторами рисунка. Он в том, что горские племена (к которым и поэт, и художник относятся с уважением и любовью) и русские солдаты вынуждены убивать друг друга, вместо того, чтобы жить в мире и согласии. Лермонтов размышляет о бессмысленности бесконечной напрасной вражды, о том, что война и кровопролитие враждебны лучшему в человеческом естестве *«вечно гордой и спокойной жизни природы»*...

Читаешь эти строки и невольно задумываешься о современности и трагических событиях в Чечне, происходящих полтора века спустя...

*М. Лермонтов. Эпизод сражения при Валерике. 1840 год.
Бумага, акварель, раскрашено Г. Г. Гагариным. Русский музей*

Газета
РОССИЙСКАЯ **ГАЗЕТА**

1995, №74-75. С. 6

Елена Фадичева, Людмила Шаталова

**«Картины военной жизни,
которых я был свидетель»**

Знакомство Лермонтова с Кавказом началось ещё в детстве. Для укрепления здоровья внука бабушка Елизавета Алексеевна возила его в 1820 и 1825 годах в Горячеводск (Пятигорск) к сестре. Екатерина Алексеевна (сестра бабушки) была вдовой кавказского генерал-майора А. В. Хастатова и жила после его смерти в имении Шёлковое, расположенном в непосредственной близости от линии кавказского фронта. Здесь началось влияние на впечатлительного мальчика Лермонтова природы Кавказа, её жителей. Здесь впервые он услышал рассказы о жизни и сражениях русских на Кавказе. И уже тогда Миша Лермонтов обнаружил способность к рисованию.

Детство и отрочество поэта были наполнены рассказами о военных сражениях, участниками которых были многие из

родни, поскольку со стороны бабушки – Столыпиных – все мужчины были военные. Общение с двоюродными дедами не могло не сказаться на формировании характера и наклонностей юного Мишеля. Отец поэта тоже был военным. Так что не случайно Михаил Юрьевич избирает военное поприще. В 1832 году он зачислен в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в чине унтер-офицера лейб-гвардии гусарского полка, которую оканчивает в 1834 году в чине корнета того же полка. В то время он написал в письме к Марии Лопухиной: *«Если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди...»* Недолгая военная карьера Лермонтова, ведомая обстоятельствами, тесно связана с Кавказом. Он глубоко полюбил этот край. Как писал Белинский, *«поэт заплатил полную дань великолепной стране, поразившей лучшими, благороднейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же, как он был поэтической колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов...»*

В 1837 году корнет Лермонтов был сослан на Кавказ за стихи «Смерть Поэта». Он встретил здесь новых знакомых и друзей, среди которых сосланные на Кавказ декабристы. Первая ссылка – это наблюдение за жизнью простых солдат и офицеров в обстановке продолжительной Кавказской войны, накопление впечатлений о Кавказе, результатом чего становятся прекрасные литературные произведения и рисунки поэта.

В этот период Нижегородский драгунский полк, в который был направлен Лермонтов, проводил рекогносцировку Главного Кавказского хребта и не участвовал, в боевых действиях. Лермонтов по прибытии после лечения в Пятигорске был направлен в часть, несущую наблюдение за Шимахой. Он много ездит. Интересны его письма к родным и друзьям за этот период. Так, он пишет другу Святославу Раевскому: *«Я в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом, изъездил Линию всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шимахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами... Здесь, кроме войны, службы нету... Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию...»*

Эта ссылка сыграла большую роль в формировании мировоззрения поэта. Он почувствовал в себе желание расстаться с военной службой, чтобы целиком заняться литературой. В том же письме Раевскому он сообщает: *«Скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьёзно думаю выйти в отставку»*. Речь идёт о предстоящем переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, квартировавшийся недалеко от Новгорода. В этом полку поэт прослужил всего около трех месяцев, но успел познакомиться с сослуживцами Михаила Лунина, так как попал в тот эскадрон, которым командовал ранее декабрист.

Получив *«всемилоостивейшее совершенное прощение»* государя императора, благодаря стараниям бабушки, корнет Лер-

монтов в мае 1838 года вернулся в свой лейб-гвардии гусарский полк в Царское Село. В 1839 году Лермонтов уже поручик, но думает серьёзно об отставке.

Однако весна 1840 года принесла новые неприятности. Дуэль с де Барантом привела к суровому приговору Николая I – второй ссылке на Кавказ. На этот раз поэт был переведён в Тенгинский пехотный полк, который вёл боевые действия на наиболее опасных участках Кавказской войны. Передовую линию планировалось отодвинуть к югу. На правом фланге линии операция была поручена отрядам Засса и Раевского, на левом – чеченскому отряду генерала Галафеева. Но русские отряды опоздали. Предводитель горцев Шамиль успел распространить своё влияние на всю Чечню и даже за её пределами. В связи с этим операции русских войск носили скорее не наступательный, а карательный характер.

Лермонтов сам попросился зачислить его в отряд Галафеева, где получил должность адъютанта. Ему вменялось в обязанность наблюдение и донесение о действиях штурмовой колонны отряда, в случае необходимости – самому участвовать в боях. Для выполнения этого задания требовались высокие качества: хорошие знания, кругозор, решительность, мужество, смекалка. Служба Лермонтова по тем временам считалась более опасной, чем действия в строю.

Главным форпостом командования русских войск на левом фланге кавказского фронта считалась крепость Грозная. Состоявшая из земляного вала и рва, она была построена в 1818

году генералом Ермоловым и должна была держать в подчинении всю Чечню. Чеченская земля, благодатный и плодородный край, покрытый густыми лесами и пересечённый множеством горных рек. Чеченцы – гордый и сильный народ, свято оберегавший свою родину. Об этом пишет Татьяна Иванова в своей книге «Лермонтов на Кавказе»: *«Они следили за каждым шагом противника, хорошо зная местность, умели использовать её для обороны, устраивали засады по пути движения русских колонн, внезапно нападали и также быстро скрывались в чащах своих лесов. Узнав о приближении русских, они прятали стариков, женщин и детей в непроходимых дебрях, в плен не сдавались, уносили тела убитых и до последней капли крови защищали свой родной край. Русским войскам приходилось вести здесь самую трудную лесную войну. Враг был невидим, а между тем каждое дерево, каждый куст грозил смертью...»*

Весной 1840 года соединенные силы Чечни и Дагестана угрожали Грозной. К ней были стянуты русские отряды. В стихотворении «Валерик» Лермонтов говорит об этом:

*...Нам был обещан бой жестокий,
Из гор Ичкерии далёкой
Уже в Чечню на братный зов
Толпы стекались удальцов.*

Отряд Галафеева вышел из Грозной в Малую Чечню на войну с Шамилем в начале июля. Одновременно проводились ка-

рательные меры: сжигались аулы, вытаптывались поля. Лермонтов не одобрял этих методов и уклонялся от карательных действий. В свободные минуты он записывал строки возникающих в уме стихов и делал зарисовки отдельных сцен.

11 июля отряд подошёл к речке Валерик и наткнулся на завалы, устроенные чеченцами. Вместо того чтобы мчаться с донесениями об этом к командиру, Лермонтов выхватил шашку и бросился в гущу сражения вместе со штурмовиками. Здесь и произошла кровавая битва, которую без прикрас отразил поэт в стихотворении «Валерик». Он же сам и проиллюстрировал это произведение. Поэтический слог ещё более отражает жестокость бойни, очевидцем и участником которой стал поэт:

...Здесьние полки.

*Народ испытанный. «В штыки,
Дружнее!» – раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчались на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь
Ручей телами запрудили...*

Если сравнить лермонтовский «Валерик» с описанием сражения в «Журнале военных действий», то поражает объективность стихотворения, отразившего картину боя вплоть до отдельных деталей. Позднее в письме к Алексею Лопухину из Пятигорска Лермонтов пишет: *«Одно довольно жаркое дело... продолжалось шесть часов кряду. Нас было всего 2000 человек пехоты, а их до 6000. И всё время дрались штыками. У нас убило 30 офицеров и до 300 раненых, а их 600 тел осталось на месте... час после дела ещё пахло кровью».*

После этого похода, который не принёс существенного успеха в войне, поэт продолжал участвовать в дальнейших операциях отряда Галафеева. Он принял командование отрядом Руфина Дорохова, который был ранен. Эта «лермонтовская сотня» отличалась боевыми подвигами, а её командир, по словам главнокомандующего Голицына, *«был всегда первый на коне и последний на отдыхе».* Голицын представил Лермонтова к золотой сабле «За храбрость». Затем был очередной поход в Малую Чечню, и снова бой на реке Валерик, и ряд других походов. Везде Лермонтов проявил себя инициативным и бесстрашным офицером, полностью подтверждая данное в юности обещание *«быть впереди».* В одном из писем к другу Алексею Лопухину поэт пишет из Грозной: *«Может быть, когда-нибудь засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем...»* Трижды представляли его командиры к боевым наградам, но он не получил ни

одной. По царской милости ему не суждено было получить даже отставки, ибо царь не велел отпускать Лермонтова от «фронта» в Тенгинском полку. Побывав в недолгом отпуске в Петербурге и Москве, Лермонтов в начале 1841 года снова на Кавказе. Но судьбой ему было уготовано умереть не от пули или кинжала горца, а от пули русского офицера на дуэли.

Да, поэт убит на любимом им Кавказе, который он изучил и понял историческую трагедию его жителей. Подавляющее большинство литературных произведений (да и рисунков) либо непосредственно посвящены Кавказу, либо так или иначе связаны с ним. Поэт с большим уважением относился к свободолюбивым горским племенам Кавказа, войну России с ними он глубоко переживал. В том же «Валерике» он размышляет:

*...И с грустью тайной и серьёзной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет... небо ясно
Под небом места много всем,
Но непрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»*

В этом отрывке много философского смысла: более полутора века назад поэт говорил о тщете войн между людьми и призывал к миру, к взаимному пониманию. Если бы каждый задумывался об этом, не было бы бессмысленных жертв, в числе которых оказался и сам Лермонтов.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1995, №74-75. С. 6

Людмила Шаталова

Прикасаясь к лермонтовскому наследию

«Монастырские преданья о жизни девы молодой»
(Поэма «Демон», август 1830 года)

Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь занимает важное место в творчестве М. Ю. Лермонтова. Посещение этих святых мест в 1830 году стало глубоким источником, питавшим его творчество на протяжении многих лет. Достаточно вспомнить поэмы «Исповедь», «Демон», «Мцыри», юношеский роман «Вадим» и многолетнюю графику Лермонтова, тесно связанную с текстами и портретами поэта.

На истринской земле дорожат памятью о посещении великим поэтом Воскресенска (ныне Истры). В этом году на праздник города Истры были приглашены гости из Германии, а в городской библиотеке открылась (по традиции в День города)

выставка «Лермонтовское поэтическое и графическое наследие» с привлечением мною мемуарных материалов немецкого писателя-переводчика Фридриха Боденштедта – самого первого биографа русского поэта.

Уже в 1852 году в Берлине вышел двухтомник «Поэтическое наследие Лермонтова». О Лермонтове Боденштедт рассказал в двух своих книгах: в «Послесловии...» к двухтомнику переводов (1852 год) и в «Воспоминаниях...» (1888 год).

Двухтомник 1852 года – первое собрание сочинений Лермонтова на иностранном языке. В этом издании помещены 19 стихотворений, русские оригиналы которых неизвестны. Мне представляется наиболее удачным обратный стихотворный перевод нашего биографа П. А. Висковатова, об этом я собрала интересные материалы и поделюсь ими с читателями в своей будущей книге о Лермонтове, покажу их зрителям при встрече с ними на своей выставке в библиотеке.

Михаил Лермонтов и Фридрих Боденштедт

Книги Фридриха Боденштедта (1819-1892) о России и переводы на немецкий язык Пушкина, Козлова, Тургенева и, в особенности, Лермонтова сыграли важную роль в ознакомлении немецкого читателя с русской культурой.

Боденштедт приехал в Москву в 1840 году в качестве учителя немецкого языка в дом князя М. Н. Голицына на Тверской улице, а в 1841 году познакомился с Лермонтовым, встретив

его впервые в кругу «знатной московской молодёжи», послужившей поэту наглядным материалом при создании собирательного образа «героев» времени.

Интересно, что, по воспоминаниям Боденштедта, «во время обеда во французском ресторане к ним присоединилось ещё несколько знакомых и один из них замечательно красивой наружности и довольно ограниченного ума, но большой добряк. Михаил Юрьевич избрал мишенью своих шуток только молодого красавца, которого именовал “князем”».

По описанию немецкого поэта я признала в нём облик Алексея Аркадьевича Столыпина (получившего от Лермонтова прозвище по имени собаки Столыпина «Монго»), одного из будущих персонажей творчества поэта.

«Лермонтов имеет то общее с великими писателями всех времён, что творения его верно отражают его время со всеми его дурными и хорошими особенностями и всю его мудростью и глупостью и что они способствовали искоренению этих дурных особенностей и этой глупости» (из послесловия Боденштедта к переводу стихотворений Лермонтова).

«Произведения Лермонтова – его биография», – замечает переводчик. А мы считаем, что и книги переводов Боденштедта могут служить материалом к биографии нашего поэта. Если не за прямым ответом на этот вопрос, то за объяснением личного и литературного характера Лермонтова не мешает обратиться к книге Боденштедта с его беспристрастной характеристикой Лермонтова.

«Что внутренне возвышало его, было оружием против него извне. Но он не переставал чтить Бога, жившего в его сердце. ...Оскорблённый в том, что ему казалось светлым, в разладе со всем окружающим; преследуемый, когда начинал говорить; подозреваемый, когда молчал; окружённый со всех сторон неприязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, он мог вполне беззаветно доверяться только поэзии и рисованию».

Истринцам дорого всё, что относится к Лермонтову, нам дорог наш город, в котором существуют лермонтовские и чеховские места, так же, как немецкому народу дорого памятное место в Висбадене, где в 1894 году установлен памятник Фридриху Боденштедту (скульптор Бервальд).

Очень хотелось, чтобы в Германии был переиздан двухтомник переводов Боденштедта «Поэтическое наследие Лермонтова», изданный впервые ещё в 1852 году. Можно было бы проиллюстрировать его расшифрованными рисунками поэта.

Известно, что Лермонтов поступил в 1828 году в Пансион, а в 1830-1832 годах учился в университете. Жил он с бабушкой Е. А. Арсеньевой сначала на Поварской, затем на Малой Молчановке. В ныне сохранившемся доме открыт музей Лермонтова. В прошлом году перед домом в маленьком скверике был открыт памятник М. Ю. Лермонтову к его 180-летию (скульптор А. Н. Бурганов, народный художник России).

Я уже писала о 19 стихотворениях, помещённых Боденштедтом в двухтомном издании переводов из Лермонтова, рус-

ские оригиналы которых неизвестны. Надеюсь, мне удастся издать обратные переводы, сделанные биографом Лермонтова П. А. Висковатовым, с рисунками, расшифрованными мною в рукописях поэта.

О кавказском творчестве Лермонтова Боденштедт писал: *«Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которых можно бы живее и вернее познакомиться с характеристической природой этих гор и их жителей, нежели из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова».*

«Он перевёл на свой язык рассказ таинственный»

Почему одну из редакций «Демона», созданную Лермонтовым в Воскресенском монастыре на основе «*монастырского предания*», мы связываем с немецким переводчиком Боденштедтом? А потому, что именно Боденштедт в своём издании 1852 года впервые опубликовал запрещённую в России поэму «Демон», одно из центральных произведений Лермонтова, к работе над которой поэт возвращался в течение почти всей своей жизни (1829-1839). «Демон» относится к самым противоречивым произведениям Лермонтова. Истоки замысла этой поэмы родились на подмосковной земле, а во вторую редакцию, начатую в начале 1830 года, Лермонтов включил в несколько переработанном виде двухчастное стихотворение, написанное в Воскресенске, сделав монастырь литературной топографией поэмы.

Фридрих Боденштедт.
Гравюра на дереве
И. И. Хелмицкого.
1892 год

Исследователи считают, что первым было издание поэмы в городе Карлсруэ в 1856 году (28 экземпляров для раздачи «высоким особам» по копии А. Н. Философова – мужа А. Г. Столыпина). Изучение творческой истории этой поэмы ещё не завершено. Также мало известна биография её творца. Поэтому материалы Ф. Боденштедта могут очень помочь выяснению многих спорных вопросов.

Как рассказали портреты, в монастыре вместе с Лермонтовым была его приятельница с детских лет, воспитанница семьи Г. Д. и Н. А. Стольпиных – Софья Александровна Бахметева. В 1830 году она гостила вместе с Лермонтовыми в Середникове и была его первой тайной любовью. «Навек мы с ней разлучены судьбою», – писал Лермонтов о ней другу Д. Дурнову, не называя её имени. Но именно она стала героиней юношеской лирики, драм, прозы (роман «Вадим»), первых редакций поэмы «Демон» и, конечно, графики поэта. В 1829 году он встречал её у «тётушки-старушки Натальи» и её дочери Анны Столыпина в Сходне близ Середникова, где они снимали дом у княгини Куракиной.

Впоследствии Лермонтов использовал свои ранние черновики, отдельные наброски для создания персонажей, идя от портретов к образу.

Вспоминал он посещение монастыря и в последний год жизни. Так, в кавказском походном альбоме 1841 года рисунок, условно названный им «Магнетизм взгляда, или Действие кошелька» (надпись на французском языке), мною определён как сложный драматический сюжет (может быть, биографический), происходящий в интерьере под сводами Воскресенского монастыря.

В 1984 году исполком Истринского горсовета принимал решение об установлении памятного знака в честь посещения Лермонтовым нашего города. Мне кажется, можно вспомнить об этом добром решении и довести его до конца. Город украсит портрет поэта, удостоившего посещением наши места и увековечившего их в своих творениях. Думаю, неплохо было бы также найти постоянное место для моей выставки о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова, которую я подарила городу.

*У памятника Лермонтову
в Москве исследователи
жизни и творчества поэта –
Л. Шаталова и Г. Абрамов*

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №91-92. С. 7

Людмила Шаталова

«Стрелялись мы»

Отмечая 157-летие печальной даты – дуэли Михаила Юрьевича Лермонтова с Мартыновым, напомним, что вторичная ссылка поэта на Кавказ в 1840 году последовала из-за дуэли с сыном французского посла де Баранта. По мнению Е. П. Ростопчиной (в письме к А. Дюма): *«Несколько успехов Лермонтова у женщин и салонное волокитство Эрнеста де Баранта вызвали вновь спор о смерти Пушкина, он и был причиной столкновения между ним и сыном французского посланника, последствием спора была дуэль, и в очень короткое время – вторая между русским и французом».*

Светские восторги героем Дантесом, и словесное унижение его противника-жертвы (Пушкина) в 1837 году, и человеческая обида за честь русских Поэтов совпали с поэтическим дебютом Лермонтова, вскоре дополненным обличавшими моральных

убийц Пушкина шестнадцатью стихами и портретным рисунком неизвестного автора из сослуживцев Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку.

Лермонтов сделал шаг вперёд из лейб-гвардии гусарского строя, подал свой глубокий, независимый голос. Возникла Личность, возникли Принципы, за которые поэт всю свою недолгую жизнь сражался против заурядности, недоброжелательности, бездуховности. Судьба так распорядилась, что и Мартынов – противник в дуэли Лермонтова, был в то время сослуживцем Дантеса, убившего Пушкина. Известно, что все кавалергарды были за Дантеса, и Мартынов в их числе, а также гусары лейб-гвардии полка, родственники Лермонтова братья Столыпина.

Мне хочется привести здесь «Слово о Пушкине», сказанное пушкинистом Н. Эдельманом в журнале «Новый мир» за 1987 год к 150-летию со дня гибели Пушкина. *«Поразительно, сколь точно и мудро понял всё это Лермонтов. В его стихах, посвящённых гибели поэта, нет ни малейшего намёка на вину жены Пушкина. Пушкин – “невольник чести”, его душа не вынесла позора “мелочных обид”. Стихи Лермонтова гениально выразили этот порыв, горестный возглас общества о Пушкине и, главное, о самих себе».*

Итак, с 1834 года (лета) ситуация чревата гибелью. Это происходит совершенно независимо от каких-либо семейных неприятностей Пушкина: отношения с женой хорошие, добрые, рождаются дети. Разве что долги растут (но это фон событий).

Дело не в Дантесе, хотя трагедия начинается по чисто случайному совпадению, когда француз появляется в России. Не ревность, не Дантес, в конце концов, и не царь. Ни он, ни Бенкендорф, ни другие отнюдь не имели сознательной цели погубить Поэта. Всё это они делали произвольно, губили просто самим фактом своего социального существования. Но *«без политической свободы жить очень можно, без чести, достоинства нельзя дышать»* (Пушкин в письме к жене). А Александр Блок был уверен: *«Пушкина убила не пуля Дантеса, его убило отсутствие воздуха, воздуха не было ни во дворце, ни за его пределами»*. В 1836 году – три столкновения, которые легко могли перейти в дуэль... С ноября 1836 года – не ревность, а честь, о чём свидетельствуют другие строки, письма Пушкина к жене: *«Христом Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так ли? Хорошо, коли я проживу ещё лет 25, а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, что скажет Машка, а, в особенности Сашка. Утешения им мало будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах»*.

Читатель, которому знакомы биографии Пушкина и Лермонтова, с особым чувством читает их произведения, внимательно разглядывает лица, изображённые ими на рисунках, совершенно верно предполагая, что эти рисунки связаны с судьбой каждого из поэтов. Наши гениальные поэты были прекрасными портретистами-психологами. Взгляните на их рисунки. Повествуя о конкретных лицах (древнеримском ли

поэте, легендарном мусульманском поэте, даже в библейских сюжетах), они изображали на рукописях автопортреты или зарисовки лиц своих современников.

Например, в 1821 году, находя свою участь изгнанника схожей с судьбой Овидия, Пушкин проводит параллель между своим положением и печальной участью Овидия:

*Суровый славянин, я слёз не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья...
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придёт искать в стране сей отдалённой
Близ праха славного мой след уединённый...
Как ты, враждующей покорствуя судьбе
Не славой, участью я равен был тебе
Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.*

И иллюстрирует стихотворение портретами людей, с которыми он познакомился в Кишинёвской ссылке. Изобразительное наследие Лермонтова долго лежало под спудом. За первые 150 лет, протёкших после его гибели в печати появилось лишь

четыре живописные работы, первая – «Воспоминание о Кавказе». Вторым был лист, испещрённый рисунками – сюжетными сценками, только недавно определёнными как эпизоды родословной Лермонтовых-Столыпиных (по материнской линии). Не буду утомлять вас исследовательскими рассказами, а предлагаю взглянуть на акварели поэта.

Пятилетний период жизни Михаила Лермонтова в Москве (с 1827 по 1832 год) был временем его становления не только как поэта, начинающего драматурга, прозаика, но и как художника-портретиста. Несомненно, что важное значение для него

М. Ю. Лермонтов. Воспоминание о Кавказе

имела та среда, в которой он оказался в Москве (появляются конкретные люди, во многом повлиявшие на развитие его интересов и формирование мировоззрения), и то, что это время совпало с московским периодом жизни Пушкина: первые опыты 1828 года связаны с перепиской его «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», а Лермонтов в 1829 году начал работу над поэмами «Демон», «Две невольницы», «Два брата» и многим другим, касаясь всех сюжетов Пушкина.

О московском и подмосковном периодах летних вакаций Лермонтова написано много, но далеко не полно оказались использованы даже те источники, которыми пользовались его биографы и исследователи. К числу этих источников относятся исповедные книги, составлявшиеся накануне пасхальных праздников в церковных приходах и содержащие сведения о жильцах православного исповедования по каждому дому. Рукописные списки книг сохранились в Государственном архиве до нашего времени. Здесь-то и обнаружил Е. Н. Мачульский, поместивший материалы из исповедных книг в «Московском журнале» (№82, 1997 год), сведения об окружении Лермонтова и о некоторых деталях быта этих людей. Сведения оказались для меня, художника-исследователя, чрезвычайно важными для определения лиц, изображённых Лермонтовым «с природы», то есть натуры, и до сих пор остававшихся неизвестными или неверно названными.

Особенно меня заинтриговали портреты московского периода, на которых многократно повторено изображение офи-

цера в мундире лейб-гвардии гусарского полка, эти же портреты встречаются и в «юнкерской тетради» – в дуэльной группе Лермонтов и его соперники в 1834 году, среди них тот самый офицер, его же лицо изображено на черновой рукописи «Смерть поэта» (январь-февраль 1837 года). Я опознала в нём А. Г. Столыпина.

О том, что Алексей Григорьевич Столыпин появился в Москве в 1829 году, не было никаких доказательств и только недавно мне удалось получить свидетельство из военного архива, что А. Г. Столыпин, уроженец Московской губернии 1806 года, вышел в отставку в чине штаб-ротмистра в 1830 году, а в 1833 году подал прошение о приёме его в свой полк, где служил ранее. Есть документ, подтверждающий, что просьба его была удовлетворена.

Известно теперь, что в октябре 1829 года он был в Москве и вот тому подтверждение в той же статье Мачульского: *«Большой дом на Поварской, принадлежащий, как и флигель, во дворе которого жила бабушка Лермонтова с внуком, Ф. И. Черновой, в октябре сдан ею на три месяца (квитанция оплаты сохранилась на антресоли дома) отставному кригцалмейстеру Григорию Даниловичу Столыпину»*. Контракт о сдаче дома был заключён из-за приезда из армии старшего сына Алексея Григорьевича Столыпина, возможно, по семейным обстоятельствам оставившего полк, так как отец его был смертельно болен, а Алексей был его наследником. Не радость собрала Столыпиных и Лермонтовых, а смерть Григория Даниловича,

погребённого 23 ноября в Новодевичьем монастыре в одной ограде с братом бабушки Лермонтова Д. Столыпина, владельцем Середниковской усадьбы, о чём свидетельствует запись в метрической книге церкви Симеона Столпника.

Нетрудно предположить, что именно родственники Лермонтова стали героями его незавершённого романа «Вадим» и драмы «Люди и страсти». А именно герой драмы – Заруцкий, молодой офицер 24 лет, одного и того же возраста с Алексеем Столыпинам. В романе же «Вадим» среди героинь можно узнать кузин Лермонтова: Столыпиных, Верещагиных и их воспитанницу Софью Бахметеву, из-за которой, по мнению пензенского собирателя материалов о Лермонтове Хохрякова, поэт стрелялся со Столыпинам (эта сцена описана в драме «Люди и страсти»).

Под Москвой (теперь в черте города) Наталье Алексеевне Столыпинам (жене Г. Д. Столыпина и сестре бабушки Лермонтова) принадлежало купленное в 1812 году село Ховрино. Здесь была барская усадьба со множеством построек, с большими прудами и протянувшимся вдоль них обширным парком. Конечно, Лермонтов и бабушка его бывали здесь у Столыпинам. Усадьба эта, вероятно, опи-

*В. А. Бахметева (Лопухина).
Акварель Лермонтова.
1835-1838 годы*

сана в той же драме, действие которой происходит в деревне Громовой. Уверена, что образ Марфы Ивановны Громовой – собирательный, взявший многие черты характера бабушки Лермонтова, но особенно её сестры Натальи. В «родословной», так я называю незавершённый роман «Вадим», она – прототип жены Палицына и мать Юрия Палицына. А он – реальный Алексей Григорьевич Столыпин. Всё сходится благодаря определению рисунков Лермонтова с помощью прочитанного буквенного шифра.

Я, как исследователь, ждала от рисунков Лермонтова ответы на многие вопросы, скопившиеся за время изучения его наследия. И не ошиблась. Я много писала об этом, о многом поведала благодарному читателю «Истринских вестей». Надеюсь и дальше встречаться с вами, дорогие читатели, материала у меня много. А в 1999 году к 200-летию со дня рождения Пушкина и 185-летию рождения Лермонтова должна выйти книга, пока с условным названием «Мир Пушкина и Лермонтова в их рисунках». Это труд маленького коллектива: Л. Шаталовой, Е. Фадичевой и А. Сахарова.

Часть шестая

Наброски болдинской осени

Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1987, №11. С. 42-45

Людмила Шаталова

О дяде Василии и гробовщике Адриане

На одной из страниц перебелённой рукописи повести А. С. Пушкина «Гробовщик» изображены два человека, сидящие у самовара. Это гость-сосед и гробовщик Адриан. Всё точно, как в повести. Это вполне можно назвать автоиллюстрацией. Но в других рисунках, и особенно в «похоронной процессии», отчётливо видно, что это не иллюстрации, так как в повести ничего похожего не описано.

Похороны дядюшки Василия Львовича.

Рисунок А. С. Пушкина на рукописи «Гробовщик».

Вот, к примеру, рисунок на одной из страниц: рядом со скелетом в ботфортах – умершего Петра Петровича Курилкина, – приснившегося гробовщику отставного сержанта гвардии, появляется – чуть не написала – «живое» лицо покойного Василия Львовича Пушкина.

Судьба Василия Львовича необычна. С большим скандалом развёлся он с красавицей женой и воссоединился гражданским браком с купчихой А. Н. Ворожейкиной, прижил с ней дочь Маргариту и сына Льва. В 1812 году бежал из полыхающей Москвы и умер в год страшной холеры, в 1830-м. «Гражданскую жену» и детей вы видите на рисунках Пушкина идущими за похоронной процессией.

То, что смерть дядюшки сильно занимала поэта, можно понять из письма Пушкина П. А. Плетневу, написанного в период окончания работы над повестью «Гробовщик»: «Около меня ко-

Персонаж повести «Гробовщик» – «скелет в ботфортах» и профиль покойного В. Л. Пушкина. 1830 год. Фрагмент

лера морбус... Того и гляди, к дяде Василию отправлюсь. А ты пиши мою биографию. Бедный дядя Василий...»

Василий Львович Пушкин, которого Александр называл своим «парнасским отцом», был известным стихотворцем. За его колоритной фигурой возникают история, быт и литература пушкинского времени. Наша задача – показать читателям графические произведения Пушкина, в которых отражён зримый образ Василия Львовича. Исследования портретов В. Л. Пушкина привели нас к очень интересной находке.

У Пушкина зоркий взгляд рисовальщика-реалиста, точность деталей, но в то же время рисунки его далеки от натурализма и выделанности ремесленника. Их ценность и поражающая сила в лаконичной меткости и потрясающей художнической памяти. Если есть портреты (выполненные живописцами-профессионалами) тех же людей, которых рисовал и Пушкин, даже через десяток лет и более, узнать прототипы при сопоставлении возможно.

Не случайно Пушкин вымарывал те из своих рисунков, которые могли выдать его мысли сразу. Он знал навыки своих недругов, досужую и усидчивую проницательность следственного ока. Его трудный почерк перестановки слов и строф охраняли вольнодумный стих, зашифровывали крамольную зарисовку. Для графики эта маскировка оказалась даже более надёжной, чем для поэзии. Восемьдесят лет назад были впервые поняты два образца политических рисунков Пушкина: на одном были портреты (подписанные самим Пушкиным) Марата,

Занда и Лувеля; на другом – виселица декабристов. Через 25 лет А. Эфрос не только прибавил к старым толкованиям новое, но в своих трудах – 1930, 1933 и 1946 годов – показал настоящую значимость рисунков поэта, назвав их «Графическим дневником Пушкина», творческим автокомментарием.

8 сентября 1826 года из Михайловского заточения в сопровождении фельдъегеря Пушкин подкатил к крыльцу Чудова дворца в Московском Кремле. Прямо с дороги он попал на допрос к новому царю. На вопрос Николая I: *«Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?»* – отвечал: *«Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы (выделено мной – Л. Ш.) не участвовать в нём...»*

Затем Пушкин поспешил к дядюшке. Они не виделись целых десять лет. С 1816 года, когда в Царскосельский лицей приехали не только отец, Сергей Львович, но и дядя, Василий, а также целое созвездие русских литераторов: Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев (последнему предстояло отвозить тело А. С. Пушкина в Святогорский монастырь).

Ждало ли Александра Сергеевича на Старо-Басманной улице одобрение и ласка, родственная душа старого поэта? Увы, после того, как Василий Львович узнал подробности *«царских милостей»*, а главное – услышал о заявлении царю самого Александра, у перепуганного дядюшки *«не стало лица»*. Кстати, он к тому времени очень заметно сдал. Эта перемена внешности отмечена и в рисунках. Она затруднила зрительную память.

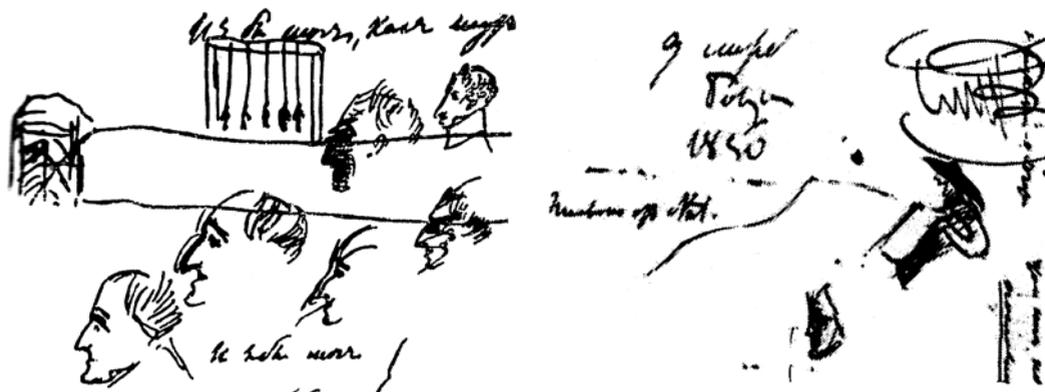

Из восьми профилей, в которых Пушкин «припоминал» дядю, удались только два. В них запечатлены острые характеристики: лицо старика с запавшей верхней губой, с остатками волос, зачёсанных на лысый череп (это – нижний); вверху – ещё с остатками привычной светскости и тонкой иронии. Что же, в свою очередь, поразило дядю в племяннике, им воспетом, гордости его фамильной? Ведь он же помнил Пушкина-лицеиста, только вступающего, не без его помощи, на путь литературной деятельности. Он слушал речь «не мальчика, но мужа» – такой действительно мог оказаться на Сенатской площади, а потом висел бы на перекладине, «как шут».

На рисунке вы видите строку Пушкина: «И, я бы мог».

Вот так появляется в рукописи повести «Гробовщик» лицо Василия Львовича рядом с вымышленным героем Петром Пет-

Строка: «И я бы мог...» Виселица; новонайденный автопортрет А. С. Пушкина; профили В. Л. Пушкина (слева). Возница похоронных дрог и профиль невесты – Н. Н. Гончаровой (справа)

ровичем Курилкиным. Не удивительно. В этой повести нашли отражение впечатления Пушкина от общения с московским гробовщиком, ведь именно Пушкин взял на себя все хлопоты по похоронам дяди, которые случились перед отъездом в Болдино.

Повторю, что Пушкин в своих рисунках очень точен. Точен всегда и настолько, что рисунки становятся документами. Рассмотрите их внимательно, сопоставьте с иконографией персонажей, и вы узнаете всех идущих в процессии за похоронными дрогами, но главное – познакомьтесь с новонайденными автопортретами Пушкина среди своих родных, недалеко от виселицы и (ошибочно принимавшийся раньше за портрет декабриста С. Трубецкого) у гроба дяди.

Октябрь уж наступил. О черновом автографе стихотворения «Осень».

Моя первая публикация о рисунках Пушкина касалась периода Болдинской осени 1830 года. Она появилась в журнале «Студенческий меридиан» в №3 за 1985 год «Зачем арапа своего младая любит Дездемона». Поводом к публикации стали три портретных изображения невесты Пушкина – Н. Н. Гончаровой. Один из них мы приводим здесь для сопоставления с рисунком на стихотворении «Осень» 1833 года, о котором пойдёт речь.

*Художник
Г. Г. Чернецов и
А. С. Пушкин
15 апреля 1832 года.
Рисунок с натуры*

А. С. Пушкин,
новонайденный
портрет
(фрагмент
похоронной
процессии)

Рисунок находится среди первых строк «Осени» («Октябрь уж наступил...»). Датируется в соответствии с черновым текстом стихотворения октябрём 1833 года. Это одна из типичных страниц графической обработки Пушкиным трудно дающегося стихотворения. Отметим, что именно на черновиках «Осени» появилось описание хода поэтического творчества: *«И мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы лёгкие навстречу им бегут...»* Как видим, этого не случилось: стихотворение давалось Пушкину с трудом. Попробуем выяснить причину, тормозящую работу, допуская, что в рисунках Пушкин указал некоторые причины своего беспокойства.

Александр Сергеевич был счастлив в семейной жизни. Письма его, а теперь и рисунки легко развеют скепсис сомневающихся. *«Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу...»*, *«не можешь вообразить, какая тоска без тебя...»*, *«я же все беспокоюсь, на кого покинул тебя!..»* Вопросы о детях. Особенно о старшей: *«А Маша-то? что её золотуха»*.

Он прибыл в Болдино 2 октября 1833 года. Писем от Натальи Николаевны не было, и он места себе не находит: *«Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь»*... *«а стихи ещё спят»* – сообщает он в письме.

Восьмого октября наконец-то письма из дому! – а теперь – «минута, и стихи свободно потекут!»

На другом листе вы видите уже Машу – «беззубую Пушкину», а 11 октября в письме строки: «Говорит ли Маша? ходит ли?»... Усаживает её на «трон» среди других набросков в черновиках «Осени» среди летящих аистов. Общность с первым листом сводится к арабескам летящих птиц. Интересно, что А. Эфрос в своих определениях пошёл путём намеченного замысла: от картин русской природы, вместе с караваном улетающих птиц к образам чужих краев. Однако мы знаем, что как раз на переломе замысла стихи были брошены. Пушкин «спустился на

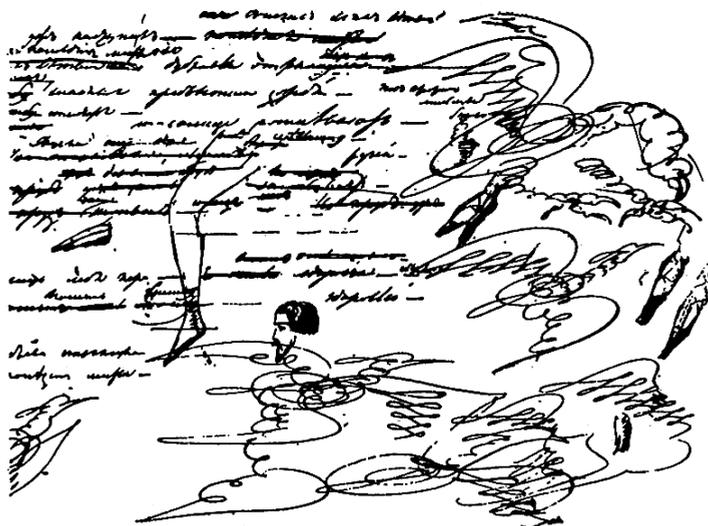
Черновой автограф стихотворения «Осень». Трон и на нём Маша – «беззубая Пушкина». Рисунок Н. И. Фризенгофа. Михайловское. 1831 год

землю», получив сообщение из дому, что все здоровы. На «*ступенчатой пирамиде*» отнюдь не египетский фараон, как предполагает А. Эфрос, мимо которого летят птицы, хотя Пушкина действительно занимал «*Египет колоссальный*». В статуе определённо видно тождество с иконографическими портретами Марии Пушкиной.

Второй фрагмент той же рукописи. Страница разделена на две половины. На правой рисунок, на левой – начало «Осени». Здесь Пушкин пытался изменить размер и написать «Осень» стихом «Евгения Онегина». У исследователей тут получился досадный казус, на основании которого Якуцкий, а затем и Эфрос стихотворение 1833 года (второй Болдинской осени) пере-

Автограф с начальной строкой «Осень». 1833 год.
«Октябрь уж наступил...» Арабески. Ножки «младых армид»

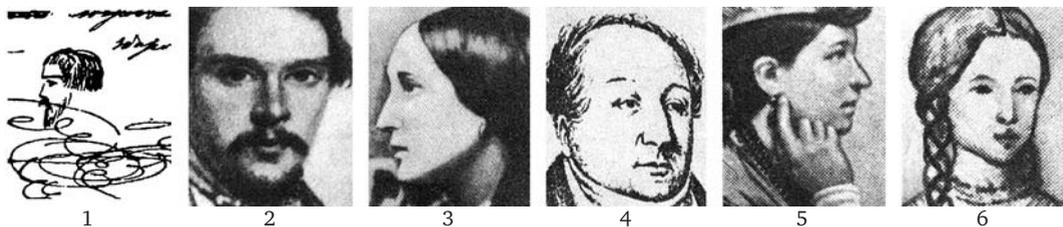

кинули в 1830-й и предположили, что рисунок, наименованный ими «Общество в гостиной», иллюстрирует одну из сцен «Евгения Онегина».

Мы убеждены, что на рисунке изображены Наталья Николаевна Пушкина, её брат Сергей Гончаров и тётка Катерина Ивановна Загряжская. Приглядитесь к их иконографическим изображениям, и вы убедитесь в правоте нашей версии. Подтверждают это и строки из писем Пушкина жене с благодарностью тётке и брату за их попечительство к племяннице, сестре и крестнице тети маленькой Пушкиной: *«Одна надежда на бога да на тётку... Клянюсь Катерине Ивановне и брату Сергею»*.

На первом листе автографа стихотворения «Осень»: ножка, арабески, мужской профиль... Наша версия: на рисунке изображён Владимир Александрович Соллогуб. Известно, что Пушкины, живя летом 1831 года в Царском Селе, общались с ним. Об этом В. А. Соллогуб поведал в своих «Воспоминаниях». Они передают всеобщее восхищение Натальей Николаевной.

1. Один из поклонников. Мужская голова (фрагмент). 2. В. А. Соллогуб. Рисунок Вагнера. 3. Н. Н. Пушкина. 1840 год. 4. В. Л. Пушкин. Художник Ж. Вивьен. 5. М. А. Гартунг (урождённая Пушкина). 6. Маша Пушкина. Рисунок Н. И. Фризенгофа. Михайловское. 1841 год

Вот откуда идёт тревога Пушкина, мешающая ему работать. Вот почему появляется на страницах профиль Соллогуба... Известно, что Пушкин и Соллогуб были в ссоре. Дело едва не дошло до дуэли, но затем началось постепенное сближение. Впоследствии Пушкин обратился к нему с просьбой быть секундантом после получения анонимного пасквиля, но тогда дуэль не состоялась.

Интересно, что последний свой автопортрет Пушкин готовил для В. А. Соллогуба. В замечательном каталоге, составленном недавно Р. Г. Жуйковой*, этот автопортрет числится под номером 91 – последним. Этот рисунок находится в черновике

*Петербургской осенью 1833 года. В хлопотах: хозяйка (сидит),
тётка, брат и служанка. Н. Н. Гончарова, Е. И. Загряжская,
С. Н. Гончаров, Параша (?)*

* «Временник Пушкинской комиссии». 1981 год.

письма В. А. Соллогубу, рядом с колонкой цифр. Традиционно считалось, что это подсчёт долгов. Недавно С. Фомичевым высказано предположение, что это прикидка предполагаемых доходов от издания журнала «Современник». Это вносит существенные коррективы в понимание последнего автопортрета.

На этих страницах, посвящённых рисункам Пушкина Болдинской поры, мы познакомили вас с неизвестными страницами (графической) семейной хроники А. С. Пушкина.

Особое внимание следует обратить на рисунок с виселицами, здесь обнаружен неизвестный ранее автопортрет Пушкина. А главное – этот топографически точный рисунок оказался документом, позволившим исследователям определить место казни декабристов. Это показывает, что графическое творчество А. С. Пушкина далеко не исчерпано и обещает немало открытий.

7

8

9

10

7. С. Н. Гончаров, брат Н. Н. Гончаровой. 8. Е. И. Загряжская (тётка). Акварель А. П. Брюллова. 9. Н. Н. Гончарова. Рисунок А. С. Пушкина. 1830 год. 10. Н. Н. Пушкина. Акварель А. П. Брюллова. 1832 год

Газета
**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

1987, №129. С. 3

Людмила Шаталова

Заговорил портрет

Известно, что поэма «Медный всадник» написана А. С. Пушкиным в период болдинской осени 1833 года. Это гениальное произведение относится к числу самых своеобразных и художественно совершенных творений поэта. Её изучению посвящено множество трудов пушкинистов.

Мне как художнику показалось любопытным, что в черновике начала поэмы в рабочей тетради Пушкина с его пометкой: «6 октября 1833 года» помещены, кроме стихов, пять женских портретов и наброски деревьев и кустов.

Вероятно, что при работе над поэмой у автора описываемые события перекликались с какими-то личными тревогами. И если обратиться к письмам Пушкина той поры, то, безусловно, станут понятными чувства, сопровождавшие поэта во время создания «Медного всадника».

До Болдин Александр Сергеевич совершил с разрешения царя творческую поездку по сбору материалов к истории пу- гачёвского бунта. С дороги он пишет жене 2 сентября 1833 года из Нижнего Новгорода: *«Мой ангел, кажется, я глупо сде- лал; что оставил тебя и начал кочевую жизнь. Живо вообра- жаю... тебя теребят за долги... у тебя не хватает денег... а другие непредвиденные случаи?.. Я сплю и вижу приехать в Бол- дино, и там запереться».*

14 сентября из Симбирска: *«Я всё надеялся, что получу здесь хоть известие о тебе – ан нет. Что ты моя жёнка? Какова ты и дети?»*

2 октября из Болдина: *«Милый друг мой, я в Болдине со вче- рашнего дня – думал здесь найти от тебя письма, и не нашёл ни одного. Что с вами? здорова ли ты, здоровы ли дети?.. бо- ялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому...»*

Из писем легко представить себе, каково было состояние поэта, когда 6 октября он приступил к поэме и заполнял пер- вый лист. Письмо из дома получил лишь 8 октября.

Сочиняя поэму о петербургском наводнении, Пушкин не- вольно вспомнил и свою «одиссею»: *«...уехал я в самую бурю. Нева была так высока, что мост стоял дыбом...»* Мучила его мысль, что после родов жены (как давно «располагал») не от- правил её *«в калужскую деревню к сёстрам...»* И, вероятно, ас- социативно рядом с портретом жены возник профиль её люби- мой сестры...

Известному исследователю рисунков Пушкина Т. Цявловской удалось определить два из пяти рисунков на этой рукописи. Дважды поэт нарисовал жену. Сегодня можно с уверенностью сказать, что определён и третий персонаж.

Исследование было проведено методом сопоставления и анализа как рисунков, так и документального материала, и сопоставления их с иконографическими портретами.

Были привлечены материалы разных исследователей, в том числе материалы Музея А. С. Пушкина в Бродзянах (Чехословакия), где когда-то жила сестра жены Пушкина Александра Николаевна Фризенгоф (Гончарова).

При подборе «кандидатуры» для определения оставшихся неизвестными рисунков в профиль были рассмотрены старинные портреты, рукописи, письма.

Внимательно изучая бродзянские реликвии, я обратила внимание на портреты сестёр Гончаровых, выполненные в Петербурге художником В. Гау в 1842 году, – акварельные портреты А. Н. Гончаровой и Н. Н. Пушкиной. И нашла их тождественными с рисунками Пушкина на рукописи «Медного всадника».

Тождество отмечено и с фотографией А. Н. Фризенгоф (Гончаровой), несмотря на преклонный возраст женщины (снимок 80-х годов). Заметим, что портреты соответствуют свидетельствам из мемуарных источников. По общепризнанному мнению, у Н. Н. Пушкиной были удивительно гармоничные и правильные черты лица, а умная Азя Гончарова в противопо-

ложность сестре была не так хороша, что и оттенил Пушкин в профильном своём наброске.

Что касается двух других неразгаданных портретов, то они требуют дальнейших исследований. А пока заговорил ещё один портрет – третий по счёту. И мне кажется, что это маленькое исследование ещё раз подчеркнёт трогательную заботу (хотя и мысленную) А. С. Пушкина о жене и дружелюбие к её сестре Александре.

Фрагменты чернового автографа поэмы
«Медный всадник» с рисунками А. С. Пушкина

Газета
**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

1987, №283. С. 3

Людмила Шаталова

Наброски болдинской осени

Поэма «Медный всадник» написана А. С. Пушкиным в период болдинской осени 1833 года. В рабочей тетради поэта строки, как часто бывает у него, перемежаются рисунками пером. Это пять женских портретов.

Вспомним пушкинские слова (из «Арала Петра Великого»): *«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»*. И эти наброски пером дают нам счастливую возможность уловить ход мыслей поэта, оказавшегося в одиночестве. Известному исследователю рисунков Пушкина Т. Цявловской удалось «расшифровать» два из пяти рисунков на этой рукописи. Дважды поэт запечатлел жену Наталью Николаевну. Третий персонаж был недавно определён нами, о чём рассказала «Вечерняя Москва» 6 июня 1987 года. Им оказалась сестра Натальи Николаевны – Александра Николаевна.

В результате дальнейшей работы удалось распознать оставшиеся два рисунка. Для этого необходимо знать картину взаимоотношений в семье Пушкина, его родственные связи.

Подумаем о Наталье Ивановне Гончаровой – матери Натальи Николаевны. Пушкин познакомился со своей будущей тётцой в начале 1829 года. Ей уже шёл пятый десяток. По словам современницы, «Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитанна, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах...» В 1830-1831 годах встречи Пушкина с несимпатичной ему Гончаровой связаны со сватовством, помолвкой и женитьбой на её дочери. Властная, она не раз выводила Пушкина из терпения, и вскоре после женитьбы он вынужден был оставить Москву и переехать в Петербург.

Но рисовать Наталью Ивановну только черными красками несправедливо. Были у неё и хорошие черты, стремление поддерживать мир в семье. Этот образ нашёл отражение в графике Пушкина. Известен рисунок «Дама в кресле», условно определённый А. Эфросом как изображение Н. И. Гончаровой. Сопоставляя рисунок с автографом «Медного всадника», мы смогли сделать достоверный вывод. И ещё один так долго «молчавший» портрет на рукописи поэта заговорил – заговорил «голосом»

«Дама в кресле» –
тёща поэта.

Рисунок А. С. Пушкина

Портрет
Натальи
Гончаровой
в детстве

Пушкина. А с изображения Н. И. Гончаровой, рисунка, названного исследователем «Дама в кресле», окончательно снят знак вопроса.

Что же касается второго профиля – портрета молоденькой девушки, помещённого рядом, то теперь было бы логично предположить – это Наталья Николаевна в юности. На том же листе есть два портрета Натальи Николаевны Пушкиной, и бросается в глаза сходство рисунка с её портретом в детстве. Да, рядом с матерью изображена юная Натали, или, как её звали в семье, – Таша.

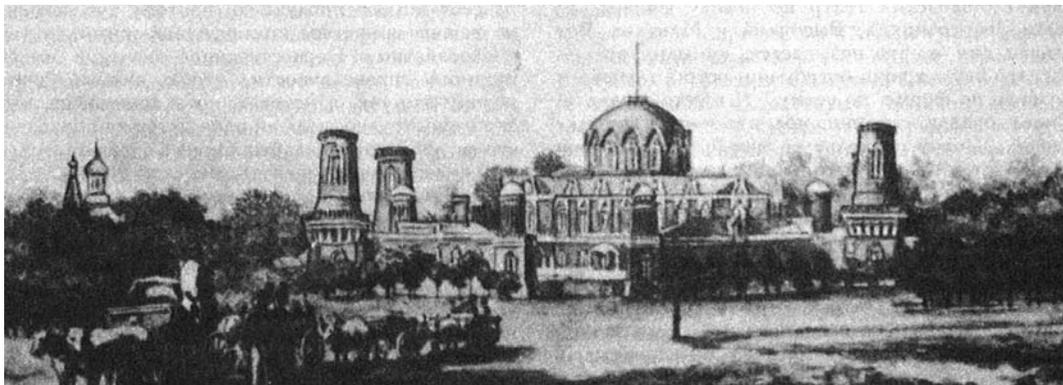
Журнал
**Студенческий
МЕРИДИАН**

1988, №3. С. 58-59

Людмила Шаталова

«Москва... как много в этом звуке»

Тема «Пушкин и Москва» поистине неисчерпаема. В лирических отступлениях романа «Евгений Онегин» Пушкин запечатлел сыновнее чувство поэта и художника, воспев свой родной город и оставив символическое его изображение на полях VII главы:

*Как часто в горестной разлуке,
в моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!*

Пушкин как художник-урбанист пока не известен. Сегодня впервые мы познакомим вас с его многозначительным графическим рисунком. Подъезжавшему к Москве в пушкинскую эпоху прежде всего бросались в глаза многочисленные церковные главы... На рисунке это отмечено, возможно, вы видите Нарышкинскую церковь с колокольной – «Когда церковей и колоколен...», а перед ней верхнюю зубчатую часть башни-ладьи. Башни окружали Петровский замок – подъездной дворец. С Петровским замком связан один из ярчайших эпизодов войны

1812 года. Тщетно было ожидание ключей от города. Не принесли... После того, как пожар охватил город, пребывание в Кремле сделалось невозможным, и Наполеон перенёс свою резиденцию в Петровский дворец.

Напрасно ждал Наполеон... Глядел на грозный пламень он. «Прощай, свидетель падшей славы». Пушкин называет Петровский дворец «свидетелем падшей славы». Ф. В. Булгарин, придравшись к этому стиху, обвинил Пушкина в недостатке патриотизма, заставив предположить, что

выражение «*падшая слава*» относится к России. В защиту Пушкина выступила дочь фельдмаршала М. И. Кутузова Е. М. Хитрово. Она писала в редакцию: «...*размышления автора о Петровском замке были оценены (читателем) как имеющие величайшее значение*». Мы же считаем рисунок «*скрытой цитатой*». И в самом деле: какое русское сердце не забудётся при чтении пушкинских строк и при взгляде на теперь понятное очертание башни Петровского дворца. Они подтверждают истину патриотических чувств русских: «*Но не пошла Москва моя к нему с повинной головою...*»

XXXVI

*Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!*

XXXVII

*Вот, окружён своей дубравой,
Петровский замок. мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклонённой
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружён,
Глядел на грозный пламень он.*

XXXVIII

*Прощай, свидетель падшей славы
Петровский замок...*

Мы не случайно приводим здесь эти строки и рисунки поэта. Они являются тем путём, тем следом, по которому к исследователю приходит озарение и черты ранее никак не атрибутированного пушкинского и лермонтовского рисунков, обре-

тают конкретные черты Петровского путевого дворца, богатого воспоминаниями о войне 1812 года. Загородный подъездной дворец был самым крупным сооружением. Он построен М. Ф. Казаковым в 1775-1782 годах. Рядом была Нарышкинская церковь (ныне не существующая). В седьмой главе читатель «вместе» с автором подъезжает к Москве из Михайловской ссылки 8 сентября 1826 года. Он видит верх башни-ладьи Петровского замка. И, буквально, следуя мысли стиха, Пушкин чертит на бумаге «полукруг – церковей и колоколен». Это, вероятно, единственное рукою Пушкина сделанное изображение города – символ, который дополняет и уточняет исторический момент поэтического рассказа о Москве.

Интересно, что и у Лермонтова, тоже поэта-«рисовальщика» в одном лице, и, кстати, тоже москвича по рождению, есть выразительная зарисовка того же градостроительного мотива (Петровского замка)... но оживлённого присутствием в рисунке сидящего в кибитке юнкера. Рисунок этот из «Юнкерской тетради». Вы видите, что кибитка с поэтом уже проехала Тверскую заставу. Вспомним притом его признание городу: *«Москва! Москва! люблю тебя, как сын, как русский – сильно, пламенно и нежно...»*

Рассматривая оба рисунка – Пушкина и лермонтовский, мы видим, что самые яркие и сильные впечатления связаны у них именно с Москвой (отметим, что это были у Лермонтова студенческие годы). Пора пересмотреть предвзятое представление о графике поэтов как о «любительстве». Мне, как худож-

Газета
**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

1989, №129. С. 4

Людмила Шаталова

«...И гордой девы идеал»

Не случайно говорят, что Пушкин изобразил на полях своих черновиков весь свет своего времени. Кого там только нет. Однако далеко не все его рисунки ещё атрибутированы. Эти заметки – о семье Раевских, отдельные представители которой, среди прочих знакомых, давали поэту жизненный материал для его произведений. Но и вдохновляли также!

Известно, что из Екатеринославля Пушкин, обогретый вниманием семьи Раевских, отправился с ними лечиться на Кавказ, а затем был приглашён в Гурзуф.

«В Гурзуфе прожил я три недели, – писал он своему младшему брату Льву, – мой друг, счастливейшие моменты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского... Старший сын его будет более, нежели известен. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я

счастливы... Любимая моя надежда – опять увидеть полуденный берег и семейство Раевского».

В Крыму Пушкин вместе с Николаем Раевским и его сёстрами впервые стал знакомиться с произведениями Байрона. Этому способствовало то, что Екатерина Николаевна владела английским и понимала поэзию этого английского поэта. Сколько от того времени незабываемых впечатлений! Впрочем, с этих лет Пушкин посвящал свои «байронические вдохновения» поименно всем членам семьи Раевских. «Кавказский пленник» посвящён сразу и сёстрам, и братьям. Эти посвящения и обращения к семье спора не вызывают. Что же касается того, кто из сестёр был «утаённой любовью» поэта, исследователи спорят и по сей день, чаще отдавая первенство Марии Волконской (урождённой Раевской). Моя же версия иная.

*Портрет
Екатерины Раевской*

На большинстве черновых рукописей Пушкина гораздо чаще встречаются портреты старшей из сестёр Екатерины. Они узнаваемы. Начиная с автографа «Кавказского пленника» и на полях последующих произведений, написанных в южной ссылке, везде «мелькает» её профиль. Особенно в «Евгении Онегине». Интересно, что «черты далёкой бедной девы» появляются на пушкинских черновиках чаще всего там, где жизненный путь гордой женщины как бы сов-

падает с ролью литературных героинь Пушкина. (Она же и Марина Мнишек в «Борисе Годунове», об этом Пушкин пишет в одном из писем).

Екатерина Раевская вполне могла ввериться чести автора. Тайна рисунков до сих пор не была открыта. Наверно, не случайно на полях «Евгения Онегина» рядом со строфами: *«Конец! Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю... Но мне порукой ваша честь, И смело ей себя вверяю...»* появляется образ Татьяны, в которой мы без труда узнаём ту же Екатерину Раевскую, ставшую к тому времени Орловой. А на одном из ранних черновых автографов Пушкина написано даже название «Таврическая звезда» – явный намёк в адрес Екатерины Николаевны. Известно, что она внушила ему сильное чувство, но при этом и сама, вероятно, была увлечена им не на шутку. Всё это и получило отражение в устойчивых мотивах на рукописях романа в стихах «Евгений Онегин».

Рисунки Александра Сергеевича Пушкина – вещественное закрепление его дум и лучшее документальное свидетельство его отношения к адресату. Существенно и то обстоятельство, что они тесно связаны с поэтическими произведениями, являясь творческим импульсом возникновения сюжета. Связь рисунков на рукописи «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина», особенно сюжетная линия – *«И дева гор мой идеал»* («Кавказский пленник») и *«Татьяны милый идеал»* («Евгений Онегин») – говорит о сближении этих произведений и как бы приоткрывает тайны его творческой лаборатории. Это «сбли-

жение» позволяет нам попытаться атрибутировать и некоторые рисунки на полях «Онегина».

Многочисленны пушкинские слова о Раевских в письме брату Льву (о Н. Н. Раевском): «Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги для меня вечно незабвенные...» Ему и посвящён «Кавказский пленник», а характер старшего брата выведен

Семья Раевских и Пушкин на рукописи «Кавказского пленника». Крайняя слева – Е. Раевская, под ней – Пушкин

Черновик рукописи 3 главы «Евгения Онегина». По нашим предположениям, с кием – А. Раевский (Онегин), в образе героини – Е. Орлова

Пушкиным и в одном, и в другом произведении. Удивительны «парный» портрет «Пушкин и Онегин» (Онегин, по моему мнению, – А. Н. Раевский) и набросок Пушкина в эскизе для выполнения иллюстраций к первой главе романа. В картинке этой рассказ о дружбе поэта с героем: «...Обоих ожидала злорадная, слепая Фортуна и людей на самом утре наших дней».

...После Кишинёва Пушкин переезжает в Одессу, а потом в Михайловское и там он продолжает работу над «Евгением Онегиным». В Михайловском узнаёт о восстании декабристов. Он сжигает свои автобиографические записки и вместо них ведёт своего рода графический дневник, рисуя своих друзей-декабристов. В том числе и Раевских. Этот лист с тесно нарисованными в разных направлениях профильными портретами сохранился. Среди тех, кто на нём «узнан», – Николай и Александр Раевские, Сергей Трубецкой, Иван Пущин, Владимир Раевский, Сергей Муравьёв-Апостол, Рылеев и... Мирабо.

Мне впервые удалось установить тождество изображения женского портрета на этом листе с Екатериной Николаевной Орловой (Раевской). Левее от неё зачёркнутый профиль её мужа М. Ф. Орлова, первым арестованного среди «московских декабристов» (в Петербурге его не было). Судьба друзей волновала Пушкина в Михайловском...

Итак, начиная с появления Пушкина в Екатеринославле, после его встречи с семьёй Раевских в Гурзуфе на его черновиках постоянно портрет Екатерины Раевской – мотив невозможности счастья, отданного другому навек. При всех последую-

щих увлечениях «память сердца» сохраняется. Даже в период мучительного жениховства, сватовства к Наталии Гончаровой в альбоме Ушаковых появляется портрет Раевской. Тут же и ревнивый портрет четы Орловых рука об руку. Рядом удивительный «донжуанский список», где названы три Екатерины, дополненный групповым портретом «трёх граций». На нем Т. Цявловская узнала лишь одно лицо – Елизаветы Воронцовой, остались неузнанными хозяйка альбома Екатерина Ушакова и всё та же Екатерина Орлова. Всё ли это? Конечно, нет!

В 1836 году Пушкин вновь в Михайловском. Он пишет стихотворение «Вновь я посетил...», вспоминает своё изгнание, южную ссылку и «черты далёкой бедной девы...» По определению А. Эфроса, описавшего и атрибутировавшего портрет

«Вольфовский» лист, сделанный в Тригорском в 1836 году. Пушкин среди своих друзей. Женский портрет – Е. Орлова

Байрона на рукописи этого стихотворения, рядом с ним Пушкиным изображена Тереза Гвичиолли, возлюбленная Байрона. Но это не так. Перед нами вновь вспоминаемая Пушкиным Екатерина Орлова (Раевская) – его «утаённая любовь».

Цявловская считала, что в рисунках к «Евгению Онегину» у Пушкина нет изображений его героев. Рисунки

передают, по её мнению, лишь общее впечатление об их душевном состоянии. Это не совсем так. Устойчивость женских образов на полях пушкинских черновиков говорит о другом – прототипы его героинь в графике остались, и они вполне конкретны. Возле портретов Байрона и Раевской есть вычеркнутые поэтом строки: «Об испытаньях юности моей, о (клевете), о строгом осужденьи, о (милой) дружбе, сердце уязвившей мне горькой (...обидой)». Вероятно, характер этих строк продиктован Пушкину лирическим сюжетом «Кавказского пленника» – его первой «байронической» поэмы, где героиней была именно Екатерина Раевская (помните групповой портрет семьи Раевских на полях этой рукописи?!)

«Вы были вестницею славы и вдохновенья для меня», – признаётся Пушкин... Спустя годы мы можем назвать адресатов многих лирических стихотворений поэта. Не последнее место среди них занимает и Екатерина Николаевна Орлова (урождённая Раевская).

Портрет Байрона и Е. Орловой

Газета
СЕМЬЯ
1991, №16. С. 9

Людмила Шаталова

Семья Гончаровых в рисунках Пушкина

Интерес к древнему роду русских дворян Гончаровых, вызванный родством с великим поэтом, со временем не ослабевает. Вот и Полотняный завод – бывшее имение Гончаровых под Москвой – превращается в музей. Из ранее неизвестных материалов, обнаруженных в архивах зарубежных потомков Гончаровых и Пушкиных, мы узнаём новые подробности о жизни этих замечательных семей.

Не менее важным вкладом в пушкиноведение являются рисунки поэта, многие из которых ещё не разгаданы. Целый ряд портретов членов семьи Гончаровых, сделанный рукой Пушкина, до недавнего времени оставался загадкой. Мне довелось сопоставить путём сравнительного анализа портреты, созданные поэтом на полях рукописей, с портретами предполагаемых «прототипов», выполненными известными художника-

ми – современниками Пушкина. Так обрели имена неведомые на первый взгляд лица, анфасы, профили, бегло начертанные в рукописях поэта.

Вглядитесь в наброски Пушкина, запечатлённые на 81 листе рукописи «Арзрумской тетради» (1830 год) Здесь изображено несколько профилей по соседству с женской фигурой, нарисованной в полный рост со спины. Среди профилей без труда можно найти автопортрет поэта. А кто же остальные?

Сопоставив рисунки с портретами членов семьи Гончаровых (а это была интуитивная догадка), мне удалось определить в пушкинских набросках тех, с кого он рисовал остальные профили. Оказалось, что Пушкин изобразил на этой странице Н. А. Гончарова – отца жены, сдвоенные профили Натальи Николаевны и её же портрет во весь рост, на котором она предстаёт грациозной, стройной, с лебединой шеей.

Не менее интересны и рисунки семейства Гончаровых, сделанные поэтом во время его поездки в Болдино в 1833 году, в период знаменитой «болдинской осени». Именно здесь был написан «Медный всадник». Как и в других произведениях поэта, в рукописи поэмы её строки часто перемежаются с рисунками пером.

Женские портреты помогают нам уловить ход мыслей поэта, причём не только творческого, но и личного характера.

Оказавшись после женитьбы в одиночестве, он пишет 2 октября жене: «Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня – думал здесь найти от тебя письма, и не нашёл ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети?.. боялся я недоброй вести. Нет, мой друг, плохо путешествовать женатому...»

Мне как художнику показалось любопытным, что в черновике пушкинской поэмы с авторской пометкой «6 октября 1833 года» помещены пять женских портретов.

Известному исследователю рисунков Пушкина Т. Цявловской удалось «расшифровать» два из пяти набросков, начертанных на этой странице рукописи. На рисунке запечатлены Наталья Гончарова и её сестра Александра.

Полагаю, что при работе над поэмой описываемые автором события в Петербурге (наводнение 1824 года) перекликаются с его личными тревогами за семью. Поэт оставил жену с двумя маленькими детьми, и, естественно, его беспокоит это обстоятельство. Тем более что писем от Натальи Николаевны нет. Поэтому он мысленно обращается к жене с помощью рисунков. Но не только к ней. Пушкин также рисует рядом сестру жены и их мать – Наталью Ивановну Гончарову.

Чтобы понять, почему Пушкин изобразил именно этих родственниц, необходимо знать картину взаимоотношений с ними в семье. Со своей будущей тещей Александр Сергеевич

познакомился в начале 1829 года. По словам современников, *«Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитанна, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах».*

В 1830-1831 годах встречи Пушкина с не симпатичной ему Натальей Ивановной были связаны со сватовством, помолвкой и женитьбой на её дочери. Она не раз выводила поэта из терпения, и, возможно, поэтому вскоре после женитьбы молодожены оставили Москву и переехали в Петербург. Но вместе с тем Наталья Ивановна заслужила уважение своего зятя хотя бы уже потому, что искренне стремилась поддерживать мир в семье, и главное, она вырастила прелестную дочь Ташу, красотой которой был пленён Александр Сергеевич. Вот почему, на мой взгляд, Пушкин рисует Наталью Ивановну с младшей дочерью в детстве.

Рядом с Натали Пушкин нарисовал профиль её старшей сестры – Александры Николаевны, которую любила Таша, и которой всегда симпатизировал поэт.

Портрет «Дама в кресле» также был сделан рукой Пушкина. И если пушкиновед А. Эфрос ранее предполагал, что на нём, возможно, изображена тёща поэта – Наталья Ивановна, то сейчас знак вопроса окончательно снят. Достаточно сопоставить рисунок с её портретом.

Ещё один графический автограф Пушкина запечатлён на рукописи стихотворения «Осень» в октябре 1833 года. Кто эти люди, изображённые на рисунке?

В это время Пушкин писал жене по поводу хозяйских проблем: «...одна надежда на Бога да на тётку... Кланяюсь Катерине Ивановне и брату Сергею...» Эти строки и навели меня на мысль разыскать портреты упомянутых лиц. Внимательно

вглядитесь в пушкинские наброски – налицо жанровая картинка семейства Гончаровых. Стоит Екатерина Ивановна Загряжская (сестра тётки), Сергей Николаевич Гончаров (брат жены) и, конечно же, сама Наталья Николаевна. Это, несомненно, её посадка головы, её удлинённая фигура и нежные линии.

Полагаю, что рисунки А. С. Пушкина, запечатлевшего членов семейства Гончаровых, добавляют существенные штрихи к характеристике не только родственников жены, но и самого поэта. Пушкин воспринимал родственников своей жены как близких ему людей. Он постоянно думал о них и не отделял от своей жизни. Увы, судьба прервала эти семейные узы трагическим исходом в феврале 1837 года...

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №17. С. 3
1998, №18-19. С. 7

Людмила Шаталова

«О, полно извинять разврат!»

В преддверии Пушкинского юбилея появляются публикации, в которых делается попытка пересмотреть некоторые результаты многолетних исследований пушкинистов тех или иных проблем жизни и творчества поэта. Дуэль и смерть Пушкина, может быть, наисложнейшая проблема для исследователей. Увидеть в этом «пошлую» проблему личной жизни поэта или понять общественную трагедию России – вот как ныне ставится вопрос. По-прежнему нам дорог взгляд современников поэта – его доброжелателей и его врагов. И, конечно же, первым из них остаётся взгляд М. Ю. Лермонтова на смерть Поэта. В представляемых Л. Н. Шаталовой материалах отстаивается точка зрения, сама по себе не новая, но время от времени подвергаемая сомнениям.

А. Макаров

Проходят годы, века... Из кладовой истории извлекаются время от времени новые «документы», и любители сенсаций стремятся создать вокруг них частные версии, тогда как к каждому документу, находке, к тому же связанной с именем Пушкина, следует относиться очень осторожно, ей нужно найти истинное место в материалах о жизни и гибели поэта. Перед нами объективный суд последующих поколений. Самую справедливую оценку гибели Пушкина дал его современник Лермонтов, и она, видимо, останется на века. В ней – нравственная и общественная позиция Пушкина.

Недавно была издана книга А. М. Фридкина «Чемодан Клода Дантеса». Но новая информация, изложенная в этой книге, уводит нас от истинных обстоятельств гибели Пушкина.

Еще в 1951 году М. А. Цявловский опубликовал в «Звеньях» русский перевод известных тогда уже отрывков из писем Дантеса приёмному отцу А. Геккерну. Они произвели эффект разорвавшейся бомбы. Из писем следовало, что Дантес страстно любит Наталью Николаевну Пушкину и она отвечает ему взаимностью. Не имея тайн от своего покровителя, Дантес приводит её слова в письме от 6 февраля 1836 года: *«Я люблю Вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем моё сердце, ибо всё остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя все мои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет Вам наградой»*. И далее, из письма от 6 марта 1836 года: *«Верю, что были мужчины, терявшие из-за неё голову, она для этого до-*

статочно прелестна, но чтобы она их слушала, нет! Она же никого не любила больше, чем меня, а в последнее время было предостаточно случаев, когда она могла бы отдать мне всё – и что же, мой дорогой друг, – никогда ничего! никогда в жизни! Она была много сильнее меня, больше 20 раз просила она пожалеть её и детей, её будущность... Итак, она осталась чиста; перед целым светом она может не опускать головы. Нет другой женщины, которая повела себя так же...»

В книге А. М. Фридкина представлены все перипетии и переживания Дантеса в связи с этим его романом. Информация была предоставлена итальянской исследовательницей С. Витали, прочитавшей письма Клода Дантеса. Впервые она опубликовала и такой неизвестный до настоящего времени отрывок, где Дантес пишет, обращаясь к Геккерну: *«Однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотреби моим доверием: ты-то останешься навсегда, что же до неё – время окажет своё действие и её изменит, так что ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил. Ну, а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый новый день всё сильнее, напоминая, что без тебя я был бы ничто»* (письмо от 14 ноября 1836 года)

Следует отметить, что правда была скрыта не только в письмах, хранящихся в Париже у К. Дантеса, она существует и в произведениях русских современников Пушкина, она оказалась скрыта и в произведениях Лермонтова.

Автор книги А. М. Фридкин говорит: *«Более полутора веков Россия оплакивала Пушкина, более полутора веков пушкини-*

сты разгадывают загадку трагедии, разыгравшейся на Чёрной речке, ища нити заговора, которого не было».

Таким образом, всё начинается сначала. Забыто то, что было доказано достаточно и стало известно не только пушкинистам. Заговор был очевиден другому гениальному человеку, современнику Пушкина М. Ю. Лермонтову. Это нашло отражение и в лирике, и в графике поэта («Смерть Поэта», «Песня про купца Калашникова» и другое).

Документами моих исследований, а также новым прочтением стихотворения «Смерть Поэта» с рисунками на полях рукописи со всей очевидностью показано, что именно конфликт между нравственной и общественной позицией Пушкина и взглядами «великосветской черни», «жадной толпой стоящей у трона», и привёл к трагической гибели поэта.

Обратимся к истории. Из показаний Лермонтова: «Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями; одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем, и, наконец, принуждён сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурён собою – они сворили так-

же, что Пушкин негодный человек, и прочее... Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения.

...Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые напали на человека, уже сражённого рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; – и врождённое чувство в душе неопытной, защищать всякого невинно осуждаемого, зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезнью раздражённых нерв. Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они встают против убитого, – мне отвечали: вероятно, чтоб придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения. – Я удивился – надо мною смеялись. Наконец после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер; вместе с этим известием пришло другое – утешительное для сердца русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моём воображении и очернила ещё более несправедливость последнего. Я был твёрдо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостивые чувства императора, Богом данного защитника всем угнетённым; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и

пользующиеся заслугами своих достойных родственников, – некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие могут ошибочно принять на свой счёт выражения вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде мыслил и ныне мыслю) для других...

Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастью, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения, и по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать; вероятно, он показал их, как новость, другому – и таким образом они разошлись. Я ещё не выезжал и потому не мог вскоре узнать впечатления, произведённого ими, не мог вовремя их возвратить назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отречься от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней, – и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней, как к единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим».

В исследовательской литературе о Лермонтове никогда не придавалось существенного значения словам поэтессы Е. Ро-

стопчиной, подружившейся с ним в последний год жизни. Сообщая некоторые данные о погибшем поэте А. Дюма-отцу, она, сопоставляя смерть Лермонтова с гибелью Пушкина, обронила в своём письме фразу: *«Странная вещь! Дантес и Мартынов оба служили в Кавалергардском полку»*. В этом оказался скрыт важный смысл.

Узнав об убийстве Пушкина, однополчане Дантеса и однополчане Лермонтова (лейб-гусары) не только не осудили Дантеса, но всячески защищали. П. Е. Щёголев в своей монографии «Дуэль и смерть Пушкина» написал: *«В полку Дантес пользовался полными симпатиями своих товарищей, и они доказали ему свою любовь, приняв решительно сторону Дантеса против Пушкина после злосчастного поединка»*. Вот это-то и вызвало резкое осуждение друзей Пушкина и самого Лермонтова, что ясно прочитывается в строках его стихотворения.

Очень интересно письмо П. А. Вяземского, адресованное графине Э. Мусиной-Пушкиной, которой симпатизировал Вяземский. В 1836 – начале 1837 года в её салоне постоянно можно было видеть кавалергардов в их красных мундирах, которых Вяземский в своём письме иносказательно называет *«красным морем»*, *«красными»*. *«Мои насмешки над красными, – писал Вяземский 16 февраля 1837 года, – принесли несчастье. Какое горестное, какое позорное событие! Пушкин и его жена стали жертвой гнусной западни. Черноты столько же, сколько и крови на этом красном; надеюсь, вы заперли для него свои двери. Когда-нибудь я подробно расскажу вам всю эту мер-*

зость, и даже рискуя поссориться с вами, откровенно скажу вам: все ваше красное море покрыли себя в этом происшествии позором. У них достало бесстыдства превратить эту историю в дело партии, в дело чести полка. Они оклеветали Пушкина и его память, и его жену, чтобы защитить того, кто всем своим поведением уже был моральным убийцей Пушкина, а теперь и в действительности застрелил его. Но сердце честного, сердце Русского не может колебаться в выборе: оно целиком становится на сторону Пушкина, и видит в нём только жертву – увы, великую и прекрасную».

В ту пору, когда Вяземский, друг Пушкина, с негодованием пишет эти слова, Мартынов служит в Кавалергардском полку, явившемся для него жизненной школой. С Дантесом он близко знаком. Когда в декабре 1835 года Мартынова зачислили в полк, Дантес служил в нём уже свыше полутора лет. В 1836 году оба произведены в поручики. После дуэли и смерти Пушкина Мартынов находился в Петербурге ещё пять недель (он уехал в поисках ратной славы на Кавказ 19 марта 1837 года) – следовательно, принимал участие в обсуждениях события.

Алла Марченко в своей книге «С подорожной по казённой надобности» заметила, что «бывают странные сближенья». 19 марта 1837 года осуждённый военным судом за неподобающие стихи Лермонтов отправлен на Кавказ и покинул Петербург с «казённой подорожной». 19 же марта по сентенции самого Императора Николая I сани, запряжённые тройкой прекрасных рысаков, навсегда увезли из России и убийцу Пуш-

кина Дантеса. Красавчик Жорж, несмотря на соседство жандарма и ещё одного сопровождающего офицера, выглядел бодро... А на следующий день по тому же петербургскому тракту дилижанс увёз ещё одного кавалергарда – Николая Соломоновича Мартынова. Развязав одну трагедию, жизнь тут же завязывает следующую.

7 февраля 1837 года на Садовой, где жил Лермонтов и Раевский у бабушки, собрались её племянники, друзья и сослуживцы Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку, квартировавшему в Царском Селе, в том числе оба Алексея Столыпина (один из них рекомендовал Лермонтова в полк), Валериан (был одним из судей на посмертном суде Пушкина и Дантеса) и дипломат, камер-юнкер Николай Столыпин. Вот именно он особенно рьяно стал *«невыгодно нападать на Пушкина, защищая Дантеса»*.

Пушкин, де, вёл себя неприлично в виду большого света, Дантес обязан был поступить так, как поступил. Не только Столыпин, но и другие *«особенно настаивали, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов и не подлежат русскому суду...»*

Лермонтов прервал его монолог словами: *«Если нет над нами суда и закона – суда земного, если они палачи Гения, так есть Божий суд»* (из показаний Раевского). Спор с однополчанами, как мы уже говорили, жившими и служившими вместе, родственниками поэта, начался давно, ещё в Москве. Это был спор мнений аристократов «света» против аристократов «ду-

ха». Лермонтов, говоря о себе, писал в этом году: *«Укор невежд, укор людей Души высокой не печалит...»*

Оппонентами Лермонтова были представители мнений петербургского света, их мнения о долге и чести – это искусственно смоделированные ценности узкого круга высшего света. Поступок Дантеса был посчитан благородным. *«Он не мог поступить иначе...»* А дамы? Особенно дамы высшего круга оправдывали противника Пушкина, называя его благороднейшим человеком.

Напомним только ставшие известными недавно отклики членов царствующей фамилии на кончину Пушкина (Эмма Герштейн, *«Судьба Лермонтова»*, 1964. Глава *«Лермонтов и свет»*): *«Во время раздевания весть о смерти старого великого герцога Шверинского, и мне Н[икс] сказал о дуэли между Пушкиным и Дантесом, бросило в дрожь»*, – записывает императрица Александра Фёдоровна 27 января 1837 года в своём дневнике.

На следующее утро она подробно пишет о событии графине С. А. Бобринской. Сострадание мнимым переживаниям Дантеса, воображение занято конфликтом между двумя сестрами, меньше всего императрица взволнована страшной судьбой Пушкина, – напротив, она даже порицает его, как инициатора дуэли: *«О, Софи, какой конец этой печальной истории между Пушкиным и Дантесом. Один ранен, другой умирает. Что вы скажете? Когда вы узнали? Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне всё время представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна – жена убийцы другого. – Это*

ужасно, это самый страшный из современных романов. Пушкин вёл себя непростительно, он написал наглые письма Геккерну, не оставляя ему возможности избежать дуэли. – С его любовью в сердце стрелять в мужа той, которую он любит, убить его, – согласитесь, что это положение превосходит всё, что может подсказать воображение о человеческих страданиях, а он умел любить. Его страсть должна была быть глубокой, настоящей».

Таким образом, главным героем трагедии стал Дантес. Осуждая Пушкина, императрица повторила мнение не одного царя, но и главного гонителя поэта, с которым она беседовала утром. 28 января, запись в дневнике: *«Плохо спала, разговор с Бенкендорфом, целиком за Дантеса, который вёл себя как благородный рыцарь, Пушкин как грубый мужик».*

30 января она пишет С. А. Бобринской второе письмо о Пушкине: *«Ваша вчерашняя записка! Такая взволнованная, вызванная потребностью поделиться со мной, потому что мы понимаем друг друга, и когда сердце содрогается, мы думаем одна о другой. Этот только что угасший Гений, трагический конец гения истинного русского, однако ж иногда и сатанинского, как Байрон. – Эта молодая женщина возле гроба, как Ангел смерти, бледная, как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине, и, кто знает, не испытывает ли она рядом с угрызениями совести, помимо воли, и другое чувство, которое увеличивает её страдания. Бедный Жорж, что он должен был почувствовать, узнав, что его противник испустил последний вздох».*

19 или 20 марта 1837 года: «Вчера я забыла вам сказать, что суд над Жоржем уже окончен – разжалован – высылается, как простой солдат, на Кавказ, но как иностранец отправляется запросто с фельдъегерем до границы, и *finis est*. – Это всё-таки лучшее, что могло с ним случиться, и вот он за границей, избавленный от всякого другого наказания».

Интересно, что эти сведения уже расползлись по Петербургу, что следует из приведенного ниже письма Я. Толстого князю Козловскому, написанного в день смерти Пушкина, 29 января: «Город полон слухов о смерти знаменитого поэта Пушкина, убитого на дуэли его свояком бароном д’Антесом де Геккерном, который до своей женитьбы ухаживал за женой Пушкина. Пушкин, заметив это, имел с д’Антесом объяснение, следствием которого была женитьба последнего на сестре мадам Пушкиной; несмотря на это, наш поэт, у которого был вспыльчивый и ревнивый характер, продолжал преследовать д’Антеса, который, доведённый до крайности, кончил тем, что дрался с ним: встреча состоялась позавчера, Пушкин, смертельно раненный и лежащий на земле, всё же захотел выстрелить, он ранил своего противника в руку, а сам через день скончался» (из книги М. Фридкина «Чемодан Клода Дантеса»).

Сообщение немногословно и сухо. Интересно, что Толстой считает женитьбу Дантеса на Екатерине Николаевне Гончаровой «следствием» вызова Пушкина, а не желанием защитить честь любимой женщины. Казалось бы, он на стороне Пушкина, но ни слова сожаления и скорби в письме нет. Более

того, Толстой как бы разделяет мнение той части светского Петербурга, которая была на стороне Дантеса. По Толстому, не Пушкин был «*доведён до крайности*», а Дантес. Позади остались молодые годы, общие друзья, свет «Зелёной лампы», олицетворявший надежды. Но автор письма уже другой человек.

Лермонтов был возмущён мелочностью и грязью суждений о поступке Гения. Тогда на полях черновика и появился мужской профиль. Он часто повторяется в рукописях поэта как антипод положительных героев – живой «злой гений» его судьбы. Имя Алексея Григорьевича Столыпина и раскрывает тему враждующих братьев – ревность и дуэль (поэтому эпитафия стихотворения, также относящийся к теме враждующих братьев, согласуется с резким профилем). Таким образом, эта маленькая деталь – портрет на полях рукописи – Столыпин; ибо со Столыпиным продолжает спорить Лермонтов, рисуя, создавая как бы семейный портрет. Здесь, возможно, возник замысел образа героя времени, ускользнувший от литературоведов, наполняя живой кровью давно известные строки стихотворения «Смерть поэта».

Появляется типовой рисунок антиподов Пушкина и Лермонтова, ведь к ним принадлежит столыпинский клан – придворная толпа. Обвинение Пушкину было выдвинуто придворной аристократией. Только один современник сказал правду о Пушкине и за это повторил его тернистый путь.

Лермонтов прожил в Петербурге, рядом с Пушкиным четыре с половиной года (один и тот же общественный уровень,

масса общих знакомых). В зиму 1835-1836 годов гусарский мундир одного из привилегированных полков открыл Лермонтову доступ в высший свет и возможность для художника-наблюдателя бывать в тех же гостиных, которые посещали супруги Пушкины. Он стал свидетелем развивавшегося в «пожар» романа самой красивой в Петербурге танцевальной пары – Натальи Николаевны Пушкиной и преследовавшего её «коварного искусствителя» кавалергарда Жоржа Дантеса. Для того чтобы угадать несчастье ревнивого мужа, достаточно было взглянуть на Пушкина нетанцующего...

Исследователь А. Марченко в книге «С подорожной по казённой надобности» замечает: *«Достаточно благоразумно держалась Н. Н. Пушкина, когда Дантес, любимый ею и влюблённый (как она надеялась, навеки), посватался и женился на её сестре Екатерине, чтобы уверить всех в жертве...»* Ему 24 года, Екатерине 28...

Что скажете вы, мои читатель, когда прочтёте документальный отрывок из книги итальянской исследовательницы С. Витали о том, что Дантес *«угодил в чудовищную историю со старшей из сестёр Гончаровых»*:

«17 ноября 1836 года, после напряжённых переговоров (ещё накануне дуэль представлялась неотвратимой), Пушкин по настоянию секундантов (свидетелей) письменно подтвердил, что он, вызвав господина Ж. Геккерна на дуэль, просит теперь господ свидетелей этого дела сообразоваться считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе,

что господин Жорж Геккерн решил объявить о своём намерении жениться на мадемуазель Екатерине Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение оскорблениям, недостойным благородного человека».

Переговорив в кабинете с секундантами, Пушкин вернулся в столовую, где семья сидела за столом и, обращаясь к Екатерине, сказал: «Поздравляю, вы невеста! Дантес просит вашей руки». Та вскочила и побежала к себе. Наталья Николаевна последовала за нею. «Каков!» – сказал Пушкин о Дантесе. Этим коротким словечком, превратившимся в результате двойного перевода в «ну и фрукт, однако, этот Дантес», он выразил всё своё презрение к нему.

Как известно, Пушкин не верил в то, что Дантес действительно женится на Екатерине Николаевне, но считал, что проучил его и отвадил от ухаживания за Натальей Николаевной. Увы, он недооценил своих противников.

Ещё один документ из числа отнесённых в семейном архиве Геккернов к «сугубо личным». И тоже не случайно. Его тон поражает даже с учётом того, что мы знали о Дантесе. На этот раз речь идёт о записке, адресованной Екатерине Николаевне, уже невесте. В ней, в частности, говорится: «Я видел нынче утром Известную Вам Даму и, как всегда, подчинился вашим высочайшим распоряжениям, любимая. Я решительно заявил, что был бы крайне ей благодарен, если бы она положила конец всем этим бессмысленным переговорам и что если её мужу не хватает ума понять, что во всей этой истории он ведёт себя как

глупец, она попусту тратит время, стараясь ему что-нибудь объяснить».

Эта записка не датирована. С. Витали, основываясь на упоминании в ней о возвращении Дантеса с дежурства в Зимнем дворце, совпадающем с расписанием дежурств гвардии, помечает её 21 ноября, то есть тем самым днём, к которому биографы Пушкина предположительно относят его неотправленное письмо к Геккерну.

«Правда всегда была моей святыней» – это девиз Лермонтова. Желая знать правду, Анатолий Львович Пушкин (племянник поэта) обратился к Александру Александровичу Пушкину (сыну поэта). В книге Н. И. Мацкевич «Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника» («Временник пушкинской комиссии», №24, 1974) мы узнаём, что в конфиденциальной беседе двоюродный брат сообщил Анатолию Львовичу мнение Александра II о Пушкине. Эти сведения А. Л. Пушкин зашифровал, нанеся поверх текста книги Пушкина о Пугачёве, между строк. Н. И. Мацкевичу удалось расшифровать эту тайнопись и впервые опубликовать.

«Хотя прошло много лет после смерти поэта, для Александра II Пушкин и Лермонтов (о котором также упомянул император) продолжали быть не удобными пиитами и даже опасными для трона. Вот что сказал император: передаю дословно по пунктам.

...3. Под влиянием Жуковского мы чувствовали симпатию к А.С. Пушкину, но после стихотворения «Вольность» (стихотво-

рение «Вольность» впервые напечатано у Герцена в «Колоколе» – Людмила Шаталова) мнение наше изменилось. Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора. Казалось, что поэт не скрывает своего пренебрежительного отношения и ко двору, и к окружавшим поэта верноподданным государя. Никто не может отрицать, что поэзия Пушкина плохо действовала на поведение молодёжи.

4. Смерть поэта не ослабила отрицательного воздействия на молодёжь. Это влияние продолжается и ныне на учащихся и даже на военную молодёжь.

5. Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России.

6. Двор не мог предотвратить гибели поэтов, ибо они были слишком сильными противниками самодержавия и неограниченной монархии, что отражалось на деятельности трёх защитников государя – Бенкендорфа, Мордвинова, Дубельта и не вызывало у них необходимости сохранить жизнь поэтам.

7. Мнение наше тождественно с мнением защитников трона и глав русского государства – Александра Благословенного и бозе почившего родителя нашего, Николая Павловича.

8. Что касается изданий произведений поэта, мы повелели ограничить их тираж и запретить, как особо вредное, распространение портретов возмутителя народа Пугачёва. Крестьянские волнения имеют место в России и поныне.

9. Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова: они могли быть украшением двора и воспеть самодержца».

Из всего выше приведённого очевидно, что руками честолюбивого иностранца был уничтожен гениальный русский поэт, который не пожелал стать «украшением двора». Это прекрасно понимал и другой русский гений Лермонтов, и его самого постигла та же участь. Всё это никак не совпадает с выводами А. М. Фридкина, основанными на документах архива Дантеса, которые сводятся к тому, чтобы опорочить нравственные позиции А. С. Пушкина, его неприятие самодержавия и свести всё к изменным человеческим страстям.

В заключение скажем, что в нашем комплексном исследовании жизни и творчества поэтов-художников Пушкина и Лермонтова принимали участие научные сотрудники Института мировой литературы Российской академии наук.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №124-125. С. 6

Людмила Шаталова

**«Портреты, буквы, имена
и думы тайной письмена...»**

Первым из доброжелателей и последователей Пушкина был Лермонтов. Его рисунками на рукописях, посвящённых трагическим страницам Отчизны, я занимаюсь уже много лет, и, сумев прочесть тайну в «зашифрованных» графических записях, поняла, что есть тайна и у Пушкина. Стало понятным, что в годы николаевской тирании, когда процветал дух слезки, доносов, запретов и обязательств, наложенных цензурой, именно в рисунках Пушкина, в письмах и черновых листах стихотворений на полях рукописей, и в «графическом дневнике» Лермонтова на его родословной (романе «Вадим») таились разгадки исторических и биографических судеб великих русских поэтов-москвичей. Опыт с рисунками Лермонтова подсказал мне, что, рассматривая заново рукописи Пушкина, прежде

всего, нужно понять текст сюжета (исторического, библейского и другого) во взаимосвязи с рисунками биографического порядка. Автопортреты Пушкина убедительно доказали, что любой из древних сюжетов соотнесён с его временем и жизнедеятельностью его окружения.

«...Глубоко постигать Пушкина – не значит ли это постигать дух великой русской культуры, самих себя, Россию, а это так необходимо нам в нынешнюю судьбоносную эпоху», – пишет мэр Москвы Ю. Лужков, принимая к опубликованию на средства правительства Москвы материалы, посвящённые жизни и творчеству Пушкина, чтобы в пору испытания наших духовных сил хранить, отстаивать и продолжать завещанные традиции, добра, веры, правды, чистоты, высокой духовности.

В «Московском пушкинисте» появляются новые важные материалы о творчестве, лирике, рисунках, прозе, письмах Пушкина и интересные для нас мнения не только друзей Пушкина, но и его врагов. К ним относятся «Записки Бенкендорфа». Публикацию сопровождает совершенно новый взгляд на этого человека, противоположный тому, что нам преподносили ранее.

Автор обширной, давно опубликованной статьи о Бенкендорфе, некто «С. Ч.» беспощаден к мемуаристу. *«Не умея даже правильно писать ни на одном языке, он не стремился к знанию, и в рассмотрении его видел лишь опасность для существующего строя».* Так ли это? То, что написано Бенкендорфом в «Записках» об оставлении Москвы, принадлежит к самым сильным страницам во всей мемуаристике об этих днях 1812 года.

По словам И. В. Киреевского, для Николая I быть литератором и подозрительным человеком было однозначно. А. Х. Бенкендорф, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии, был одним из самых приближённых и доверенных лиц Николая I. И если царь поставил его перед сильнейшими врагами монархии Пушкиным и Лермонтовым, то, конечно, выбрал квалифицированного «сыщика». Известно, что через Бенкендорфа осуществлялся политический, цензурный и повседневный надзор за Пушкиным, что, в частности, видно из писем поэта Бенкендорфу: *«Милостивый государь Александр Христофорович! Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение “Древо яда” (“Анчар”) было напечатано в альманахе “Северные цветы” без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответствовать на запрос... Я всегда твёрдо был уверен, что высочайшая милость, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня права, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры»* (7 февраля 1832 года).

Тут необходимо отметить, что милость, о которой пишет Пушкин, состояла в том, что в 1826 году царь пожелал сам быть цензором поэта; это по существу осложнило прохождение произведений Пушкина в печать, так как он был стеснён двойной цензурой (обыкновенной и «царской»).

Следующее письмо через неделю, от 14 февраля 1832 года: *«Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право*

с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре».

В черновых рукописях письма и стихотворения имеется особенность: под последними словами Пушкин рисует семейные портреты, подчеркивая в автопортрете свою обеспокоенность, затруднения обеспечить семью материальным достатком, а себя – свободным проявлением творчества. Конечно, это невозможно под гнетом тройной цензуры, заведомо ждущей от поэта каверзных мыслей. «Подразумения и намёки» и портретные изображения – это единственная, возможность выступить против тирании николаевского времени. Безусловно, имелись они и в «Анчаре», провести Бенкендорфа, врага умного, знающего языки, не так легко, как обычную цензуру.

Вот ещё пример с сюжетами разных цивилизаций, в которых поэт мог воссоздать эпизоды и сюжеты своего времени.

В 1835 году Пушкин сочинил вполне правдоподобный эпизод из жизни древнеримского богача Лукулла. Арсенал древнеримской культуры слишком обширен, чтобы цензоры могли весь его знать. В печать прошла злая и уничтожающая сатира на могущественного министра просвещения графа С. С. Уварова, выведенного в роли наследника богача Шереметьева. Он узнал себя и пожаловался на Пушкина Бенкендорфу, автор ответил на его запрос объяснением, однако Уваров стал злейшим врагом поэта.

Удивительны строки Пушкина об альбоме Онегина. Они уже приходили мне на память при взгляде на черновые руко-

писи Пушкина и Лермонтова и подсказали, что «написаны, изрисованы» они не зря:

*...Среди бессвязного маранья
Мелькают мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письма...*

9 ноября 1835 года появилась рукопись стихотворения «Когда владыка ассирийский...» на библейский сюжет о Юдифи. На полях – автопортрет, где Пушкин излил свою душевную горечь, связанную с семейными неурядицами. Это вносит поправку в хронологию преддуэльной истории. Приводим письмо Дантеса его покровителю Геккерну: «На сей раз, слава Богу, я победил себя, и от безудержной страсти, что пожирала меня 6 месяцев, о которых я говорил во многих письмах к тебе, во мне осталось лишь преклонение да спокойное восхищение созданием, заставившим моё сердце биться так сильно» (М. Прожогин). Судя по этой фразе, следует перенести начало волокитства Дантеса с января 1836 года на май 1835 года.

Итак, в 1835 года у Пушкина преобладают автобиографические сюжеты, связанные с предчувствием трагического конца, в которых лирическим героем является он сам, что подтверждают рисунки этого периода. Лирика преимущественно переводная: из Анакреона, Горация, Шенье, Соути, Беньяна, Корнуола, Гонзаги и Библии (последний, так называемый Ка-

менноостровской цикл написан по библейским мотивам; библейские сюжеты и темы были актуальны и по внутренним потребностям, и по внешнему стечению обстоятельств, что заметно по последним произведениям и рисункам Пушкина). Персонажи её живут голосами поэтов и героев разных времен, но их переживания совпадают с переживаниями самого Пушкина. Интересно: хотя на рукописи стихотворения «Полководец» (о Барклае де Толли) нет автопортрета, заключительная часть автопортретна:

*...О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведёт в восторг и умиление.*

Судьба «непризнанного» толпой полководца невольно сопоставляется с судьбой самого поэта, над которым ругался слепой и буйный век. Итак, мы предлагаем, в сущности, принцип рассмотрения пушкинских и лермонтовских рукописей не отдельно от рисунков на их полях, а как нерасторжимое единство. В книге делается попытка: раскрыть взаимосвязь всего пушкинского наследия, как литературного, так и изобразительного.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

1999, №93-94. С. 6

Людмила Шаталова

«Благословен твой подвиг новый»

Любитель литературы, считающий А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова оплотом русского слова, хорошо помнит искрометный ряд талантливых рисунков, усеивающих рукописи и черновики этих поэтов.

Я много писала об изобразительном даре Лермонтова и Пушкина, о том, что графика помогает раскрыть «белые пятна» биографии, известной, казалось бы, до конца, и по-новому посмотреть на многое в творческом наследии поэтов. Рисунки помогли скрыть от недобрых глаз глубоко личное: свои переживания влюблённого человека, своё сокровенное отношение к предмету.

185-летний юбилей Лермонтова, который мы скоро будем отмечать (и 15 октября встретимся с читателями в Истринской Центральной районной библиотеке), на 15 лет «моложе» пуш-

кинского, встреченного в этом году всей Россией. В 200-летний юбилей Пушкина, наконец, мы можем сказать, что пушкинская биография, биография его предков тоже связана с местами Истринской земли. Об этом сообщалось уже в «Истринских вестях» в очень интересном материале научного сотрудника музея «Новый Иерусалим» Л. Г. Васильевой «Предки Пушкина на Истринской земле».

В январе этого года в Вязёмах проходили очередные 6-е «Голицынские чтения», где был обнародован материал о посещении Пушкиным Синёва (Истринский район). Ведущий архитектор Комитета по культуре администрации Московской области В. В. Зубарев и заведующая кафедрой Академии живописи, ваяния и зодчества Н. Е. Карташова рассказали, что в стороне от Синёва-Семёновского обнаружены остатки парка и фундамент дома. Найдены и архивные документы 1770 года, с планом усадьбы.

Все эти земли: Синёво и упомянутый Мушков погост – фамильное кладбище, принадлежали большому роду Пушкиных. Стоит подумать об увековечении памяти пушкинского рода на Истринской земле.

Необыкновенно увлекательно рассматривать черновые рукописные листы А. С. Пушкина. Если соблюсти некоторую дистанцию от текста листа, то можно удовлетвориться эстетическим впечатлением от самого зарисованного и записанного листа рукописи. Лист совершенно гармоничен по своему графическому наполнению. Так, современная полиграфия ис-

пользует для совершенства дизайна листа цвет бумаги, рукописность, полиграфию шрифта, манеру и технику рисунка.

В этом свете пушкинский черновик сегодня – это самодостаточный полиграфический продукт. У Пушкина этот результат достигается свободным творческим подсознанием, чувством гармонии, интуитивным ощущением правильности заполнения пространства листа.

Вообще в пушкиноведении мало обращали внимания на художественную логичность появления рисунков на рукописях, больше говорилось о лёгкости и живости рисующего пера, набросочной манере рисования и хорошей зрительной памяти.

В пушкинское время предпочиталась добротная академическая школа профессиональной техники с фундаментальными аргументами строгих пропорций, чётким манерным адресом парадных портретов, с лессировочной масляной живописью (Давид, Жерико, Щедрин, Тропинин и другие). Однако классицизм уже неспешно переходил в романтический ампиризм во всех видах изобразительного искусства. Легкая, «несерьёзная» графика Пушкина воспринималась современниками как «домашняя», гротескная, альбомная, самодеятельная прихоть.

В нашем веке на пушкинский рисунок смотришь иначе. Да, он поэт и не получил профессионального образования художника, но изобразительная форма была основой его графического метода. В современном искусстве возникли требования большего участия авторской личностной интуиции, его внутреннего мира в изображаемой форме. Форма стала более мно-

гозначной, многообразной, то есть непосредственности, искренности, отсутствие препятствия в виде канона, полная гармония с первовидением образа стали в нашем веке доминирующими в поставленной художником задаче.

Впрочем, не только в нашем веке. По моему мнению, самым близким Пушкину-графику по манере и лёгкости дыхания в рисунке был его современник М. Ю. Лермонтов, единомышленник по использованию графики как элемента рукописи. Рисунки обоих поэтов заполняют поля их рукописей, они документальны и неразрывно связаны с сюжетом текста.

Прекрасные рисунки, так легко и гениально разбросанные по рукописям, не игра руки во время сосредоточенной работы мозга, а, скорей всего, предметно-визуальный «рабочий материал» Пушкина, относящийся к сценарию поэтического поля, над которым работал Пушкин. Примером тому может служить случай со стихотворением Пушкина, посвящённым персидскому поэту Фазиль-хану.

О встрече с персидским поэтом Фазиль-ханом 24 мая на Военно-Грузинской дороге около селения Казбек Пушкин рассказал в главе «Путешествия в Арзрум» (1829 год): «...Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покаместь экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветст-

вие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и прочее. Со стыдом принуждён я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе (персидской шапке) и по крашеным ногтям».

*Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна
Но где Гафиза и Саади.
Знакомы... имена.
Ты посетишь наш край полночный
Оставь же след...
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.*

Фазиль-хану Пушкин посвятил это стихотворение, не имеющее обращения, оставшееся в черновике и не законченное, записав его не в Арзрумской тетради, как предположили исследователи, а на отдельном листке, на обороте которого он сделал прекрасный портретный набросок персидского поэта, оставшийся до сих пор не учтённым и не признанным.

Портрет имеет дату – 27 мая, Душет. Дорога к Тифлису продолжалась. В Душете Пушкин сочинил эти строки, а на обороте у него были зарисовки нескольких портретов. Несмотря на это, поверху, быстро припоминая лицо и даже взгляд Фазиль-хана, он набросал этот портрет.

Но одного моего предположения недостаточно. Необходимо обоснование. Где же взять через 170 лет портрет или хотя бы биографию этого героя пушкинской графики? Но всё же бывают чудеса. Портрет и биография найдены. Перерыв множество книг, я буквально наткнулась в сборнике документаль-

*Автограф рукописи
стихотворного приветствия
Фазиль-хану. 25 мая 1829 года*

ных очерков, составленном Л. А. Черейским, на биографию и изображение (гравюра Э. Гаузера, 1829 год) Фазиль-хана Шейда. Оказалось, что он был азербайджанец, учитель детей наследного принца Аббас-Мирзы, персидский поэт. С конца 1830-х годов русский подданный, преподаватель восточных языков в Тифлисе.

Он и сопровождал Хос-рева-Мирзу, посланного Фет-Али шахом в Петербург для принесения извинений в связи с гибелью Грибоедова и всей русской миссии.

За год до этих событий, 25 мая 1828 года, Пушкин вместе с Олениными участвует в увеселительной поездке морем в Кронштадт. Компанию ему составили Л. С. Грибоедов и П. А. Вяземский. Современники отмечают, что печален и сумрачен был Грибоедов, которому предстоял отъезд на юг (25 апреля был подписан указ приступить к обязанностям полномочного посланника в Персию), и который понимал, что его посылают туда, где опасно. Во второй главе «Путешествия в Арзрум» Пушкин описывает свою встречу с телом убитого Грибоедова и вспоминает: *«Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия»*. Поездка на пароходе с Олениными, вероятно, одна из последних встреч Пушкина с Грибоедовым. Вот вам и объяснение портретам Олениных на обоих автографах – мысль

Фазиль-хан Шейда. Гравюра Э. Гаузера. 1829 год (справа) и портрет Фазиль-хана (по определению Л. Шаталовой)

А. Н. Оленин, Е. М. Оленина
и другие. 27 мая 1829 года

о Грибоедове не оставляет Пушкина и на ночёвке в Коби 25 мая, он припоминает и рисует семью Олениных (автограф от 25 мая) и повторяет рисунки на втором автографе от 27 мая.

Возвратимся к первому рисунку, который находится в Арзрумской тетради на 127-й странице, и строкам в верхней части листа:

*Благословён и день и час,
Когда (судьба) в горах Кавказа
Судьба соединила нас.*

Есть ли связь этих строчек с воспоминаниями о Грибоедове? Нет, эти наброски пошли по другому руслу, они возникли, как воспоминание о первой счастливой поездке на Кавказ в 1820 году с семьёй Раевских. По ассоциации Пушкин изобразил на фоне Кавказских гор лирическую встречу черкеса и черкешенки в духе «Кавказского пленника» (автопортрет в бурке и папахе и Мария Николаевна Раевская – идеал пушкинской черкешенки).

Изображение Александра I в сопоставлении с Наполеоном (справа), большой автопортрет – вначале был без папахи, с обычной курчавой головой, так же как и верхний автопорт-

рет – сначала без бурки и папахи, которые Пушкин пририсовал потом как декоративные элементы образа черкеса. Остальные наброски уже были отождествлены как портрет Олениных, отца и старшего сына, повторенные 27 мая на обороте листа со стихотворением Фазиль-хану.

На втором автографе мы видим парный портрет Олениных – жены и мужа. Е. М. Оленина хорошо знала поэта ещё со времён его юности, когда, окончив лицей, он постоянно бывал в её доме, где признавался его поэтический талант. А возвращаясь из ссылки в Петербург в 1827 году, Пушкин по-прежнему стал часто бывать у Олениных, увлёкшись младшей дочерью Анной Алексеевной. В архиве Олениных сохранился альбом с записанными в нём 25-ю стихотворениями Пушкина (в том числе «Деревня», «Вольность», «Кинжал», за которые он и был выслан Александром I). Владельцем альбома считают старшего сына Олениных – Петра Алексеевича.

Конечно, мысль о Грибоедове незримо присутствует и в стихотворении «Благословен и день и час», посвящённом Фазиль-хану. Этим предстоит ещё заняться текстологам. Я продолжаю работать над этим материалом и собираюсь включить его в свою книгу о Пушкине.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

1999, №120-121. С. 3

Людмила Шаталова

«И душа моя их образ тайный сохранила»

Продолжая публикацию от 14 августа «Благословен твой подвиг новый», напомним читателям, что рисунки на пушкинском автографе, датированном 25 мая 1829 года, относятся к думе поэта о Грибоедове. 24 мая Пушкин встретился с персидским поэтом Фазиль-ханом, сопровождавшим Хосрева-Мирзу в Петербург для принесения извинений в связи с гибелью Грибоедова и всей русской миссии. Почему Пушкина так взволновала эта встреча?

Поучительно сопоставление творческой участи Грибоедова и Пушкина. Главным свойством Грибоедова было то, что он сам назвал «ненасытностью души». Его интересовало всё: история, политическая экономия, дипломатия, военное дело, лингвистика. Он знал девять языков, из них три восточных: персидский, арабский, турецкий. (Вероятно, поэтому Пушкин обра-

тился к персидскому поэту, благословляя на подвиг и прося «оставить след», помня о дипломате, в своём творчестве).

И Пушкин был также многогранно одарённым и деятельным человеком. Историей он занимался вполне основательно... «История Пугачева» не утратила своего значения до наших дней. В «Истории Петра», оставшейся неоконченной, он так верно увидел социальный смысл петровских реформ и всей деятельности этого царя, а в основе его исторических романов всегда лежит подлинный исторический конфликт, действительно значимый для данной эпохи.

И в «Арапе Петра Великого», над которым Пушкин начал работать в конце июля 1827 года, главным лицом «предстаёт его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет – как Пушкин говорит – неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребёнка и за то была посажена в монастырь. Вот историческая основа этого сочинения» (из дневника А. Вульфа, приятеля Пушкина). Мысль о литературном использовании биографии Ганнибала возникла у Пушкина ещё раньше, в феврале 1825 года, в связи с работой Рылеева над поэмой «Палей» из времён Петра I. Он писал брату в Петербург из Михайловского: *«Присоветуй Рылееву поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведёт странное действие на всю картину Полтавской битвы».*

На рукописи «Арапа Петра Великого» есть воображаемый автопортрет самого Пушкина в образе Ганнибала – его «арапская рожка». Автопортрет в образе арапа и портреты современников Пушкин помещает и на других черновых рукописях.

Я, как профессиональный график, оценивала, прежде всего, мастерство и психологичность рисунков Пушкина, но теперь могу сделать новый вывод: если бы не было художественного замысла исторических событий в слове, не появились бы рисунки-метафоры. «Графическая метафора» означает в широком смысле всякое иносказание, например, в «Полтаве» Пушкин придаёт характеры исторических персонажей автопортретам и портретам своих современников, основываясь на сходстве или контрасте.

Напомним, что годы после ссылок на юг и в Михайловское были для Пушкина трудными. Вместе с тем пришло сознание необычной поэтической силы:

*Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар...*

То, что тема декабристов была в то время неутраченной болью сердца поэта – несомненно. Пушкин посещает в Петербурге старика Раевского, героя войны 1812 года, оставшегося не у дел, пишет эпитафию по просьбе старого генерала его умершему внуку – сыну Марии Николаевны Волконской. А тут ещё следствие по поводу стихотворения «Из Андрея Шенье» и

«Гаврилиады». Вот тут-то и грянул Полтавский бой! Известно, что в поэме «Полтава» отображён один из эпизодов долголетней войны, которую Пётр I вёл со шведским королем Карлом XII. В 1700 году Дания, Россия и Польша одновременно начали войну против Швеции. Неожиданным налётом Карл XII разбил Данию и заставил её заключить с ним мир. После этого он бросился на Петра I и осенью 1700 года под Нарвою совершенно разгромил плохо обученную русскую армию, в пять раз более многочисленную. Справившись с двумя противниками, Карл двинулся на Польшу. Несколько лет вёл победоносную войну в Польше и Саксонии, а затем двинулся из Польши снова на Петра.

Карл повернул на Украину на соединение с тайным союзником, гетманом Украины Мазепой (в образе Мазепы изображён С. Волконский – по сходству характеров и плану отсоединения Украины). Мазепа притворился приверженцем Петра, подготовил отделение Украины от России, рассчитывая при этом на помощь шведов. 27 июня 1709 года произошла под Полтавой решительная битва между русскими и шведами. Пётр успел за последние годы реорганизовать армию по европейскому образцу. Шведы же были истощены долгими лишениями и сильно деморализованы. Битва кончилась полной победой русских;

В. Л. Кочубей на листе с черновиками поэмы «Полтава»; новое определение – Н. Н. Раевский (старший)

большинство шведских военначальников попало в плен. 62 страницы сплошного поэтического текста «Полтавы», которую мы знаем, позволяют судить о ней как о времени когда *«Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала гением Петра...»*

Всё это изобразил в поэме «Полтава» Пушкин. Подле черновых текстов более 25 отдельных рисунков. Это сюжетные сценки и портреты прославленных героев 1812 года, отстранённых от дел за участие в восстании декабристов. Сравнительный анализ текстов и рисунков на черновиках позволяет с большой долей уверенности предполагать, что импульсом к созданию поэмы послужила историческая аналогия между событиями и героями Полтавской битвы и событиями 1812-1814 годов и после восстания 1825 года и современниками Пушкина: генералами Раевским, Ермоловым, Барклаем-де-Толли, С. Волконским, а также Грибоедовым, семьёй генерала Раевского. Теперь об этом-то и заговорили портретные рисунки Пушкина.

В образе Кочубея Пушкин изобразил Н. Н. Раевского; в образе дочери Кочубея – М. Н. Волконскую, дочь Раевского; в образе Мазепы, погубившего дочь Кочубея, – С. Г. Волконского. В посвящении «Полтавы» Пушкин вспоминал Волконскую, по-прежнему не смея назвать её имени; поэма посвящена (по определению Щёголева) Марии Николаевне. В черновике вместо стиха: *«Твоя печальная пустыня»* он прочёл зачеркнутое: *«Сибири хладная пустыня»*. Определение портретов современников подтвердило высказанную им догадку. Интересно, что,

взяв из поэмы Байрона для эпитафии «Полтавы» строки: *«Мощь и слава войны, изменчивые, как и люди, их суетные поклонники, перешли на сторону торжествующего царя»*, в 1828 году, Пушкин летом 1829 года как бы повторяет на Кавказе их смысл в автографе от 15 мая, после посещения опального Ермолова и гаснущего в недугах Раевского, полководцев 1812-1814 годов. *«О люди! Низкий род, достойный слёз и смеха! Жрецы минутного, поклонники успеха»*. Удивительна цельность творчества поэзии и графики Пушкина.

Рисунки на рукописях – неоплаченная дань памяти и совести. Т. Цявловская, занимаясь рисунками Пушкина, заметила в 1980 году, что в черновиках рукописей пять раз встречается рисунок виселицы с пятью повешенными. Рядом с виселицей в первых двух рисунках, сделанных в Михайловском, куда Пушкин возвратился после царской аудиенции, загадочная фраза: *«И я бы мог...»*, волновавшая не одно поколение пушкинистов и читателей.

Есть много косвенных свидетельств о разговоре 8 сентября 1826 года между Пушкиным и императором. А в книге Л. П. Гроссмана «Пушкин» приводится ещё одно документальное свидетельство – беседа Николая I с дипломатом, учёным и литератором П. Д. Козловским, который и записал слова царя:

И. С. Мазепа
на листе
с черновиками
поэмы «Полтава»; новое
определение –
С. Г. Волконский

«Пушкин легко отклонил подозрения, которые в различных случаях проявлялись относительно его поведения и которые были вызваны приписываемыми ему неосторожными высказываниями, он изложил открыто и прямо свои политические убеждения, не колеблясь заявить, что если бы и был адептом нововведения в области управления, он никогда не был сторонником беспорядка и анархии... Но он не мог не выразить своего сочувствия к судьбе некоторых вождей этого рокового восстания, обманутых и ослеплённых своим патриотизмом и которые при лучшем руководстве могли бы оказать подлинные услуги своей стране».

Пушкин видел приговор по делу декабристов, знал, что мог бы быть среди казнённых: «Все, и действовавшие, и соглашав-

*Сергей Григорьевич
Волконский, декабрист.
Читинский острог.
1840 год*

шиеся, и участвовавшие, и даже токмо знавшие, но не донёсшие об умысле посягательства на священную особу государя императора, или кого-либо из императорской фамилии, так-же об умысле бунта и воинского мятежа, все без изъятия подлежат смертной казни и по точной силе закона считаются к сей казни присуждёнными». Именно под фразой: «И я бы мог» в рукописи мне удалось определить воображаемый автопортрет Пушкина, как бы автограф к рисунку.

*...Прошло сто лет – и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось –
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В её воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.*

Целая группа крупных учёных-пушкинистов работает над «Летописью жизни и творчества А. С. Пушкина». Мне повезло: А. А. Макаров, мой первый учитель-пушкинист, стал моим научным редактором, и мы совместно уточним портретные рисунки современников.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2000, №90-91. С. 6

2000, №92. С. 3

2000, №93-94. С. 6

2000, №95. С. 3

Людмила Шаталова

**«И тайну сердца своего,
заветный клад и слёз, и счастья...»**

Наш небольшой городок сопричастен большой истории России не только как место поклонения и паломничества русских христиан. Паломником пришёл сюда юный Лермонтов 14 августа 1830 года. О его посещении и стихах, с этим связанных, газета «Истринские вести» помещала мои заметки. Истра (Воскресенск), её окрестности были местом усадебной жизни многих известных русских дворянских родов.

Древний род Пушкиных, прадедов нашего великого поэта, имел родовую усадьбу под Истрой в Синёво. Об этом тоже писали «Истринские вести».

Много лет я занимаюсь портретными рисунками Лермонтова и Пушкина. Немного напомним моему благодарному читателю о своих исследованиях портретов гениального Пушкина.

Я нашла, что портреты известной пушкинской корреспондентки – Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, которые так блестяще определила Т. Г. Цявловская, набросанные Пушкиным на полях рукописей, связаны с текстовым образом Татьяны Лариной.

«Небольшого роста, с чертами несколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Ксаверьевна была, тем не менее, одной из привлекательнейших женщин своего времени. Всё её существо было проникнуто такой мягкою, очаровательною, женственною грацией, такую привлекательностью, таким неукоснительным щёгольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, герой 1812 года Раевский и многие другие без памяти влюблялись в княгиню Воронцову» (граф В. А. Соллогуб).

Отметим, и в Псковской губернии, в Михайловском, Пушкин продолжает свою работу над «Евгением Онегиным». Графиня Воронцова – одна из активнейших его корреспонденток. «Сожжённое письмо» – одно из первых шедевров любовной лирики, созданных Пушкиным в Михайловском:

*Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори письмо любви...*

Вот перед нами черновая рукопись «Евгения Онегина» 1824 года, а именно знаменитое «Письмо Татьяны». На левой сто-

роне от текста рисунок молодой женщины, сидящей в горестной позе на постели под пологом. Лавина волос закрывает лицо, волосы распущены:

*Татьяна то вздохнёт... то охнет...
К плечу головушкой склонилась
Сорочка лёгкая спустилась
С её прелестного плеча...*

Образ очень живой, натуральный. И вслед за этими строками и рисунком читаем интимные строки нового любовного признания Пушкина в стихотворении к «Кораблю». Черновой текст:

Морей красавец окрыленный,
Тебя зову – плыви, плыви
И сохрани залог бесценный...
Вариант: (О, сохрани (возврати) залог бесценный)
Мольбам, надеждам и любви.

Эти строки обращены к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. И на рисунке, безусловно, её портрет. Конкретный случай расставания Пушкина и Воронцовой из-за невозможности поэту сопровождать её в Крым, куда 14 июля 1824 года отплыла из Одессы яхта с Воронцовыми и их гостями, Пушкин вычеркнут из списка гостей. Это фатально ощущается поэтом как вечное расставание. Живая боль этого расставания мучила

поэта и во время работы над графической композицией «Евгения Онегина». Многие портреты (их насчитала Т. Г. Цявловская более тридцати) появились на полях рукописи романа – это портреты Е. К. Воронцовой. Человеческая и поэтическая логика приводят рисованный образ в связь со словесным поэтическим образом. Но вот что видится впервые: на черновой рукописи «Евгения Онегина» фрагмент автографа: слева вверху строфа третьей главы «Письмо Татьяны» и без интервала стихотворение «Кораблю». Рисунок, а вернее целая сюжетная сценка, представляет собой «описание», вернее «рисуночное письмо». Горестная Татьяна, внизу поперёк листа впервые в автопортретной сюите Александр Пушкин, волевое лицо, стойкое, мужественное выражение, хотя он уже знает свою судьбу: Воронцов обговорил в Петербурге и обеспечил для себя высылку «шалопая Пушкина» в «дальний свой уезд», профиль его отца венчает дело – изображён Сергей Львович, которого, конечно, не обрадует приезд ссыльного.

И вот что получается: на одном листке, там, где поэт нарисовал портрет Татьяны, есть целая жанровая сценка – автопортрет Пушкина, старого «грозного мужа» Воронцовой и отца поэта Сергея Львовича. Мною это определено впервые...

Пушкинская лирика 1824-1825 годов откликалась на все «впечатления бытия», она откликалась на все зовы жизни. Широко в ней развернуты мотивы любви и дружбы: «Ненастный день потух...», «Сожжѣнное письмо», «Храни меня, мой талисман», «Младенцу». Остановим внимание на последнем стихотворении Оно не извлечено из черновой рукописи. Черновой текст, предшествующий этому восьмистишию, даёт основание считать, что поэт говорит о своём незаконном ребёнке:

*Прощай, дитя любви,
Я не скажу тебе причины...
И клевета неверно ей
Чертами опишет...
Быть может, о судьбе моей
Она со временем услышит...*

9 мая 1823 года, в тот день, когда Пушкин начал свой роман «Евгений Онегин», А. И. Тургенев написал Вяземскому в Москву: «Граф Воронцов сделан Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Не знаю ещё, отойдёт ли к нему «бес арабский» (так называли поэта кишиневские друзья)? Среди портретов четы Воронцовых – старый бес как автопортрет поэта-старика.

24 июля Е. К. Воронцова возвращается из Гурзуфа. Одновременно 24 июля граф Воронцов отправляет из Симферополя градоначальнику Гурьеву предписание: «Объявить Пушкину

о Высочайшем повелении исключить его из списка чиновников Коллегии иностранных дел и отправить немедленно в Псковскую деревню».

Ради газетного листка я сокращаю массу подробностей сложных взаимоотношений рокового треугольника: Пушкин – Раевский – Воронцов. Не говорю о том, какую злую роль сыграл Раевский в любви Пушкина и Воронцовой. Позвольте, скажет читатель или слушатель, не видя лица, вы узнали в образе Татьяны Елизавету Ксаверьевну Воронцову? Но ведь Пушкин, отдающий наказ кораблю возвратит ему «залог бесценный» – отплывающую в Крым женщину, не Онегин, а письмо-то к нему пишет Воронцова (Татьяна)?

Откроем секрет поэта, о нём догадалась я, узнав, что Е. К. Браницкая (будущая графиня Воронцова) жила в деревне Белая Церковь, близ Киева. Там и встретила она своего «Онегина». Известно, что прообразом его, одним из прототипов послужил Александр Николаевич Раевский.

Меня удивляло, что до 27 лет она не вышла замуж. Я подумала, что она, вероятно, так же, как Татьяна у Пушкина, сказала: «*Это он!*» и первая написала ему письмо. Поразительно, будто в ответ моим мыслям, прочла историю эту у писателя Ивана Новикова («Пушкин в Михайловском»).

А. Н. Раевский

Раевский и Воронцова состояли в родстве: старая графиня Браницкая, мать Елизаветы Ксаверьевны, приходилась ему двоюродной бабушкой. Ещё на Кавказе, путешествуя с семьёй генерала Раевского в 1820 году, когда Елизавета была уже замужем за Воронцовым, Александр Николаевич поведал тёзке-поэту свой ранний деревенский роман. По рассказу его выходило, что начальное увлечение было с её стороны. В 1819 году Александр, двадцати четырёх лет от роду, уже был в чине полковника и окружён ореолом героя-участника Отечественной войны 1812 года. При блестящем уме и ярком его своеобразии он не мог не поразить воображение деревенской красавицы, томившейся в своём одиночестве. Элиз сама объяснилась в любви... Молодой человек прочитал ей нотацию. Будто бы так...

В 1820 году они встретились в Петербурге (именно там впервые увидел её Пушкин, в церкви Покрова, он жил с родными в Коломне), Раевский недавно вернулся из Парижа, где служил адъютантом в оккупационных войсках. Тут только Раевский, как и будущий герой Пушкина, почувствовал, как он сам безнадежно влюблён... «*О жалкий жребий мой!*» – будет восклицать Онегин.

Сюжет этот лёг в основу романа, но жизнь Элиз среди деревенских, незнакомых Пушкину южных магнатов, среди которых возростала она, произвольно легко вставала знакомыми картинками простодушных северных усадеб. Неожиданный образ пленительной девушки, открыто поведавшей чувства в письме, потряс его сердце. Это было ни на что не похоже в его

жизни. Доверие и чистота пленили его, как идеал, и тогда же зародились мечты и развились в творческом воображении. И вот прошли слухи о том, что в Одессу прибудет граф Воронцов. «Зерно проросло», и Пушкин в Кишинёве 9 мая 1823 года начал «Онегина».

А ведь казалось, что биография и творческое наследие поэта уже исследованы самым тщательным образом, однако и сегодня открываются новые имена героев современников, появляются новые подробности событий и сюжетов.

Пушкинисты поняли, что онегинский опыт не выдуман Пушкиным, и не списан с кого-то постороннего, всё, что пишет поэт об Онегине, он знает по себе: картина поведения Онегина – суд над самим собой, суд с точки зрения того идеала человека, к которому стремится душа. Идеалом стала Татьяна. «Мой верный идеал», – писал Пушкин. В ней он воплотил свою мечту об идеальном, прекрасном человеке. Эти мечтания частично отразились во второй главе романа, и как раз в этой главе впервые появляется Татьяна, созданная Пушкиным, литературный образ. Рисунки Пушкина на черновых листах рукописи «Евгения Онегина» подтверждают биографические воспоминания о собственном опыте времени после лицейской службы, он и описывает их, поясняя в предисловии к своему роману: «Первая глава пред-

А. Н. Раевский.
«Кавказский
пленник». 1821 год

ставляет нечто целое. Она в себе заключает описание петербургской светской жизни молодого человека конца 19 года».

Пушкин в этой главе ещё не коснулся характера своего героя, поэтому здесь несколько его автопортретов, видимо, один из них – «молодого щёголя», в то время мог быть прообразом Евгения или Ленского. К счастью, ему быстро опротивела праздная жизнь, и он подружился в это время с героем своего романа:

Пушкин и Онегин на берегу Невы. Новое определение – слева А. Н. Раевский в образе светского денди

*Условий света, свергнув бремя
Как он, отстав от суеты...*

На листе описан день Онегина: подтверждающий блестящее заключение известного пушкиниста В. Непомнящего, об этом же напоминает эпиграф к первой главе. Такой человек и «жить торопится, и чувствовать спешит». Человек, воспитанный в таком миропонимании, озабочен только тем, чтобы взять от жизни как можно больше для себя, прежде чем бесследно исчезнуть, превратившись в горсть праха. Философия потребления «мира человеком». И вот перед нами типичный день Онегина, возможно, списанный с натуры.

Примером тому, что текст взаимосвязан с рисунками на рукописях романа «Евгений Онегин», служит предложенный ва-

шему вниманию фрагмент чернового листа первой главы романа. Пушкину удалось скрыть от любопытного глаза утаённую любовь к Е. К. Воронцовой. В 1823 году он уже знал историю её первого чувства, письма признания юной Татьяны – Онегину. Знал, кто Онегин. В Одессе, где они все встретились в доме её мужа генерал-губернатора Воронцова, Раевский преследует её своими чувствами, строит козни против влюблённого в неё поэта. Однако их любовь скоро стала взаимной. А Пушкин излил на бумагу все свои терзания и любовь.

Вероятно, теперь вы сможете сами узнать лицо Е. К. Воронцовой – прообраза Татьяны и «страдающего эгоиста» – А. Н. Раевского – Онегина. На рисунке, в середине, автопортрет в образе денди в чёрном фуляре, а внизу – юная Лиза Браницкая – прообраз Татьяны Лариной и юный Александр Раевский – конкретное лицо героя романа – Онегина. Образ этот до женитьбы воплотил пушкинскую мечту о настоящей

любви, но в жизни поэта – мечты тогда не сбывшейся. Она осталась драгоценным воспоминанием. Многочисленные портреты героини его личного романа ассоциированы с образом Татьяны, также (это предположено впервые мною) подтверждено его портретами с 1819-1830 годов. Сближены они – характером друга Пушкина, Раевского, который стал в дальнейшем его «Демоном», но, конечно, он типичный Онегин.

«Несовпадение личности и её образа жизни это и есть основа романа...» Это заключение и цитата, приведённая выше, взята мною из статьи известного пушкиниста Валентина Непомнящего («Книга, обращённая к нам – «Евгений Онегин», как проблемный роман»). Он заключает: *«Но часто ли мы задаём себе вопрос... почему роман до сих пор волнует сердце читателя и слушателя?.. Какая человеческая проблема строит его содержание, даёт роману его вечную жизнь?.. Что в нём заставляет порой вздрогнуть и почувствовать: это – правда, это – про меня, про нас всех? Ведь написан роман полтора столетия назад, написан не про нас, а про совсем других людей!»* *«Его пример другим наука!»* Молодежь должна задуматься над этим романом.

На черновиках романа «Евгений Онегин» кроме текста множество портретных рисунков, даётся целая *«живописная биография»* Пушкина. Мы и попытаемся её прочесть.

Когда первый биограф Пушкина П. Анненков увидел тетради Пушкина, они поразили его сложной тканью переплетения. Видимо, поэт открыл в них всю историю своей души, в черновиках сохранилась непрерывная его беседа с самим собой.

Работая над черновыми листами Пушкина, и я (художник-график) вскоре убедилась, что определить сюжет, изображённых в рукописи в портретных рисунках конкретные лица просто невозможно, не выслушав, не вычитав в тексте и портретах его непрестанную беседу, записанную им рядом с собеседником, – изображение которого он поместил перед собой.

Тайная деятельность в черновых записях и рисунках поэта – важнейший материал к летописи жизни и творчества Пушкина. Мир рисунков поэта раскрывался усилиями многих его исследователей. Необыкновенно увлекательно рассматривать черновые рукописные листы романа в стихах и рисунках Пушкина. К сожалению, в пушкиноведении мало ещё обращают внимание на художественную логичность появления рисунков в рукописных текстах, всё больше говорилось о лёгкости и живости рисующего пера, набросочной манере рисования и хорошей зрительной памяти.

Рисунки поэта, что о них говорят профессионалы и зрители на литературных вечерах в библиотеке и музеях Истры? В моей семье все, как говорится, «потомственные» художники. Очень убедительной показалась мне оценка рисунков Пушкина моей дочерью Натальей Полторацкой, талантливой художницей и знатоком мирового и русского искусства: *«По моему мнению, самым близким по манере и лёгкости дыхания в рисунке к Пушкину-рисовальщику был Х. ван Рейн Рембрандт. Даже инструмент рисования у обоих был один – гусиное перо, только Рембрандт вводил ещё в рисунок цветовую размывку кистью. Прозрачность штриха, гениальная динамика нажима и скольжения кончика отточенного пера, длинный штрих по вертикальной форме и сгущающиеся короткие перекрёстные штрихи в тенях доходящие до бархатной глубины пятна, виртуозная точность характера предмета, объёма, сделанная несколькими линиями, а главное, обилие света и тени, создающее*

вибрирующее пространство, роднит рисунки этих гениальных людей. Работы Рембрандта настолько убедительны своей характерной достоверностью изображённого, что могут иллюстрировать историю Голландии XVII века.

А ведь это продукт не многотрудного копирования действительности. Это, скорее, гениальное обобщение всего главного в предмете, а поэтому и наиболее важного. Мне кажется, что Пушкинские рисунки убедительны, прежде всего, этим же. У Рембрандта рисунки – преддверие его гениальной живописи, а у Пушкина это преддверие его текста. Искренности его портретов доверяешь сразу, все изображённые персоны достоверны, но его портреты заполняют поля его рукописей, и мы говорим о полной графической гармонии, смысловой и текстовой, его листа. Мне кажется, у такой гениальной личности, как Пушкин, разрыва между графической и смысловой стороной текста быть не может».

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, рождённая графиня Браницкая (1792-1880). Отец её, великий коронный гетман, граф Ксаверий Петрович Браницкий, был поляк, приверженец России, владелец крупного поместья Белая Церковь в Киевской губернии; мать, Александра Васильевна, рождённая Энгельдгардт, русская, была любимой племянницей Потёмкина, несметно богатая. Она говорила Вигелю: «*Кажется, у меня двадцать восемь миллионов рублей*». Была, однако, очень скупа. Девушкой Елизавета Ксаверьевна долго жила со строгой матерью в деревне Подобное событие и легло в осно-

вание «письма Татьяны» у Пушкина. В Белую Церковь приезжал и Александр Раевский, именно там, «в глуши забытого селенья», Елизавета увидела его и первой призналась в любви, написав письмо.

Известно, что Александр Раевский переживал те же, как Онегин, жизненные коллизии. Получив чин подпоручика и Георгия IV степени за громкое дело при Дашковке (с отцом и братом Николаем), Александр Раевский сражался при Бородине (там же был ранен М. С. Воронцов), при Красном, был награждён золотым оружием (шпага хранится в музее Каменки).

10 апреля 1813 года он, уже капитан лейб-гвардии егерского полка, состоит при графе М. С. Воронцове, который, в свою очередь, в начале войны командовал сводным гренадёрским полком под началом генерала Н. Н. Раевского. Отношения у А. Н. Раевского с Воронцовым в ту пору были очень близкие. Важно отметить и то время, когда во время отпуска по ранению (в конце марта 1815 года) Александр Николаевич находился в России, и граф писал его отцу, что без него скучает. Воронцов не знал ещё, что его корпус остаётся во Франции, и Раевскому надлежит прибыть в местечко Мобеж под Парижем, где они будут расквартированы и проведут без малого три года.

Итак, в начале 1818 года Александр Раевский вернулся на родину и привёз из Парижа множество книг о французской революции (в основном мемуаров) и уверенность в политических переменах. Напомним о библиотеке Онегина (которую

просматривала Татьяна в соседском селении). Возвратясь в Россию, ни Воронцов, ни его приятели («молодые демократы») не получили никаких назначений по службе.

Весна была бесплодной, Раевский прожил некоторое время дома в Киеве и в имении своей родственницы (двоюродной бабки) графини А. В. Браницкой в Александрии, близ Белой Церкви, где жила Елизавета Ксаверьевна Браницкая. Всё это нашло отклик в романе.

На помощь мне, художнику-исследователю, в этом кропотливом и сложном поиске пришли специалисты – научный сотрудник Института мировой литературы РАН, член пушкинской комиссии А. А. Макаров (бывший моим консультантом в работе над рисунками Лермонтова), сотрудники библиотеки института. Я постоянно консультируюсь со специалистами этих двух близких профессий (исследования текстов и рисунков), пушкинистами и художниками. Комплексно наши исследования продолжаются. Буквально «скорую помощь» оказала мне наша газета «Истринские вести», центральная библиотека города, Мария Трофимовна Смирнова, помогавшая мне в подборе редкой литературы о Пушкине и Лермонтове. Сердечно всех благодарю.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2002, №29-31. С. 6

2002, №32-35. С. 14

Валентина Шокман

Сердоликовые перстни

Но были ещё и сердоликовые письма. Где они? Тайна, тёмные, бархатные волны которой, лениво расступаясь под настойчивыми взорами любопытствующих, высвечивают на дне её золотым блеском светящиеся годы. Годы любви А. С. Пушкина и Е. К. Воронцовой. И, смыкаясь в причудливых изгибах, обрамлённые в пенное ожерелье, замирают в виде вопросов, восклицаний. Дивные стражи истории.

Но нужно ли беседу о гении начинать с вопросов? Можно ли? – спрашиваю я сама себя. И что дадут ответы? Разочарование при мысли о неизбежности или, наоборот, оправдание собственной жизни, кумирство до конца? И всё же, мой интерес начинается с вопросов. И нам, конечно же, не обойти, дорогой читатель, без обычных что? где? когда? Нет, я скажу иначе. Наше любопытство, при мысли о величайшем поэте,

должно определяться так: интерес, помноженный на гениальность личности.

– Я потрясена! Если бы вы только знали, какой мне удалось собрать материал. Графические рисунки А. С. Пушкина на полях романа «Евгений Онегин» при их грамотном, профессиональном прочтении говорят о том, что образ Татьяны Лариной, главной героини произведения, вовсе не собирательный. Это она! Одна она! Елизавета Воронцова явилась прообразом Татьяны! Любимейшая, обожаемая Пушкиным женщина. Они любили друг друга! Лиза пронесла эту любовь через всю свою жизнь гордо и мудро! Скреплением их высоких чувств явилось дитя! Дочь Софья родилась 3 апреля 1825 года.

Информация посыпалась так неожиданно и обильно, как только я переступила порог комнаты Людмилы Николаевны Шаталовой, художника-графика, члена Союза художников с 1949 года, почётного гражданина нашего города. Мне даже показалось на мгновение, будто дождь, шедший всё это время на улице, вошёл вместе со мной. Тихим, слегка взволнованным голосом, она, перебирая исписанные листки своих работ, кои находились на всех горизонтальных плоскостях комнаты, рассказывала, рассказывала...

– Герои и героини, их прототипы... ничего выдуманного! Всё взято из жизни, из сложных её переплетений...

Ещё мгновение, и заинтересованный взор Людмилы Николаевны остановился на мне. И было от чего. В одной руке я держала чашку горячего, дымящегося кофе, в другой – дамскую

сумочку, спустившуюся к локтевому сгибу, и вазочку с печеньем:

– Здравствуйте!

– Добрый день, – мягко улыбнулась она. – Что же вы замерли в дверях? Проходите, садитесь вот сюда. – Людмила Николаевна освободила край дивана. Я присела. Она положила мне на колени (больше было некуда) свои отскерокопированные рукописи и разные другие труды по «делу» Пушкина.

Продолжая слушать интереснейшие факты биографии А. С. Пушкина с массой доказательств его «нескучной жизни», я как-то невольно повторила уже сказанную Людмилой Николаевной фразу: Я потрясена! – и, заметив лёгкое недоумение на лице хозяйки этих великих открытий, обожаемой мною женщины, продолжила: Людмила Николаевна, дорогая, я так счастлива, поверьте, что имею возможность общаться с вами и писать о вас, но количество материала, предложенного сейчас мне для работы... способен переработать только Институт мировой культуры. Простите, понимаю, что данное моё откровение бестактно... И всё-таки, если позволите, поговорим сегодня только о Лизе Воронцовой и А. С. Пушкине.

Разочарование на её лице сменилось снисхождением. И после короткой паузы, во время которой она искала доказательства того, о чём сейчас будет идти наша беседа, произнесла:

– Хорошо. Допивайте свой кофе...

Я затаила дыхание. Сейчас, через пару мгновений, услышу красивое повествование о любви. И пока Людмила Никола-

евна ещё несколько минут была в поисках конкретных своих работ по теме, нами уже определённой, я выстраивала в своей голове сюжет того, о чём мне предстояло писать. Главной радостью было то, что мне ничего не надо будет выдумывать, а только записывать. Судите сами!

Осень! Истринская. Ошеломляющая запахами, пряная листва под ногами. Блеск солнца, отражающийся ото всего, на что только падает ваш прищуренный до точки глаз. Небо в своей пронзительной голубизне и неприкрытости, то есть лишённое хоть какого-либо облака, завораживает чистотой и прохладой. И ты уже всерьёз начинаешь задумываться, что, может быть, «выход» именно там. А цвета? Такое ощущение, что кто-то изрезал радугу и раскидал её, как в последний раз, зная твёрдо, что такое уже повториться не сможет никогда... А ведь повторяется! Прости, читатель, за такой разгул мыслей, но думаю, что истринская осень и болдинская похожи, будто близнецы-сёстры, и самое главное в их схожести – любовь!

Этот день не уставал поражать меня своею душевностью. И следующий эпизод – этому подтверждение. Итак, с наслаждением вкушая красоту своего осеннего города, я незаметно дошла к «заветному дому». Шёл дождь. Путаясь в его струях и напевая строки великого поэта о самом «аристократическом» времени года: *«И с каждой осенью я расцветаю вновь...»*, позвонила в дверь. Мне открыли.

Боже, как я люблю этот дом и людей, в нём живущих! Талантливейшие труженики! Владимир Семёнович Петров –

скульптор, участник монументальной секции Союза художников – зять Людмилы Николаевны, тихим, приветливым голосом (в этом доме все говорят, не повышая тона, что является одной из главных черт интеллигентных людей) – предложил войти, сказав, что меня уже ждут, и тут же я услышала следующее:

– Хотите домашнего вина из чарки восемнадцатого века? После дождя в самый раз, чтобы согреться.

– ?!! Хочу... из XVIII века. Спасибо. Только из чарки... не многовато ли? Из них обычно... богатыри, гусары...

– Что вы, она совсем маленькая, не больше напёрстка в объёме. Только пейте быстрее, так как в ней маленькая дырочка. Протекает.

Скажу честно, я небольшой знаток по качествам вин, но то, что я выпила, было напитком божественным. И на моё внимательное разглядывание чарки Владимир Семёнович заметил:

– Откуда и как она к нам попала, никто не знает...

Но разве это так важно, думала я, когда ты держишь «далёкое прошлое» в своих руках, да ещё к тому же вкушаешь из него с наслаждением.

В полном умилении произошедшим и в преддверии ожидаемого, я с чашкой горячего кофе поднялась на второй этаж, где меня ожидала Л. Н. Шаталова. Но торжественно поселившаяся в моей голове мысль о том, что плавно перехожу из XVIII века в XIX, так и осталась до конца не осмысленной, потому что далее произошло то, о чём я, мой дорогой читатель, сообщила выше.

Людмила Николаевна Шаталова держала в своих руках графические рисунки А. С. Пушкина. Их было достаточно, чтобы убедить... Женский портрет в профиль, выраженный самостоятельно и в разных композиционных сюжетах, нарисованных им к роману «Евгений Онегин», был лицом одной и той же женщины.

Людмила Николаевна продолжала свой рассказ, подкрепляя его сложными витиеватыми доказательствами. И в то же время очень простыми. Из них выходило всё, как в известном романе. И теперь, благодаря нашей истринской исследовательнице, мы знаем, что прообразом Татьяны Лариной является Елизавета Воронцова! Вот и всё. Ответ получен. Интервью можно считать законченным. Потому что далее подтверждение данной работы должно идти на высочайшем уровне – художники, исследователи, историки... Все с мировыми именами. Но это их история. А наша...

Моё воображение распалось... А. С. Пушкин не включил себя в роман, не стал прообразом наиглавнейшего героя! А ведь таковым был именно он! Он! И никто другой! Да, очень легко «считывался» А. Раевский с Евгения Онегина. Пушкин до мелочей сохранил образ своего друга в произведении. Правда, их мужская дружба будет не столь долгой... Причиной раздора станет всё та же незабвенная Елизавета Воронцова.

Но А. С. Пушкин Вот где загадка. Вот что показалось мне очень интригующим! Почему? Да потому, что это было единственным, что отличало сюжет романа от сюжета жизни. Ка-

кой бы это был поворот! Интересно, маску какого героя надел бы на себя Александр Сергеевич? Порядочного пылкого любовника или непорядочного? Не смог? Не захотел?! Слишком дерзко?!

– Да нет! Всё дело совсем в другом! Как вы не понимаете? – я уже слышу негодования отдельных читателей. – Это была настоящая любовь! А любимых не предают! Это дело чести, цена которой – жизнь! И не нам судить. Тем более что победителей не судят! А в любви, как мы знаем, побеждённых нет!

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, урождённая Браницкая и А. С. Пушкин встретились в 1820 году в Петербурге. *«Небольшого роста, с чертами несколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Ксаверьевна была, тем не менее, одной из привлекательнейших женщин своего времени. Всё её существо было проникнуто такой лёгкою, очаровательною, женственной грацией, такую привлекательностью, таким неукоснимым щёгольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, герой 1812 года А. Н. Раевский и многие другие, без памяти влюблялись в княгиню Воронцову»* (граф В. А. Сологуб).

А. С. Пушкин
и Е. К. Воронцова

К моменту их встречи Лиза была замужем за Воронцовым. А из доверительных бесед с Раевским Пушкин уже знал о Лизе, как о некой деревенской девушке, первой признавшейся воз-

любленному в своих чувствах. Раевский в то время этого не оценил! Не понял? Или просто не был влюблён? Или, ещё проще, испугался... Но достоверно известно, что горько сожалел впоследствии о содеянном, будучи безнадежно влюблённым в Лизу. Она ему предпочла другого. И этим другим стал

Александр Сергеевич Пушкин.

Её искренность и доверчивость были настолько духовно высоки в представлении Александра Сергеевича, что идеал женщины, созвучной мечте, был сотворён сам собою и нашёл продолжение, развиваясь в творческом воображении поэта. 9 мая 1823 года Пушкин начал «Онегина».

Слева направо: М. С. Воронцов,
А. С. Пушкин, А. Н. Раевский
и Е. К. Воронцова

«В Одессе Пушкин стоял с Воронцовой у моря. И, как он часто

делал, ждал девятую волну. Припожаловала девятая волна и настолько сильно облила Пушкина и графиню, что пришлось переодеваться. Свидетельницей маленького происшествия была княгиня Вяземская. Вот это и были «дни любви Пушкина и Елизаветы Воронцовой»: девятая волна самая приливная.

...Да, когда-то «она имела у ног своих знаменитого поэта», свидания в Одессе в доме «были затруднены», и место их встречи навсегда осталось только в его стихотворных строчках!» («Мальчишник», М. Коршунов и В. Терехова).

Очевидцы тех дней донесли до нас ещё один немаловажный факт, дополняющий цветовую гамму высоких чувств любящих сердец. Сердоликовые перстни! Красные камни – «огонь, пламя, жар, страсть». Письма с их отпечатками на сургуче были обнаружены в Морозовском доме автором книги «Мальчишник» М. Коршуновым. И надо же так случиться, что, когда не была ещё разгадана одна загадка – кому принадлежали они? ей? ему? – возникла другая – письма пропали. Это долгая, отдельная история, а мы, к сожалению, так и не получим ответ на вопрос. Чьи это были письма? Ведь перстней, именно таких, было два! Только у Е. Воронцовой и А. Пушкина!

Современники той поры утверждают: «Да, перстни были!» «...Крымские сердоликовые перстни... Тайное короткое, венчание, совершённое не священником, а любовью: есть у моря уединённая пещера...» («Мальчишник»). Пушкин с ним никогда не расставался. Художник Тропинин, писавший портрет Александра Сергеевича в 1827 году, сохранил для нас его сердоликовый перстень – талисман. Уже с мёртвой руки поэта перстень снял Жуковский. На сердолике надпись на древнееврейском языке: «Симха, сын честного господина Иосифа старца, да будет благословенна его память». Но где сейчас эти вещественные доказательства жизни и любви известнейших людей? На этот вопрос отвечают только легенды.

Долгое время, до известных событий 1917 года, перстень Александра Сергеевича хранился в музее в Петербурге. Потом исчез. Но спустя многие годы «во Всесоюзный музей Пушкина

позвонил неизвестный и заявил: перстень был похищен поэтом (фамилия не называлась), чтобы обрести поэтическую силу. Увезён за границу. Умирая и раскаиваясь, поэт обо всем сообщил своему брату, который и говорит сейчас по телефону. Вот и всё. Ни фамилии, ни имени поэта-похитителя, ни названия страны, куда сердолик попал. Легенда? Сказка?... Пусть так и будет... Второй перстень – графини Воронцовой – тоже нигде больше не обнаруживался. По одной из версий (легенд), Елизавета оставила его той своей дочери, которая – единственная из детей – была темноволосой. Что при этом графиня сказала своей темноволосой дочери? Если сказала»...

(«Мальчишник»).

Е. К. Воронцова с дочерью
Софьей. Акварель Н. И. Алексеева

Но перстни были. И письма были! И дочь Софья, величающая собою любовь матери и отца! И что бы ни говорили историки и исследователи, добавляя к своим утверждениям, как бы невзначай, призрачные слова «легенда», «сказка», нет ничего более убедительного, чем строки самого Пушкина, оставленные нам, нет, не в оправдание, а ещё и ещё раз в возвеличивание вселенского чувства, имя которому – любовь!

*Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои...!*

...

*Уж перстня верного утрата впечатлень,
Растопленный сургуч кипит...
(«Сожжѣнное письмо», 1825 год)*

Любовь А. С. Пушкина к Е. К. Воронцовой была настолько сильна, что даже потомки гения пронесли через века историю их отношений, чистых и недвусмысленных. Как гласит нам та же история, поэт перед своей свадьбой с Натальей Гончаровой (1812-1863) сам поведал ей о своих чувствах к бывшей подруге и матери своего ребёнка.

Как отреагировала Наташа на откровения своего будущего супруга, сейчас можно только догадываться. Но она несла эту тайну в себе всю жизнь. И только умирая, доверила её своему старшему любимому сыну Александру. А он, прожив долго (умер в первый день начала войны 1914 года), рассказал её своей очень любимой дочери Анне... Вот так до нас дошла эта удивительная романтическая... правда!

Да, юная Наташа и умудрённая жизненным опытом Лиза, имеющая до рождения Софьи (дочери Пушкина) своих троих детей в законном браке с графом Воронцовым... Чем пленили эти женщины гения? Умом, женственностью, обаянием, неповторимостью особенностей безмерной притягательности каж-

дой из них? Он любил их! Они любили его! Жизнь так сложится, что через 17 лет после смерти поэта женщины встретятся.

«– Меня с вами соединяют воспоминания молодости, и я, поверьте, их очень дорого ценю. – Воронцова помедлила и повторила:

– Очень. Судьба распорядилась, что я сижу подле вас. Вы часто поминаете его в молитвах? – вдруг последовал неожиданный вопрос.

– Да, – совсем тихо ответила Наталья Николаевна. – Постоянно.

Княгиня быстро, едва заметно, перекрестилась... Потом кивнула:

– Я тоже...» («Мальчишник»)

Часть седьмая

Вспоминая о Людмиле Шаталовой

Газета
**ЛЕНИНСКИЙ
ПУТЬ**

1983, №19. С. 3

Софья Гумерова

Души высокое стремленье

Людмила Николаевна Шаталова. Это имя хорошо известно Истринцам: член творческо-шефской комиссии по работе на селе при правлении Московского отделения Союза художников РСФСР, она частый гость сельчан. То проводит уроки эстетики для школьников посёлка Ново-Петровской птицефабрики, то с ранним автобусом спешит в Костровский сельский Дом культуры, где её ждут дошколята; вечером принимает у себя воспитанников Истринской детской художественной школы, угощает их ароматным чаем и знакомит с азами графического мастерства, показывает в действии офортный станок, радуется их первым собственноручно выполненным на нём оттискам. А ведь для объяснения секретов творчества не пяти-шести, а порой тридцати начинающим художникам требуется не час времени, и, конечно, теплота сердца.

Наша землячка была инициатором дружеских контактов столичных художников с тружениками села Истринского района. Возьмём ежегодные встречи мастеров изобразительного искусства с сельчанами в дни коммунистических субботников. Результатом стали прекрасные портреты животноводов совхоза «Победа» и опытного хозяйства «Истринское», экспонировавшиеся на выставке «Земля и люди» в ЦДСА имени М. В. Фрунзе и столичном кинотеатре «Художественный», республиканской выставке в городе-герое Туле, ВДНХ СССР. Горячие отзывы на этих выставках получили работы самой Л. Н. Шаталовой.

Особенно любит художница встречи с детьми. В эти дня она проводит уроки эстетики для старшеклассников Ивановской сельской школы, у своей выставки, развернутой в Доме культуры совхоза «Победа». Кстати, это третья её выставка здесь. С интересом всматриваются мальчишки и девчонки в графические работы. Вот группа восьмиклассниц столпилась у офорта «Маленькие балерины», негромко, но оживлённо обсуждая его простой сюжет, – многие сами вечерами облачаются в воздушные юбочки, занимаясь в хореографическом коллективе.

Узнают ребята «Москву праздничную» и «Музей Революции» – эти работы часто выставляются и воспроизводятся на страницах центральных журналов. Покорила юных зрителей автолитография «Туман». Над утренней гладью реки сонно клонятся раскидистые ветви одинокого дерева. Не пробудившееся и не озарённое ещё солнцем небо окутано зеленовато-жемчужной дымкой тумана.

Трепетное чувство рождается в душе и при созерцании монотипии «Изморозь». Причудливая вязь снежного узора украсила зимний лес. Будто морозцем дыхнуло с картины, а с роскошных елей, грядой стоящих за хрупкими березками, осыпаются искристые хлопья. Хочется протянуть руку к голубоватому сиянию снега...

Шаталова напоминает слушателям о том, что любовь к искусству начинается с внимательного, равнодушного взгляда:

– Когда я провожу свои выставки, – обращается к ребятам Людмила Николаевна, – то, беседуя со зрителями и особенно – с вашими сверстниками, всегда советую им смотреть картины вдумчиво, искать близкое своему пониманию искусства.

Она рассказывает об искусстве графики. Отвечает на различные вопросы и, наконец, проводит своеобразный урок по творчеству Лермонтова, в исследовании рисунков которого Л. И. Шаталова сделала значительные открытия, о чём сообщалось в журналах «Искусство», «Знание – сила», «Работница», передаче Центрального телевидения «Очевидное – невероятное», газете «Правда».

Ивановские школьники слушают волнующий рассказ о прототипе образа «дяди» в знаменитом лермонтовском «Бородино».

За успехи на благородном поприще воспитания подрастающего поколения Людмиле Николаевне Шаталовой, члену Союза художников СССР, на открытии выставки в совхозе «Победа», была вручена почётная грамота отдела культуры исполкома Истринского горсовета. О высоком чувстве долга, кото-

рое выражается в стремлении содействовать активизации художественной жизни на селе, подлинной гражданственности художницы, выходе из семьи потомственных революционеров, говорил не открытии выставки московский художник Б. Е. Терехов. А инженер-строитель А. Г. Анохина отметила в творчестве художницы *«искренность и нежность к родному краю»*.

...Ребята окружили Людмилу Николаевну. *«А кто изображён в образе Печорина? Что вам нравится рисовать больше – пейзажи или портреты? Над чем сейчас работаете?»* – сыплются вопросы. Шаталова отвечает обстоятельно и улыбка радостного удовлетворения появляется на её лице. Каждую просьбу она одобряет словами: *«Это очень хороший вопрос»*. Контакт состоялся, чудо общения произошло.

Мы тепло расстаёмся с учащимися Ивановской сельской школы, их педагогом Лидией Фёдоровной Ивановой, садимся в рейсовый автобус. Людмиле Николаевне слышатся голоса Жанны Грезент, Наташи Князевой, Валеры Овсянкина, Лены Соколовой.

– Так дороги эти встречи, – произносит тихо Шаталова. После них хочется работать и работать. Я начала серию гравюр о Лермонтове, веду переговоры об издании альбома факсимильных рисунков поэта с моими комментариями. И повернувшись ко мне: *«А ребята обещали приехать в гости»*.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1993, №88. С. 4

Елена Фадичева

Людмила Шаталова – художник и исследователь

О пять новая встреча с творчеством Людмилы Николаевны Шаталовой. Выставка получилась превосходной: представлены все важные грани дарования и результаты труда художника и исследователя Лермонтова.

Разнообразная техника мастера графических работ – великолепны все экспонируемые работы Людмилы Николаевны. Что же касается портретов М. Ю. Лермонтова, то можно утверждать, что такого проникновения в духовный мир на портретах поэта ещё никто не достигал. Каждый портрет – это разное внутреннее состояние Лермонтова. Они передают его мятежность, его ранимость, напряжение мыслей, одиночество, гордость. Надо быть большим художником, чтобы показать это. По словам Людмилы Николаевны, Лермонтов учит её достигать

совершенства в работе, к которому сам стремился всю короткую жизнь.

Выставка подводит итоги и тем исследованиям Людмилы Николаевны, которыми она занимается долгие годы. Здесь новые находки и открытия. Да, нужна книга. У Шаталовой она практически готова, но как обидно, что со стороны профессиональных учреждений Людмила Николаевна так и не получила помощи. Но то, что её работа нужна людям, показывает книга отзывов. География посетителей самая разнообразная, и в каждом отзыве – благодарность исследователю и организаторам выставки за полученные знания и впечатления. Рискну высказать пожелание сделать выставку Л. Н. Шаталовой постоянной. Думаю, людей любящих Лермонтова, достаточно в нашем обществе, и выставка, как подсказывает практика, всегда будет вызывать исключительный интерес. Людмиле Николаевне хочется пожелать радости в творчестве, новых удач и, конечно же, завершения книги!

М. Ю. Лермонтов.

Литография Л. Шаталовой

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1996, №97. С. 3

1996, №130. С. 3

Валентина Шокман

«Тому судья лишь Бог да совесть»

Поезд медленно подходил к северному вокзалу, Москва! А ещё дядя обещал сводить в театр на «Синюю птицу»... Как чудесно бьётся сердце. Ожидание закончилось... Мама, Москва! Эй, извозчик! Подъехала коляска с поднятым верхом. Какая сказочная правда! Во время езды несколько раз заглядывала украдкой в лицо человеку, правившему лошадей: действительно, немного угрюмый и с бородой. Всё совпадало с рассказами о столице... Кремль... Охотный ряд... Сколько продуктов, товаров... Храм Христа Спасителя?!?!

Не сводя с него взгляда, вышли из фаэтона, миновали каштановую рощу... Снимок на память! Мамочка, мне 8 лет, я ещё маленькая, но душа у меня, наверное, большая. Чему ты смеёшься, родная? Ведь в маленькую душу столько счастья и радости не поместится! Спасибо, что устроила нам эту памятную

прогулку. Помню, как ты всегда говорила: *«Не туши человеку радость»*.

Людмила Николаевна Шаталова держит в руках немного пожелтевшую фотографию, ту самую, где семьёй снимались на фоне храма Христа Спасителя в день приезда в Москву. *«Будто вчерашний день, как всё свежо в памяти»*, – тихо говорит она.

Шёл 1924 год. Август. Последние шаги новой экономической политики. Семья Людмилы Николаевны и другие их родственники переехали на жительство в Москву из далёкой Сибири – города Зимы. Квартиру получили в почти разрушенном доме в Зачатьевском переулке, недалеко от монастыря с таким же названием.

Фотографии, фотографии... Свидетели прошлых лет... Детские лица брата и сестры, немного грустные глаза мамы. Где-то я уже встречала похожее – такой же смех, такое же желание жить, объяснить. Вчера... Сегодня... или сейчас, когда ехала на встречу к своей собеседнице?

«Людмила Николаевна, – обращаюсь я, отрывая взгляд от снимков. – Мне кажется, что всё это было недавно. Всё так знакомо и понятно, хотя для меня это далекая история».

Она на минуту перестала переключать архив и медленно, посмотрев мне в глаза, ответила: *«О, Вы даже не представляете, как быстро летит жизнь! Как быстро... Но я оптимистка и у меня работа – детище всей моей жизни!»* Блеснув взглядом и поправив лёгким движением руки прядь всё ещё

красивых волос, выбившихся из причёски, продолжала: «Я постепенно открываю завесу тайны жизни М. Ю. Лермонтова. Да, да, это только начало будущих исследований его высочайшей жизни. Благодарна всем искусствоведам, проделавшим большой путь изысканий! И. А. Андроников немного приоткрыл тайну Михаила Юрьевича... Я же пошла иным путём разгадок. Были ошибки, так как в начале своих поисков опиралась на прошлый опыт... Но, когда поняла причину заблуждений, то решила начать всё сначала. Это, возможно, и привело к правильным заключениям своих находок в откровении, жизни и творчестве гения.

– Людмила Николаевна, – только и успела сказать, как она вновь заговорила.

– Простите, отвлеклась. Настолько занята судьбой Михаила Юрьевича, что о своей и сказать не знаю как... Родилась в семье политических ссыльных в 1916 году 1 или 14 августа (по новому стилю) в городе Иркутске. Крестила меня тётя в Иерусалимской церкви. Да, там была такая церковь, а может и сейчас есть, не знаю. Мой папа прекрасно рисовал, а мама писала стихи и сказки. Она записывала их в свои дневники, сначала в днепропетровской тюрьме, затем в Рижской. Её записки сохранились! Как много в них наивных рассуждений, если смотреть на прошлое сегодняшними глазами, но это ни в коем случае не умаляет их достоинств, а наоборот, говорит о чистоте её души, её стремлении. Когда закончился срок маминого заключения под стражей, её выслали в Сибирь, где они с папой и познако-

мились. Родились дети... Четверо – Таня, я – Людмила, Генриетта, Валера. Генриетта умерла в четыре года от дифтерии, ещё там, в холодной Сибири.

Когда закончился срок высылки родителей, мы переехали в Москву. В то время в ней существовало общество политкаторжан. Людей, пострадавших за коммунистические идеи ещё в царское время, было много, особенно молодёжи. Но именно молодым принадлежит будущее, а оно всегда видится в надеждах более прекрасных... Кто бы мог подумать, что оно ещё страшно парадоксально. Но время парадоксов будет немного позже. А пока, мама с папой, вступив в него, имея на это полное основание, получили возможность участвовать в строительстве кооперативного дома, специального дома для бывших политзаключённых. Он находился по адресу: улица Покровка, 37. В него мы переехали в 1934 году. Но счастье и радость нашей семьи в нём были не долгими...

Жизнь продолжалась. Я окончила семилетнюю школу, и так как очень любила рисовать, и делала это неплохо, то поступила в художественное училище имени 1905

*Мать Шаталовой с детьми.
Людмила – в верхнем углу
справа. 1936 год*

года на Сретенке на оформительское отделение. Моя нежная мудрая мама с большим вниманием культивировала во мне этот талант, поэтому ещё перед поступлением в него я занималась и брала уроки рисования у прекрасного известного преподавателя Чарушина – анималиста, рисующего животных. Как сейчас помню, мы ехали с мамой в трамвае с названием «Аннушка» – его так любя называли москвичи, и везли для поступления в училище вместе с документами портрет нашей домашней собаки Джека. С любовью мною написанный – он был великолепен! Как мама гордилась мною... и за счастливым сиянием своих глаз прятала от своих детей невзгоды и тяготы нелёгкой судьбы. Она очень болела – следствие тюремных заключений.

В тот год, 1938-й, она лежала в больнице с кровоточащей язвой желудка. Я в то время училась в Ленинграде в институте имени Репина при Академии художеств. Не закончив сдавать экзамены, вернулась в Москву – очень волновалась за больную маму и маленького брата. В день возвращения раздался телефонный звонок. Я взяла трубку, мужской голос спросил Татьяну Ивановну, так звали мою маму. Я ответила, что её нет, она сейчас в больнице, но сегодня вечером будет дома, так как мама на время моего приезда договорилась, чтобы её отпустили домой. Мы долго в тот вечер говорили и не ложились спать... Поздно ночью услышали стук в дверь. Вошли мужчина в штатском, с ними понятые и велели маме собираться. Мы знали, что подобное случалось... Но это было с кем-то... К тому

времени у многих моих знакомых уже забрали мать или отца, а то и обоих.

Но наша мама! В чём виновата она?! Мы стояли, оцепенев. Лишь уходя, она просила нас верить и знать, что ни в чём не виновата. Больше мы её не видели. Но на всю жизнь заполнили её взгляд и улыбку, до того, когда за ней навсегда перед нами закрыли дверь. Она ушла, но страх остался. Страшно было за нее, за нас.

В доме №37 на улице Покровка были расстреляны почти все бывшие политзаключённые. Потом был произведён обыск и что интересно – нашли письма, которые мы, дети, писали маме, когда по разным причинам находились вне дома. Всё дело в том, что не само содержание писем их интересовало – оно было до банальности простым. А подпись, которую мы ставили, завершая письмо. Например: *«Не волнуйся, с ВаЛюТоЙ всё в порядке»*. Долго нам пришлось объяснять, что слово «ВаЛюТа» – это не что иное, как мы дети. «Ва» – Валера, «Лю» – Людмила, «Та» – Татьяна... Сейчас это вызывает улыбку...

Лишь спустя длительное время, в 1990 году, нам прислали мамино «Дело» и свидетельство о смерти по причине расстрела... Она так любила жизнь, что искренне умела радоваться нашим успехам, была неутомимым вдохновителем на разные выдумки, развивая в нас дух творчества, вызывая любовь к прекрасному.

После маминого ареста я вернулась в Ленинград. Там почувствовала, что за мной следят. Закончив второй курс, уехала

в Москву, где учиться начала заново, поступив на живописный факультет в институт имени Сурикова при Академии художеств. Преподавал у нас Аристарх Васильевич Лентулов.

Помню после второго курса уже московского вуза, мы проходили летнюю практику в Крыму. По возвращении сдали свои работы на выставку. И вдруг узнаю, что директор института И. Э. Грабарь, увидев мою работу, распорядился перевести меня с живописного факультета на графический, заявив, что я талантливейший художник-график и во мне этот талант должен быть достойно развит. Сколько было слёз!!! Но правда остаётся правдой... Только моё профессиональное видение художника-графика позволило мне расшифровать рисунки М. Ю. Лермонтова. И я благодарна за это судьбе в лице И. Э. Грабаря.

– Людмила Николаевна, в самом начале хочу извиниться за слишком долгое ожидание «продолжения». Но веря в такое человеческое качество, как благосклонность, надеюсь, что Вы простите мне эту задержку и мою вину... Сегодня мы снова вместе.

Людмила Николаевна, мы остановились на том времени вашей жизни, когда вы были слишком молоды, но уже достаточно образованы, чтобы любить жизнь... красиво! Вы – будущий художник! Рядом с вами талантливый человек – муж, и впереди целая жизнь!

Итак, закончив третий курс графического факультета Московского института Академии художеств имени Сурикова, вы

всей группой отправились на летнюю практику в Крым, в деревню Козы, что близ Феодосии. Вместе с вами студент Н. Пономарев, человек которому суждено будет в дальнейшем возглавить Российскую художественную академию, став её президентом. А пока молодые, целеустремленные, а поэтому счастливые люди, по приезде в татарскую деревню с экзотическим названием, вдохновленные красотами местной природы, побросав свои вещи, прямо с дороги, помчались с этюдниками в горы. Величие как бы застывшего времени, открывшееся взорам, было достойно кисти художника! И встреча таковых состоялась! Встреча, полная взаимности и... и, только кто-то из студентов за увлечённой работой всё-таки услышал страшный гул, доносившийся с неба. Подняв голову и, увидя невиданное доселе количество самолетов, пояснил: «Учения»... Свастики никто не заметил!

– Война... это бесчеловечно. Много слов, определяющих её, можно подобрать, но сама реальность... Не дай Вам Бог», – продолжила свой биографический рассказ Л. Н. Шаталова. – Местные власти мобилизовали нас студентов строить противотанковые заграждения. Две недели неопределённости и страшных сводок. Потом пришло распоряжение из Москвы – вернуться! Если бы задержались на несколько дней, судьба нами распорядилась бы иначе... Фашисты взяли Керчь! Уставшие, измождённые и, как оказалось, все без исключения заболевшие туберкулёзом, вернулись в Москву. Заражение произошло через питьевую воду ещё там, в Козах...

Всё происходящее было похоже на липкий от страха сон... Ещё немного, вот сейчас... проснусь... Но нет! Фашисты приближались к Москве! В эвакуацию в Новосибирск уехала одна, так как муж, Василий Тимофеевич Полторацкий, работал конструктором в ЦАГИ – аэродинамический институт, считавшийся учреждением закрытого типа.

Людмила Шаталова

Война! Люди во власти жестокой неизбежности... Брат Валера, ещё не достигший призывного возраста, работал в институте имени Склифосовского, куда доставляли раненых с фронта. Сопереживая искалеченным солдатам, желание мстить врагу любой ценой, даже ценой собственной жизни, было естественным для него и ему подобных молодых людей... Фронт, Волоколамское направление, суровая зима... Сейчас мы знаем из истории, какая армия, какие

люди, каким количеством жертв отбросили фашистов от Москвы, повернув ход войны на длинную, чудовищно жестокую дорогу назад! А тогда, мальчишка среди таких же мальчишек, стоя на маленьком клочке земли, равнявшемся двум стопам его обмороженных ног, бескорыстно, самоотверженно защищал Родину! И защитил, чудом оставшись живым. Вот только стопы... ампутировали! И уже без них был награждён орденом Славы IV степени. После войны Валера поступил в

университет на философский факультет. Стал учёным. Им издано более ста книг и статей по истории и искусству архитектуры. Совсем недавно умер...

Людмила Николаевна подняла на меня чуть влажные тихие глаза: *«Да всё когда-то имеет свой конец... Но жить надо постараться интересно, так как будто вы сами о себе пишете книгу. А если ещё представить, что эту книгу будут читать другие, то уж будьте добры позволить назвать читавшему её хотя бы не скучной...»*

Теперь я опустила глаза... Не хотела, чтобы она через них увидела, как в моей душе закапали слёзы. Прости, читатель, меня за сентиментальность, но уж что есть, то есть. С трудом проглотив щемящий комок, застрявший в горле, спросила: *«Людмила Николаевна, а как встретил вас холодный Новосибирск?»*

– Холодный?! Что вы! Люди... Сердечность, с которой они меня приняли, удивляла. Встречала в жизни разных... Видела тех, которые отправили мою маму на расстрел, видела... да много что видела. Но таких как в Новосибирске, раньше никогда... Вскоре после прибытия устроилась на работу в «Окна ТАСС». Это издательство, где мы, художники, писали агитационные плакаты на военные темы. Хорошо помню, как однажды была организована выставка «Сибирь фронту» На ней мы демонстрировали свои работы – тема та же, а идея автора. Сюжет плаката пересказывать не буду, скажу только одно, что для меня она прошла успешно.

В начале 1944 года вернулась в Москву. В этом же году у меня родилась дочь. Как же было трудно! Но мы жили, заполняя сложность бытия не только мечтами о «светлом завтра», но и конкретными, интересными делами – учёбой. Учиться хотелось всегда. Мне повезло, что моими учителями были истинные художники по живописи – А. В. Лентулов, уроженец города Пензы (там, в музее сохранились его полотна, есть они и в Ново-Иерусалимском музее); известный художник – М. С. Родионов, оставивший много литографических портретов артистов и иллюстраций классики; Д. А. Шмаринов – иллюстратор «Войны и мира» Л. Н. Толстого и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова и другие. Теперь понятно, почему я обладаю различными художественными методами писания картин? Глубокое знание графической техники позволило мне найти «ключ» к разгадке рисунков М. Ю. Лермонтова. Так уж получилось изначально, что на нашем факультете графики было всего несколько девушек, то есть в основном, конечно, ушли на фронт, почти с первых дней войны... Погибли многие, поэтому выпускников этого курса было всего 6 или 7 человек.

Свою дипломную работу я делала в различных кружках Центрального дворца пионеров, располагавшегося у Кировских ворот. Получился альбом из серии эстампов в технике литографии. Было в нём предисловие – дети со счастливыми лицами, окружившие бюст Сталина. По-другому в то время работать, да и жить было нельзя. А предисловие, как мы знаем, раскрывает цель данной работы и служит объяснением на критику.

Защитив дипломные работы и закончив в 1947 году институт, наш курс был принят в Союз художников. О правах и обязанностях его членов в то время можно долго рассказывать. Было в Союзе много как положительных, так и отрицательных моментов, но главный – возможность выставлять свои работы на всех отчётных выставках. Это было и обязательным условием. А теперь представьте небольшой зал, разбитый по секциям, где сплошь и рядом на стенах висят полотна (художник имел право выставлять только одну свою работу), а в центре – приспособления, называемые «вертушками» для графических работ. Вы понимаете, что впечатление автору на зрителя на такой выставке было произвести очень трудно. Художники эти «вертушки» называли «братскими могилами». От истины они были недалеко.

При Союзе художников, в 50-е годы возглавляемом С. А. Герасимовым, был организован комбинат графических работ. Там нам давали автобус на целый день. Разъезжая на нём по Москве, мы зарисовывали уже тогда начинающие исчезать уголки старого города с его неповторимой архитектурой. Это была колоссальная возможность получения опыта работы. Но мы видели и другое – разрушение любимой Москвы. Оттепель 60-х годов овеяла приятным и очень необходимым – в том же графическом комбинате мы стали получать небольшие деньги от продажи своих работ для детских садов, школ и так далее.

В 1954 году всей семьёй переехали в Истру. Работа мужа была очень «неспокойной» и ответственной. Хотя он был пре-

красным специалистом и учёным, но не давал чиновникам покоя один факт его биографии – принадлежность к роду князей Оболенских... По этой причине в 1944 году был переведён из ЦАГИ в энергетический институт. В. Т. Полторацкому было рекомендовано возглавить центральную научно-исследовательскую лабораторию ветроиспользования. Именно эта его работа в дальнейшем и привела нас на жительство в Истру. О чём, впоследствии, никогда не жалела.

Трудности трудностями, но жизнь в замечательном, очень любимом городе считаю самой счастливой. Здесь хочется творить! В 1971 году была проведена моя первая персональная выставка в Доме культуры. Работы экспонировались в школах района. В них же сама проводила уроки эстетики, пробуждая в детях любовь к прекрасному!

– Людмила Николаевна, извините, завершая нашу беседу, хочу спросить, а что стало с вашей старшей сестрой Татьяной?

– Своей красивой сестрой-умницей горжусь не меньше, чем братом Валерой. В 1936 году она закончила Дирижаблестроительный комбинат в Тушино. Это высшее учебное заведение окончил и мой муж. Затем вышла замуж за харьковчанина Алексея Соломоновича Компонейца. Он известный учёный, физик-теоретик. Работал с Ландау и Лившицем. Им написано много работ по теории физики. Этими книгами до сих пор пользуются во всем мире. Татьяна вместе с мужем работала в институте химфизики Академии наук. Прекрасно владея японским языком, она переводила научную литературу.

– Людмила Николаевна, позвольте спросить о самом трепетном деле в вашей жизни сейчас... Почему Лермонтов?!

И тут же – знакомый блеск в глазах:

– Знаете, вспоминаю один красивый случай, произошедший со мной в 1937 году. Я тогда училась в Ленинграде. Со мной на факультете занималась одна из дочерей интеллигентнейшего преподавателя Ленинградского университета профессора Малыгина. Это была необыкновенная семья. Своей культурой и воспитанием она восхищала окружение друзей и знакомых. Вечер-бал в семье Малыгиных, посвящённый 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина был знаменательным в моей жизни.

Представьте юную девушку, восхищенно и немного удивленно рассматривающую людей в костюмах героев из произведений А. С. Пушкина. Каждому из гостей были розданы небольшие листы бумаги со строками из книг гениального поэта. Всё было похоже на театральное действие... В моих руках оказался листочек со строчками... Лермонтова. Почему так, объясню. В этот вечер, конечно, звучало стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», посвящённое гибели Пушкина (правда, сейчас на этот счёт я имею

Людмила Николаевна Шаталова

другое мнение и... доказательства, но это только сейчас). Жизнь и творчество каждого из этих людей, всё-таки одного времени, не могли не перекликаться. Это была своего рода – реминисценция – воспоминание, то есть когда произведения одного поэта, художника наводят на воспоминания произведений другого. Другими словами, говоря о Пушкине, мы не можем не вспомнить о Лермонтове и наоборот.

В руках, я, как распяты, сжимала листочек со строчками не Пушкина, а именно Лермонтова. В своей первозданности они должны были звучать так: *«Три грации считались в древнем мире, Всё три, а не четыре!»* Я же имела другое: *“Три грации считалось в древнем мире, Родились вы... и стало их четыре!”* Видимо, такая моя судьба!»

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №42. С. 4

Валентина Шокман

Роза для Шаталовой

Полуподвальное помещение, оформленное в лучших западных традициях, встретило нас живой музыкой и французским шампанским. Классическая мелодия, воспроизводимая двумя скрипачами, альтистом и виолончелистом, одухотворяла лица званых гостей и картины, развешанные по стенам двух залов. Тихо переговаривались посетители, переходя от одной картины к другой. Их впечатления ширились подобно звучащим мелодиям, сменяющим друг друга – Моцарт, Гайдн, Шуберт, Бетховен... Тема выставки – балет и Большой театр.

– Вечер добрый, – обратилась я к мужчине, внимательно всматривающемуся в картину «Памятник Пушкину в сумерках».

– Здравствуйте! С кем имею честь познакомиться?.. Очень приятно. Позвольте представиться – Николай Владимирович Оболенский, князь...

Слава Богу, что он не заметил моего лёгкого головокружения. Обида на саму себя позволила мгновенно взять себя в руки. Провинциалка! Ну и что, даже если и заметил. У меня в руке фужер с шампанским... Всё может быть.

– Пришёл посмотреть работы своей кухни Л. Н. Шаталовой. Очень доволен. Некоторые из них я бы даже сравнил с работами французского мастера Эдгара Дега. А эту картину...

– Простите, князь, но её уже купили. И эту – «Большой театр вечером» – тоже.

– Жаль, жаль, но всё равно счастлив, что мои родственники так талантливы. Наш род древний. Ведём его от князей Долгоруких. Но это отдельная история... Да... Попробую выбрать время и рассказать. Приятного вам вечера, до свидания.

Галантно попрощавшись, Н. В. Оболенский, известный архитектор, ушёл. Его ждали неотложные дела. А я ещё некоторое время стояла и смотрела на проданные картины, которые уже никогда не увижу, как только покину это помещение. Музыка... Звуки, издаваемые скрипками, реальность делали нереальной. Ах, как не хватало сейчас света таинственных свечей, глубокого декольте и тончайших перчаток...

Вдохновившись разговором с князем, я продолжала свое «турне» по залам. Следующим покупателем сказался Аркадий – программист:

– Мне здесь всё нравится. Особенно фуршет. И моя нежная половина очень любит посещать подобные мероприятия. Вот только что купил ей картину. Она в восторге, а я, если честно,

ничего в этом не понимаю, так как человек я точных наук и цифр. Правда, свой подарок моя любимая сможет получить только через полтора месяца, то есть по окончании выставки. Таковы условия.

Ирина Борисовна Исполодовская, художник по текстилю:

– Приглашение оказалось у меня случайно. Смотрю на эти произведения, и душа плачет от воспоминаний. Вы посмотрите, сравните.

Мы вышли в маленький холл ресторана, где на стенах висели фотографии современных балерин с их автографами – грациозные танцовщицы Большого театра. Среди них – М. Плисецкая.

– Видите в чём разница? В выражении лиц. Эта выставка чудесна. Людмила Николаевна сохранила в своих работах ушедшую эпоху!

Люди, люди. Их собралось достаточно много, чтобы слышать сразу и английскую и русскую речь. Через переводчика я поняла, что иностранный бизнесмен подбирает себе что-нибудь для офиса. Но то, что он хотел, было продано. Это обстоятельство его нисколько не смутило. Ему, как оказалось, нравилось многое. Тем более, по его утверждению, на Западе сейчас очень моден советский реализм. Пожелав ему удачи в выборе, мы расстались.

А вот и юное поколение. Пригубляя шампанское и покуривая, девочки в коротеньких юбочках сдержанно посматривали по сторонам.

– Девушки, а вам?..

– Извините, – ответила одна из них. – Во-первых, мы не знали, что сегодня в ресторане «Анжеликос» открылась очередная выставка, поэтому, к сожалению, не сможем ответить на интересующие вас вопросы. А во-вторых и третьих, мы здесь совсем по другому поводу...

Столик, за которым меня ожидали друзья, был окружён плотным кольцом желающих получить автограф Л. Н. Шаталовой. Глаза её светились радостью. Она отвечала на вопросы и расписывалась на красочных буклетах, выпущенных ко дню открытия выставки. Внутри буклета на двух языках русском и английском кратко рассказано о ней самой и о её работах, вложен прайс-лист на выставляемые картины.

– Людмила Николаевна, я не устаю повторять, что вы счастливая женщина! Но ваши картины... Они продаются... Мы не увидим их больше... Вам не жаль?

– Нет. Так, просто немножко грустно. У меня разные работы. И хотелось бы видеть их в условиях соответствующих. Приятно, что мои труды не пропадут. И потом, посредством своих рисунков, да и многих других, не менее нужных работ, я ещё очень долго, надеюсь, буду интересна людям, открывая в их душах стороны прекрасные.

– Дорогая Людмила Николаевна, а теперь осталось узнать самое главное – почему ресторан «Анжеликос»?

– Этот подарок мне сделали мои дети. А история такова. Галерейщик Лео Брук хорошо знаком с моими детьми, Натальей

Полторацкой и Владимиром Петровым, художниками-керамистами. В настоящем он является менеджером ресторана «Анжеликос». И это тоже не случайно. Дело в том, что владельцы ресторана – трое швейцарцев, любящих русское искусство. А познакомившись с Бруком, который великолепно разбирается в этом, они обеспечили себе постоянно проходящие выставки всевозможных работ известных и менее известных художников. Поэтому именно в этом ресторане посетители могут не только отдохнуть, но и приобрести понравившуюся им работу. Более всего хозяева любят балет. У входа вы заметили фотография балерин?.. И моя выставка имеет в своей основе балетную тему. Я благодарна всем, кто принимал участие в оформлении моей выставки, тёплому приёму, красивому угощению. И отдельная благодарность Елене, квартету – музыкантам высокого класса.

Вдруг перед нами появился мужчина. Правда, очень молодой. В руках он держал розу необыкновенной красоты.

– Это мой внук – Денис Петров. Не так давно вместе со своими коллегами по искусству (а он будущий скульптор) Денис выставлял свои работы в Доме художника.

Молодой человек наклонился и поцеловал зардевшуюся щёчку своей родственницы, трудами которой будут многие гордиться. Мне показалось, что даже роза застыла в глубоком реверансе.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №97-98. С. 6

Ольга Анискина

Неустанный труд и трепетное сердце

14 августа – день рождения Людмилы Николаевны Шаталовой – художника-исследователя, почётного гражданина Истры, члена ассоциации «Лермонтовское наследие».

Истринцы хорошо знают эту замечательную женщину по прекрасным публикациям на страницах «Истринских вестей», встречам и выступлениям перед горожанами. Многие с большим интересом и пользой для себя посетили организованную Л. Н. Шаталовой выставку, посвящённую творчеству М. Ю. Лермонтова.

Пытаться понять великого человека (а именно это и лежит в основе исследования Л. Шаталовой графических рисунков Лермонтова и Пушкина) – колоссальный и очень напряжённый труд. В одной из книг отзывов на выставке Людмилы Николаевны о Лермонтове я познакомилась с таким мнением:

для того, чтобы разгадать тайнопись великого поэта, надо чтобы мышление дешифровщика было аутентично его мышлению. Затем я наблюдала, как, пользуясь своим методом, Людмила Николаевна раскрывала один факт биографии Лермонтова за другим, а затем находила документальные подтверждения своим догадкам. Ведь многие документы находятся только сейчас. В результате рисунки и сами стали документальной графикой.

Как-то А. Блок сказал: *«Почвы для исследования Лермонтова нет – биография нищенская, остаётся про- видеть...»* Но провидение – великий дар и даётся не всякому. Сложный, неустанный творческий поиск дал возможность Людмиле Николаевне расшифровать биографию Лермонтова, написанную им самим.

Профиль на рукописи стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Что это за лицо?! И снова поиск. Он привёл к истории и судьбе другого великого русского поэта А. С. Пушкина. Произведения и судьбы этих поэтов трогают и будоражат наши души. На долю каждого поколения в нашем Отечестве выпадают свои испытания, но помнить о том, что *«без чести и достоинства нельзя дышать»* (Пушкин в письме к жене), нужно всегда. *«Добрые чувства»* и *«милость к падшим»* – ценности вне времени. Поэтому нам так необходима книга иссле-

*Людмила Николаевна
Шаталова*

дований Л. Н. Шаталовой. Она практически готова к изданию. Хочется горячо пожелать, чтобы нашлись люди, которые смогли бы помочь этой книге увидеть свет. Для нас это было бы данью восхищения и памяти поэтов в канун 200-летия А. С. Пушкина и 185-летия М. Ю. Лермонтова.

Самой же Людмиле Николаевне хочется низко поклониться за неустанный труд, трепетное и доброе сердце. Крепкого здоровья Вам, Людмила Николаевна!

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №124-125. С. 6

Елена Фадичева

Как рождалась рукопись новой книги о Лермонтове

Врукописи книги под условным пока названием «Тайна жизни и творчества М. Ю. Лермонтова в его рисунках», обобщающей 20-летние исследования рисунков Лермонтова Людмилой Николаевной Шаталовой, скоро будет поставлена последняя точка. Рукопись подготовлена авторским коллективом: Л. Н. Шаталовой, Е. Н. Фадичевой и А. А. Сахаровым.

Соавторам Л. Н. Шаталовой, которых она называет «своими активными помощниками», были доверены результаты расшифровок рисунков поэта. И Александр Сахаров, и автор настоящей статьи поставили перед собой цель пропагандировать работу Л. Н. Шаталовой. Надо отметить, что в этом помогали корреспонденты и редакторы разных периодических изданий. Так, благодаря помощи журналиста Михаила Быкова появи-

лись статьи о лермонтовских рисунках в «Московской правде» и «Российской газете». Первый заместитель главного редактора газеты «Нива России» Г. Д. Гордусенко (житель города Истры) способствовал публикации серии статей о Шаталовой; материалы А. А. Сахарова, посвящённые ей, были поддержаны редакциями районной газеты «Жуковские вести» и других изданий. Нельзя не порадоваться тому, что средства массовой информации города Истры (газета, радио, телевидение) стали основным «рупором» находок и открытий своего земляка и почётного гражданина.

Большую помощь оказывали местные власти, работники Ново-Иерусалимского музея и районной библиотеки, в музее и библиотеке проходили выставки исследований, автором которых была Л. Н. Шаталова, и празднования дат жизни поэта. Немалую роль в поддержке художницы и исследователя Л.Н. Шаталовой играет Лермонтовская ассоциация при непосредственном участии её вице-президента И. В. Воронцова.

Постепенно накапливался творческий опыт и исследовательский багаж. Она задумалась о книге ещё в конце 1980-х годов. Посетители её выставок, читатели материалов о её работе также подталкивали к итоговой книге. Попытки привлечь литературоведов-профессионалов для более активного изучения рисунков Лермонтова не увенчались успехом.

Хотя предпринимались некоторые шаги найти поддержку у маститых учёных и писателей: были направлены письма с рассказом об интересных поисках Л. Н. Шаталовой академику

Д. С. Лихачёву, писателям В. Солоухину и Л. Бороздину (в момент его руководства Лермонтовской комиссией, созданной по случаю празднования 175-летнего юбилея поэта). Однако дело об оказании конкретной помощи так и не сдвинулось с места.

Но всё же работа над книгой, главной движущей силой которой был энтузиазм и «одна, но пламенная страсть» к творчеству Лермонтова, была начата. Первой пробой стало написание небольшого материала (автором данной статьи с консультациями Л. Н. Шаталовой), посвящённого истории дуэлей Лермонтова, где художница доказывает расшифровкой рисунков поэта существование дуэли, о которой сведения в его биографиях отсутствуют. Нашёлся даже издатель, но публикация так и не состоялась по финансовым причинам.

Тем временем Л. Н. Шаталова продолжала интенсивные и глубокие исследования. Появлялись новые версии относительно уже, казалось бы, расшифрованных рисунков. Поиск пополнялся источниками и документами, которые уточняли версию и направляли работу в нужное русло. Л. Н. Шаталова не торопилась с публикацией, ей нужно было довести работу до убедительного и основательного финала.

Работа с рисунками писателя требует тщательного изучения и самих рисунков, и других изобразительных материалов данной эпохи, и литературных источников, и выверки документальных фактов и так далее. Это не под силу «кустарю-одиночке». Тем не менее, Л. Н. Шаталова взвалила на свои плечи работу, по крайней мере, одного подразделения НИИ.

Как только она окончательно утвердилась в ряде своих версий, было решено вновь обратиться к работе над книгой. Л. Н. Шаталова предложила объединить усилия всех трёх участников в этой работе, чтобы ускорить написание книги. Так родились основные главы: о Лермонтове-художнике, о посещении Ново-Иерусалимского монастыря и скита Никона, о Софье Бахметевой, о Варваре Лопухиной (в замужестве Бахметевой), о «братьях» Столыпинах, о стихотворении «Смерть поэта» и другие. Содержание этих глав образовало единое целое со всеми необходимыми атрибутами подготовленной к изданию рукописи будущей книги.

Газета
**ИСТРИНСКИЕ
ВЕСТИ**

1998, №124-125. С. 6

Ольга Анискина

Ко дню рождения Лермонтова

С чувством особой гордости я осознаю, что наша Истра – город с замечательными духовными и культурными традициями. Они, безусловно, связаны с тем, что мы живём рядом с православной святыней – возрождённым ныне Ново-Иерусалимским Воскресенским монастырём, который всегда был притягателен для россиян.

В августе 1830 года здесь побывал М. Ю. Лермонтов. Его чувствования нашли отражение в рисунке интерьера монастыря, в стихотворении, посвящённом монастырю и скиту Никона, во вторую редакцию которого внесены некоторые строки художником и исследователем творчества Лермонтова, почётным гражданином города Истры Л. Н. Шаталовой.

Судьба подарила мне встречу с этой удивительной женщиной. Общаясь с ней, невозможно не прикоснуться к творчеству

великих поэтов, биографии и произведения которых теперь наполняются живой страстью, страданиями и любовью.

Поэтому особенным является для меня празднование в Истре дня рождения М. Ю. Лермонтова, которое приобрело международный характер. В течение ряда лет в этот день в Истру приезжают потомки поэта, члены международной ассоциации «Лермонтовское наследие», отмечавшие большую и успешную исследовательскую работу Л. Н. Шаталовой.

Многие помогали и помогают Людмиле Николаевне, считая это нашим общим делом, так как Истра – памятное лермонтовское место. Всем друзьям Лермонтова Л. Н. Шаталова очень признательна. Надеемся, что многолетний труд Шаталовой и её помощников сложится в книгу. Совершенно потрясающим поворотом этого исследования стало то обстоятельство, что Лермонтов открыл тайны другого гениального русского поэта, А. С. Пушкина, юбилей которого будет отмечать весь мир в 1999 году. Он совпадает с Лермонтовским – 185-летие со дня рождения в том же году: «Бывают странные сближенья!»

Пушкинские рисунки также интересовали Людмилу Николаевну, но был необходим опыт с рисунками Лермонтова, чтобы приступить к этой работе. Миниатюрный портрет в профиль на черновой рукописи стихотворения «Смерть поэта» стал толчком к дальнейшему поиску.

В работе с лермонтовским графическим наследием у Л. Н. Шаталовой выработался особый метод исследования, который был признан известным художником, иллюстратором про-

изведений Пушкина и Лермонтова Д. Шмариновым и редактором Лермонтовской энциклопедии А. А. Мануйловым.

Наблюдая за работой Людмилы Николаевны, не могу не поделиться впечатлениями. При изучении рисунка ничто не остаётся в стороне: выясняется, на рукописи какого произведения и когда он возник, что в то время переживал поэт, какие письма получал, какие люди его окружали. Из всех этих штрихов складывается правдивая картина бытия, которая оказывается уже подтверждённой свидетельствами современников, документами. Открывается то, что поэт не мог не выразить, но хотел утаить от недругов.

Особенно удивительном в работе Шаталовой мне показался тот миг, когда знания, интуиция, художнический опыт, собираясь воедино, как бы взрываются внутри человека озарением, открытием.

В рисунках Лермонтова и Пушкина нет вымышленных героев, Л. Н. Шаталова называет их документальной графикой. Очевидно, что метод комплексного исследования графического наследия, предложенный Шаталовой, может быть использован для изучения творчества других писателей и поэтов.

Этими открытиями Л. Н. Шаталова делится с земляками. И вновь предстают перед нами Пушкин и Лермонтов, сумевшие в драматические для Родины времена восславить честь и свободу, сохранить достоинство и любовь, оставить нам духовное наследие, опираясь на которое, мы должны выстоять среди собственных испытаний.

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2002, №15-17. С. 14

Валентина Шокман

«Труды, не дошедшие до читателя, мертвы»

Телефонный звонок вчера... Телефонный звонок сегодня: «А я вас ждала. Столько интересного... Да-да, понимаю...»

Людмила Николаевна, простите! Обстоятельства... Еду! Лечу! Знакомый маршрут Истра – Иерусалим легко преодолеваю пешком. Миновав деревню Сычёвки (как же осовременилась древняя часть нашего города) и, взяв чуть правее от небезопасной проезжей части Волоколамского шоссе, я останавливаюсь у знакомой калитки. Волнуюсь. Почему? Да потому что не совсем осознаю суть предстоящей беседы. Тема-то одна – Михаил Юрьевич Лермонтов...

– Входите скорее. Если бы вы только знали... – Именно так или с очень похожих слов начинает свой разговор Людмила Николаевна Шаталова – художник-график, исследователь.

Я ловлю каждое сказанное ею слово и, уже давно определив, кому они предназначены (такому же, как и она, с не менее громким именем, исследователю), продолжаю наслаждаться её мимикой, движением рук, блеском глаз. Увлечённый, умный, созидательный человек!

Вот уже третий час Людмила Николаевна говорит о тонкостях и превратностях судьбы М. Ю. Лермонтова, пиктографическим методом решая её кроссворды. И именно столько же я решала свою задачу – о чём, о каком таком эпизоде жизни поэта, интригуя читателя, буду писать? Но тщетно. Шло скрупулезное повествование о глубоком анализе штрихов на его рисунках. И вдруг: *«Сейчас я вам прочла свою последнюю научную работу. Её будут печатать в нашей истринской районной газете, коллективу которой я очень благодарна за отзывчивость и радушие. Мне это очень необходимо...»*

И Людмила Николаевна, не переставая улыбаться, положила, передо мною «Тарханский вестник» – научный сборник Петербургского издательского дома «Шанс». Перед тем, как ознакомить вас, дорогие читатели, с главным содержанием журнала, приятно взволновавшим мою собеседницу, коротко изложу суть проблемы Людмилы Николаевны.

Наша истринская художница, благодаря своему титаническому труду, обладает сейчас огромным количеством работ, накопившихся за два с лишним десятилетия. Я говорю о детище всей её жизни – исследовании биографии и творчества М. Ю. Лермонтова в рисунках и стихах. Благодаря ей многие

факты биографии поэта сейчас выглядят совсем иначе. Уже давно готов материал для книги, но нет денег для её издания. Несколько научных статей по этой же причине «застыли» в издательствах московских журналов. И что самое главное, ранящее душу Людмилы Николаевны, так это непризнание её трудов отдельными научными светилами, занимающимися той же темой, что и она. Ошибки признавать сложно всем. А если ты ещё известен в высоких и широких кругах – тем более.

«Я сама ошибалась, – говорит Людмила Николаевна. – И не раз. Но отрицательный результат есть тоже результат. Очень сожалею, что не имею соответствующего доступа к архивам поэта, ранним работам других учёных. Для меня ведь что важно? Как можно правдивее воссоздать картину жизни М. Ю. Лермонтова. Я готова сотрудничать. Убеждена, что мои работы не останутся невостребованными...»

Очень мне захотелось поддержать Людмилу Николаевну не простыми словами одобрения, а глубокой красивой философской мудростью: истина – это соответствие наших знаний о действительности с самой действительностью. Истина одна потому, что действительность одна!

И вот, наконец, несколько строчек из научного сборника «Тарханский вестник». Пишет А. Н. Князев, директор Благотворительного музыкально-просветительского центра «Шанс-классика»: *«Почвы для исследования Лермонтова нет – биография нищенская. Остается провидеть Лермонтова, – так писал Александр Блок в начале нашего столетия. Но можно не*

только провидеть Лермонтова, и это доказали те лермонтоведы, которые видят в служении памяти поэта смысл жизни. Даже сейчас, спустя сто шестьдесят лет со дня его гибели, находятся документы, открывающие для нас неизвестные факты, заполняющие “белые пятна” в лермонтоведении. Это радует потому, что каждая новая крупница сведений о любимом поэте ныне – большая редкость.

К великому сожалению учёные-лермонтоведы не всегда сразу могут узнать об открытии, ибо автор зачастую не имеет возможности опубликовать свой труд. Здесь, как никогда, кстати, всплывает в памяти мысль, услышанная мною много лет назад: “Произведения как такового не существует. Есть произведение и есть его восприятие. А вместе они и составляют понятие – произведение”».

Труды, не дошедшие до читателя мертвы!..

...Благотворительный музыкально-просветительский центр «Шанс-классика» начал подготовку первого тома «Лермонтовского альманаха». Основу альманаха составляют материалы, статьи, сообщения, не увидевшие свет за последние годы. Предполагаются разделы: «Гипотезы», «Из архивов выдающихся лермонтоведов». «Хроника событий» и так далее.

Удачи Вам, Людмила Николаевна!

Газета
Истринские
ВЕСТИ

2002, №90-92. С. 14

2002, №93-95. С. 14

Валентина Шокман

«Я хочу рассказать Вам...»

Здравствуйте, Людмила Николаевна. Здравствуйте, здравствуйте ещё долгие-долгие годы.

– Спасибо, – более тихим, чем обычно, голосом отвечает мне Л. Н. Шаталова (художник-график, исследователь, почётный гражданин Истры, член ассоциации «Лермонтовское наследие»... и просто красивая, интеллигентная женщина), совсем недавно перенёсшая тяжелейшую операцию.

В тот страшный миг, когда врач произнёс: «*Диагноз и возраст – несовместимы, но есть один, всего один шанс...*», Людмила Николаевна ответила: «*У этого “одного” есть продолжение – моя работа. И я выбираю её.*»

– Вы знаете, – продолжает художница – как только я пришла в себя после наркоза (что тоже было почти чудом) и услышала рекомендации доктора к моему выздоровлению на тему, что

можно и что нельзя, я была счастлива – думать не запрещено... Мозг работал направленно. Моя графическая память выверяла последнюю сделанную работу. Результаты и выводы сводились к заключениям, которые не терпелось проверить. Желание подняться с больничной койки было нестерпимым.

...Послышались шаги на лестнице. Открылась дверь, и вместе с удивительным запахом борща в комнату вошла Наталья Васильевна Полторацкая – дочь Людмилы Николаевны, тоже художник. Её заботливое приглашение к обеду было вознаграждено благодарным материнским взглядом:

– Наташа не отходила от меня ни днем, ни ночью во время моей болезни. Покидала свой пост только для поиска очередных лекарств.

...Неспешная, но всегда интригующе интересная беседа с Людмилой Николаевной незаметно подвинула нас к послеобеденному времени. До сумерек оказалось далеко, и мы решили ещё немного поговорить. О чем? Да всё о том же.

– Людмила Николаевна, совсем недавно было опубликовано несколько ваших материалов, касающихся жизни и творчества А. С. Пушкина. Над одним из них работала и я; ваша покорная слуга... Он вышел под названием «Сердоликовые перстни», где повествуется о любви А. С. Пушкина (1799-1837) и графини Е. К. Воронцовой (1792-1880), об их первой встрече в 1820 году в Петербурге, о дочери Софье, так никогда и не узнавшей, что является продолжательницей рода гениального человека – своего отца А. С. Пушкина!

*Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья...
«Младенцу»*

Но эта красивая история была известна людям «посвящённым» давно. А вот то, что прообраз Татьяны Лариной в поэме «Евгений Онегин» и есть графиня Е. К. Воронцова – ваше открытие. Расшифрованные рисунки тому подтверждение. Работа над «Пушкиным» продолжается. А что же М. Ю. Лермонтов? У него нет уже для вас тайн?

– Нет-нет, что вы. Даже просто потому, что всё знать невозможно. Человек сам для себя загадка. А уж чужие судьбы, да к тому же таких людей, как Александр Пушкин и Михаил Лермонтов... Но именно это и будоражит моё сознание. Выбрав сложный, тернистый, но фантастически удивительный путь своего труда, как художник-график, я счастлива! Более двадцати с лишним лет ступаю по нему, предвкушая сладость очередной победы! Но если бы вы до конца понимали, какой это колоссальный труд!

Всё началось со случайного интереса. И, представляете, получилось! Работа захватила меня. Шифрограмма Лермонтова была мною разгадана благодаря изобретённому мною же пиктографическому («пикто» – рисую, «графо» – пишу) методу. Интерес всепоглощающий! Результаты исследований накапливались... Но ещё долгие годы должны были пройти, чтобы я достигла признания себя, как исследователь, как «первопрохо-

дец!» Стена холодного молчания, непонимания, неприятия чуть-чуть начала подтаивать, когда всё-таки пришлось подключиться «учёным мужам» к разбору и изучению моих трудов.

Но меня удивляло другое – легковесное отношение к рисункам Лермонтова и Пушкина. И только много позже, со скрупулёзностью учёного разбирая архивы, которые с величайшим трудом приходилось доставать, я поняла, что биографиями и творчеством поэтов занимались люди, конечно, боготворящие их и достаточно профессионально грамотные, но не имеющие к графике никакого отношения. Среди них не было ни одного художника-графика! И всё это потому, что самих гениев такими не считали. А к Лермонтову вообще относились как к «троечному рисовальщику!» Я подтверждаю всем своим многолетним трудом, что поэты Лермонтов и Пушкин были художниками! Лермонтов не только владел пиктографией, но ещё обладал иконографическим методом.

Шифрограммы этих художников различны. И только имея огромный опыт расшифровки творений Михаила Юрьевича, я смогла с готовностью окунуться в рисунки А. С. Пушкина.

– Людмила Николаевна, простите, что перебиваю, я хотела бы закончить эту часть нашей беседы коротким высказыванием Ирины Борхман, члена Союза художников СССР, посетившей вашу выставку в ЦДЛ в 1985 году: «...пришло время, и выручать художника пришёл художник». Раз уж вы заговорили о выставках... Передо мною лежат тома отзывов с них, то вопрос напрашивается сам собою – где и когда о вас заговорили впервые?

– Впервые обо мне написали в 1983 году в журнале «Знание – сила». Затем была первая персональная выставка ЦДЛ в 1984 году... В одной только Истре их было около двадцати. Работы печатались в газетах «Московская правда», «Российская газета», «Нива России». «Жуковские вести», «Вечерняя Москва», «Голос рабочего», «Заря», «Ленинское знамя» («Народная газета»), «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Московский художник», «Московский литератор», «Неделя», «Советская культура», «Труд», «Ленинский путь», «Истринские вести», в журналах: «Огонёк», «Студенческий меридиан», «Работница», «Юный художник».

Библиография представлена Российской государственной библиотекой. Особая благодарность районным средствам массовой информации. Они откликались почти на каждое моё открытие, вписывая тем самым вместе со мною новые даты и события в историю жизни гения.

Л. Н. Шаталова задумалась, перекладывая объёмные рукописи своих работ, теперь уже бесценные архивные материалы, и положила передо мною несколько томов отзывов, где хранились записи людей, посетивших её выставки в разные годы.

– Полистайте. Видите, в этих тетрадах остановилось время! Удивление, восторг людей с одной, но пламенной страстью к творчеству Лермонтова...

Медленно перелистываю страницы. Обращаю внимание на даты – первые годы её поисков. Трудность во всём. Непонимание общества лермонтоведов. Но она настойчиво шла вперёд!

Как же нужна была этой хрупкой талантливой женщине поддержка! Читаю вереницу тёплых, сердечных слов, перемежающихся подписями: врачей, историков, художников, инженеров, домохозяек, иностранных гостей, русских эмигрантов, родственников поэта, живущих за границей, учителей, детей, журналистов...

«...Работа с рисунками писателя требует тщательного изучения и самих рисунков, и других изобразительных материалов данной эпохи, и литературных источников, и выверки документальных фактов и так далее. Это не под силу “кустарю-одиночке”. Тем не менее, Л. Н. Шаталова взвалила на свои плечи работу, по крайней мере, одного подразделения НИИ», – Е. Фадичева, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Государственной Российской библиотеки.

«...Мы присутствуем на открытии открытия. Открытие, которое и должно удивлять, а также встречать сопротивление... Однако Вы незаслуженно мало получили отрицательных рецензий. Величина Вашего открытия не соответствует величине сопротивления... У Вас – капитана этого корабля – отличные бойцовские качества. В добрый путь!» – И. Воронцов (Липеровский-Лермонтов), вице-президент ассоциации «Лермонтовское наследие», родственник поэта по материнской линии.

«...Это был колоссальный подвиг в пробивании той консервативной тины, которая мешает двигаться любому кораблю нового...» – Л. Кислинская, корреспондент ТАСС.

«...а “толпою, стоящие у трона” обскурантизма и неверия, да будут посрамлены. Говорил, писал и повторяю: успехи Л. Н. Шаталовой – полезный удар по горе-монополистам лермонтовской темы. Причём из совершенно неожиданного угла...» – Овидий Горчаков, автор книги «Если б мы не любили так нежно», исторического романа о Джордже Лермонте, родоначальнике русского рода Лермонтовых и его смутном времени.

«...глубоко уверена в неоценимом значении открытого Л. Н. Шаталовой пути изысканий; которому впереди суждено сыграть главную роль в установлении правды о Лермонтове...» – Ирина Борхман, художник, член Союза художников СССР.

«...не сомневаюсь, что в дальнейшем свет увидят ваши книги о Ваших исследованиях...» – Г. Е. Воловин, художник.

«...что бы то ни было – закрыть эту дверь невозможно!» – И. В. Соболева, художник, член Союза художников СССР, город Львов.

«...Уважаемая Людмила Николаевна! Вашей потрясающей работе хочется только способствовать!» – Александр Саварский, радио «Россия».

«Исследования по Лермонтову заслуживают более широкой публикации» – А. Коган, кинорежиссёр.

«Я был свидетелем первых шагов в исследовании лермонтовской графики, казалось, что работа сведётся к разгадке прототипов в рисунках, и одно это уже представлялось огромным вкладом в лермонтоведение, – написал в книге отзывов выставки имени Л. Н. Шаталовой ведущий научный сотрудник

Института мировой литературы имени А. М. Горького А. А. Макаров. – ...*Необходима, нужна книга, Книга не о рисунках, книга о творчестве величайшего поэта. И если разыскания Людмилы Николаевны станут научными достижениями, литературоведам придётся много открывать в Лермонтове заново...*»

«Шаталова очень любовно и серьёзно отнеслась к рисункам Лермонтова. После её исследований рисунки Лермонтова сделались для меня, как, наверное, и для многих, живыми, полными тайн, что-то говорящими и что-то скрывающими. Художница как бы приблизила рисунки великого поэта к нашим глазам, ушам, сердцам...» – Валентин Берестов, писатель, автор книги «Ранняя любовь Пушкина».

«Ждём вашу книгу» – Т. Шальнова, доктор медицинских наук.

Прежде, чем спросить Людмилу Николаевну о предстоящем издании книги о рисунках М. Ю. Лермонтова, хочу сообщить, что *«многие годы Л. Н. Шаталову лермонтоведы держали на расстоянии от официальных исследований творчества поэта. Гипотезы, связанные с “белыми пятнами” в его биографии, на основании изучения рисунков поэта, отвергались академическим искусствоведением. Иначе её открытия в корне бы поменяли представления о творчестве и судьбе Михаила Юрьевича, перечеркнули бы тысячи страниц рефератов и диссертаций! Но время открывает любые тайны...»* – Е. Н. Фадичева.

– Людмила Николаевна, расскажите читателям, как обстоят дела с вашей книгой о рисунках Лермонтова?

– Как только я окончательно убедилась в ряде своих версий, то обратилась к работе над книгой. А чтобы ускорить её написание, мне на помощь пришли мои друзья Е. Н. Фадичева (кандидат педагогических наук) и А. А. Сахаров (инженер). Вот основные главы уже готовой к напечатанию рукописи: о Лермонтове-художнике, о посещении Ново-Иерусалимского монастыря и скита Никона, о Софье Бахметевой, о Варваре Лопухиной (в замужестве – Бахметевой), о «братьях» Столыпиных, о стихотворении «Смерть поэта» и другие. Содержание этих глав образовало единое целое со всеми необходимыми атрибутами подготовленной к изданию рукописи... Хотя не в моём характере делать громкие заявления. Но своими знаниями и трудом такой шаг сделать удалось.

– Людмила Николаевна, простите, но мне бы очень хотелось процитировать несколько строк великого философа и

*Людмила Шаталова (справа)
и Валентина Шокман. 2002 год.
Фото Владимира Иноземцева*

мудреца Конфуция (родился в 479 году до Рождества Христова). Кажется, они сейчас как раз кстати: *«Если знаешь, то говори, что знаешь; а если не знаешь, то говори, что не знаешь»*. Вы, дорогая Людмила Николаевна, знаете! И вам есть что рассказать! Сила вашего характера, помноженного на талант, такт, мудрость, интеллигент-

ность, терпение, глубокие знания, дают вам возможность не только добиваться положительного результата, но и признавать собственные ошибки.

– Вы правы, такое случилось. Первые мои ошибки заключались в том, что я принимала за неоспоримые утверждения уже проделанные работы по биографии М. Ю. Лермонтова известных, именитых людей. М. Ю. Лермонтов оставил большое наследие как художник, около пятисот графических работ. Мне удалось разгадать порядка ста. В них много автопортретов – около семидесяти. Тридцать – родственники, сослуживцы, приятели, приятельницы. И их я разгадала. «Глаз» художника подсказал мне, что рисунок поэта необычен, нужно внимательно и со, всех сторон обследовать его. В основном, это миниатюрные изображения, поэтому я при помощи многократного увеличения рисунков всматривалась в них, вращая каждый рисунок вокруг центра на 360 градусов. И вдруг увидела зашифрованную тайнопись. Она у Лермонтова особая: символика (лошади, собаки, коровы и другое), система изменения письма; инициалы, вкрапления в штриховку и другие секреты. Я поставила себе задачу: разгадать шифр. Итогом такого труда и должно стать переиздание Лермонтова. К собранию его произведений следует добавить новый, отдельный том рисунков с атрибутикой, то есть с расшифровкой. Ведь рисунки художника Лермонтова заговорили.

Отзыв о работе Л. Н. Шаталовой по исследованию рисунков и рукописей М. Ю. Лермонтова: *«Считаю, что метод исследо-*

вания рисунков и рукописей Лермонтова в комплексе даёт превосходные результаты. Особенно восхищает её атрибутика рисунков на рукописи романа «Вадим». Интересны и рисунки, которые, как считает Л. Н. Шаталова, помогают в атрибуции персонажей новонайденной поэмы М. Ю. Лермонтова, список которой был найден мною в ЦГАНИ. Подтверждаю, что поэма содержит более трёхсот строк совпадений с другими произведениями Лермонтова. Познакомившись с работами Л. Н. Шаталовой и результатами расчётов, проведёнными А. А. Сахаровым по методу предложных спектров, я ещё раз убедился в правоте своих первоначальных утверждений об авторстве Лермонтова, что подтверждал в беседе со мною и И. Л. Андроников. Считаю крайне необходимым включение самой ранней поэмы М. Ю. Лермонтова и его рисунков в собрание сочинений поэта и его рисунков, атрибутированных Л. Н. Шаталовой» – И. Т. Трофимов, доцент, кандидат филологических наук.

– Людмила Николаевна, этот серьёзный отзыв требует некоего пояснения для нашего читателя.

– Рисунки на рукописи романа «Вадим» названы мной «Вадимовым листом». Долгие годы этот изрисованный из конца в конец лист считали титульным, так сказать, обложкой романа. Но это оказалось не совсем так. «Вадимов лист» – зашифрованный графический дневник, родословная Лермонтова, своеобразная исповедь поэта, которая велась на протяжении всей его жизни. В нём сфокусировалось всё памятное, дорогое, сокровенное. Причём, здесь важно всё: любой росчерк пера,

каждая точка, штрих или даже вычеркнутая строка. Недаром сам поэт говорил: *«Все лица, изображенные мною, взяты с природы...»* Общим комментарием к этому замечательному листу могут служить ещё и такие слова М. Ю. Лермонтова: *«Я перерыл всю душу, и всё это в беспорядке излил на бумагу»*.

О следующем моменте данного отзыва, то есть о какой поэме трактует Трофимов, я скажу следующее: дело в том, что он бездоказательно предположил, что найденная им рукопись в ЦГАНИ – поэма М. Ю. Лермонтова «Индианка». А так как она не имела не только названия, но ещё и подписи, то есть авторства, то это ещё более усложнило данное положение. И каково же было удивление Трофимова, когда я, не зная и не читая найденного им произведения, а только имея на руках расшифрованные рисунки М. Ю. Лермонтова, рассказала ему её содержание...

Биографические факты данного периода жизни поэта и сюжетная сторона найденной поэмы давали все основания считать, что это – автобиографический рассказ Лермонтова. Недаром там есть строка *«труд мой тайный...»*

Короткое мгновение вдруг воцарившегося молчания Людмила Николаевна закончила очень тихо сказанной фразой, в которой я расслышала лишь окончание: *«...умение думать сердцем – главный подход в моей работе...»*, и далее в уже ранее заданном ритме продолжала:

– Другой необходимый аспект атрибуции поэмы – её стилистика. Можно ли утверждать, что эта поэма написана Лермонтовым, что это его слог, его ритмы, его рифмы? Для того, что-

бы проверить свои выводы, придать им большую убедительность, я обратилась к математике. По моей просьбе инженер А. А. Сахаров провёл оценку стилистического соответствия текста поэмы произведениям Лермонтова того же периода с использованием современных математических методов распознавания образов. Отсюда вывод: данную поэму считать ранним автобиографическим произведением М. Ю. Лермонтова.

– Людмила Николаевна, вникая в ваши работы, причины, побудившие вас взяться за их исследования, а также изучая тома отзывов о ваших же достижениях людей совершенно разных профессий, социального уровня, возраста, вероисповедания, происхождения и анализируя все это... приходишь к заключению, мысль в котором следующая. Так ли уж поэт хотел тайны, зашифровывая правду своей жизни в каждом рисунке?

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть...*

Все мы живем в какой-то недосказанности, согласитесь... Этим ограждая себя от чрезмерного внимания... или наоборот. Да вы сами всё понимаете... А если так, то представляете, каково быть человеку «взлетевшему», поднявшемуся над толпой. Я уверена, что Лермонтов понимал и чувствовал свою исключительность. И вообще, это касается любого высокого таланта!

Вот послушайте несколько характеристик в адрес Михаила Юрьевича о его внешности и характере. Из записок Е. А. Суш-

ковой (1830): «...неуклюжий, косолапый мальчик, лет шестнадцати... с умными выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно насмешливой улыбкой...»

Немецкий переводчик Боденштедт: «Недостатки Лермонтова были, недостатками всего светского молодого поколения России; но достоинств его не было ни у кого. Вернейшее изображение его личности всё-таки остаётся нам в его произведениях, где он высказывается вполне таким, каким был».

Соловьёвское определение лермонтовского гения: «...страшная напряжённость и сосредоточенность мысли на себе, на своём Я, страшная сила личного чувства». А на вопрос необходимости тайны можно привести в качестве убедительного примера – письмо Н. А. Лопухиной Лермонтову от 12 октября 1832 года: «Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покорённым... Вы хорошо сделаете, если пришлёте, как вы говорите, всё, что вы до сих пор написали, вы можете быть уверены, что я честно сохраню присланное; и вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь. Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель... Мужайтесь!»

Шталалова вздохнула, подошла к окну. Белый свет угасающего дня подчеркнул лёгкую бледность лица моей собеседницы. Конечно, устала...

Не нарушая минутной тишины, я, окружённая множеством статей, написанных о Людмиле Николаевне в разных изданиях и в разные годы, дописала несколько строчек в свой блокнот как окончание нашей части беседы по вопросу о тайне поэта, взяв их из какого-то относительно последнего её интервью: *«Раннее осознание поэтом своей исключительности, не по годам развившийся ум, таинственная история его любви и сложные семейные отношения – всё это наложило огромную печать таинства на все его произведения!»*

Но как ни оберегал поэт тайной дорогих сердцу людей и себя – рассуждала я – буря внутреннего неистовства привела его к трагическому концу! Какое пламя бушевало в нём, чтобы и сейчас, и долгие годы вперёд освещать своими бессмертными строками время и людей, покорённых его талантом!

И вдруг подумала вот ещё о чем. Конфуций, размышляя о своей собственной жизни, выделил несколько этапов становления человеческой личности: *«В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры».*

Но если так, то как же это утверждение может распространяться на личности Лермонтова и Пушкина? То, что *«учитель десяти тысяч поколений»* прав, проверено *«тысячами»*. Значит, сомнений в этом быть не может.

– Людмила Николаевна, а что бы вы ответили «Учителю»? – Шаталова улыбнулась:

– О себе сказала бы так: я давно следую *«желаниям своего сердца»*. Но меру чувствую только тогда, когда безмерно устаю.

Мы попрощались.

Нахлынувшее вдруг на меня волнение я объяснила себе чувством неловкости перед Людмилой Николаевной – слишком уж злоупотребила её временем. *«Дорвалась, – ругала себя, – человек ещё не оправился после болезни, а ты...»* Продолжая корить себя безудержно, я дошла до калитки палисадника, раскинувшегося вокруг дома.

Что это? Волнение нарастало! Но оно не вызывало страх, а наоборот – предвкушало какую-то радость. Осторожно закрываю, эту самую калитку и делаю несколько шагов от дома... как вдруг внезапно вырвавшийся откуда-то ветер останавливает меня, осыпав мелкой снежной крупой. Он словно ждал, ждал своего исторического участия, затаившись в ветвях деревьев подобно белой сказочной птице. И когда настал этот миг, терпение его лопнуло и он рухнул... К моему счастью, задев меня только своим крылом. Но сила его была велика!

Едва успев прикрыть лицо рукой от разбушевавшейся стихии, я, в неопишемом восторге, с бешено колотившимся сердцем, чуть не провалившись в сугроб, резко отвернулась от него. Стоя в завихрениях клубившейся вокруг меня метели, я услышала удивительную... мелодию! Так ветер ещё и музыкант?! О, волшебная сила воображения! Это был... да-да, это был романс

Людмила Шаталова.
2002 год. Фото
Владимира Иноземцева

Свиридова из кинофильма «Метель» по одноимённой повести А. С. Пушкина! И мои ощущения, не потеряв глубины, вдруг из мажора рухнули в минор. И с ещё большею тоскою, чем раньше, я ощутила значение лермонтовских слов: *«И, может быть, я завтра умру!.. И не останется на земле ни одного существа, которое поняло бы меня совершенно...»*

Мелодия хлестала мою душу! А я шептала: *«А как же ваши шифрограммы, Михаил Юрьевич? Ведь кому-то они были адресованы? Значит, вы надеялись?!»*

Волнение мешало сосредоточиться, но глаза упорно искали ответа... и нашли! Дом! Именно к нему повернул меня ветер. Дом, из которого я только что вышла. Тихий, ясный, окружённый сгустившимися сумерками вперемешку с метавшимся во все стороны снегом, под звуки ошеломляющей музыки он казался мне центром... Нет, не вселенной, но как минимум того главного, что уже в нём сделано!

...Построить дом, посадить дерево, родить ребёнка – это всё непростые слова. Это истины. А *«умением думать сердцем»* – вопрошая прошлое и, тем самым, утверждая настоящее, мы согреваем наше время, которое опять от чьего-то доверенного ему имени, произнесёт: *«Я хочу рассказать Вам...»*

Газета
Истринские Вести

2009, №41. С. 28

Редакция газеты

Не стало Людмилы Шаталовой

На днях Истринский край понёс большую утрату – 10 октября на 93-м году ушла из жизни замечательный художник-график, талантливый исследователь, почётный гражданин города Истры, член Союза художников СССР, лермонтовед Людмила Николаевна Шаталова.

Она родилась в августе далёкого 1916 года в Иркутске, а в 1920-х годах переехала с семьёй в Москву. Рано обнаружив большие способности, в 16 лет поступила в училище изобразительных искусств имени 1905 года, после защиты диплома уехала в Ленинград, где была зачислена в Академию художеств на курс живописи, на котором тогда преподавало много прекрасных педагогов старой школы – академистов, прививающих студентам любовь к изучению лучших образцов мирового изобразительного искусства. Но в 1938 году из-за ареста ма-

тери по ложному обвинению юной Людмиле Николаевне пришлось покинуть Академию, уйти с третьего курса и переехать в Москву. Там одарённую художницу в 1939 году приняли на второй курс факультета графического искусства в только что открывшемся Суриковском институте. Её преподавателями стали художники, получившие впоследствии мировую известность – Лентулов, Фаворский, Грабарь и другие.

Война застала студентов её курса на летней практике-этюдах на Кавказе. С институтом мужа – ЦАГИ Людмила Николаевна эвакуировалась в Новосибирск, где рисовала для детских книг, издаваемых в переехавших из Ленинграда издательствах. Рядом с ней, молодой художницей, работали такие известные ленинградские художники как Лебедев, Тырса, Конашевич. За неимением бумаги иногда детские книги рисовали на листах авиационной фанеры, потом брошюровали.

Из эвакуации Людмила Николаевна вернулась в 1944 году, продолжила обучение в институте, а в 1949 году вступила в только что созданный Союз художников СССР, причём увлечённо продолжая изучать различные графические техники: офорт, литографию, линогравюру и так далее, активно участвовала в выставках. В 1954 году семья Людмилы Николаевны переехала в Истру, и она буквально влюбилась в истринскую природу, а тогда ещё развалины монастыря, облик которого она сразу же запечатлела на своих этюдах.

Вместе с московскими коллегами она организует в конце 50-х – начале 60-х поездки художников по окрестным истрин-

ским совхозам, клубам колхозов, устраивает выставки художников, лекции об изобразительном искусстве. Поистине миссионерское горение, желание привлечь людей к красоте и творческому процессу сохраняется у Людмилы Николаевны до конца жизни. В 70-80-х она активно сотрудничает с библиотеками района, выступает в школах и школьники приходят к ней домой, где Людмила Николаевна показывает техники своего ремесла, рассказывая о труде художника и вкладе этого труда в человеческое мировоззрение. За активную общественную деятельность и вклад в развитие культуры района она была награждена званием «Почётный гражданин Истры».

Людмила Николаевна дожила до весьма преклонных лет, сохраняя деликатность, доброту и внимание к людям. К 90-летию была устроена большая выставка её работ в залах музея «Новый Иерусалим», которая собрала огромное количество почитателей таланта Людмилы Шаталовой. Она, уже немолодой, слабый здоровьем человек, каждый день приходила в залы встречаться со своими зрителями, отвечать на вопросы. Таково было её понимание своего служения. И работоспособности её можно было только позавидовать. За её долгую жизнь много работ «ушло» в музеи, частные коллекции, и, тем не менее, в папках осталось столько, что ещё хватит не на одну выставку.

В зрелые годы Людмила Николаевна увлеклась расшифровкой рисунков Лермонтова. Более 30 лет длилось это увлечение. «Рисунки поэта оказались тем ключом, который открыл нам дверь, ведущую к неисчерпаемым тайнам творчества великого

поэта. Его рисунки буквально заговорили». От лица ассоциации «Лермонтовское наследие» в день смерти Людмилы Николаевны была прислана телеграмма: *«Скорбим об уходе великого исследователя, творца, энтузиаста, человека. Светлая память Людмиле Николаевне».*

...До сих пор не верится, что Людмилы Шаталовой больше нет среди нас. Должно пройти время, чтобы культурная общественность Истры смогла примириться с этой потерей. Да, Людмила Николаевна прожила большую, прекрасную, насыщенную жизнь, в которой были и очень счастливые, и безусловно трагические моменты; была красивой женщиной, замечательной женой, мамой и бабушкой (её дочь Наталья Полторацкая – талантливый художник-керамист, а внук Денис Петров – известный и востребованный скульптор), художником и исследователем огромного дарования, и просто очень добрый, отзывчивый, интересным человеком. И всё равно безумно грустно было потерять её, ведь мечтается, что такие люди всегда будут рядом, вновь удивят и порадуют нас открытиями, полётом творческой мысли, да и просто хорошим общением. Помним её лучистый взгляд, обаятельную улыбку, голос с особенным, узнаваемым тембром. Нам всем будет так не хватать Людмилы Николаевны Шаталовой.

Журнал
РусскийМир.ru

2016, №10. С. 14-15

Михаил Быков

«Вадимов лист» Людмилы Шаталовой

В подмосковной Истре, в музейно-выставочном комплексе «Новый Иерусалим», открылась выставка художника Людмилы Шаталовой, приуроченная к 100-летию со дня рождения мастера.

У каждого творческого человека есть некий профессиональный уровень, ниже которого ему не позволяет опускаться владение ремеслом. Но приходит такой день, когда у таланта возникает особая задача, уникальная миссия, глобальная цель. Надо заметить, такой день судьба дарит не каждому мастеру. Людмиле Николаевне Шаталовой – подарила.

Будучи уже в зрелом возрасте, состоявшимся художником со своим стилем, темой, приёмами, Шаталова встретила с... Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Само собой, встречи бывали и раньше. Встречи читателя и литературного гения. Но

тут – особый случай. Встретились два художника. Известно, что Лермонтов обладал несколькими талантами. Среди прочего он замечательно рисовал. Причём в самых разных техниках. Собственно рисунок, перо, акварель, масло... В 1834 году Михаил Юрьевич бросает работу над первым крупным прозаическим произведением – романом «Вадим». Остановился после 24 главы. Заглавный лист тетради был испещрён рисунками. На первый взгляд не связанными никакой логикой. Так водила рукой художника Лермонтова свободная, ни к чему не обязывающая фантазия, пока писатель Лермонтов думал над образами и сюжетом.

Шаталовой показалось иначе. И началась работа по расшифровке «Вадимова листа», как назвала его сама Людмила Николаевна. На это ушло шесть (!) лет. Первые шесть лет, посвящённые изучению лермонтовского живописного и графического наследия. Из тридцати. После 2001 года с итогами этой работы можно познакомиться в восьмом томе полного собрания сочинений поэта, выпущенного издательством «Воскресенье». После себя Лермонтов оставил 13 картин, написанных маслом, 44 акварели, более 400 рисунков, так что итоги исследований могут быть только промежуточными. Тем более что не все работы Лермонтова представлены миру и атрибутированы. Специалисты имеют основания думать, что в закрытых частных коллекциях хранятся его рисунки.

Нельзя сказать, что аргументированные попытки Людмилы Шаталовой и нескольких других исследователей лермонтов-

ских рисунков, в частности профессора Корнелльского университета (США, штат Нью-Йорк) Антони Глассе, сразу вызвали одобрение и поддержку в мире лермонтоведения. Их находки разрушали некие прежние устоявшиеся представления о жизни поэта, дезавуировали докторские диссертации и полные академичности доклады. Если бы не содействие авторитетнейшего литературоведа и «лермонтолюбца» Ираклия Андроникова, трудно сказать, как пошла бы работа дальше. Мешало и то, что в консервативной лермонтоведческой среде к представительнице сугубо творческой профессии относились скептически. Но Шаталова настойчиво двигалась вперед, не оставляя свою профессиональную деятельность. Близкие рассказывают, что, несмотря на годы – за девяносто – и неизбежные в таком возрасте болезни, Людмила Николаевна занималась живописью постоянно. Даже оказываясь в больничной палате, всегда имела при себе блокнот и карандаши.

Людмила Николаевна Шаталова ушла из жизни в 2009 году. Последние работы датированы теми же цифрами. А началось все в 20-е годы прошлого столетия. Рожденная в 1916-м в Иркутске Люда вместе с родителями переехала в Москву. В 16 лет поступила в Московский государственный техникум изобразительных искусств имени восстания 1905 года. Он и сейчас существует, называясь Московским государственным академическим художественным училищем памяти всё того же восстания. После защиты диплома отправилась в Ленинград, в Академию художеств, бывшую Императорскую, а тогда – Ле-

нинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры. С третьего курса академии пришлось уйти, так как мать Шаталовой была арестована по ложному доносу, осуждена и расстреляна. Шёл 1938 год. Остаться в академии означало одно – пройти процедуру публичного отказа от родства и осуждения «врагов народа». Людмила вернулась в Москву и в 1939 году поступила в Суриковский институт, который в том же году возглавил Игорь Грабарь. К слову, Игорь Эммануилович сразу отметил талант Шаталовой. Помимо Грабаря ей довелось учиться у Аристарха Лентулова и Владимира Фаворского.

*Людмила Николаевна
Шаталова. 2006 год*

Но грянуло новое испытание. Началась война. Шаталова, проходившая практику вместе с другими студентами на Кавказе, была эвакуирована в Новосибирск, где всю войну проработала художником-иллюстратором детской литературы в издательстве, вывезенном из ещё доблокадного Ленинграда. Из эвакуации вернулась в 1944-м, продолжила учиться и получила диплом в 1946-м. Спустя три года вступила в Союз художников. По советским временам вступить в профессиональный союз было совсем не просто.

А уж дочери «врага народа»... Значит, имелись серьёзные основания. Идеология идеологией, но сильными мастерами старались не разбрасываться. Началась

насыщенная творческая жизнь. Выставки, поездки на природу, работа в мастерской, освоение новых художественных техник.

Резонно спросить: почему выставка, посвященная 100-летию Людмилы Шаталовой и открывшаяся 26 августа, расположилась в подмосковной Истре, если художник учился и работал в самой Москве? Никакого секрета нет. В 1954 году Шаталова переехала в Истру, где творит уже третье поколение семьи. Дочь – Наталья Полторацкая, художник-керамист, чьи работы представлены в музеях Изобразительных искусств имени Пушкина, «Кусково», «Царицыно», Всероссийском декоративно-прикладного искусства, в экспозициях Томска, Тюмени, Истры, Бостона, в частных собраниях России, Германии, США и Италии. Зять – Владимир Петров, художник-медальер, произведения которого хранятся в Государственном Историческом музее, Третьяковской галерее, Эрмитаже, Британском музее в Лондоне. Внук – Денис Петров, скульптор-монументалист, реставратор. Результаты его труда хранятся не в музеях, они стоят на улицах и площадях разных русских городов.

Кривые улочки маленьких городков на западе Московской области, старые, почерневшего дерева дачи, извилистая речка Истра, развалины великого Ново-Иерусалимского монастыря, взорванного цивилизаторами из дивизии СС «Райх» в 1941 году... Всё это находило отражение в творчестве Людмилы Николаевны. Ну а что Москва? До конца 80-х Шаталова систематически «осваивала» московскую тему. Эkleктика городских улиц, ритм жизни москвичей, архитектурное лицо столицы –

*Выставка Шаталовой
в музее «Новый Иерусалим»*

картины передают это точно и тонко. Особенность «московского цикла» Шаталовой ещё в том, что художник не стремился запечатлеть знаковые места и фундаментальные памятники. Большое количество работ – это обыкновенная старая Москва. Они имеют не только эстетическую, но и

историческую ценность. Многие из того, что изображено, исчезло безвозвратно. И не всякий фотограф успел задокументировать для будущего старенькие здания и домашние скверики в бесчисленных переулках, которых уже нет. А на полотнах Людмилы Шаталовой они есть. Убедиться нетрудно. Истра – не дальний свет.

Интернет-блог
ЛЕТОПИСЬ
РУССКОЙ УСАДЬБЫ
deadokey.livejournal.com

Вадим Разумов

Искусство – как связь веков

В своём блоге я рассказываю не только о памятниках архитектуры, но и о тех замечательных людях, благодаря которым историческое наследие страны удалось запечатлеть и пронести сквозь века. И сегодня я хотел бы поведать вам о замечательном художнике Людмиле Николаевне Шаталовой. На многих её картинах можно увидеть уникальные виды Москвы: уютный исторический центр и смешанную планировку деловых кварталов, сохранившиеся памятники архитектуры и утраченные жемчужины зодчества. Ей удалось сохранить свой удивительный талант даже в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

26 августа в 15:00 в МВК «Новый Иерусалим» откроется выставка, посвящённая столетию художника Людмилы Шаталовой, которая является бабушкой моему хорошему другу, скульп-

тору Денису Петрову. Денис Петров предоставил мне честь рассказать вам о жизни и творческом пути Людмилы Николаевны. Вы узнаете историю без прикрас о том, насколько тяжёлым был путь художника в советские годы, увидите незабываемые московские пейзажи, написанные Людмилой Шаталовой.

Людмила Ивановна Шаталова принадлежит к числу тех, кто видел своими глазами динамичную смену событий вековой истории. Она родилась в Иркутске в 1916 году. После окончания школы Людмила Николаевна, решившая связать свою жизнь с изобразительным искусством, переехала жить в Москву. В столице обучалась в Мастерской Е. И. Чарушина, после чего – поступила в изобразительный техникум. Но на этом молодая художница своё профессиональное образование заканчивать не хотела. Ей удалось совершить то, о чем мечтают все юные таланты, ещё обучаясь в художественных школах – поступить в Ленинградскую академию художеств. В бывшей Императорской академии Людмила Николаевна изучала живопись. Но закончить образование в Петербурге ей не удалось.

В страшные годы репрессий маму Людмилы Николаевны осудили по доносу и расстреляли. Политическое и общественное мышление тех лет относилось с опаской и пренебрежением и к детям «врагов народа». Чтобы детям, чьим родителям был присвоен такой возмутительный статус, продолжить обучение в институте, требовалось пройти крайне унижительную процедуру. Чадо «врага» должен был публично, во время общего собрания в своём институте, в красках осудить своего родителя.

Для Людмилы Николаевны такое развитие событий было неприемлемо. Ей пришлось бросить академию и вернуться в Москву в 1939 году. К тому времени в столице открыли Суриковский институт и Людмила Шаталова поступила туда.

Молодая художница полностью посвящала себя учебе и творчеству. Её талант с первых семестров был замечен преподавателями института, в том числе – И. Э. Грабарем. По его рекомендации Людмила Шаталова перевелась на отделение графики. Под руководством своих видных преподавателей и наставников она быстро начала осваивать все известные виды графики – монотипию, офорт, гравюру на картоне и линолеуме и другие. Однако спокойствие студенческих лет Людмилы Шаталовой снова нарушило очередное страшное событие. На этот раз – Великая Отечественная война. В годы войны Людмилу Шаталову приняли на работу в эвакуированное ленинградское издательство на должность художника-иллюстратора. Людмила Николаевна создавала иллюстрации для детских книг, которые из-за нехватки бумаги печатались на обычной авиационной фанере. До наших дней большая часть тиража такого издания была утрачена. На работе в издательстве художница работала в команде с такими деятелями искусства, как В. М. Конашевич, В. В. Лебедев.

Людмиле Николаевне удалось получить художественное образование. В год окончания войны она защитила дипломную работу. В 1946 году, добившись первых откликов признания, Людмила Шаталова вступила в Союз художников.

С начала сороковых до конца восьмидесятых годов Людмила Николаевна работала над уникальным циклом городских пейзажей. На них Москва представит перед нами в невероятной динамике и красивом сочетании современности и старины. В работах Людмилы Шаталовой часто прослеживаются

мотивы смены архитектурных стилей и исторического развития города: на них старинные особняки соседствуют с современными зданиями, а улицы полны людьми, живущими в неизменном ритме большого города. Творения этой выдающейся художницы являются настоящей находкой для историков и краеведов – на них изображено много утраченных зданий и видов Моск-

вы. Хранят в себе творения Людмилы Николаевны и знакомую всем столичную атмосферу, кажущуюся обычному человеку явной, но практически неуловимой.

Другими источниками вдохновения Людмилы Шаталовой были балет, красивые пейзажи и творчество великих исторических личностей. Людмила Николаевна работала с графическим наследием Лермонтова, писала натюрморты и графические пейзажи.

Творческий путь художница продолжался до глубокой старости. Она продолжала писать картины даже в 2009 году, за

несколько месяцев до своей смерти. Людмила Шаталова скончалась в возрасте 93 лет. За свою долгую творческую жизнь она успела пройти множество испытаний, войти в историю Москвы как талантливый художник, запечатлевший существующие и утраченные объекты исторического наследия, и передать свой талант и безупречный вкус потомкам. Сейчас её работы могут служить идеальными иллюстрациями для учебников по истории и москвоведению. А каждый ценитель старины и архитектуры просто обязан ознакомиться с работами этой художницы для того, чтобы особенно четко увидеть метаморфозы Москвы, произошедшие за последний век.

Альманах

ФАВОР

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТРА

2018, №1. С. 71-73

Ольга Анискина

Вспоминая о Людмиле Шаталовой

14 августа 2016 года исполнилось 100 лет со дня рождения художника-графика, члена Союза художников СССР, лермонтоведа, почётного гражданина города Истры, Л. Н. Шаталовой. 100 лет – это уже история.

В памяти каждого человека есть что-то, что составляет важную часть его жизни. Но лишь со временем мы осознаём, что какие-то воспоминания его детства или впечатления от встреч с людьми и есть та самая история.

Такие воспоминания о замечательном человеке, значительно повлиявшем на моё мировоззрение, есть и у меня. Это был 1992 или 1993 год. Мне – около тридцати. Выпускница института культуры, я уже десять лет отработала в большой технической библиотеке в Москве. Однако, любимую работу пришлось оставить – часто болел маленький сын – нужна была ра-

бота ближе к дому, желательно по сменам. Осваивая рабочую профессию, угодила в стационар офтальмологической больницы в Павловской Слободе.

Хорошо помню, как, повернув голову на больничной подушке, смотрю в окно. Женщины в ситцевых халатах судачат на лавке у больницы, греясь на солнышке. Вижу как высокая женщина в соломенной шляпке стремительным шагом пересекает двор. Она идёт к лесу, ветер играет с её одеждами, фигурка растворяется в зеленых полях... Так будет завтра и на следующий день. Очень хочется пойти за ней. Из разговоров соседок по палате узнала, что женщина – тоже пациентка больницы.

Нас выписывали в один день. По дороге домой в Истру, мы познакомились. Это была Людмила Николаевна Шаталова. Она рассказала, что занимается исследованием рисунков Лермонтова. Поскольку сама художник-график, следуя за движениями карандаша любимого поэта, обнаружила удивительные вещи: ей открылся тайный шифр и некоторые неизвестные ранее события его жизни. Оказалось, что Людмиле Николаевне для «работы с бумагами» нужна помощница. Печатать на машинке и работать с документами я к этому времени могла профессионально и от такой интересной работы отказаться не смогла, да и подработка мне тогда была очень нужна.

Так я вошла в двухэтажный особнячок на улице Панфилова в Новом Иерусалиме. Ряд таких домиков был построен для сотрудников больших научных объединений, которые были открыты под Истрой в середине XX века. Тогда квартиру в таком

доме получил муж Людмилы Николаевны Василий Тимофеевич Полторацкий. Талантливый учёный, работавший в ЦГАЛИ, он стал одним из руководителей нового института в Подмосковье, который получил название «Ветроэн». Людмила Николаевна рассказывала, что приехав вслед за мужем с маленькой дочкой Наташей из Москвы, она исходила с этюдником все окрестности, часто бывала у монастыря и буквально влюбилась в эти места. Позже, когда я увидела её работы на больших выставках, меня окутало это невероятное чувство её любви к нашим местам. Видели эти работы и многие истринцы, так как картины были выставлены в залах музея «Новый Иерусалим» к 80-летнему и к 90-летию юбилеям художницы.

Помню извилистую тропку среди кустов к двухэтажному дому, крыльцо в несколько ступеней, деревянную дверь. Небольшое окошко в двери набрано из кусочков цветного стекла, как в детском калейдоскопе. Манит к себе и обещает чудеса как в билибинских русских сказках. Берусь за кованое кольцо, что служит ручкой. Меня встречает Наталья Васильевна. Она тоже художник, как и мама, но занимается керамикой, сейчас выходит из кухни, вытирая руки. Из другой двери выходит, оставив свою работу, её муж Владимир Семёнович. Потом я узнаю, что он известный художник-медальер, его работы приобретены многими музеями мира, к нему за советом идут ученики. Наталья Васильевна хлопочет у плиты: скоро приедут дети и внуки. Все соберутся в кухне у большого деревянного стола с пузатыми ножками.

В дом без конца приходят люди: кто по делу, кто на огонёк. Со всеми поговорят и по делу и просто для души, напоят чаем или накормят. Открытый дом... Сейчас принято приходить в гости по звонку или предварительной договорённости. Мы бережём себя, а открытый дом – это готовность в любой момент поделиться не только хлебом, но временем, вниманием, знаниями, теплом...

Поздоровавшись с хозяином и хозяйкой, иду на второй этаж, ступеньки крутой лестницы слегка поскрипывают. Комната Людмилы Николаевны. Она у стола или на краешке дивана. Рядом записи и рисунки поэта или планшет для рисования. Книги стопками везде: на полу, на полках, на стуле. На деревянном столе книги и бумаги в несколько слоёв. На Людмиле Николаевне шёлковая блуза, как-то особенно уложены волосы. Яркий лучистый взгляд.

– Здравствуйте, Олечка!

– Здравствуйте!

Говорим сначала о моей работе, о жизни вокруг и дальше фраза, которая стала для меня волшебным ключиком в другой мир, мир поэзии и жизни Михаила Лермонтова.

– ..., но зато, Олечка! Посмотрите, что я нашла вчера!

И дальше я как будто в другом времени.

Мы смотрим рисунки Михаила Лермонтова. Следуя за её перстом я вижу «*жизни тайной письма...*» Нам открывается шифр, спрятанный в складках одежды на портретах Ю. П. Лермонтова или Н. Ф. Ивановой.

Спешу к машинке записать то, что диктует Людмила Николаевна. Она ходит по комнате, размышляет вслух:

– Вот посмотрите...

Быстро ищет на столе необходимую книгу, читает нужный кусочек воспоминаний или стихотворение и рядом складывает удивительную мозаику из рисунков Мишеля (это было его домашнее имя), который рисовал так же талантливо и быстро как и писал стихи. И рисунки на самом деле начинают «говорить» и думаешь про себя: *«Это так очевидно! Почему же сама не догадалась?»*

Да потому, что художником-исследователем был уже создан метод исследования рисунков на полях литературных рукописей. Людмила Николаевна назвала его пиктографическим – «пишу-рисую». Этот метод применим к расшифровке рисунков Пушкина так же успешно, как и рисунков Лермонтова. Она провела комплексный анализ листа, заполненного рисунками Лермонтова, найденного под обложкой юношеского романа «Вадим» и фактически прочитала правдивую историю жизни поэта, зарисованную им самим. Этот лист носит теперь название, что дала ему Людмила Николаевна – «Вадимов лист». Удивительное трудолюбие и целеустремленность. Помогаю готовить материалы. Статьи о её исследованиях одна за другой выходят на страницах «Истринских вестей».

В одной из книг отзывов, что сохранились после выставок, я прочитала как-то мысль, которая прочно сидит в моей памяти. Смысл её заключался в том, что для того, чтобы открыть

шифр гениального поэта, дешифровщик должен быть конгениален, находится с поэтом на одной волне.

Моя жизнь сделала новый поворот – другая работа, серьёзно помогать Людмиле Николаевне больше уже не смогла. Но, в выходной еду навестить. Зимой вижу её на дорожке у домов – она гуляет. Берет, дубленка и снова так хочется к ней. Идём вместе, она опирается на мою руку, говорим о детях, она что-то советует мне, переживает за своих внуков, родился правнук... Ей уже за девяносто. Так спокойно рядом с мудрой и доброй женщиной!

Однажды Тамара Александровна Ширшова, много лет руководившая Истринской библиотекой и тесно дружившая с художницей, вспоминая моменты общения с Людмилой Николаевной, сказала: *«Это было путешествие к Лермонтову»*.

В это путешествие к Лермонтову отправились очень многие истринцы. Людмила Николаевна провела множество встреч, открыла лермонтовскую тропу в Истру, впервые обратив наше внимание на то, что поэт был в 1830 году у стен Ново-Иерусалимского монастыря. Портреты М. Ю. Лермонтова, выполненные её рукой, хранятся в Истринской центральной районной библиотеке имени А. П. Чехова. За большой просветительский труд Людмила Николаевна Шаталова была награждена званием «Почётный гражданин города Истры».

А для меня общение с Людмилой Николаевной Шаталовой – счастливый шанс понять, что жизнь – это не только забота о хлебе насущном, но и радость и потребность творчества.

Наталья Полторацкая

Послесловие от дочери

Человеку без мечты, идеи полноценно не живётся. Моя мама, ещё очень молодым человеком, свою идею-мечту осознала – стать художницей, учиться у мировой культуры, пробовать создавать персональный творческий продукт. Таким образом, внести свою долю в культурную среду общества. Она свято верила в необходимость этой среды для любого возраста человека, для семьи, государства. Богатое культурное наследие общества, по её мнению, создаёт благоприятные условия для возрастания человека в личность.

Исторический фон её жизни (война, бытовые неурядицы, беды и потери) не способствовали спокойному, конструктивно-планомерному осуществлению мечты. Более десяти лет с перерывами она училась то в училище, то в академии, то в институте. Вспоминая, я до сих пор удивляюсь твёрдости ха-

рактера и глубине любви матери к своему призванию быть художницей. Вопреки всем житейским обстоятельствам, а они были намного трагичнее, чем житейские обстоятельства нашего поколения, мама имела внутренние волевые силы продолжить свою творческую работу: рисовать, писать, изучать печатные техники графики. И так до глубокой старости выручала её большая трудоспособность и любовь к делу, даже в больничную палату брала с собой альбом, цветные карандаши и рисовала пейзаж за окном, принесённый букет.

Приобретая, она любила отдавать. Мама любила отдавать людям приобретённые знания об искусстве рисунка, живописи, знание истории искусства, делилась опытом общения с произведениями мировой культуры. К ней приходили домой школьники со своими учителями, её приглашали в школы, дома культуры, учреждения с выставками и выступлениями.

С уважения и любопытства начался интерес к рисункам наших прекрасных и любимых поэтов Пушкина и Лермонтова. Но и эта, пограничная к изобразительному искусству область творчества заинтересовала её как гармоничный продукт талантливых авторов текста и не менее талантливых авторов рисунков. Пластика, техника рисунка, живописность мазка, точный портретный образ – всё профессионально и талантливо. И первый диалог художника Л. Шаталовой и художника-поэта М. Ю. Лермонтова состоялся именно на профессиональной почве. Рассматривая литографический оттиск кавказского пейзажа Лермонтова, она заметила, что пейзаж со всадником изобра-

жён зеркально, то есть справа налево. Мама хорошо знала технику литографической печати и сразу сообразила, что на литографском камне нарисовал авторский пейзаж, как он виделся Лермонтову в натуре, а при печати камня на бумагу, пейзаж получил зеркальное отображение. Понимая ценность оригинального текста, мама захотела вернуть оригинальность, ценность нарисованного его рукой пейзажа. И у неё это получилось. Это было первое проникновение в «кухню» Лермонтова-рисовальщика. Второе: память подсказала ей опыт, который был в некоторый период мировой культуры, так называемые «народные

Людмила Николаевна Шаталова

картинки», в нашей культуре это был «лубок». Тогда рисунки дополняли текстами и наоборот.

Это взаимопроникновение рисунка и текста в лубке навело художника Шаталову на рассмотрение изобразительного творчества М. Ю. Лермонтова как смысловое дополнение к поэтическому тексту. Увлекло это исследование на многие годы. Были сделаны многие выводы и открытия. Любопытство, равнодушие плюс профессиональное по-

нимание техники и способов рисования, мамина работоспособность дали интересные результаты. Она приобрела круг друзей, таких же страстных и неравнодушных к творчеству нашего отечественного гения М. Ю. Лермонтова. Эта лермонтовская тема сделала творческую жизнь мамы богаче, наполнила авторский багаж портретами поэта, изображениями его поэтических образов. Хочу сказать, чем больше человек богатеет от взаимодействия с миром большой культуры, тем больше ему хочется поделиться приобретённым, тем он доброжелательнее к обществу. Людмила Николаевна Шаталова охотно и доброжелательно общалась с людьми: рассказывала о своей исследовательской работе, показывала свои живописные и графические работы, заряжала своим светом творчества.

«Чем больше неравнодушных людей, тем больше возможность верить в творческое будущее поколений» – так считала моя мама, Людмила Николаевна Шаталова.

Содержание

Предисловие от составителя	3
--------------------------------------	---

Часть первая | **Лермонтов в Воскресенске**

Лермонтов в Воскресенске	8
И сегодня близок к нам	15
На поэтических берегах Истры	18
Львиная натура	22
Похвала древним зодчим	26
Потомки поэта едут в Истру	30
«Я рождён, чтоб целый мир был зритель»	33
Лермонтовская тропа ведёт в Истру	41
На Истре Воскресенск в России знаменит	48
«Скажи мне, ветка Палестины...»	56

Часть вторая | **Портреты на полях рукописей**

Рисунки М. Ю. Лермонтова	66
«Всю душу посвятить тебе...»	76
Портреты на полях рукописей	83
Вечный парус поэзии	95
«В тот чудный мир тревог и битв...»	99
Надписи на рисунках Лермонтова	102
Угаённые автопортреты Лермонтова	105

Новое слово о творчестве Лермонтова	. . .	113
«Тайна шифра»	121
Герой нашего времени	128
Тайнопись поручика Лермонтова	132
Раздумья над рисунками поэта	140
«Мой дух бессмертен силой...»	146
«Но кто ж она? Зачем закрыта...»	151
«В уме своём я создал мир иной»	156

Часть третья | **Загадка лермонтовского шифра**

Лермонтов из Московского университета	. . .	162
Загадка лермонтовского шифра	169
Поэт и царь	173
Похищение Крю	179
Пытаясь разгадать «Вадимов лист»	184
Два брата	194
На суд потомков	200
Суд истории	207
«В мой жестокий век восславил я свободу...»	214
Двадцать автопортретов	220
Тайнопись поэта	227
Загадочный Лермонтов	232

Часть четвёртая | **Неизвестная поэма Лермонтова**

Новое о Лермонтове	246
«Гремят как прежде трубачи»	251
Неизвестная поэма Лермонтова	257

Часть пятая | Лермонтов – это бесконечность

Портрет	280
Обращение к потомкам	282
«Мои друзья вчерашние – враги, враги – мои друзья...»	288
Загадка двойного портрета	295
Бородино и Лермонтов	299
«Прими мой дар, моя Мадонна!...»	304
«Он перевёл на свой язык рассказ таинственный»	312
«Горные вершины» поэзии Гёте и Лермонтова	321
Лермонтов – это бесконечность	325
Лермонтов в чеченском отряде	331
«Картины военной жизни, которых я был свидетель»	337
Прикасаюсь к лермонтовскому наследию	345
«Стрелялись мы»	352

Часть шестая | наброски болдинской осени

О дяде Василии и гробовщике Адриане	362
Заговорил портрет	374
Наброски болдинской осени	378
«Москва... как много в этом звуке»	381
«...И гордой девы идеал»	387
Семья Гончаровых в рисунках Пушкина	394
«О, полно извинять разврат!»	399
«Портреты, буквы, имена и думы тайной письмена...»	417
«Благословен твой подвиг новый»	423
«И душа моя их образ тайный сохранила»	432
«И тайну сердца своего, заветный клад и слёз, и счастья...»	440
Сердоликовые перстни	455

Часть седьмая | **Вспоминая о Людмиле Шаталовой**

Души высокое стремление	468
Людмила Шаталова – художник и исследователь	472
«Тому судья лишь Бог да совесть»	474
Роза для Шаталовой	489
Неустанный труд и трепетное сердце	494
Как рождалась рукопись новой книги о Лермонтове	497
Ко дню рождения Лермонтова	501
«Труды, не дошедшие до читателя, мертвы»	504
«Я хочу рассказать Вам...»	508
Не стало Людмилы Шаталовой	525
«Вадимов лист» Людмилы Шаталовой	529
Искусство – как связь веков	535
Вспоминая о Людмиле Шаталовой	542
Послесловие от дочери	548

Сборник статей

«Я хочу рассказать Вам...»

*Исследовательские материалы
Людмилы Шаталовой*

Вёрстка и дизайн – С. Ю. Мамаев
Корректурa – И. И. Гомина

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Сам полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5 «Технополис Москва»
www.onebook.ru

Подписано в печать 08.07.2019. Формат 70x90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 34,75. Тираж 100 экз. Заказ №84397